

ТЕСС ГЕРРИТСЕН

клуб

МЕФИСТО

Жуткая... но проза достоверная проза —
куда лучше всех книг
Дэна Брауна!

ТАЛАС

Annotation

В дни рождественских каникул полагается отдыхать, веселиться и верить в добрые сказки. Так думали детектив Джейн Риццоли и патологоанатом Маура Айлз, пока в канун светлого праздника не столкнулись с самым пугающим и невероятным делом в своей карьере. Им придется расшифровывать латинские надписи и сатанинские символы, окунуться в историю и древние тексты, а еще — проникнуть в самую сердцевину зла и встретиться с изощренным убийцей-хищником, который только начал свою охоту...

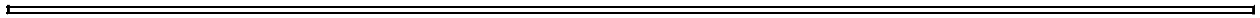
- [Тесс Герритсен](#)
 - [Благодарности](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)

- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [Послесловие](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)

- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)

Тесс Герритсен

Клуб Мефисто

Уничтожь все духи незаконнорожденных и сынов стражей, потому что они стали причиной того, что люди начали поступать нечестиво.

Книга Еноха, X: 14–15, древний еврейский текст, II в. до Р.Х.

Благодарности

Написать книгу — задача очень непростая, похожая на покорение вершины, до которой, как поначалу кажется, добраться невозможно. Но как бы ни был сложен творческий процесс, всегда ободряет и утешает мысль о том, что рядом с тобой коллеги и друзья. Большое спасибо моему несравненному агенту Мег Рули и всему коллективу Литературного агентства Джейн Ротрозен. Вы всегда были моей путеводной звездой. Я благодарна своему потрясающему редактору Линде Марроу, которая заставит блистать любого писателя, Джине Сентрелло за ее неугасающий восторг и Джилли Хейлперн за любезное внимание. А еще — Селине Уокер из издательства «Трансуорлд», что находится по ту сторону океана, за неослабевающую поддержку.

И, наконец, я должна поблагодарить человека, который был рядом дольше всех. Мой муж Джекоб лучше других знает, как тяжело быть супругом писательницы. Но он по-прежнему со мной.

«Какая образцовая семейка!..»

Так думал мальчик, стоя возле зияющей могилы своего отца и слушая, как приглашенный священник зачитывал избитые строфы из Библии. В тот жаркий, муторный июньский день оплакать смерть Монтагю Соула пришла лишь жалкая кучка людей, человек десять, — многих из них мальчик уже встречал раньше. Однако последние полгода он провел вдали от дома, в школе-интернате, — и некоторых видел впервые. Впрочем, большинство присутствующих его совершенно не интересовало.

Зато дядюшкино семейство очень даже интересовало. Он не сводил с них глаз.

Доктор Питер Соул как две капли воды походил на своего покойного брата Монтагю: такой же сухощавый, с виду интеллигентный, в совиных очках, с темными, заметно редющими волосами. Его жена Эми, с круглым приятным лицом, тревожно поглядывала на пятнадцатилетнего племянника мужа и крепко прижимала его к себе, словно стараясь утешить в своих объятиях. Их десятилетний сын Тедди был совсем худосочный — кожа да кости. Точная копия доктора Соула, только маленькая, и тоже в совиных очках.

Наконец, была с ними и Лили. Их шестнадцатилетняя дочь.

От жары завитки ее волос, выбившиеся из хвоста, прилипли к лицу. Она как будто чувствовала себя неловко в черном платье — беспрестанно вертелась и, казалось, была готова сорваться с места и бежать куда глаза глядят. Она, наверное, предпочла бы оказаться в любом другом месте, только не на кладбище, где приходилось то и дело отмахиваться от назойливых букашек.

«Они такие простые, такие обыкновенные, — думал мальчик. — И так не похожи на меня». Тут его глаза встретились с глазами Лили, и он вздрогнул. Оттого что угадал в ней родственную душу. В тот миг он даже почувствовал, как ее взгляд погружается в самые мрачные глубины его сознания и ощупывает там самые потайные уголки, куда еще не проникал ни один другой взгляд. Потому что он никому бы этого не позволил.

В тревоге он отвел глаза в сторону. И принялся разглядывать остальных людей, обступивших могилу. Домработницу отца. Адвоката. Двух соседей. И просто знакомых, оказавшихся здесь скорее из соображений приличия, нежели из чувства сострадания. О Монтагю Соуле

они знали только, что он скромный ученый, недавно вернулся с Кипра и все время ковырялся в своих книжках и картах да глиняных черепках. На самом же деле они совсем его не знали. Как, впрочем, и его сына.

Наконец отпевание закончилось, и все сборище, похожее на расплывшуюся амебу, медленно поползло к мальчику, готовясь засыпать его словами сочувствия и соболезнованиями по поводу смерти отца. Постигшей его почти сразу же по прибытии в Штаты.

— Во всяком случае, у тебя есть родня, она поможет, — сказал священник.

«Родня? Да уж, конечно», — подумал мальчик, глядя на робко приближающегося малыша Тедди, которого сзади подталкивала мать.

— Теперь ты будешь моим братом, — сказал Тедди.

— Я?

— Мама уже приготовила тебе комнату. Рядом с моей.

— Я остаюсь здесь. Буду жить в отцовском доме.

Тедди, сбитый с толку, поглядел на мать.

— Разве он с нами не поедет?

Эми Соул тотчас спохватилась:

— Да как же ты будешь тут один, дорогой! Тебе только пятнадцать. А в Пьюрити тебе, может, так понравится, что ты и уезжать-то никуда не захочешь.

— Моя школа в Коннектикуте.

— Да, но ведь учебный год уже закончился. В сентябре, если захочешь обратно в свой интернат, что ж, пожалуйста. А лето погости у нас.

— Я не буду тут один. Ко мне приедет мама.

Повисла долгая тишина. Эми с Питером переглянулись, и мальчик живо смекнул, о чем они подумали. «Мать давно его бросила».

— Она обязательно приедет за мной, — стоял он на своем.

Тогда дядя Питер мягко заметил:

— Поговорим об этом после, сынок.

* * *

Ночью мальчик лежал не смыкая глаз в постели, в отцовском доме и прислушивался к голосам тетушки и дядюшки, шептавшимся внизу, в кабинете. В том самом, где Монтагю Соул корпел последние месяцы над переводом какого-то жалкого клочка папируса. В том самом, где пять дней назад его хватил удар и он умер прямо за рабочим столом. «Этим

людишкам не пристало быть там, среди отцовских сокровищ, — думал мальчик. — Они чужие в моем доме».

— ...он же совсем еще ребенок, Питер. Ему нужна семья.

— Не силком же нам тащить его в Пьюрити, раз он не хочет.

— В пятнадцать лет не тебе выбирать — за тебя решают взрослые.

Мальчик встал с постели, тихонько вышел из комнаты. Спустившись по лестнице, он остановился на полпути к кабинету и стал слушать дальше.

— ...а много ли взрослых он знал? Братец твой не в счет. Он же с головой закутывался в свои ветхие пелены, точно мумия, и как будто не замечал, что у него под боком ребенок.

— И как только у тебя язык поворачивается говорить такое, Эми? Брат был хороший.

— Хороший, да бестолковый. Ума не приложу, какой женщине могло взбрести в голову родить от Монти ребенка. А потом оставить мальчишку ему на воспитание! Представить себе не могу женщину, способную на такое.

— Монти воспитал его совсем не плохо. Мальчик в школе круглый отличник.

— И на этом основании ты считаешь братца хорошим отцом? Только потому, что мальчишка круглый отличник?

— К тому же мальчик вполне уравновешенный. Вспомни, как он держался на похоронах.

— Да он просто оцепенел, Питер. Ты заметил за весь день хоть тень волнения у него на лице?

— И Монти был такой же.

— Ты имеешь в виду — хладнокровный?

— Нет, разумный. Рассудительный.

— Да за всем этим у мальчишки, сам знаешь, скрывается горе. Мне жалко его до слез, ведь именно сейчас мать нужна ему как никто другой. Он упорно считает, что она за ним вернется, но мы-то знаем, что этому не бывать.

— Ничего мы не знаем.

— Мы даже ни разу не видели эту женщину! Единственно, Монти однажды написал из Каира — сообщил, что у него откуда ни возьмись появился сын. Как будто он нашел его в тростнике, словно младенца Моисея...

Тут мальчик услышал, как у него над головой скрипнули половицы, — он глянул вверх, на лестничную площадку. И вздрогнул, заметив, что через перила на него смотрит двоюродная сестра Лили. Она наблюдала за

ним, разглядывала его, как невиданную, диковинную зверушку, будто пытаюсь понять, опасен он или нет.

— О! — вдруг воскликнула тетя Эми. — Да ты не спишь!

Они с дядюшкой только что вышли из кабинета и, остановившись внизу, у лестницы, смотрели на него. Смотрели с той же едва уловимой тревогой, словно боялись: что, если он ненароком услышал их разговор.

— Как ты себя чувствуешь, дорогой? — спросила Эми.

— Хорошо, тетушка.

— Уже довольно поздно. Может, пойдешь обратно в постель?

Но он не шелохнулся. Стоял на лестнице и думал, каково оно будет жить с этими людишками. Чему у них стоит научиться. Лето можно провести очень даже интересно, а потом за ним придет мама. И тогда он сказал:

— Тетя Эми, я все решил.

— Ты это о чем?

— О лете и о том, где бы мне хотелось его провести.

Она вдруг предположила самое худшее.

— Только, прошу, ничего не решай второпях! Дом у нас и правда чудесный, стоит у самого озера, и у тебя будет своя комната. Приезжай для начала просто в гости, а там посмотришь.

— Но я уже решил — еду с вами, буду жить у вас.

Тетя вдруг смолкла в нерешительности, словно язык проглотила. Затем ее лицо озарилось улыбкой, она быстро поднялась по лестнице и крепко его обняла. От нее пахло мылом «Дав» и шампунем «Брек». Какая же она все-таки простая — самая обыкновенная! Потом подошел улыбающийся дядя Питер и ласково похлопал его по плечу, приветствуя таким вот своеобразным жестом новообращенного сына. Своими счастливыми улыбками, приторно-липкими, как волокна сахарной ваты, они заманивали его в свой мир, где царили любовь, свет и радость.

— Дети будут просто счастливы, когда узнают, что ты едешь с нами! — воскликнула Эми.

Он глянул вверх — на лестничную площадку, но Лили там уже не было. Она исчезла незаметно. «С ней надо быть начеку, — решил мальчик. — Она точно следит за мной».

— Теперь ты член нашей семьи, — прибавила Эми.

И пока они все вместе поднимались вверх, она уже строила планы на лето. Говорила, куда они его повезут, какой вкуснятиной будут угощать, когда вернутся домой. Она выглядела счастливой, словно и впрямь была на седьмом небе, как мать, воркующая с новорожденным младенцем.

Эми Соул даже не представляла себе, кого они собирались взять с собой.

Двенадцать лет спустя

Быть может, это ошибка.

Доктор Маура Айлз стояла у церкви Пресвятой Богородицы и все никак не решалась войти. Прихожане уже давно собрались внутри, а она так и стояла одна во мгле, под снегом, с непокрытой головой. Через закрытую дверь церкви она услышала, как зазвучал орган, как раздались первые аккорды «Adeste Fidelis»,^[1] и поняла — все, наверное, уже рассаживаются по местам. Так что, если она хочет к ним присоединиться, пора и ей идти внутрь.

Она немного колебалась — потому что не принадлежала в полном смысле слова к числу верующих, собравшихся в церкви. Но музыка, надежда согреться и знакомые обряды, способные ободрить и утешить, звали ее. Здесь же, на темной улице, ей было одиноко. Одиноко — в сочельник.

Она поднялась по ступенькам паперти и вошла в здание.

Даже в столь поздний час все скамьи в церкви были заняты: люди сидели семьями, вместе со спящими детишками, которых подняли с постелек ради полуночной мессы. На запоздавшую Мауру покосилось несколько прихожан, и, когда стихла волнующая мелодия «Adeste Fidelis», она прошмыгнула на первое попавшееся свободное место в задних рядах. Но ей почти сразу же пришлось снова встать вместе со всей паствой, поскольку зазвучала вступительная песнь. И к алтарю, творя крестное знамение, подошел отец Даниэл Брофи.

— Да пребудет с вами благодать и мир Бога Отца нашего и Господа Иисуса Христа! — возгласил он.

— И с вами, — проговорила Маура в один голос с остальными прихожанами.

Даже после стольких лет, что она не была в церкви, отклики слетали с ее губ непринужденно: она помнила все с детства, когда ходила в воскресную школу.

— Господи, помилуй. Христе, помилуй. Господи, помилуй...

Даниэл даже не догадывался, что она здесь, а Маура была сосредоточена на нем одном. На его темных волосах и легких движениях, его сочным баритоне. «Сейчас я могу смотреть на тебя без всякого стыда и стеснения, — думала она. — Сегодня это не зазорно».

— Воздай нам радость в Царствии Небесном, где Он пребывает и властвует с Тобою и Духом Святым, Боже единый во веки веков...

Снова примостившись на скамье, Маура услышала глухое покашливание и хныканье измотанных детишек. На алтаре мерцали свечи в ознаменование света и надежды, осиявших эту зимнюю ночь.

Даниэл начал читать:

— «И сказал им Ангел: не бойтесь; я возвещаю вам великую радость, которая будет всем людям...»

«Святой Лука, — подумала Маура, услышав знакомые строфы. — Врач Лука».

— «...И вот вам знак: вы найдете Младенца в...»

Тут он осекся — взгляд его остановился на Мауре. И она подумала: «Что, не ожидал увидеть меня здесь сегодня?»

Он откашлялся — и стал читать дальше:

— «...вы найдете Младенца в пеленах, лежащего в яслях».

Хотя теперь он знал, что она сидит среди других прихожан, их взгляды больше не встретились. Ни во время исполнения «Cantate Domino»^[2] и «Dies Sanctificatus»,^[3] ни во время дароприношения и таинства евхаристии. Когда сидевшие рядом с нею прихожане встали и направились причащаться, Маура осталась на своем месте. Если не веришь — не пристало лицемерить, деля гостию и вино с истинно верующими.

«Тогда зачем я здесь?»

И все же она осталась посмотреть на заключительные обряды, на благословение и напутствие прихожанам.

— Идите с миром, Христос с вами.

— Слава Тебе, Господи, — откликнулись прихожане.

На этом служба закончилась, и люди вереницей потянулись к выходу, застегивая на ходу пальто и куртки, натягивая перчатки.

Маура тоже встала и, уже ступив в проход между рядами, заметила, что Даниэл старается привлечь ее внимание. Безмолвно умоляя не уходить. И она снова села, ощущая на себе взгляды проходящих мимо прихожан. Она догадывалась, что они видят, вернее, что пытаются разглядеть. Одинокую женщину, жаждущую пасторского утешения в сочельник.

А может, они заметили еще что-нибудь?

Маура не поднимала на них глаз. И когда церковь почти опустела, взгляд ее устремился вперед — и остановился на алтаре. И она подумала: «Уже поздно, пора бы домой. Да и что толку здесь высиживать».

— Здравствуй, Маура.

Она подняла глаза и поймала взгляд Даниэла. В церкви все еще оставались люди. Органистка все еще собирала свои ноты, последние хористы все еще облачались в свои пальто, но Даниэл не обращал на них внимания — он смотрел только на Мауру, как будто, кроме нее, в храме больше никого не было.

— Ты давно не приходила, — сказал он.

— Похоже, что так.

— Если точно — с августа. Верно?

«Ты, значит, месяцы считал».

Он присел рядом.

— Я был приятно удивлен, когда увидел тебя здесь.

— Сегодня сочельник, в конце концов.

— Так ты же неверующая.

— Зато люблю церковные обряды и пение.

— И только поэтому пришла? Ради двух-трех гимнов? Пропеть «Аминь» и «Хвала Господу»?

— Просто хотелось послушать музыку. Побывать среди людей.

— Только не говори, что тебе не с кем скоротать вечер.

Она пожала плечами и улыбнулась.

— Ты же знаешь, Даниэл. Я не большая любительница вечеринок.

— Просто я решил... В смысле — подумал...

— Что же?

— Что, наверно, ты будешь не одна. В такой-то вечер.

«А я не одна. Я же с тобой».

Когда мимо проходила органистка с большой нотной папкой, они оба замолчали.

— Доброй ночи, отец Брофи.

— Доброй ночи, госпожа Истон. Спасибо за чудесную игру.

— Рада была доставить удовольствие, — сказала органистка, напоследок пристально глянув на Мауру, и направилась к выходу.

Было слышно, как за нею закрылась дверь, — наконец-то они остались одни.

— Так куда ты запропастилась? — спросил он.

— Ну, сам знаешь, сплошные покойники. Их не становится меньше. Потом, один из наших патологов пару недель назад загремел в больницу, в хирургию, с болями в спине — приходится его подменять. Словом, дел по горло, так-то вот.

— Могла хотя бы позвонить.

— Да, могла.

Он тоже мог, но не позвонил. Даниэл Брофи ни за что не переступил бы черту дозволенного, и, наверное, это было правильно. Ей было достаточно собственного искушения, которого с лихвой хватило бы и на двоих.

— А как у тебя дела? — спросила она.

— Месяц назад отца Роя хватил удар — может, слышала? Пришлось подвизаться еще и полицейским капелланом.

— Да, детектив Риццоли рассказывала.

— Пару недель назад я выезжал на место преступления в Дорчестер. Где застрелили полицейского. Я тебя там видел.

— А я тебя не видела. Мог бы и поздороваться.

— Ну, ты же была занята. Вся в делах, как обычно, — улыбнулся он. — А ты бываешь довольно суровой, Маура. Знаешь?

Она усмехнулась:

— Наверно, отсюда и мои проблемы.

— Проблемы?

— Я отпугиваю мужчин.

— Но меня-то ты не отпугнула.

«Да разве можно? — подумала она. — Тебя ничем не прошибешь».

Маура мельком взглянула на часы и встала.

— Уже поздно, я и так отняла у тебя слишком много времени.

— Нисколько, да и срочных дел у меня нет, — сказал он, провожая ее к выходу.

— В твоей пастве столько душ, и за всеми нужно присматривать. К тому же сегодня сочельник.

— Как видишь, я никуда не спешу.

Маура остановилась. И посмотрела на Брофи. Они стояли в церкви одни, вдыхая запах свечного воска и ладана, знакомый запах детства — таких же сочельников и таких же рождественских служб. Когда появление в церкви еще не вызывало у нее такого душевного смятения, как сейчас.

— Спокойной ночи, Даниэл, — сказала она, поворачиваясь к двери.

— Значит, до новой встречи через четыре месяца? — крикнул он ей вслед.

— Не знаю.

— А я так соскучился по нашим беседам, Маура.

Она снова остановилась, подняв руку и уже собираясь открыть дверь.

— И я тоже. Наверно, поэтому нам больше нельзя беседовать.

— Но ведь мы не сделали ничего предосудительного.

— Пока нет, — тихо проговорила она, глядя не на него, а на тяжелую

резную дверь, которая закрывала ей выход.

— Маура, давай не будем бросать все вот так. Разве нельзя поддерживать что-то вроде... — Он вдруг осекся.

Зазвонил сотовый телефон.

Доставая его из сумочки, Маура подумала: телефонный звонок в такое время не сулит ничего хорошего. Ответив в трубку, она ощутила на себе взгляд Даниэла. И ее бросило в дрожь.

— Доктор Айлз, — проговорила она нарочито сухим голосом.

— Счастливого Рождества! — сказала детектив Джейн Риццоли. — Я немного удивилась, не застав тебя дома в это время. Сперва я позвонила туда.

— Я на полуночной мессе.

— Бог ты мой, уже час ночи. Служба что, еще не закончилась?

— Да, Джейн. Закончилась, я уже собралась домой, — ответила Маура тоном, пресекающим дальнейшие расспросы. — Что там у тебя? — тут же спросила она. Потому что уже знала, ей позвонили не за здорово живешь, — значит, она снова понадобилась.

— Адрес — два-десять, Прескот-стрит. Восточный Бостон. Частный дом. Мы с Фростом тут уже с полчаса.

— Подробности?

— Жертва предположительно одна — молодая женщина.

— Убийство?

— Ну да.

— Звучит самоуверенно.

— Приедешь — сама увидишь.

Маура нажала на отбой и заметила, что Даниэл все еще наблюдает за ней. Однако время рискнуть и наговорить друг другу кучу слов, о которых потом пришлось бы сожалеть, было упущено. Этому помешала смерть.

— Дела зовут?

— Я сегодня работаю. — Она сунула телефон обратно в сумочку. — У меня же здесь из родственников никого, вот я и записалась в добровольцы.

— Именно сегодня ночью?

— Какая разница — подумаешь, Рождество!

Она застегнула воротник пальто и вышла из церкви в ночь. Даниэл пошел следом, остановился у порога и смотрел, как она идет по свежевывавшему снегу к машине; его белую ризу трепал ветер. Оглянувшись, Маура увидела, как он поднял руку и машет ей на прощание.

Он продолжал махать ей вслед даже после того, как ее машина уже тронулась.

Сквозь тончайшую пелену падающего снега пробивались мигающие синие огни трех патрульных полицейских машин, давая знать всем проходящим мимо только одно: здесь что-то случилось, что-то ужасное. Маура почувствовала, как царапнула передним бампером по льду, когда припарковывала «Лексус» поближе к сугробу, чтобы освободить проезд другим машинам. Впрочем, в такой час, да еще в сочельник, здесь, на узкой улочке, могли появиться разве что такие же машины, как ее, — из свиты Смерти. Какое-то время она собиралась с духом перед долгой изнурительной работой, глядя, точно зачарованная, на мерцающие тут и там проблесковые огни. Ноги у нее окоченели, кровь в жилах застыла. «Очнись! — велела она себе. — Пора за работу».

Маура вышла из машины, и резкий порыв холодного воздуха мигом освежил ей голову. И она пошла по свежевыпавшему снегу, шуршавшему у нее под ногами, словно ковер из белых перьев. Хотя было уже полвторого ночи, в некоторых домах на улице, с виду довольно скромных, горел свет, и в одном окне, украшенном праздничными фигурками летучих оленей и конфетами, она заметила силуэт любопытствующего соседа — он выглядывал из теплого дома в ночь, которая уже не была ни тихой, ни святой.

— Эй, доктор Айлз! — окликнул Мауру патрульный. Смутно знакомый полицейский в годах. Зато он ее определенно признал. Они все ее узнавали. — Как же это вам так повезло сегодня, а?

— То же самое можно спросить и у вас, офицер.

— Похоже, нам достался несчастливый билет, — улыбнулся он. — С Рождеством, будь оно неладно!

— Детектив Риццоли в доме?

— Да, они там с Фростом делают видеозапись. — Он указал на здание, где во всех окнах горел свет, — приземистый домик, втиснутый между более старыми обветшалыми строениями. — Наверно, они уже готовы к вашему приходу.

Тут до слуха Мауры донеслись какие-то странные звуки — будто бы кого-то сильно рвало. Она бросила взгляд на улицу и увидела светловолосую женщину — та стояла, склонившись к сугробу и подобрав полы длинного пальто, чтобы не испачкать его рвотой.

Патрульный брезгливо фыркнул. И тихонько сообщил Мауре по

секрету:

— Из этой выйдет детектив что надо, особенно по убойным делам. Прямо как из «Кегни и Лейси»^[4] сбежала. Все командовала тут. Настырная такая. А после заходит в дом, глядит одним глазком... ну а дальше вон — выскакивает, и на тебе... прямо на снег. — Он расхохотался.

— Я ее раньше не видела. Она что, из Отдела убийств?

— Слыхал, ее только недавно перевели из Отдела по борьбе с наркотиками и проституцией. У них там в комиссариате возникла замечательная идея набрать побольше девиц. — Он покачал головой. — Хотя нет, она тут не задержится. Помяните мое слово.

Женщина-детектив вытерла рот и неуверенно двинулась к ступеням крыльца — там ее снова вырвало.

— Эй, детектив! — кликнул патрульный. — Может, вам держаться подальше от места преступления? Тошните себе на здоровье, только, по крайней мере, не там, где собирают улики.

Стоявший рядом молоденький полицейский хихикнул.

Блондинка резко повернулась, и в свете огней патрульной машины мелькнуло ее мертвенно-бледное лицо.

— Пойду лучше посижу в машине, — пробормотала она.

— Да уж. Так-то оно лучше, мэм.

Маура наблюдала, как женщина-детектив отступила в тень своей машины. И подумала: «Что же такого ужасного меня там ожидает?»

— Док! — позвал детектив Барри Фрост.

Он секунду назад вышел из дома и стоял на крыльце в ветровке, втянув голову в плечи. Его светлые волосы топорщились, словно он только что с постели. Лицо у него всегда было землистого оттенка, а в желтоватых отблесках висевшего на крыльце фонаря оно казалось и вовсе болезненным.

— Как я понимаю, дело совсем дрянь, — предположила Маура.

— Не то, что ожидаешь увидеть на Рождество. Вот я и подумал: лучше выйти и малость подышать.

Маура остановилась на нижней ступеньке, заметив на припорошенном снегом крыльце беспорядочные следы.

— Ничего, если я пройду?

— Да. Тут наследили только наши, полицейские.

— А как насчет отпечатков по делу?

— Почти ничего.

— Он что, в окно впорхнул и выпорхнул?

— Похоже, тщательно прибрал за собой. Остались следы от метелки.

Она нахмурилась.

— Преступник обращает внимание на детали.

— Ты погляди, что там внутри.

Маура поднялась по ступеням, натянула на ноги бахилы, а на руки перчатки. Вблизи Фрост выглядел еще хуже: на исхудалом лице ни кровинки. Однако он вздохнул и весело предложил:

— Могу проводить.

— Не стоит, побудь лучше на воздухе. Риццоли все покажет.

Фрост кивнул, не глядя на нее: он уставился на улицу с таким напряженным видом, как будто его с души воротило, а он держался из последних сил. Маура оставила его бороться с самим собой и взялась за круглую дверную ручку. Она приготовилась к худшему. Надо же, только что она подъехала в полном изнеможении и тщетно пыталась проснуться — а теперь вот нервы у нее так накалились, будто по ним прошел разряд тока.

Маура ступила в дом. Остановилась, чувствуя, как заколотилось сердце, и оглядела не предвещающую ничего тревожного обстановку дома. В передней — обшарпанный дубовый пол. Через дверной проем видна гостиная, обставленная дешевенькой, плохо подобранной мебелью: диван-кровать с продавленным матрасом-периной, кресло с большой круглой подушкой, набитой полистиролом, книжный шкаф, собранный частью из широких обшивочных досок, частью из цельных секций. Ничего такого, что напоминало бы место преступления. Но самое страшное было впереди; она знала, страх затаился здесь, в доме, — это было видно по глазам Барри Фроста и мертвенно-бледному лицу той блондинки, детектива.

Маура прошла через гостиную в столовую и увидела сосновый стол с четырьмя стульями. Однако ее внимание привлекла не мебель, а столовые приборы, расставленные как будто для семейного ужина. На четверых.

Одна широкая тарелка была накрыта льняной салфеткой, забрызганной кровью.

Маура осторожно дотронулась до салфетки. Приподняла за краешек, взглянула на то, что лежало под нею, на тарелке. Затем вдруг бросила салфетку и с тяжким вздохом отпрянула.

— Вижу, нашла кисть левой руки, — слышался чей-то голос.

Маура резко обернулась.

— Фу ты, черт, как же ты меня напугала!

— Хочешь испугаться по-настоящему? — сказала Джейн Риццоли. —

Тогда пошли.

Она повернулась и повела Мауру через коридор. Джейн, как и Фрост, выглядела так, будто только что встала с постели. Слаксы мятые, темные

жесткие волосы спутаны. Правда, в отличие от Фроста, держалась она мужественно и бойко — ее ботинки в бахилах так и шуршали по полу. Из всех детективов, регулярно наведывавшихся в секционный зал, пожалуй, только Джейн и отваживалась близко подходить к столу, чтобы получше разглядеть, что на нем, — вот и сейчас она двигалась по коридору с обычной решимостью. Маура шла следом, опустив голову, и рассматривала брызги крови на полу.

— Держись этой стороны, — попросила Джейн. — Тут остались нечеткие следы, ведут в обоих направлениях. Похоже, от спортивных ботинок. Они едва заметны, и я не хочу ничего затирать.

— Кто сообщил об убийстве?

— Звонили девять-один-один. Сразу после полуночи.

— Откуда?

— Прямо отсюда.

Маура нахмурилась.

— Жертва? Может, пыталась позвать на помощь?

— На линии молчали. Кто-то просто набрал номер и не положил трубку. Первая машина подоспела минут через десять после звонка. Патрульный увидел, что дверь не заперта, зашел в спальню — и пулей обратно.

Джейн остановилась у дверного проема и глянула на Мауру через плечо. Взгляд-предостережение.

— Ну вот, самое страшное — здесь.

«Отрезанной кисти руки было достаточно, чтобы напутаться».

Джейн посторонилась, позволив Мауре заглянуть в спальню. Жертвы видно не было — крутом была только кровь. В среднем в теле человека ее содержится литров пять. Такого же количества красной краски хватило бы с лихвой, чтобы выкрасить небольшую комнату от пола до потолка. Когда Маура заглянула в дверной проем, больше всего ее поразили невероятные брызги в форме длинных узких дорожек, оставленные рукой какого-то безумца на белых стенах, мебели и белье.

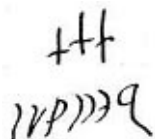
— Артериальная, — заметила Риццоли.

Маура лишь молча кивнула, разглядывая дугообразные кровавые подтеки — кошмар, описанный красным на стенах. Однажды, еще на четвертом курсе медицинского факультета, она стажировалась в Отделении неотложной хирургии и видела пациента с огнестрельным ранением, истекавшего кровью на травматологическом столе. У того пациента резко упало кровяное давление, и хирург-стажер с отчаяния начал срочно проводить лапаротомию, надеясь остановить внутреннее кровотечение.

Когда он разрезал живот, из брюшной полости фонтаном ударила артериальная кровь и забрызгала халаты и лица других врачей. И в последние лихорадочные секунды, пока они производили откачку и обрабатывали рану стерильными тампонами, Маура не замечала ничего, кроме крови. Ее лоснящегося глянца и мясного запаха. Она потянулась к брюшной полости, чтобы взяться за ранорасширитель, и тут почувствовала сквозь рукава халата тепло — оно подействовало на нее как успокаивающая ванна. В тот день в операционной Маура впервые увидела, какую сильную струю крови вызывает даже самое слабое артериальное давление.

И сейчас, когда она осматривала стены спальни, ее внимание снова привлекла кровь, которая запечатлела последние мгновения жизни жертвы. «Когда был сделан первый надрез, сердце жертвы еще билось и нагнетало кровяное давление». Туда, на стену, прямо над кроватью, и ударила дугой, точно из пулемета, первая струя крови. Затем, после нескольких сильнейших толчков, дугообразные струи стали ослабевать. Тело, должно быть, пыталось компенсировать падающее давление — артерии сжимались, пульс учащался. Но с каждым сокращением сердца жертва теряла все больше крови, приближая свою смерть. Когда же наконец давление совсем упало и сердце остановилось, кровотечение почти прекратилось — из тела вытекли последние капли крови. Явление смерти — вот что прочла Маура на стенах и на кровати.

Потом ее взгляд остановился — замер, различив среди всех этих кровавых брызг нечто такое, чего она сперва не заметила. То, от чего у нее по спине вдруг пробежали мурашки. На одной из стен виднелись три перевернутых креста, нарисованные кровью. А под ними какие-то загадочные знаки:

— Что это значит? — тихо спросила Маура.

— Понятия не имеем. Вот бьемся, пробуем разгадать.

Маура не могла отвести глаз от надписи. К горлу подступил комок.

— Что это, черт возьми, за шарада?

— погоди, тут есть еще кое-что. — Джейн обошла кровать с другой стороны и указала на пол. — А вот и жертва. Вернее, большая ее часть.

Маура тоже обошла кровать и лишь тогда увидела женщину. Та лежала на спине, раздетая. Из-за обескровливания кожа ее была точно гипсовая, и тут Маура вспомнила, как однажды на выставке в Британском музее видела множество разбитых древнеримских статуй. За долгие столетия мрамор потрескался, головы отбились, руки отломились — и в конце концов скульптуры превратились в жалкие безликие обрубки. Сейчас, взглянув на лежащее на полу тело, она увидела то же самое. Разбитую Венеру. Без головы.

— Похоже, здесь ее и убили, на кровати, — предположила Джейн. — Поэтому забрызгало только одну стену, остальная же кровь на матрасе. Затем ее повалили на пол, наверно потому, что убийце нужна была твердая поверхность, чтобы закончить резню... — Джейн вздохнула и отвернулась, словно дошла до предела и уже не могла глядеть на тело жертвы.

— Значит, говоришь, первая патрульная машина прибыла через десять минут после того, как позвонили девять-один-один, — сказала Маура.

— Точно.

— Да, но на все это — на ампутации и отсечение головы — ушло бы не десять минут, а куда больше.

— Понятное дело. И звонила, по-моему, не жертва.

Услышав за спиной шаги, они обе обернулись и увидели Барри Фроста: он стоял в дверях, не решаясь войти в спальню.

— Криминалисты пожаловали.

— Пусть заходят, — сказала Джейн и, помолчав, прибавила: — Неважнецки выглядишь.

— А по-моему, я держусь молодцом. Особенно учитывая ситуацию.

— Как там Кассовиц? Оклемалась? Нам тут нужна помощь.

Фрост покачал головой.

— Все еще сидит в машине. По-моему, больше она не выдержит. Пойду лучше схожу за криминалистами.

— Скажи ей бога ради, чтобы училась сдерживаться! — крикнула ему вдогонку Джейн. — Терпеть не могу, когда женщины ведут себя подобным образом. Это портит всем нам репутацию.

Маура снова посмотрела на пол, где лежало туловище жертвы.

— А вы нашли?..

— Все остальное? — уточнила Джейн. — Ах да, левую кисть ты уже видела. А правая — в ванне. Думаю, пора тебе заглянуть на кухню.

— А там что?

— Еще сюрпризы.

Джейн прошла через спальню в коридор.

Маура было двинулась следом и тут вдруг увидела себя в зеркале. Собственное отражение глядело на нее уставшими глазами из-под слипшихся от растаявшего снега темных волос. Она так и застыла на месте — но не оттого, что увидела свое лицо.

— Джейн, — прошептала она. — Ты только взгляни!

— На что?

— На зеркало. Знаки... — Маура оглянулась и посмотрела на надпись на стене. — Видишь? Обратное изображение! Это не знаки, а буквы, и прочесть их можно с помощью зеркала.

— Это что, какое-то слово?

— Да. Здесь написано — *Ressavi*.

Джейн покачала головой.

— Даже если изображение перевернуть, мне это все равно ни о чем не говорит.

— Это же латынь, Джейн.

— И что означает?

— *Я согрешил*.

Женщины какое-то время молча смотрели друг на друга. Потом Джейн вдруг усмехнулась.

— Надо же, ну прямо чистосердечное признание! Думаешь, достаточно пропеть пару раз «Аве Мария!» и снова станешь белым и пушистым, после такого-то прегрешения?

— Может, это относится не к убийце. Может, к жертве. — Маура посмотрела на Джейн. — Я согрешила.

— Наказание? — предположила Джейн. — Месть?

— Мотив вполне возможный. Она натворила что-то такое, что взбесило убийцу. Согрешила против него. Вот он с ней и рассчитался.

Джейн глубоко вздохнула.

— Пойдем на кухню.

Она провела Мауру дальше по коридору. В дверях на кухню остановилась и посмотрела на доктора Айлз — та тоже застыла на пороге, онемев от того, что увидела.

Там, на кафельном полу, был нарисован большой красный круг — рисовали, похоже, мелом. По кругу, в пяти местах, виднелись лужицы расплавленного и застывшего черного воска. «Свечи», — решила Маура. А посреди круга была установлена отрезанная голова — глаза глядели прямо на них.

Круг. Пять черных свечей. «Ритуальное жертвоприношение».

— А ведь мне сейчас нужно возвращаться домой к дочурке, — сказала

Джейн. — Утром рассядемся дружно вокруг елки, раскроем подарки, и все будут считать, что на земле царят мир и покой. Только я не смогу отделаться от мысли... что вот эта штуковина... смотрит на меня. Счастливого Рождества, черт возьми!

Маура проглотила комок.

— Узнали, кто она такая?

— Ну, я пока не притаскивала сюда на опознание ни друзей, ни соседей. «А вы узнали голову на полу в кухне?» Но судя по фото на водительском удостоверении, можно сказать, что это Лори-Энн Такер. Двадцать восемь лет. Шатенка, глаза карие. — Джейн отрывисто рассмеялась. — Сложим вместе все части тела — примерно это и получится.

— Что еще о ней известно?

— Мы нашли у нее в сумочке корешок чековой книжки. Работала в Музее науки. Кем — неизвестно, но, судя по обстановке в доме и мебели... — Джейн заглянула в столовую, — зарабатывала негусто.

Тут послышались голоса и шаркающие шаги — пришли криминалисты. Джейн тут же поприветствовала их с присущей ей нарочитой самоуверенностью. Такая вот она, решительная детектив Риццоли, которую все знают.

— Салют, ребята, — сказала она двум криминалистам, которые вместе с Фростом осторожно прошли в кухню. — У нас тут есть для вас кое-что интересное.

— Господи, — прошептал один из криминалистов. — А где же остальное?

— В разных комнатах. Может, хотите начать с... — она вдруг осеклась и вся напружинилась.

На кухонном столике зазвенел телефон.

Фрост стоял к нему ближе всех.

— Что скажешь? — спросил он, взглянув на Риццоли.

— Ответь.

Рукой в перчатке Фрост осторожно снял трубку.

— Алло! Алло!..

И через какое-то время положил ее обратно.

— Повесили трубку.

— А что на определителе?

Фрост нажал на кнопку просмотра входящих звонков.

— Номер бостонский.

Джейн достала сотовый телефон и взглянула на номер, высветившийся

на дисплее кухонного телефона.

— Попробую перезвонить, — сказала она, набирая номер. И стала ждать. Длинные гудки. — Не отвечает.

— Сейчас гляну, может, с этого номера звонили и раньше, — предположил Фрост. И стал отрабатывать звонки в обратном порядке, просматривая все входящие и исходящие номера. — Так, а вот и звонок по девять-один-один. Был в десять минут первого ночи.

— Это наш потрошитель докладывал о проделанной работе.

— А вот еще звонок, перед тем. Номер кембриджский. — Он снова посмотрел на него. — Звонили в двенадцать ноль одну.

— Наш потрошитель что, звонил с этого телефона два раза?

— Если только это был он.

Джейн посмотрела на телефон.

— Дайте-ка подумать. Вот он стоит здесь, на кухне. Он только что прикончил ее и расчленил. Отрезал кисть, руку. Затем водрузил здесь, на полу, голову. Зачем же еще звонить? Может, чтобы похвастаться? Кому же?

— Надо выяснить, — сказала Маура.

Джейн опять позвонила по сотовому — на сей раз по кембриджскому номеру.

— Гудки... Так, там автоответчик... — Она вдруг осеклась и тут же перевела взгляд на Мауру: — Ты не согласишься, когда узнаешь, чей это номер.

— Чей же?

Джейн нажала на отбой и снова набрала номер. И протянула трубку Мауре.

Маура услышала четыре гудка, потом пикнул автоответчик и послышался голос. Очень знакомый, до боли знакомый голос.

«Вы позвонили доктору Джойс О'Доннелл. Поскольку мне хочется узнать, зачем вы звонили, пожалуйста, оставьте сообщение, и я вам перезвоню...»

Маура нажала на отбой и с не меньшим удивлением воззрилась на Джейн.

— Зачем убийце понадобилось звонить Джойс О'Доннелл?

— Вы шутите, — не поверил Фрост. — Это что, правда ее номер?

— А кто она такая? — поинтересовался один из криминалистов.

Джейн повернулась к нему.

— Джойс О'Доннелл — вампирша, — пояснила она.

Рождественское утро Джейн предпочла бы встретить где угодно, только не здесь.

Они с Фростом сидели в ее «Субару», припаркованной на Брэттл-стрит, глядя на большое белое здание в колониальном стиле. Последний раз она была здесь летом, когда перед домом зеленел безупречно ухоженный сад. Сейчас же, в разгар зимы, Джейн лишний раз оценила изящество каждой его детали — от отделки из серого шифера до изысканных резных завитушек на парадной двери. Кованые чугунные ворота были украшены еловыми ветками и красными лентами, а в переднем окне виднелась сверкающая украшениями елка. «Надо же, — подумала Джейн, — кровопийцы и те справляют Рождество!»

— Если не хочешь, — предложил Фрост, — я сам с ней поговорю.

— Думаешь, не справлюсь?

— Думаю, тебе придется нелегко.

— Нелегко будет удержаться и не придушить ее.

— Вот видишь! И я о том же. Твое отношение к ней — вот в чем проблема. Вас связывает прошлая история, она же определяет и все остальное. Ты не сможешь относиться к ней нейтрально.

— Никто не сможет относиться к ней нейтрально, зная, кто она. Чем она занимается.

— Риццоли, она просто делает то, за что ей платят.

— Этим же занимаются шлюхи.

«Только шлюхи не причиняют вреда», — подумала Джейн, глядя на дом Джойс О'Доннелл. Дом, оплаченный кровью невинно убиенных. Шлюхи не входят, пританцовывая, в зал суда в блестящих костюмах от «Сент-Джона» и не свидетельствуют в защиту безжалостных убийц.

— Я просто хочу сказать — постарайся держать себя в руках, ладно? — сказал Фрост. — Мы не обязаны любить ее. Но и показывать свою ненависть нам нельзя.

— По-твоему, это и есть мой план?

— Погляди на себя. Коготки ты уже выпустила.

— Исключительно в целях самообороны. — Джейн распахнула дверь автомобиля. — Потому что знаю: эта стерва постарается запустить в меня свои.

Джейн вышла из машины и оказалась по икры в снегу — но почти не

ощутила заползшего к ней в носки холода; ее озноб был не физического свойства. Она неотрывно смотрела на дом, думала о предстоящей встрече с женщиной, слишком хорошо знакомой с самыми сокровенными страхами Джейн. И лучше, чем кто бы то ни было, знавшей, как на них сыграть.

Фрост распахнул настежь калитку, и они пошли к дому по очищенной от снега дорожке. Каменные плиты обледенели, и Джейн так старалась не поскользнуться, что у лестницы на крыльцо окончательно потеряла уверенность в себе и своей устойчивости. Не самое лучшее состояние для встречи с Джойс О'Доннелл. А тут еще передняя дверь распахнулась, и на пороге выросла сама хозяйка во всей своей красе: светлые волосы — коротко острижены и прекрасно уложены, розовая блузка с воротом на пуговицах и защитного цвета брюки — безупречно облегают спортивную фигуру. Джейн, в своем помятом черном костюме и брюках с промокшими от растаявшего снега отворотами, чувствовала себя жалкой побирушкой у ворот дома знатной сеньоры. «Именно такой она и мечтает меня видеть».

О'Доннелл холодно кивнула.

— Детективы.

Она не сразу пригласила их в дом — какое-то время стояла молча в дверях, показывая всем своим видом, что она здесь полновластная хозяйка.

— Можно войти? — наконец спросила Джейн, зная, что их все-таки пустят за порог. Что игра уже началась.

О'Доннелл жестом пригласила их войти.

— Не думала, что меня ждет такое Рождество, — сказала она.

— Мы тоже не думали, — парировала Джейн. — А жертва и подавно.

— Я же говорила, все записи на автоответчике стерты, — сказала О'Доннелл, провожая их в гостиную. — Можете все прослушать, правда, там уже ничего нет.

С тех пор как Джейн была в этом доме в последний раз, здесь ничего не изменилось. На стенах — та же абстрактная живопись и те же цветастые восточные ковры. Единственной новинкой была рождественская елка. Елки из детства Джейн украшались абы как: ветки провисали под тяжестью плохо сочетававшихся игрушек, редко доживавших до конца Рождества. Те елки так и сверкали мишурой — целым ее ворохом. Елки из Лас-Вегаса — так их называла Джейн.

На этой же не висело ни одной мишуринки. Не было в этом доме маленького Лас-Вегаса. Вместо мишуры с веток свисали хрустальные призмочки да серебристые слезинки, отбрасывавшие на стены свет зимнего солнца, который распадался на множество крохотных пляшущих зайчиков. «Даже ее чертова елка заставляет меня чувствовать себя неудобно».

О'Доннелл прошла к автоответчику.

— Вот все, что есть, — сказала она и нажала на воспроизведение.

— Новых сообщений нет, — объявил электронный голос.

Она посмотрела на детективов.

— Боюсь, интересующая вас запись пропала. Вчера вечером я, как пришла, сразу прокрутила все сообщения. А когда уходила — все стерла. Когда я получила вашу просьбу ничего не стирать, было уже поздно.

— Сколько всего было сообщений? — спросила Джейн.

— Четыре. Ваше — последнее.

— Интересующий нас звонок поступил где-то в двенадцать десять.

— Ну да, и номер сохранился здесь, в журнале регистрации. — О'Доннелл нажала на просмотр и отыскала звонок, зарегистрированный в 00:10. — Только вот тот, кто звонил, не сказал ни слова. — Она посмотрела на Джейн. — И никакого сообщения не было, совсем.

— Вы хоть что-нибудь слышали?

— Говорю же — ни слова.

— И никаких внешних шумов? Телевизора или уличного движения?

— Даже ни единого тяжкого вздоха. Только тишина, короткая, потом щелчок — положили трубку. Поэтому я и стерла его. Чего там слушать!

— Может, вам показался знакомым номер звонившего? — спросил Фрост.

— А должен был?

— Это мы у вас спрашиваем, — откровенно съязвила Джейн.

О'Доннелл посмотрела ей прямо в глаза, и в этом взгляде Джейн заметила искру презрения. «Как будто я даже мизинца ее не стою».

— Нет, незнаком, — ответила О'Доннелл.

— А имя Лори-Энн Такер?

— Нет. Кто это?

— Прошлой ночью была убита у себя дома. И звонили вам с ее телефона.

О'Доннелл помолчала. Потом заметила вполне резонно:

— Может, ошиблись номером.

— Не думаю, доктор О'Доннелл. Звонок, похоже, предназначался вам.

— Зачем же было звонить и молчать в трубку? Не исключено, она услышала мой автоответчик, решила, что ошиблась номером, и просто положила трубку.

— Думаю, вам звонила не жертва.

О'Доннелл снова замолчала, на сей раз надолго.

— Ясно, — вдруг сказала она. Подошла к креслу и села, но не потому,

что была потрясена. Она выглядела совершенно невозмутимой, сидела в своем кресле, точно императрица на приеме. — По-вашему, выходит, мне звонил убийца.

— И вас это как будто нисколько не тревожит.

— Не понимаю, с чего вдруг я должна тревожиться. Я совершенно не в курсе дела. Может, просветите? — Она махнула рукой на диван, приглашая незваных гостей сесть. То был первый знак радушия, оказанный ею.

«Не иначе как потому, что мы можем выложить кое-что интересное, — подумала Джейн. — Почуяла запах крови. Только на него и клюет».

Диван был ослепительно белым, и Фрост остановился перед ним в нерешительности, прежде чем сесть, потому как боялся его испачкать. Зато Джейн не колебалась ни секунды. Она плюхнулась на него в своих мокрых от талого снега брюках, не сводя глаз с О'Доннелл.

— Жертва — двадцативосьмилетняя женщина, — сказала Джейн. — Убита прошлой ночью, около полуночи.

— Подозреваемые?

— Пока никого не задержали.

— Значит, кто убийца, вы понятия не имеете.

— Я говорю только, мы пока что никого не задержали. Ищем свидетелей.

— И я одна из них.

— Кто-то звонил вам из дома убитой. Может, даже сам убийца.

— О чем же ему со мной говорить, если это действительно был он?

Джейн подалась вперед.

— Мы обе прекрасно знаем о чем, доктор. О том, чем вы зарабатываете себе на хлеб. У вас, верно, и небольшой такой, миленький клуб поклонников имеется — сплошь одни убийцы, и все водят с вами дружбу. Сами знаете, вы у них знаменитость, у этих душегубов. Вы же великий психоаналитик в юбке и всегда находите общий язык с чудовищами.

— Я пытаюсь их понять, только и всего. Я их изучаю.

— И защищаете.

— Я психоневролог. И гораздо больше подготовлена к выступлениям в суде, чем любой другой специалист. Не каждый убийца должен сидеть в тюрьме. Среди них есть серьезно больные люди.

— Ну да, знаю я вашу теорию. Стоит только трахнуть какого-нибудь парнишку по голове, деформировать фронтальные доли его мозга — и с этого момента он свободен от всякой ответственности за содеянное. Он может убить женщину, разрезать на куски, а вы будете защищать его в суде.

— С той женщиной случилось то же самое? — на лице О'Доннелл мелькнула тревога, глаза мрачно сверкнули. — Ее расчленили?

— Почему вы спрашиваете?

— Просто хочется знать.

— Профессиональное любопытство?

О'Доннелл откинулась на спинку кресла.

— Детектив Риццоли, я опросила тьму убийц. И за многие годы составила обширную статистику мотивов, методов и типов совершенных ими убийств. Так что вы правы — это профессиональное любопытство. — Она задумалась. — Расчленение не такое уж редкое дело. Особенно если таким способом легче избавиться от жертвы.

— В нашем случае причина другая.

— Вы это точно знаете?

— Это ясно как божий день.

— Он что, специально выставил части тела напоказ? Это была инсценировка?

— С чего вы взяли? Или, может, среди ваших шизанутых приятелей есть такой, который уже проделывал подобные фокусы? Может, назовете имя, или он у вас такой не один? Вам ведь пишут письма? Ваше имя им известно. Имя доктора, который хочет знать все подробности.

— Если и пишут, то большей частью анонимно. Имен своих не указывают.

— Но письма вы все же получаете.

— И от людей кое-что узнаю.

— От тех же убийц.

— Или выдумщиков. Поди тут разбери, правду они говорят или нет.

— По-вашему, кое-кто просто делится с вами своими фантазиями?

— Которые к тому же, скорее всего никогда не осуществляются. Просто им бывает невтерпеж выразить свои самые порочные желания. А такие желания есть у всех. Любой, даже самый благовоспитанный человек порой придумывает, что бы такое эдакое сотворить с женщиной. Но своими извращенными фантазиями он ни с кем не посмеет поделиться. Держу пари, и у вас в голове водятся кое-какие непристойные мыслишки, детектив Фрост. — Она бросила на него пронзительный взгляд с явным намерением выбить из седла. Но Фрост, надо отдать ему должное, и бровью не повел.

— Кто-нибудь делился с вами в письмах фантазиями, связанными с расчленением? — спросил он.

— Это было давно.

— Но все же было?

— Я уже говорила, расчленение — дело не такое уж редкое.
— В фантазиях или в действительности?
— Так и эдак.
— Так кто же все-таки делился с вами в письмах своими фантазиями, доктор О'Доннелл? — решила уточнить Джейн.
Хозяйка дома посмотрела Риццоли прямо в глаза.
— Эти письма — вещь конфиденциальная. Именно поэтому люди не боятся поведать мне о своих тайнах. Желаниях, фантазиях.
— Они вам звонят?
— Редко.
— И вы с ними разговариваете?
— Я их не избегаю.
— У вас есть список людей, с которыми вы разговаривали?
— Вряд ли бы у меня получился список. Я не помню, когда это было в последний раз.
— Это было прошлой ночью.
— Ну, меня же не было дома, и я не смогла ответить на тот звонок.
— Вас и в два часа ночи не было дома, — заметил Фрост. — Мы вам как раз звонили и попали на автоответчик.
— Так где вы были прошлой ночью? — поинтересовалась Джейн.
О'Доннелл пожала плечами.
— Не здесь.
— В два часа ночи, в сочельник?
— Я была у друзей.
— А домой когда пришли?
— Около половины третьего, кажется.
— У вас, наверно, замечательные друзья. Может, назовете нам их имена?
— Нет.
— Почему же?
— Разве у меня нет права на личную жизнь? Я что, обязана вам отвечать?
— Расследуется дело об убийстве. Пройшей ночью убили женщину. Это одно из самых жутких мест преступления, где мне приходилось бывать.
— И вам нужно знать, есть ли у меня алиби.
— Просто интересно, почему вы ничего нам не говорите.
— Я что, под подозрением? Или вы стараетесь показать, кто здесь заправляет?

— Вас не подозревают. Пока.

— Значит, я могу вообще не говорить с вами. — О'Доннелл резко поднялась и направилась к двери. — А теперь всего хорошего.

Фрост тоже было встал, но, заметив, что Джейн даже не шелохнулась, уселся обратно.

Джейн сказала:

— Если б вам не было наплевать на убитую, если б вы только видели, что он сделал с Лори-Энн Такер...

О'Доннелл повернулась к ней лицом.

— А вы почему мне ничего не говорите? Что именно с ней сделали?

— Хотите знать подробности, так?

— Это предмет моих исследований. Мне нужно знать подробности. — Она двинулась к Джейн. — Это помогает разобраться.

«Вернее, возбуждает. Поэтому ты вдруг так заинтересовалась. Тебе просто неинтересно».

— Так вы говорите, ее расчленили, — сказала О'Доннелл. — А голову отрезали?

— Риццоли, — попытался предостеречь коллегу Фрост.

Но Джейн даже не пришлось раскрывать никакой тайны: О'Доннелл сама обо всем догадалась и сделала собственные выводы.

— Голова довольно яркий символ. Очень личный. Совершенно особый. — О'Доннелл подбиралась все ближе, точно хищница. — Он забрал ее с собой в качестве трофея? На память об убийстве?..

— Скажите лучше, где вы были прошлой ночью.

— Или оставил на месте преступления? Там, где она должна была произвести самое сильное впечатление? Где ее нельзя было не заметить? Например, на кухонном столе? Или на полу, на видном месте?..

— Так у кого вы были?

— Это мощный посыл — выставленная напоказ голова, лицом вперед. Таким образом убийца дает вам знать, что он полностью владеет ситуацией. Он показывает, сколь вы бессильны, детектив. И насколько силен он сам.

«Так у кого вы были?» — как только эти слова слетели с ее губ, Джейн уже поняла, что сделала промах. Она позволила О'Доннелл спровоцировать ее — и сразу вышла из себя. Дала слабину.

— Друзья — мое личное дело, — сказала О'Доннелл. И, усмехнувшись, прибавила: — За исключением одного, и вы его прекрасно знаете. Нашего общего знакомого. Он, видите ли, до сих пор про вас спрашивает. Интересуется, как вы поживаете. — Ей даже не пришлось

называть его имя: они обе знали, что речь идет об Уоррене Хойте.

«Не реагируй! — велела себе Джейн. — Не вздумай показать ей, как глубоко она вонзила когти». Но при этом Риццоли почувствовала, как у нее на лице напрягся каждый мускул, и заметила, что Фрост уже поглядывает на нее с явной тревогой. Шрамы, которые Хойт оставил на руках Джейн, — всего лишь то, что заметно окружающим: у нее были куда более глубокие раны. И даже сейчас, спустя два года, она вздрагивала при упоминании его имени.

— Он большой ваш поклонник, детектив, — вставила О'Доннелл. — И хотя благодаря вам он больше никогда не сможет ходить, неприязни он к вам не испытывает.

— Мне плевать, что он там обо мне думает.

— Я навещала его на прошлой неделе. Он показывал мне подборку газетных вырезок. «Дело Джени», как он это называет. Когда вы прошлым летом оказались в захваченной клинике, он всю ночь не выключал телевизор. Ни на миг. — О'Доннелл немного помолчала. — Он сказал, у вас родилась дочурка.

У Джейн напряглась спина. «Только не давай ей волю. Не позволяй еще глубже впиться в тебя когтями».

— И зовут вашу дочурку, кажется, Реджиной. Верно?

Джейн встала, и, хотя ростом она был ниже О'Доннелл, глаза ее полыхнули так, что та даже отпрянула.

— Мы еще позвоним, — сказала Джейн.

— Звоните сколько хотите, — ответила О'Доннелл, — мне больше нечего вам сказать.

— Врет она все, — буркнула Джейн.

Она дернула дверь машины, скользнула на водительское сиденье. И замерла, уставившись на пейзаж точно с рождественской открытки: на солнце, сверкавшее в сосульках, на облепленные снегом, заиндевелившие дома, убранные венками из ветвей остролиста. На этой улице не хватало только вычурных Санта-Клаусов с оленями да причудливого убранства на крышах, как в Ревере, где она выросла. Джейн вспомнился дом Джонни Сильвы, стоявший чуть поодаль от дома ее родителей, и толпы зевак, съезжавшихся к ним со всей округи, чтобы поглазеть на красочную феерию, которую семейство Сильва устраивало у себя в палисаднике каждый год в декабре. Были там и Санта, и три волхва, и ясли с Марией и Иисусом, и целый зверинец, который запросто потопил бы Ноев ковчег. Все там горело и сверкало, как на карнавале. Столько электричества, сколько семейство Сильва сжигало каждое Рождество, хватило бы с лихвой, чтобы

осветить какое-нибудь маленькое африканское государство.

Нет, не было здесь, на Брэттл-стрит, такого яркого зрелища — только сдержанное изящество. Да и Джонни Сильвы с его домочадцами здесь не было. «Уж лучше жить по соседству с недоумком Джонни, — подумала Джейн, — чем с этой женщиной».

— Ей известно об этом деле гораздо больше, чем она говорит.

— Как ты пришла к этому выводу? — спросил Фрост.

— Чутье подсказывает.

— А я думал, ты не доверяешь чутью. Сама же твердишь постоянно. Нет, дескать, ничего лучше удачного предположения.

— Зато я хорошо знаю эту женщину. И что волнует ее больше всего на свете. — Она поглядела на Фроста, казавшегося бледнее обычного в тусклом дневном свете. — Там было еще что-то, помимо ночного звонка убийцы.

— Это просто догадка.

— Зачем она его стерла?

— А почему бы и нет? Раз не оставили никакого сообщения.

— Это она так говорит.

— О-о! Она добралась до тебя. — Фрост покачал головой. — Я так и знал.

— Еще чего!

— А то нет? Стоило ей заговорить о Реджине, как у тебя чуть не вышибло предохранители. Она же психиатр. И умеет задеть за живое. Тебе нельзя больше общаться с ней.

— А кто будет с ней общаться? Ты, что ли? Или соплюшка Кассовиц?

— Тот, кого с нею ничего не связывает. Кого она еще не успела достать. — Барри бросил на Джейн испытующий взгляд, и она отвернулась.

Фрост и Риццоли работали в паре уже два года, но так и не стали близкими друзьями; между ними установилось взаимопонимание, какое бывает не у всех друзей и даже любовников, поскольку им приходилось делить на двоих одни и те же ужасы, радость побед и горечь поражений. Фрост лучше любого, даже лучше собственного мужа Джейн, Габриэля, знал историю ее отношений с Джойс О'Доннелл.

И с убийцей по прозвищу Хирург.

— Ты до сих пор ее боишься, правда? — спокойно спросил он.

— Она меня просто бесит.

— Потому что она знает, чего ты боишься. И она всегда будет тебе напоминать о нем и при случае стараться вернуть его имя.

— Думаешь, я хоть на секунду испугаюсь какого-то придурка, который

теперь не в состоянии и пальцем пошевелить? Который даже пописать на может, пока нянька не подключит к нему мочевыводную трубку? Ну да, я до ужаса боюсь Уоррена Хойта.

— Тебе по-прежнему снятся кошмары?

Этот вопрос вышиб ее из седла. Соврать ему она бы не смогла: он бы мигом ее раскусил. И Джейн не сказала ни слова — просто глядела вперед — на эту образцовую улицу с ее образцовыми домами.

— А мне бы снились, — сказал он. — Случись со мной такое.

«Так ведь не случилось же, — подумала она. — Это мне к горлу Хойт приставил лезвие, это у меня остались отметины от его скальпеля. Это обо мне он помышляет денно и ночью — спит и видит, что бы эдакое со мной сотворить». Хотя теперь ему уже не добраться до Джейн, от одной только мысли о том, что она является объектом его желаний, у нее по спине пробегали мурашки.

— С чего это мы все о нем да о нем? — спросила Джейн — Ведь речь об О'Доннелл.

— О них нельзя говорить по отдельности.

— Я больше не собираюсь обсасывать его имя. Давай о деле, ладно? О Джойс О'Доннелл и почему убийца решил позвонить именно ей.

— Мы же не знаем точно, он звонил или кто еще.

— Для любого извращенца разговор с О'Доннелл — все равно что секс по телефону. Они могут поделиться с нею своими гнусными фантазиями, ведь она просто упивается ими, только успевай подавать, и берет все на заметку. Вот он ей и позвонил. Хотел с гордостью поведать о своих подвигах. Хотел найти чуткого слушателя, вот и нашел — лучше не придумаешь. Доктора Смерть. — Джейн резко повернула ключ в замке зажигания и завела машину — из отверстий обогревателя их обдало холодным воздухом. — Вот и позвонил. Чтобы похвастаться. И сполна насладиться ее вниманием.

— Зачем ей было врать?

— А почему бы ей не рассказать, где она была прошлой ночью? Вот и думай теперь, у кого она была. Может, этот самый звонок был приглашением?

Фрост глянул на нее с сомнением.

— Я тебя правильно понял?

— Незадолго до полуночи наш потрошитель разрезает Лори-Энн Такер на куски. Потом звонит О'Доннелл. Она уверяет, что ее не было дома... и сработал автоответчик. А что, если она все же была дома? Что, если на самом деле они мило поболтали?

— Мы же звонили ей в два часа ночи. И она не отвечала.

— Потому что ее уже не было дома. Она сказала, что была у друзей. — Джейн посмотрела на Фроста. — А что, если друг был только один? Великолепный такой, замечательный новоиспеченный дружок.

— Да брось. Неужели, по-твоему, она и впрямь стала бы покрывать этого потрошителя?

— По-моему, она на все способна. — Джейн отпустила педаль тормоза и откатила от обочины. — На все.

— Так Рождество не встречают, — посмотрев на дочь, сказала Анжела Риццоли, которая стояла у плиты.

На конфорках медленно закипали четыре высокие кастрюли, мерно позвякивая крышками — в такт с шумом вырывавшегося из-под них пара, который клубился вокруг намокших от пота волос Анжелы. Она сняла с одной кастрюли крышку и высыпала в кипяток полную тарелку самодельных ньокки. Они шлепнулись со всплеском, возвестившим, что близится начало обеда. Джейн оглядела кухню, заставленную всевозможными блюдами. Больше всего на свете Анжела Риццоли боялась, что в один прекрасный день кто-нибудь уйдет из ее дома голодным.

Но сегодня был явно не тот день.

На рабочем столике красовалась запеченная баранья нога, приправленная орегано и чесноком, а рядом стояла огромная сковорода с жареной картошкой, сдобренной розмарином. Фасолевый салат был единственным вкладом Джейн и Габриэля в общее пиршество. Из кастрюль на плите струились дивные ароматы, в кипящей воде, булькая, переворачивались ньокки.

— Мам, может, помочь? — предложила Джейн.

— Не надо. Ты же с работы. Посиди в комнате.

— Может, сыр натереть?

— Нет-нет. Ты же устала. Габриэль говорит, всю ночь была на ногах. — Анжела быстро помешала в кастрюле деревянной ложкой. — Ума не приложу, зачем было выходить на работу еще и сегодня. Это уж слишком.

— Работа есть работа.

— Так ведь сегодня же Рождество.

— Скажи это всяким злодеям. — Джейн достала из кухонного шкафа терку, взяла кусок пармезана и принялась тереть. Она не могла сидеть на этой кухне сложа руки. — И все-таки, почему Майк и Фрэнки тебе не помогают? Ты, поди, с самого утра на кухне.

— Ты же знаешь своих братьев.

— Да, — фыркнула Джейн. «Увы».

В другой комнате по телевизору смотрели футбол, как обычно. Крики мужчин временами сливались с гулом толпы зрителей на стадионе — причиной одобрительных возгласов служил какой-то парень с тугой попкой

и мячом из свиной кожи.

Анжела походя глянула на фасолевый салат.

— О, с виду недурственно! Чем приправлен?

— Не знаю. Габриэль делал.

— Повезло тебе, Джени. Попался мужчина, который умеет готовить.

— А ты не корми папулю пару-другую деньков, глядишь, и он научится.

— Да нет, не научится. Он так и помрет за столом в ожидании обеда, который должен появиться сам собой. — Анжела сняла кастрюлю с кипящей водой и перевернула, ссыпав готовые ньокки в дуршлаг. Когда пар рассеялся, Джейн увидела потное лицо Анжелы, обрамленное завитками волос. Снаружи, по обледенелым улицам, всюду гулял ветер — здесь же, на маминой кухне, их лица покраснелись от жара, а окна запотели от пара.

— А вот и наша мамуля, — сказал Габриэль, войдя на кухню с проснувшейся Реджиной на руках. — Глядите, кто уже встал.

— А она недолго проспала, — заметила Джейн.

— С футболом-то? — усмехнулся Габриэль. — Наша дочурка явно болеет за «Патриотов». Слышали бы вы, как она взывала, когда «Долфинз» им забили.

— Дай-ка ее сюда.

Джейн раскрыла объятия и прижала копошащуюся Реджину к груди. «Всего-то четыре месяца, — подумала она, — а так и норовит вырваться из рук». Несносная малышка Реджина появилась на свет, всюду размахивая кулачками, с лиловым от крика личиком. «Неужели тебе так уж невтерпех стать взрослой? — удивлялась Джейн, укачивая дочурку. — Оставалась бы ты подольше такой вот крошкой, я держала бы тебя на руках, развлекала, а уж после, через много-много лет, ступай своей дорогой».

Реджина схватила Джейн за волосы и больно дернула. Поморщившись, Джейн отцепила маленькие пальчики, взглянула на ручонку дочери. И вдруг представила себе другую руку, холодную и безжизненную. Руку чьей-то дочери — тело ее расчленили, и теперь оно лежит в морге. «А ведь на дворе Рождество. Сегодня я не должна думать о погибшей!» Даже целуя Реджину в шелковистые волосики и вдыхая запах детского мыла и шампуня, она не могла избавиться от воспоминания о другой кухне — от того, что глядело на нее с покрытого плиткой пола.

— Эй, мам, тайм уже закончился. Когда же мы будем есть?

Джейн поглядела на ввалившегося на кухню старшего брата Фрэнки. Последний раз она виделась с ним год назад, когда он прилетал из Калифорнии домой на Рождество. С тех пор его плечи стали еще мощнее. С

каждым годом Фрэнки, казалось, раздавался все больше — его мускулистые руки стали до того огромными, что свисали уже не прямо, а дугообразно, как у обезьяны. «Часами ворочал гири в тренажерном зале, — подумала Джейн, — и что это ему дало? Он стал мощнее, но явно не умнее». Она бросила благодарный взгляд на Габриэля, который откупоривал кьянти. Высокий и стройный, не в пример Фрэнки, он напоминал статью скакуна, а не тяжеловеса. «Если у тебя варит голова, — подумала она, — зачем тебе огромные мускулы?»

— Обед через десять минут, — объявила Анжела.

— Значит, до третьей четверти не закончим, — буркнул Фрэнки.

— А почему бы вам, ребята, просто не выключить телевизор? — спросила Джейн. — Ведь это рождественский обед.

— Ну да, мы бы все уже давно поели, если б ты пришла вовремя.

— Фрэнки, — резко оборвала его Анжела, — твоя сестра вкалывала всю ночь напролет. И сейчас вот помогает. Так что отвяжись от нее!

В кухне вдруг стало тихо — брат и сестра удивленно уставились на Анжелу. «Неужели мама вдруг перешла на мою сторону?»

— Ладно. Ну и Рождество у нас! — проворчал Фрэнки и вышел из кухни.

Анжела вывалила ньокки, с которых успела стечь вода, из дуршлага в сервировочную миску и полила дымящимся соусом с телятиной.

— Никакого внимания к тому, что делают женщины, — буркнула она.

Джейн усмехнулась:

— А ты только сейчас заметила?

— Неужто мы не заслуживаем ни капельки уважения? — Анжела взяла нож для резки зелени и принялась мельчить пучок петрушки с дробным стуком, точно пулемет. — Я сама виновата. Надо было с ним поостроже. Хотя на самом деле это все от вашего папаши. Он подавал пример. За всю жизнь не слыхала от него ни слова благодарности...

Джейн посмотрела на Габриэля — он, уловив минуту, решил тактично выйти из кухни.

— М-м-м... мам! Папа что, трепал тебе нервы?

Анжела, с зависшим над искромсанной петрушкой ножом в руке, глянула через плечо на Джейн.

— Не нужно тебе этого знать.

— Нужно.

— Не желаю обсуждать эту тему, Дженни. Да ни за что. По-моему, любой отец заслуживает уважения своих детей, что бы он там ни вытворял.

— Значит, он все же что-то там вытворял.

— Еще раз говорю, я не желаю обсуждать эту тему. — Анжела сгребла нашинкованную петрушку в кучку и высыпала в миску с ньокки. Потом, громко топая, подошла к двери и возвестила во весь голос, чтобы перекричать телевизор: — Обед готов! Садитесь!

Однако, невзирая на команду Анжелы, прошла не одна минута, прежде чем Фрэнк Риццоли и двое его отпрысков наконец оторвались от телевизора. Закончился очередной тайм, и в перерыве началось представление с длинноногими девочками в коротких юбчонках с блестками. Мужская половина семейства Риццоли, все трое, так и прилипли к экрану. Только Габриэль встал, чтобы помочь Джейн и Анжеле перенести блюда с кушаньями в столовую. Хотя он не вымолвил ни слова, Джейн все прочла по его глазам.

«С каких это пор рождественский стол превратился в поле брани?» Анжела с шумом водрузила на стол миску с жареным картофелем, прошла в гостиную и схватила пульт. Одним щелчком выключила телевизор.

— Ну, мам! — рявкнул Фрэнки. — Ведь у них будет Джессика Симпсон через десять... — Посмотрев Анжеле в лицо, он мигом прикусил язык.

Майк первым вскочил с дивана. И, ни слова не говоря, покорно прошмыгнул в столовую, а следом за ним угрюмо поплелись его братец Фрэнки и Фрэнк-старший.

Стол был накрыт великолепно. В хрустальных подсвечниках мерцали свечи. Анжела достала голубую с позолотой китайскую фарфоровую посуду, постелила льняную скатерть, поставила новехонькие бокалы для вина, только что купленные в фирменном магазине «Данск». Анжела села и оглядела стол — но не с гордостью, а скорее с досадой.

— Все просто восхитительно, госпожа Риццоли, — похвалил Габриэль.

— Ну, спасибо тебе. Знаю, ты понимаешь, сколько нужно было трудов, чтобы состряпать все это. Ведь ты и сам умеешь готовить.

— Ну, просто у меня не было выбора. Ведь я столько лет промышкался один-одинешенек. — Он прикоснулся под столом к руке Джейн и крепко сжал ее. — А потом мне повезло — я встретил девушку, которая умеет готовить. — «Когда у нее доходят до этого руки», — следовало бы ему прибавить.

— Я научила Джейн всему, что умею.

— Мам, передай ягненка! — попросил Фрэнки.

— Что, прости?

— Ягненка.

— А как насчет «пожалуйста»? Не передам, пока не услышу волшебного слова.

Отец Джейн вздохнул:

— Фу-ты ну-ты, Анжи! Рождество ведь. Просто накорми мальчика — и все.

— Я кормлю этого мальчика уже целых тридцать шесть лет. И он не помрет с голода, оттого что я прошу его быть любезнее.

— Гм... мам, — рискнул попросить Майк. — Не могла бы ты, э-э, пожалуйста, передать картошечки? — И он тут же еще раз кротко прибавил: — Пожалуйста!

— Конечно, Майки. — Анжела пододвинула к нему миску с картошкой.

Некоторое время за столом царила тишина. Было слышно только, как усердно работают челюсти да столовое серебро постукивает о фарфоровую китайскую посуду. Джейн посмотрела на отца, сидевшего на одном конце стола, потом на мать — она сидела на другом конце. Родители же друг на друга не глядели вовсе; им вообще было впору разойтись по разным комнатам — до того стали они далеки. Джейн нечасто наблюдала за своими родителями, но сейчас она почувствовала, что это необходимо, однако то, что она увидела, не очень-то ее обрадовало. И когда только они успели состариться? Когда начали блекнуть мамины глаза, когда папа растерял свою шевелюру, от которой осталось одно лишь название?

Когда они возненавидели друг друга?

— А ну-ка, Джени, расскажи нам, что заставило тебя вкалывать всю прошлую ночь напролет? — попросил папа, поглядывая на дочь. И при этом упорно стараясь не смотреть на Анжелу.

— Гм, да кому это интересно, папа!

— Мне, — вставил Фрэнки.

— Сегодня же Рождество. Думаю, вряд ли...

— Так кого там у вас уколошили?

Джейн поглядела через стол на старшего брата.

— Одну девицу. Не самая приятная история.

— А мне это совсем не противно, — сказал Фрэнки, отправляя в рот кусок розовой ягнятины.

Надо же, старший сержант Фрэнки бросает ей вызов!

— Эта история будет противна. Противнее некуда.

— Девушка была симпатичная?

— Тебе-то что?

— Просто интересно.

— Дурацкий вопрос.

— Почему же? Если она была симпатюлька, легче понять мотив того парня.

— Который ее убил? Боже мой, Фрэнки!

— Джейн, — одернул ее отец, — сегодня же Рождество.

— Но ведь Джейн права, — огрызнулась Анжела.

Фрэнк с изумлением уставился на жену.

— Твоя дочь разводит ругань за праздничным столом, и ты еще на меня нападешь!

— А ты считаешь, убивают только красоток?

— Мам, я же этого не говорил, — сказал Фрэнки.

— Да, не говорил, — подтвердил отец.

— Зато подумал. Вы оба подумали. Внимания, мол, достойны только красавицы. Любить или убивать женщин интересно, только если они хорошенькие.

— Ну пожалуйста!

— Да что «пожалуйста», Фрэнк? Сам знаешь, так оно и есть. Погляди на себя.

Джейн с братьями посмотрели на отца.

— А зачем на него глядеть? — удивился Майк.

— Анжела, — сказал Фрэнк, — сегодня же Рождество.

— Да, знаю! — Анжела вскочила с места и всхлипнула. — Знаю. — И направилась из столовой в кухню.

Джейн взглянула на отца.

— Что тут происходит?

Фрэнк пожал плечами.

— Сложный возраст для женщины. Жизнь меняется.

— Дело не только в этом! Я хочу узнать, что случилось. — Джейн встала из-за стола и следом за матерью вышла в кухню.

— Мам!

Анжела сделала вид, будто не слышит. Она стояла спиной к дочери и взбивала сливки в кастрюльке-нержавейке. Миксер позвякивал о стенки кастрюльки, разбрызгивая по столу белые жирные капли.

— Мам, что с тобой?

— Десерт готовлю. Совсем забыла про сливки, теперь вот взбиваю.

— Что случилось?

— Надо было их приготовить до того, как все сели за стол. Сама знаешь, твой братец Фрэнки весь как на иголках, когда слишком долго ждет следующего блюда. Если он просиживает так больше пяти минут, то, сама

знаешь, его опять тянет к этому злосчастному телевизору. — Анжела взяла сахар, высыпала полную ложку в кастрюльку и снова принялась взбивать сливки. — Хотя Майки старается хорошо себя вести. Даже когда видит плохие примеры. А тут, куда ни глянь, одни плохие примеры.

— Послушай, я же понимаю: что-то не так.

Анжела выключила миксер и, тяжело опустив плечи, уставилась на сливки — они до того загустели, что уже больше походили на масло.

— Тебя это не касается, Джени.

— Все, что касается тебя, касается и меня.

Мать повернулась и посмотрела на нее.

— Быть замужем тяжелее, чем ты думаешь.

— Папа что-то натворил?

Анжела развязала передник и бросила на стол.

— Может, отнесешь торт вместо меня? А то голова что-то разболелась. Пойду наверх прилягу.

— Мам, давай поговорим.

— Мне больше не о чем говорить. Я не такая мать, как другие. И никогда не заставляла детей вставать на чью-то сторону.

Анжела вышла из кухни и направилась наверх, к себе в спальню.

Джейн в недоумении вернулась в столовую. Фрэнки был занят тем, что поглощал вторую порцию баранины, и на сестру даже не взглянул. Зато Майк посмотрел на нее с тревогой. Фрэнки — тот толстокожий, а Майки — он ясно понял: сегодня в доме случилось неладное. Джейн посмотрела на отца — тот наливал себе остатки кьянти из бутылки.

— Пап, может, ты объяснишь, что все это значит?

Отец отпил большой глоток вина.

— Нет.

— Она очень расстроена.

— Это наше дело, ее и мое, ясно? — Он встал и хлопнул Фрэнки по плечу. — Пошли. Может, еще третий тайм досмотрим.

* * *

— Это было самое дурацкое Рождество в моей жизни, — сказала Джейн, когда они возвращались домой. Реджина уснула на детском сиденье в машине, и Джейн с Габриэлем впервые за весь вечер могли поговорить, ни на кого и ни на что не отвлекаясь. — Обычно все не так. Я имею в виду — мы часто пререкаемся и все такое, но в конце концов мама обычно

распекает нас всех заодно. — Она посмотрела на мужа, но в машине было темно, и его лица было не разглядеть. — Прости.

— За что?

— Ты небось и не думал, когда на мне женился, что попадешь в ту еще семейку — настоящий сумасшедший дом. И теперь, наверно, диву даешься, с кем связался.

— Ну да. Уже подумываю, не пора ли обзаводиться новой женушкой.

— Ну ведь у тебя возникают такие мыслишки, верно?

— Не смейся, Джейн.

— Черт, случается, что я сама хочу сбежать из этого дома.

— Ну а я решительно не намерен никуда сбегать от тебя. — Габриэль снова посмотрел на дорогу, где в свете передних фар кружила метель. Какое-то время они ехали молча. Потом он сказал: — Знаешь, я никогда не слышал, чтобы мои предки спорили. Ни разу в жизни.

— Валяй, прикладывай дальше. Знаю, моя семейка — куча крикунов.

— Ты родилась в семье, где привыкли выражать свои чувства, только и всего. Твои хлопают дверями, вопят и дико хохочут.

— О, час от часу не легче.

— Жаль, мои предки были не такие.

— Ну да.

— Мои родители, Джейн, никогда не повышали голоса, не хлопали дверями, и смеялись они нечасто. Да уж, семья полковника Дина была слишком дисциплинирована и не имела права на такие простые вещи, как выражение чувств. Не помню, чтобы отец хоть раз сказал «я люблю тебя» мне или маме. Мне пришлось самому учиться это говорить. И я до сих пор учусь. — Он посмотрел на нее. — У тебя.

Джейн прикоснулась к его бедру. Даже этого крутого непроницаемого парня можно кое-чему научить.

— Никогда больше не извиняйся за своих, — продолжал Габриэль. — Ведь благодаря им ты и стала такой.

— Иной раз сомневаюсь. Гляжу на Фрэнки и думаю: Боженька, сделай так, чтобы я оказалась найденышем, которого обнаружили на крыльце.

Габриэль рассмеялся.

— Да уж, вечерок выдался довольно напряженный. Кстати, а что там у них стряслось?

— Не знаю. — Джейн откинулась на спинку сиденья. — Но рано или поздно мы об этом узнаем.

Джейн нацепила поверх ботинок специальные бумажные бахилы, набросила хирургический халат и завязала его сзади, на поясе, на тесемки. Глянув через окошко в секционный зал, она подумала: «Я совсем не хочу туда». Но Фрост уже был там, в халате и маске, закрывавшей лицо лишь наполовину, так что Джейн не могла не заметить его выражения. Помощник Мауры, Йошима, вынул рентгеновские снимки из конверта и разложил их на просмотрном столе. Маура стояла к Джейн спиной, заслоняя то, что лежало на столе и что самой ей видеть совсем не хотелось. Еще какой-нибудь час назад она сидела дома, за столом на кухне, с воркующей Реджиной на руках, а Габриэль готовил завтрак. Сейчас же она чувствовала, как яичница переворачивается у нее в желудке, — ей хотелось скорее сбросить халат и бежать из этого здания на очищающий морозный воздух.

Однако она все равно толкнула дверь и вошла в секционную.

Маура посмотрела на нее через плечо; судя по выражению ее лица, доктор Айлз не испытывала ни малейшего беспокойства по поводу предстоящей процедуры. Как любой другой профессионал, она хорошо знала свое дело. И хотя им обоим приходилось соприкасаться со смертью, Маура была с ней на близкой ноге: ей было проще смотреть смерти прямо в лицо.

— Мы как раз собирались начать, — сказала Маура.

— В пробке пришлось поторчать. Дороги сегодня какой-то кошмар. — Джейн надела маску и направилась к изножью стола. На останки она старалась не смотреть, обратив взор к просмотровому столу с рентгеновскими снимками.

Йошима щелкнул выключателем — загорелись лампы, и высветились изображения на двух рядах пленок. Снимки черепа. Только они совсем не походили на те, что Джейн случалось видеть раньше: там, где должен был находиться шейный отдел позвоночника, она разглядела лишь несколько позвонков... и больше ничего. Одни неровные затемнения — следы мягких тканей в том месте, где была перерезана шея. Джейн представила себе, как Йошима крутил эту самую голову, располагая ее так и эдак, когда делал снимки. Может, она качалась, как береговой сигнальный шар, когда он устанавливал ее на кассете с пленкой и наводил коллиматор? Джейн отвернулась от просмотрного стола.

И вдруг поняла, что смотрит на стол. На останки, расположенные в анатомическом порядке. Туловище покоилось на спине, а рядом лежали отсеченные части тела — примерно в тех местах, где им следовало быть. Зловещий пазл из плоти и костей, ожидавший, когда его соберут воедино. Хотя Джейн совсем не хотелось смотреть на нее, она была тут как тут — голова, наклоненная чуть влево, как будто убитая повернула ее и глядела в сторону.

— Надо сопоставить края вот этой раны, — сказала Маура. — Поможешь поддержать вот так? — Пауза. — Джейн!

Риццоли удивленно посмотрела на Мауру.

— Что?

— Йошима будет делать снимки, а мне нужно посмотреть в увеличитель. — Маура сжала череп руками в перчатках и развернула голову убитой так, чтобы края раны совпали. — Вот так и держи. Надень перчатки и встань с этой стороны.

Джейн посмотрела на Фроста. «Лучше ты, чем я», — говорили его глаза. Она двинулась к изголовью стола. Остановилась, надела перчатки и протянула руки, чтобы обхватить голову трупа. Джейн поймала себя на том, что смотрит убитой прямо в глаза — на роговицы, матовые, словно восковые. За полтора дня в холодильнике плоть остыла, и Джейн, придерживая голову, почему-то вспомнила мясной прилавок в супермаркете возле ее дома, заваленный морожеными цыплятами в целлофане. Так или иначе, все мы состоим из мяса.

Маура склонилась над раной и принялась рассматривать ее через увеличитель.

— Полоснули, похоже, один раз, спереди. Очень острым лезвием. Зарубки видно только в двух метрах, под ушами. Похоже на маленький хлебный нож.

— Хлебный нож не настолько острый, — заметил Фрост откуда-то издалика.

Джейн подняла глаза и увидела, что он отступил от стола и стоял теперь ближе к раковине, прикрывая рукой маску.

— Под хлебным ножом я имею в виду не лезвие, — пояснила Маура, — а структуру разреза. Повторные срезы уходят вглубь в одной плоскости. Здесь виден один довольно глубокий первичный разрез — от щитовидного хряща до позвоночника. Затем — быстрое расчленение, между вторым и третьим шейными позвонками. Так что на обезглавливание, вероятно, ушло меньше минуты.

Йошима поднес цифровую камеру и сделал несколько снимков

предполагаемой раны. Вид спереди, сбоку. Какой ракурс ни возьми — сплошной ужас.

— Так, Джейн, — продолжала Маура, — а теперь взглянем на плоскость разреза. — Она взяла голову и перевернула ее макушкой вниз. — Вот так и держи.

Джейн увидела разрезанную плоть, открытую трахею и, тут же отвернувшись, продолжала держать голову, уже не глядя на нее.

Маура снова прильнула к увеличителю и принялась рассматривать поверхность разреза.

— На щитовидном хряще заметна бороздчатость. Думаю, от зазубренного лезвия. Сделай-ка и тут несколько снимков.

И снова защелкала фотокамера, когда Йошима взялся делать новые снимки. «На пленке останутся и мои руки, — подумала Джейн, — пойдут в одну кучу с другими уликами. Вместе с ее головой».

— Вы говорили... вы говорили, на стену брызнула артериальная кровь, — сказал Фрост.

Маура кивнула.

— В спальне.

— Она была еще жива.

— Да.

— И на это... обезглавливание... ушло всего лишь несколько секунд?

— Острым ножом да умелой рукой убийца, конечно, управился бы и за несколько секунд. Только с позвоночником ему, верно, пришлось повозиться.

— Значит, она все понимала, так? И чувствовала.

— Сильно сомневаюсь.

— Когда человеку отрезают голову, он находится в сознании секунды две-три, не больше. Сам слышал в шоу Арта Белла.^[5] Он как-то позвал к себе на программу врача, и они обсуждали тему гильотинирования. Так вот, судя по некоторым наблюдениям, человек еще остается жив, когда его голова падает в корзину. Ему даже кажется, что это он сам туда падает.

— Может, и так, только...

— Тот врач сказал, что Мария Шотландская^[6] даже пыталась разговаривать после того, как ей отрубили голову. У нее все еще шевелились губы.

— Черт возьми, Фрост! — воскликнула Джейн. — Мне и так достаточно ужасов!

— Но ведь такое возможно? То, что эта бедняга чувствовала, как ей

отрезают голову?

— Весьма сомнительно, — сказала Маура. — И я говорю это не для того, чтобы успокоить вас. — Она перевернула лежащую на столе голову набок. — Пощупайте череп. Вот здесь.

Фрост в ужасе уставился на доктора Айлз.

— Нет-нет, и так верю. Не стоит.

— Да ладно вам. Наденьте перчатки и пощупайте височные кости. Тут прощупывается рана на коже. Я не заметила, пока мы не смыли кровь. Пощупайте и скажите, что чувствуете.

Фросту это было явно не по душе, но он все же нацепил одну перчатку и робко провел пальцами по черепу.

— Тут это... ага... какая-то впадина на кости.

— Вдавленный перелом черепа. На снимке он виден. — Маура подошла к просмотрovому столу и показала на снимок свода черепа. — Боковой снимок показывает трещины, которые веером расходятся от точки, куда был нанесен удар. Они образуют паутину на височной кости. На самом деле подобный тип переломов мы так и называем. Мозаикой или паутиной. Это место особенно уязвимое — как раз под ним проходит средняя менингеальная артерия. Когда она разрывается, происходит кровоизлияние — кровь заполняет черепную полость. Когда вскроем череп, мы увидим, так это или нет. — Она посмотрела на Фроста. — В нашем случае по голове был нанесен сильнейший удар. Так что, думаю, жертва была без сознания, когда ее начали резать.

— Но пока живая.

— Да. Определенно живая.

— Однако сказать наверняка, была ли она без сознания, вы не можете.

— На конечностях у нее нет никаких повреждений, полученных при самообороне. Никаких физических следов того, что она пыталась защищаться. Вряд ли кто-нибудь позволит перерезать себе горло без малейшего сопротивления. Думаю, этим ударом ее попросту оглушили. И прикосновения лезвия она, по-моему, даже не почувствовала. — Маура задумалась, потом спокойно прибавила: — По крайней мере, надеюсь. — Она подошла к телу с правой стороны, взяла отсеченную руку и поднесла срезанного конца к увеличителю. — На хрящевой поверхности, в месте отчленения локтевого сустава, следы орудия видно лучше, — заметила она. — Похоже, орудовали одним и тем же лезвием. Очень острым, с зазубренным краем.

Маура приложила отчлененную руку к суставу, как будто собирая манекен, и осмотрела результат. На лице у нее не было ни тени ужаса —

только сосредоточенность. С таким выражением обычно рассматривают какую-нибудь деталь или шарнир, но не рассеченную плоть. Не руку женщины, которая с ее помощью откидывала волосы со лба, махала кому-нибудь вслед и танцевала.

И как только Мауре это удастся? Как она может приходить сюда каждое утро, зная, что ее ждет? День за днем брать в руки скальпель и рассекать на части трагедию чьих-то внезапно оборвавшихся жизней. «Я и сама имею дело с этими трагедиями, — подумала Джейн. — Но мне не приходится разглядывать вскрытые черепа или копаться во внутренностях».

Маура обогнула стол, подойдя к телу с левой стороны. И без всяких колебаний взяла отсеченную кисть руки. Охлажденная, отмытая от крови, она, казалось, была из воска, а не из плоти, — как будто ее принесли на киносъемочную площадку из реквизиторской. Маура навела на нее увеличитель и принялась рассматривать поверхность разреза с рваными краями. Некоторое время она молчала, а потом у нее на лбу обозначилась складка.

Маура положила кисть и взяла левую культю, чтобы осмотреть ее со стороны запястья. Складка у нее на лбу сделалась глубже. Она снова взяла кисть и приложила ее к запястью, чтобы проверить, совпадают ли резанные поверхности: кисть — к запястью, края восковой кожи — к краям восковой кожи.

Затем она вдруг отложила все это в сторону и посмотрела на Йошиму.

— Не мог бы ты достать снимки запястья и кисти?

— Снимки черепа больше не нужны?

— Вернемся к ним позже. Сейчас мне надо посмотреть левую кисть и запястье.

Йошима убрал первую серию рентгеновских снимков и выложил новую. На светящейся поверхности просмотрового стола стали видны кости кисти и фаланги пальцев — столбики, похожие на тонкие стебельки бамбука. Маура стянула перчатки, подошла к просмотровому столу и впилась взглядом в изображения. Хотя она не сказала ни слова, по ее молчанию Риццоли поняла — здесь явно что-то не так.

Маура повернулась к Джейн.

— Вы полностью обыскали дом убитой?

— Да, конечно.

— Все углы? Каждый шкаф, каждый ящик?

— Там почти ничего не было. Она ведь въехала туда несколько месяцев назад.

— И в холодильнике смотрели? В морозилке?

— Криминалисты залезали и туда. А что?

— Подойди-ка взгляни вот на этот снимок.

Джейн сняла запачканные перчатки, подошла к просмотровому столу и глянула на снимки. Но не увидела ничего такого, что могло объяснить внезапную настороженность Мауры, — ничего такого, что не соответствовало бы тому, что она видела на столе.

— На что мне нужно смотреть?

— Видишь вот это изображение кисти? Эти маленькие косточки, вот здесь, называются запястными. Они образуют основание кисти перед разветвлением фаланг пальцев.

Маура взяла руку Джейн и перевернула вверх ладонью, где остался шрам, который теперь всегда будет напоминать ей, Джейн, о том, что сделал с нею другой убийца. След насилия, оставленный на ее руке Уорреном Хойтом. Но Маура ничего не сказала по поводу шрама — вместо этого она указала на мясистое основание ладони Джейн, возле запястья.

— Здесь расположены кости запястья. На снимке они выглядят как восемь камушков. Эти маленькие костяшки скреплены связками, мышцами и соединительными тканями. Они-то и придают рукам гибкость и позволяют им выполнять самую разную работу — и лепить, и играть на пианино.

— Так-так. Ну и что?

— Вот эта костяшка, в первом ряду... — Маура показала на снимке ближайшую к запястью кость —...она называется ладьевидной. Под нею, как видишь, находится сустав, и здесь, на снимке, отчетливо виден осколок другой кости. Это часть шиловидного отростка. Вместе с кистью убийца отсек и часть кости верхней конечности.

— Я все равно пока ничего не понимаю.

— А теперь взгляни на снимок культы верхней конечности. — Маура показала на другую пленку. — Это периферические окончания двух костей предплечья. Тонкая кость — локтевая, внутренний мыщелок плечевой кости. А толстая, со стороны большого пальца кисти, — лучевая. Ну а это — шиловидный отросток, о котором я говорила вначале. Понимаешь, о чем я?

Джейн нахмурилась.

— Целехонькая. На этом снимке культы кость видна вся целиком.

— Верно. Не просто целая, но и соединенная с концом другой кости. С шиловидным отростком.

Внезапно Джейн почувствовала, что в этом ледяном помещении у нее

окоченело лицо.

— О боже, — тихо проговорила она. — Кажется, дело совсем плохо.

— Да, плохо.

Повернувшись, Джейн снова подошла к столу. И посмотрела на отчлененную кисть руки, лежавшую рядом с культей верхней конечности, с которой, как она думала — вернее, они все думали, — та когда-то была соединена.

— Поверхности разреза не совпадают, — заметила Маура. — Да и на снимке это отчетливо видно.

— Вы хотите сказать — это не ее рука? — спросил Фрост.

— Чтобы это доказать, нужен анализ ДНК. Хотя доказательство, по-моему, налицо, — сказала Маура и, взглянув на Джейн, прибавила: — Есть еще одна жертва, но вы ее пока не нашли. У нас есть ее левая рука.

15 июля, среда. Фаза Луны: новолуние.

Вот обычаи семейства Соул.

В час пополудни дядя Питер приходит домой из больницы после неполного рабочего дня. Переодевается в джинсы, футболку и направляется в огород — там в большом количестве произрастают помидоры и подвязанные огурцы.

В два часа на пригорке появляется малыш Тедди с удочкой — он возвращается с озера. Без улова. Еще ни разу не видел, чтобы он принес домой хоть одну рыбешку.

В четверть третьего на пригорке показываются две подружки Лили, с купальниками и полотенцами. У той, что повыше, — ее, кажется, зовут Сарой, — еще и радиоприемник. Из него звучит странная ухающая музыка, нарушающая послеполуденную тишину. Они расстилают на лужайке полотенца и ложатся загорать, как ленивые кошки. Кожа у них так и лоснится от лосьона для загара. Лили садится и тянется за бутылкой с водой. Подносит ее к губам и вдруг, замерев, смотрит на мое окно. И видит, как я за ней наблюдаю.

Это уже не первый раз.

Она медленно опускает бутылку и говорит что-то подружкам. Теперь и те садятся и смотрят в мою сторону. Некоторое время они глядят на меня, а я на них. Сара выключает приемник. Они втроем встают, отряхивают полотенца и направляются в дом.

Через некоторое время в мою дверь стучится Лили. И, не дожидаясь ответа, входит ко мне в комнату.

— Почему ты наблюдаешь за нами? — спрашивает она.

— Я просто смотрел в окно.

— Ты смотрел на нас.

— Это просто вы были там, куда я смотрел.

Ее взгляд падает на мой стол. Там лежит раскрытая книга, которую мама подарила мне на десятый день рождения. Она известна под названием «Египетская книга мертвых». Это собрание погребальных текстов. Всех заклинаний и магических формул, позволяющих путешествовать по загробному миру. Лили подошла поближе к книге, но дотронуться побоялась, будто бы страницы могли обжечь ей пальцы.

— Тебе интересны обряды, связанные со смертью? — спрашиваю я.

— Это все суеверие.

— Откуда ты знаешь, если никогда не пробовала?

— И ты умеешь читать эти иероглифы?

— Меня мама научила. Но это все слабые заклинания. Не по-настоящему мощные.

— А что бывает от мощных?

Она бросила на меня прямой, решительный взгляд, и мне даже показалось, что силы в ней гораздо больше, чем я думал. Что, если я недооценил ее?

— С помощью самых мощных заклинаний, — говорю я, — можно воскресить мертвеца.

— Да ну, как в «Мумии»^[7], что ли? — смеется она.

Смешки слышатся и у меня за спиной, я поворачиваюсь и вижу в дверях обеих ее подружек. Они подслушивали и теперь смотрят на меня с презрением. Как на чудака, каких сроду не видели. Они даже не подозревают, что я и впрямь не такой, как все.

Лили закрывает «Книгу мертвых».

— Девчонки, пошли купаться, — говорит она и выходит из комнаты, оставляя за собой сладкий аромат лосьона для загара.

Из окна мне видно, как они спускаются с пригорка к озеру. В доме воцаряется тишина.

Я иду в комнату Лили. Снимаю с ее щетки для волос длинные темные пряди и прячу к себе в карман. Потом открываю пузырьки и баночки с лосьонами и кремами и нюхаю; каждый запах навеивает мимолетные воспоминания: вот Лили завтракает за столом, вот сидит рядом со мной в машине. Раскрываю платяной шкаф, выдвигаю ящики и трогаю ее одежду. Такую же, как и у всех американских девчонок. Ведь она всего лишь девчонка, в конце-то концов. Но за ней нужно приглядывать.

Что я по мере сил и делаю.

Сиена, Италия. Август.

Лили Соул очнулась мгновенно — ее словно вырвали из глубокого сна — и теперь, тяжело дыша, лежала среди сбившихся простыней. В щель между чуть приоткрытыми деревянными ставнями просачивался желтоватый предвечерний свет. В полумраке над постелью жужжала, описывая замысловатые круги, муха, привлеченная запахом ее влажного тела. И страха. Она села на тонкий матрас, откинула назад спутанные волосы и принялась массировать голову — сердце мало-помалу перестало колотиться. Из-под мышек у нее струился пот, впитывавшийся в футболку. Она ухитрилась заснуть в самое пекло — в комнате все еще стояла духота, и от спертого воздуха впору было задохнуться. «Нет, больше так не могу, — подумала она, — эдак просто свихнусь».

«А может, я уже свихнулась».

Она встала с постели и подошла к окну. Жаром дышали даже керамические плитки у нее под ногами. Открыв ставни, она взглянула на маленькую площадь, на дома, раскалившиеся на солнце, точно каменные печи. Золотистая дымка окрасила умброй купола и плоские крыши. Благоразумные жители Сиены искали спасения от летнего зноя у себя дома; на улицах же сейчас, наверное, остались одни только туристы — они бродили тараща глаза по узеньким улочкам, пыхтели и обливались потом, взбираясь по крутому склону к базилике, или фотографировались на Пьяцца дель Кампо, топчась на месте и прилипая расплавленными подошвами к раскаленной брусчатке. Обычные туристические хлопоты, которым предавалась и она сама, когда впервые приехала в Сиену, — до того как переняла уклад местных жителей. Еще до того, как на этот средневековый город опустился августовский зной.

На маленькой площади, у нее под окном, не было ни души. Повернув голову, она заметила в полутемном закутке, у двери, резкое движение. Она так и замерла, не сводя глаз с того места. «Я его не вижу, а он меня?» Следом за тем из темного закутка вынырнула странная тень — она потрусила напрямик через площадь и скоро скрылась из виду.

Всего лишь собака.

Усмехнувшись, она отвернулась от окна. «Не каждая тень скрывает чудовище, — подумала она. — Только некоторые. Бывает, что тени следуют за тобой по пятам и угрожают, куда ни пойдешь».

В маленькой ванной она ополоснула лицо едва теплой водой и забрала темные волосы в хвост. Она не тратила время на макияж: за последний год ей пришлось отказаться от всех привычек, мешавших быстро передвигаться. Она вполне обходилась маленьким чемоданчиком, рюкзаком и всего лишь двумя парами обуви — сандалиями да кроссовками. Джинсы, футболки и свитера защищали ее и от жары летом, и от мокрого снега зимой. Если уж речь заходит о выживании, то здесь главное многослойность защиты — это относится и к одежде, и к эмоциям. Сторонись стихии, опасайся привязанностей.

Оставайся в безопасности.

Она взяла рюкзак и вышла из комнаты в темную прихожую. Там она остановилась и, закрывая за собой дверь, всунула вниз, между косяком и створом, картонную спичку без серной головки, после чего заперла дверь на ключ. Правда, старенький запор вряд ли мог служить защитой от незваных гостей. Ему, как и самому дому, была, вероятно, не одна сотня лет.

Приготовившись терпеть зной, она вышла из дома на площадь. Остановилась и оглядела пустое пространство. Большинству горожан было пока рановато выбираться на свет божий, но пройдет час-другой, они очнутся от послеобеденной дремоты и снова разбредутся кто по магазинам, кто по конторам. У Лили еще было в запасе время, перед тем как вернуться на работу, где ее ждал Джорджо. Так что можно немного потряхнуть стариной и пройтись по любимым местам любимого города. Лили жила в Сиене только три месяца и уже чувствовала — близок день, когда ей придется с нею распрощаться. Скоро придется покинуть и этот город, как это было со всеми другими местами, где ей очень нравилось.

«Я пробыла здесь слишком долго».

Она прошла через площадь и двинулась дальше по переулку к улице Фонтебранда. Путь ее лежал к старинному городскому источнику, мимо домов, где когда-то жили средневековые ремесленники, а позднее размещались скотобойни. Фонтебранда — один из символов Сиены, воспетый однажды Данте; его воды остались такими же прозрачными и манящими, как сотни лет назад. Один раз она наведлась сюда в полнолуние. По легенде, как раз в это время в водах источника купались оборотни, перед тем как снова принять человеческий облик. Той ночью, правда, она не видела ни одного оборотня — только подвыпивших туристов. Что, возможно, одно и то же.

Теперь Лили направилась вверх по склону, шлепая прочными сандалиями по пылающей жаром брусчатке, миновала святилище и дом

святой Екатерины, сиенской святой, которая долгое время ничего не ела, живя только лишь святым причастием. Святой Екатерине были ясные видения ада, чистилища и рая, и она возжелала себе славную и горькую участь великомученицы. Однако ж после многих лет болезни она смогла добиться всего лишь самой обычной смерти. Поднимаясь по склону, Лили подумала: «А ведь мне тоже были видения ада. Вот только участь великомученицы меня совсем не прельщает. Я хочу жить. И сделаю для этого все возможное».

Когда она поднялась к базилике Сан-Доменико, ее футболка насквозь промокла от пота. На вершине холма она остановилась и, с трудом переводя дух, окинула взглядом простирившийся внизу город с его черепичными крышами, размытыми в дымке летнего зноя. От этого зрелища у нее защемило в груди: она понимала — скоро ей предстоит со всем этим расстаться. Она и так задержалась в Сиене дольше, чем следовало, и теперь ясно чувствовала — зло приближается; его едва уловимый аромат уже ощущается в воздухе. Лили окружали добравшиеся-таки до вершины холма и одуревшие от усталости туристы, и она стояла в их толпе, безмолвная и одинокая, точно призрак среди живых. «Уже мертвая, — подумала она, — или почти».

— Простите, мисс! Вы говорите по-английски?

Лили испуганно оглянулась на средних лет мужчину и женщину в одинаковых футболках с эмблемой Пенсильванского университета и мешковатых шортах. Мужчина сжимал в руках хитроумный с виду фотоаппарат.

— Хотите, чтобы я вас сфотографировала? — спросила Лили.

— Было бы здорово! Спасибо.

Лили взяла фотоаппарат.

— Он, наверно, особенный?

— Да нет, просто нажмите на кнопку.

Парочка взялась за руки и замерла на фоне живописной панорамы Сиены, расстилавшейся у них за спиной точно громадный средневековый гобелен. В память об их изнурительном восхождении в этот жаркий день.

— Вы ведь тоже американка? — осведомилась женщина у Лили, когда та вернула фотоаппарат. — И откуда? — Это был самый обычный дружеский вопрос — его бесконечно задают друг другу туристы, особенно соотечественники, путешествующие по дальним странам. Однако Лили тотчас же насторожилась. «Скорее всего, это вполне безобидное любопытство. Но откуда мне знать, кто они такие. Ни в чем нельзя быть уверенной».

— Из Орегона, — соврала она.

— Правда? У нас там сын живет. А в каком городе?

— В Портленде.

— Надо же, как тесен мир! Он живет на Нортвест-Ирвинг-стрит. Может, вы с ним соседи?

— Нет. — Лили уже подалась назад, отступая от навязчивой парочки, которой следом за тем, не исключено, захочется пригласить ее выпить кофе, расспросить, что да как, и выведать еще какие-нибудь подробности, а ей вовсе не хотелось ими ни с кем делиться. — Приятных впечатлений!

— Погодите, может...

— У меня еще встреча. — Она помахала им рукой и спешно ретировалась.

Впереди виднелись двери гостеприимного убежища — базилики. Лили вошла внутрь, в прохладную тишину, и облегченно вздохнула. Церковь была почти пуста — лишь несколько туристов блуждало по внутреннему ее пространству, благоговейно перешептываясь. Она вышла под готический свод, где солнечный свет разбивался в витражном стекле на мириады разноцветных лучей, озарявших радужным светом гробницы сиенской знати, которые примыкали рядами к обеим стенам. Свернув в нишу часовни, она остановилась перед позолоченным мраморным алтарем и взглянула на раку, где хранилась голова святой Екатерины Сиенской. Ее посмертные останки разделили на части: тело отправили в Рим, а ступню — в Венецию. Думала ли Екатерина, что ее постигнет такая участь? Что ее голову отделят от брэнного тела и выставят иссохший лик напоказ бесчисленным потным туристам да болтающим без умолку школьникам?

Из-под застекленной раки на нее смотрели кожистые глазницы святой. «Вот так и выглядит смерть. Ты ведь уже знаешь это, верно, Лили Соул?»

Лили дрожа вышла из ниши и быстрым шагом, отдававшимся гулким эхом под сводами церкви, направилась к выходу. Оказавшись на улице, она с радостью нырнула в пекло. Неприятны ей были только туристы. Толпы чужаков с фото- и кинокамерами. Любой из них мог походя ее щелкнуть.

От базилики она пошла обратно — вниз по склону холма, через площадь Салимбени и дворец Толомеи. В замысловатом переплетении узких улочек могли запросто заблудиться туристы — Лили же знала этот лабиринт как свои пять пальцев, поэтому она быстро и решительно шла своей дорогой. Она уже опаздывала, поскольку слишком долго задержалась на холме, и Джорджо конечно же будет ей выговаривать. Впрочем, это ничуть ее не пугало: поворчит-поворчит — и успокоится.

Так что, опоздав на работу на четверть часа, она ни капельки не

волновалась. Звякнул дверной колокольчик, возвестивший о ее приходе в лавку, и Лили тут же вдохнула знакомые запахи — запыленных книг, камфары и табачного дыма. Джорджо и его сын Паоло стояли, склоняясь над столом в дальнем конце лавки, у обоих перед глазами было по лупе, специально крепившейся на голове. Оторвавшись от своего занятия, Паоло посмотрел на Лили одним огромным, как у циклопа, глазом.

— Взгляни-ка на это! — обратился он к ней по-итальянски. — Только что принесли. Прислал один коллекционер из Израиля.

Они оба были до того возбуждены, что даже не обратили внимания на ее опоздание. Она положила рюкзак на пол, рядом со своим столом, и направилась к ним мимо антикварного столика и дубовой монастырской скамьи. Мимо римского саркофага, служившего теперь, к их стыду, заурядным хранилищем для разных папок. Она перешагнула через вскрытую упаковочную клеть, откуда на пол просыпалась упаковочная же стружка, и взглянула на то, что лежало у Джорджо на столе. Это был кусок резного мрамора — вероятно, обломок какой-нибудь древней постройки. На двух прилегающих поверхностях мрамора она разглядела патину, тончайший налет времени, образовавшийся под действием ветра, дождя и солнца. «Угловой камень», — решила она.

Юный Паоло снял с головы лупу, взъерошив волосы. Своей широкой улыбкой, больше похожей на оскал, и торчащими в форме острых звериных ушей пучками волос он вполне мог бы сойти за одного из тех легендарных сиенских оборотней, пусть даже совершенно безобидных и притом довольно симпатичных. В душе у Паоло, как и у его отца, не было ни грамма жестокости, и Лили могла бы запросто в него влюбиться, если б не страх сделать его несчастным, что было неизбежно.

— Думаю, тебе это понравится, — сказал он, протягивая ей лупу. — Это как раз то, что тебя всегда интересует.

Лили склонилась над угловым камнем и принялась рассматривать вырезанную на мраморе человекообразную фигурку. Та стояла прямо, в юбке на талии и с браслетами на ногах. Только голова у нее была не человеческая. Лили нацепила на голову лупу и наклонилась пониже. Теперь в увеличительное стекло ей стали видны все детали, и от этого ее вдруг бросило в дрожь. Она ясно увидела собачьи клыки и когтистые пальцы. И рога.

Она выпрямилась, в горле у нее пересохло, голос сделался странно отчужденным.

— Коллекционер из Израиля, говоришь?

Джорджо кивнул, снял с головы лупу — и превратился в Паоло, только

постаревшего и облысевшего. Те же карие глаза, только тронутые морщинками в уголках.

— Какой-то новенький. Поэтому мы и не уверены в подлинности этой вещи. Непонятно, можно ли ему доверять.

— И как же он прислал нам этот фрагмент?

Джорджо пожал плечами.

— Только сегодня пришел в упаковочной клетке. Вот и все, что я знаю.

— Он что, хочет его продать?

— Нет, просит оценить, и все. Ну, что скажешь?

Она провела пальцем по патине. И снова почувствовала холод, исходивший от камня и проникавший ей под кожу.

— Он сообщил, откуда это у него?

Джорджо потянулся к пачке бумаг.

— Говорит, купил восемь лет назад в Тегеране. Думаю, вывез контрабандой. — Он снова пожал плечами и подмигнул. — Но нам-то что за дело, а?

— Из Персии, — проговорила она. — Это Ахриман.

— А что такое Ахриман? — спросил Паоло.

— Не что, а кто. В Древней Персии Ахриман считался демоном. Духом разрушения. — Она положила лупу на стол и глубоко вздохнула. — Воплощением зла.

Джорджо улыбнулся и радостно потер руки.

— Видишь, Паоло? Я же говорил, она все знает. Дьяволы, демоны — все про все. Что ни спроси, на все готов ответ.

— Но откуда? — Паоло посмотрел на нее. — Просто не понимаю, откуда у тебя такой интерес к этой чертовщине?

Что ей было ответить? Как объяснить, что однажды ей случилось смотреть Зверю прямо в глаза, а Он глядел на нее? Он заметил ее. И с тех пор шел за ней по пятам.

— Выходит, вещица подлинная? — спросил Джорджо. — Угловой камень-то?

— Да, похоже.

— Тогда я ему прямо сейчас и отпишу, а? Нашему новоявленному дружку из Тель-Авива. Скажу, он-де попал в яблочко, прислал камень самым толковым экспертам, знающим ему настоящую цену. — Он бережно положил камень обратно в упаковочную клетку. — На такую-то диковину покупатель уж непременно найдется.

«Кому же взбредет в голову хранить у себя дома чудовище? — подумала Лили. — Кто захочет, чтобы зло смотрело на него со стены

собственного дома?»

— Ах да, совсем забыл, — сказал Джорджо. — Ты в курсе, что у тебя есть поклонник?

Лили нахмурилась.

— Что?

— Да заходил тут один в обед. Спрашивал, не работает ли у меня американка.

Она так и застыла.

— И что вы ему сказали?

— Я остановил отца, и тот ничего не успел сказать, — сообщил Паоло. — Мы можем влипнуть в историю, ведь у тебя нет разрешения на работу.

— Но, немного поразмыслив, я могу сказать вот что, — продолжал Джорджо. — По-моему, он в тебя втрескался. Потому и разыскивает. — Джорджо подмигнул Лили.

Она нервно сглотнула.

— Он сказал, как его зовут?

Джорджо весело хлопнул сына по руке.

— Смотри! — буркнул он. — Больно нерасторопный ты, сынок. Вот уже и новый ухажер объявился, того и гляди ее уведет.

— Как его звали? — снова спросила она, более резким тоном.

Однако отец с сыном не обратили внимания на внезапную перемену в ее состоянии. Они были слишком заняты подтруниванием друг над дружкой.

— Имени он не назвал, — ответил Джорджо. — Похоже, и дальше будет действовать инкогнито. А тебе придется угадывать.

— Он молодой? Как выглядит?

— О! Стало быть, клюнула.

— Может, в нем было... — она задумалась, — что-нибудь необычное?

— Что значит «необычное»?

Нечеловеческое, хотелось ей сказать.

— Глаза у него синие-синие, — вдруг вспомнил Паоло. — Странные какие-то. Светлые, как у ангела.

«Как у противоположности ангела».

Лили отвернулась, кинулась к окну и через запыленное стекло стала вглядываться в прохожих. «Он здесь, — подумала она. — И в Сиене меня нашел».

— Да вернется он, сага mia.^[8] Потерпи немного, — успокоил ее Джорджо.

«Только меня уже здесь не будет».

Лили схватила рюкзак.

— Простите, — сказала она, — мне что-то нездоровится.

— Что случилось?

— Кажется, из-за вчерашней рыбы. Не прижилась чего-то. Пойду-ка лучше домой.

— Паоло тебя проводит.

— Нет! Не надо. — Она распахнула дверь, громко звякнув колокольчиком. — Сама дойду.

Она вышла из лавки, не оглядываясь, потому что боялась, как бы Паоло не бросился за ней вдогонку, возомнив себя благородным телохранителем. Ей нельзя было терять из-за него ни минуты. Сейчас нужно поторапливаться.

Домой Лили возвращалась обходным путем, сторонясь многолюдных площадей и больших улиц. Она петляла тесными переулками, поднималась по втиснутым меж средневековых стен узким лестницам, продвигаясь к району Фонтебранда. На сборы у нее уйдет около пяти минут. Она давно научилась расторопности и свыклась с необходимостью сниматься с места в любую минуту, так что ей оставалось только бросить в чемоданчик одежду и туалетные принадлежности и забрать пачку евро из тайника за комодом. Последние три месяца Джорджо платил ей наличными, прекрасно понимая, что у нее нет разрешения на работу. Но, так или иначе, ей удалось отложить на черный день кое-какую сумму, вполне достаточную, чтобы перебраться в другой город и перебиться во время поисков очередного места работы. «Заберу деньги, чемодан, и в путь, — решила она. — Прямиком на автовокзал».

Нет. Не годится, подумав хорошенько, спохватилась она, ведь там-то он точно будет меня подстергать. Лучше взять такси. Конечно, это дороже, зато если на нем только выбраться из города, к примеру, доехать до Сан-Джиминьяно, то дальше можно пересесть на поезд до Флоренции. А там, среди несметных толп, она уж как-нибудь да затеряется.

В дом Лили вошла не со стороны площади, а через темную улочку, заставленную ржавыми мусорными баками и велосипедами на приколе, и стала подниматься по лестнице. В коридоре звучала музыка, доносившаяся через приоткрытую дверь в одной из соседних квартир. «Это тот ненормальный паренек-сосед, — догадалась она. — Тито со своим чертовым радиоприемником». Она поймала застывший, точно у зомби, взгляд мальчишки, сидевшего, сгорбившись, на диване. И прошла к своей квартире. Уже достав из кармана ключи, она вдруг обратила внимание на

спичку — и застыла как вкопанная.

Между дверью и косяком ее не было — она валялась на полу.

Лили отпрянула, чувствуя, как у нее заколотилось сердце. Когда она, пятясь, отступила к двери Тито, паренек посмотрел на нее и помахал рукой. Не самое подходящее время для начала общения. «Только не говори ни слова, — молча молила она. — Не смей говорить!»

— Ты что, сегодня не на работе? — обратился он к ней по-итальянски.

Она развернулась и бросилась вниз по лестнице. И, выбежав на улицу, едва не споткнулась о велосипеды. «Черт, опоздала!» — подумала она, свернув за угол и избегая по короткому лестничному пролету. Юркнув в заросший сад, она припала к осыпающейся стене и так и замерла, затаив дыхание. Пять минут, десять... Ни шагов, ни топота — никаких других звуков погони.

«Может, спичка выпала сама по себе? Может, еще успею забрать чемодан и деньги?»

Решившись высунуться из-за стены, она оглядела улицу. Ни души.

«Может, повезет? Может, рискнуть?»

Она осторожно выбралась на ту же улочку. И затем узкими закоулками добралась до площади. Но идти дальше в открытую она не решилась — украдкой выглянула из-за угла и посмотрела на окно своей квартиры. Деревянные ставни — открыты, как до ее ухода. Но тут сквозь сгущающиеся сумерки она уловила в окне движение. В проеме между ставнями мелькнул силуэт — всего лишь на миг.

Она отскочила обратно за угол. Черт! Проклятье!

Она расстегнула рюкзак и пошарила в бумажнике. Сорок восемь евро. Хватит, чтобы купить билет на автобус и раза два-три перекусить. А может, и на такси до Сан-Джиминьяно, но не больше. У нее была с собой банковская карточка, но она решалась пользоваться ею только в больших городах — там можно было быстро раствориться в толпе. Последний раз она использовала ее еще во Флоренции, вечером в субботу, когда на улицах было полно народу.

«Только не здесь, — подумала она. — Не в Сиене».

Она покинула площадь и углубилась в переулки Фонтебранды. Благо там она ориентировалась лучше, чем где бы то ни было; там она могла запросто ускользнуть от кого угодно. Так она вышла к маленькой кофейне, которую открыла для себя несколько недель назад, — туда заходили разве что местные. Внутри было мрачно, как в пещере, и пахло табачным дымом. Она примостилась за угловым столиком, заказала сэндвич с сыром и помидорами и эспрессо. Потом еще один эспрессо. Потом еще. Ночью ей

вряд ли удастся уснуть. «Пойду во Флоренцию пешком, — решила она. — Расстояние небольшое — километров тридцать-сорок». Ей уже приходилось ночевать в чистом поле. И воровать по ночам персики с виноградом тоже случалось. Так почему бы не попробовать снова.

Она уплела сандвич — все до последней крошки. Кто знает, когда снова выпадет случай поесть. Меж тем, когда она вышла из кофейни, наступила ночь, и по темным улочкам уже можно было передвигаться, не опасаясь, что тебя узнают. Впрочем, был еще один выход. Рискованный, зато избавлявший от сорокакилометровой прогулки.

«Джорджо непременно поможет, — подумала она. — И отвезет меня во Флоренцию».

Так она брела и брела, стараясь держаться подальше от городской площади, предпочитая ближней дороге обходные пути. И к тому времени, когда она наконец добрела до дома Джорджо, от ходьбы по неровной брусчатке у нее гудели ноги. Под прикрытием тьмы она заглянула в окно. Жена Джорджо умерла несколько лет назад, и отец с сыном жили в доме вдвоем. Внутри везде горел свет, однако никакого движения на первом этаже она не заметила.

Лили не была настолько отчаянной, чтобы стучаться в парадную дверь. Нет, она обошла дом сзади, через маленький сад, юркнула в калитку и, прошмыгнув мимо благоухающих тимьяна и лаванды, постучала в дверь на кухню.

В ответ — ни звука.

Она прислушалась — может, у них работает телевизор, поэтому они и не услышали стука, но до ее слуха доносился только шум улицы.

Она дернула за ручку — дверь отворилась.

Ей хватило одного-единственного взгляда. Перед глазами мелькнула кровь, выкрученные руки и искаженные лица отца и сына. Джорджо и Паоло так и застыли в последнем объятии.

Она отпрянула назад, прижимая руки ко рту, с затуманенными от слез глазами. «Это из-за меня. Все из-за меня. Их убили из-за меня».

Пятясь задом через заросли лаванды, она наткнулась на калитку. И от удара очнулась.

«Прочь! Бегом!»

Лили выскочила из сада, даже не потрудившись закрыть за собой калитку, и бросилась бежать по улице, шлепая сандалиями по брусчатке.

Она так и бежала без оглядки, пока не оказалась на окраине Сиены.

— Мы точно знаем, что есть еще одна жертва? — спросил лейтенант Маркетт. — У нас же пока нет подтверждения — результатов анализа ДНК.

— Зато есть две разные группы крови, — сказала Джейн. — Отрезанная кисть принадлежала жертве с первой группой крови, резус-фактор положительный. А у Лори-Энн Такер вторая группа с положительным резусом. Значит, доктор Айлз не ошиблась.

В зале совещаний воцарилась долгая тишина.

— Дело принимает все более интересный оборот, — тихо произнес доктор Цукер.

Джейн посмотрела на него через стол. Под пристальным взглядом доктора Лоуренса Цукера, судебного психиатра, ей всегда становилось не по себе. Вот и сейчас он глядел на нее так, словно она была единственным объектом его внимания, и ей казалось, что своим взглядом он проникает в самые глубины ее сознания. Они работали вместе еще по делу Хирурга — два с половиной года назад, и Цукер знал, какие мысли и чувства терзали ее потом. Знал о ночных кошмарах и приступах панического страха. И видел, как она то и дело терла рубцы на ладонях, будто стараясь загладить жуткие воспоминания. За это время кошмарные сны об Уоррене Хойте почти прошли. Но всякий раз, когда Цукер пронзал ее своим взглядом, она чувствовала себя незащищенной, потому что он знал, насколько уязвимой она была когда-то. И не любила его за это.

Джейн отвела взгляд в сторону и посмотрела на двух других детективов — Барри Фроста и Еву Кассовиц. «Взяв Кассовиц в команду, — подумала она, — мы сделали ошибку». О том, как ее выворачивало на снег, да еще прилюдно, стало известно всему отделу, и Джейн заранее знала, как над ней будут издеваться. На другой день после Рождества на столе в приемной отдела странным образом появилось огромное пластмассовое ведро с написанной на нем фамилией Кассовиц. Любой другой посмеялся бы над шуткой или разозлился. Она же с видом побитого тюленя тихо сидела в своем кресле, не в силах вымолвить ни слова. «Да уж, в этом мужском клубе Кассовиц долго не протянет, — подумала Джейн, — если только не научится давать сдачи».

— Итак, у нас имеется убийца, который не просто расчленяет свои жертвы, — сказал Цукер, — но и переносит части тела с одного места преступления на другое. У вас есть фотография кисти?

— У нас полно фотографий, — ответила Джейн. И передала Цукеру папку с данными вскрытия. — По виду можно почти с полной уверенностью сказать — рука женская.

От таких снимков кого угодно могло вывернуть наизнанку, однако лицо Цукера, пока он их быстро просматривал, оставалось все таким же бесстрастным — ни тени отвращения. Только острое любопытство. Или, может, так в его взгляде отражалась страсть? Что, если ему даже нравилось рассматривать следы жестокого обращения с телом девушки?

Наконец Цукер нашел снимок отрезанной кисти.

— На ногтях никакого лака, хотя выглядят они ухоженными. Да, согласен, рука, похоже, женская. — Он взглянул на Джейн; его бледно-голубые глаза смотрели поверх очков в тонкой металлической оправе. — А что по отпечаткам?

— За жертвой по картотеке ничего не значит. В армии не служила. Никаких данных и по НИКЦ. ^[9]

— Неужели ее нет ни в одной базе данных?

— Во всяком случае, отпечатки пальцев нигде не зарегистрированы.

— А что, если эта кисть из медицинских отходов? Может, ее попросту ампутировали в какой-нибудь больнице?

— Я проверил во всех медицинских центрах по Бостону и в его окрестностях, — вмешался Фрост. — За последние две недели было произведено только две ампутации кистей рук: одну сделали в Центральной массачусетской больнице, другую — в «Пилгриме». Обе — результат несчастного случая. Первая травма — от цепной пилы, вторая — от укуса собаки. В обоих случаях кисти оказались до того покалечены, что реплантация была невозможна. И в первом случае пострадавший — мужчина.

— Эту кисть откопали не в больничных отходах, — сказала Джейн. — Да и не покалеченная она совсем. Ее отсеки очень острым зазубренным лезвием. И сделал это явно опытный хирург. Верхушка лучевой кости — срезана, да и кровопотерю даже не пытались остановить. Сосуды не перетянуты, никакого послойного рассечения кожи. Одним махом отрезано.

— Может, она принадлежит кому-нибудь из числящихся в розыске?

— Только не в Массачусетсе, — заметил Фрост. — Мы расширяем область поисков. Теперь под условия поиска подпадают все белые женщины. А жертва исчезла, судя по всему, не так давно, ведь рука даже не начала разлагаться.

— Ее могли заморозить, — предположил Маркетт.

— Нет, — возразила Джейн. — Под микроскопом не видно никаких

клеточных повреждений. Так доктор Айлз говорит. При заморозке вода расширяется и разрывает клетки, но она ничего такого не обнаружила. Кисть могли охладить или положить в пакет со льдом, как делают при перевозке донорских органов. А то, что она не была заморожена, это точно. Поэтому мы считаем, что жертва была убита всего лишь несколько дней назад.

— Если только ее действительно убили, — заметил Цукер.

Присутствующие разом воззрились на него. Жуткий смысл его слов заставил всех замолчать.

— Думаете, она еще может быть жива? — наконец проговорил Фрост.

— Ампутация не всегда приводит к смертельному исходу.

— О-о! — воскликнул Фрост. — Отрезать руку, не убивая...

Цукер просмотрел один за другим оставшиеся снимки из папки с данными вскрытия, останавливая на каждом пытливый взгляд, точно ювелир, глядящий в лупу. Наконец он отложил их в сторону.

— Существуют две вероятные причины, побудившие убийцу расчленить тело. Первая — чисто практическая. Ему нужно было избавиться от него. Среди убийц встречаются личности самоуглубленные и целенаправленные. Они понимают: от судебных улик необходимо избавляться, — и прячут следы своих преступлений.

— Организованные убийцы, — кивнул Фрост.

— Если убийца расчленил жертву, а потом рассовал отдельные части тела по разным местам или припрятал, значит, он распланировал все заранее. И действовал продуманно.

— В нашем случае они даже не были спрятаны, — сказала Джейн. — Он разбросал их по всему дому, в таких местах, где их нельзя было не заметить. — Она передала Цукеру другую пачку фотографий. — Это с места преступления.

Цукер раскрыл папку. И принялся задумчиво разглядывать первый снимок.

— Еще интересней, — проговорил он.

«Он глядит на отрезанную руку на столе, и на ум ему приходит только такое слово?»

— Кто накрыл стол? — Он посмотрел на нее. — Кто расставил тарелки с бокалами и разложил серебряные приборы?

— Мы считаем — преступник.

— Почему?

— Да черт его знает, почему!

— Я имею в виду, почему вы решили, что это сделал именно он?

— Потому что на тыльной стороне одной из тарелок, к которой он прикасался, было пятно крови.

— Отпечатки?

— К сожалению, не остались. Он был в перчатках.

— Значит, спланировал все заранее. Действовал преднамеренно. — Цукер снова перевел взгляд на фотографию. — Накрыто на четверых. Это что-то означает?

— Нам известно не больше вашего. В шкафу было восемь тарелок, так что он мог поставить и больше. Но почему-то предпочел только четыре.

— Так что вы об этом думаете, доктор Цукер? — спросил лейтенант Маркетт.

Психиатр ничего не ответил. Медленно перебрав фотографии, он остановился на снимке отрезанной руки в ванной. Потом нашел фотографию с кухни и снова остановился. Последовала долгая пауза — он молча рассматривал оплывшие свечи по краям начерченного на полу круга. И то, что было в середине круга.

— Похоже на какой-то таинственный ритуал, мы так считаем, — прокомментировал Фрост. — Меловой круг, сгоревшие свечи.

— Безусловно, все это напоминает ритуал. — Цукер поднял глаза, и в них сверкнул огонек, от которого у Джейн мороз прошел по коже. — Круг начертил преступник?

Джейн задумалась, смутившись от такого вопроса.

— Вы что же, думаете... это могла сделать и жертва?

— Я не буду давать никаких заключений. Надеюсь, вы тоже. Почему вы так уверены, что жертва не могла начертить круг? И что она сама не была добровольной участницей ритуала?

Джейн чуть не рассмеялась. «Ну да, я бы, пожалуй, тоже добровольно отдала голову на отсечение!» И сказала:

— Круг, несомненно, начертил убийца, он же зажег свечи. Потому что мы не нашли в доме ни одного кусочка мела. После того как он разрисовал пол на кухне, он забрал мел с собой.

Цукер откинулся на спинку кресла и подытожил:

— Значит, убийца расчленяет жертву, но части тела не прячет. Лицо жертвы не обезображивает. Из улик не оставляет почти ничего, и это указывает на то, что он знает, какие улики принимаются в суде, а какие нет. Тем не менее он нам подбрасывает — с позволения сказать — самую весомую улику из всех — часть тела другой жертвы. — Он задумался. — Следы спермы остались?

— В теле жертвы не обнаружено.

— А на месте преступления?

— Криминалисты обшарили весь дом с ультрафиолетовым спектроскопом. Нашли кучу разных волос и ни капли спермы.

— Вот вам еще характеристика вполне осознанного поведения. Преступник не оставляет следов сексуальной активности. Если он и впрямь сексуальный маньяк, то ему удастся отсрочивать семяизвержение ради собственной безопасности.

— А если он не сексуальный маньяк? — спросил Маркетт.

— Тогда я не до конца понимаю, что все это значит, — ответил Цукер. — Это расчленение жертвы, выставление напоказ частей тела. Свечи, меловой круг... — Он оглядел сидящих за столом. — Полагаю, мы все думаем одно и то же. Некий сатанинский обряд.

— Был сочельник, — прибавил Маркетт. — Святой вечер.

— И наш потрошитель объявляется вовсе не затем, чтобы чествовать Дающего Мир, — заметил Цукер. — Нет, он пытается вызвать к Князю тьмы.

— Там есть еще одна фотография, на которую вам стоит взглянуть, — заметила Джейн, указывая на пачку снимков, до которых у Цукера еще не дошли руки. — Там надпись — оставлена на стене. Выведена кровью жертвы.

Цукер нашел фотографию.

— Три перевернутых креста, — сказал он. — Наверняка какой-то сатанинский смысл. А это еще что за знаки, под крестами?

— Это слово.

— Что-то не разберу.

— Обратное изображение. Можно прочесть, если поднести зеркало.

Цукер вскинул брови.

— Вы ведь знаете, что обозначает зеркальное письмо, верно?

— Нет. А что оно обозначает?

— Когда дьявол заключает сделку, собираясь купить твою душу, договор составляется и подписывается зеркальным способом. — Насупившись, он снова взглянул на слово. — Так что там написано?

— *Ressavi*. Это по-латыни. Означает — «Я согрешил».

— Признание? — предположил Маркетт.

— Или бахвальство, — сказал Цукер. — Признание Сатане: «Я-де исполнил твою волю, повелитель». — Он оглядел разложенные на столе фотографии. — Очень бы хотелось встретиться с этим потрошителем в комнате допросов. Символизма здесь с избытком. Почему он именно так расположил части тела? Что означает кисть руки на блюде? И четыре

прибора на столе?

— Четыре всадника из Апокалипсиса, — тихо сказала детектив Кассовиц. Это было одно из редких замечаний, сделанных ею за все время совещания.

— С чего вы взяли? — удивился Цукер.

— Мы же говорим о Сатане. О грехе. — Кассовиц откашлялась, стараясь придать голосу твердости. — Это библейская тема.

— Четыре столовых прибора могут означать и трех его незримых друзей, приглашенных на полуночное застолье, — предположила Джейн.

— Библейская тематика вас не убедила? — спросил Цукер.

— Я понимаю, что все здесь указывает на сатанизм, — ответила Джейн. — Ну, скажем... круг, свечи. Зеркальное письмо, перевернутые кресты. Похоже, преступник и хотел, чтобы мы пришли к такому заключению.

— Думаете, это инсценировка?

— Может, он хотел скрыть настоящую причину убийства Лори-Энн Такер.

— Тогда каковы же его мотивы? У нее были проблемы в личной жизни?

— Она разведена, бывший муж живет в Нью-Мексико. И расстались они как будто мирно. В Бостон она перебралась только три месяца назад. Других мужчин у нее вроде бы не было.

— А работа была?

— Я беседовала с ее начальником в Музее науки, — снова заговорила Ева Кассовиц. — Лори-Энн работала в сувенирной лавке. Ни с кем не ссорилась. Вела себя тихо-смирно.

— Мы это точно знаем? — переспросил Цукер.

Свой вопрос он адресовал Джейн, а не Кассовиц, выказав тем самым свое пренебрежение, отчего та вся зарделась. Еще один удар по ее и так уже уязвленному самолюбию.

— Детектив Кассовиц, кажется, только что сказала вам, что именно мы знаем, — ответила Джейн, поддерживая члена своей команды.

— Ладно, — сказал Цукер. — Тогда почему убили эту женщину? Зачем было обставлять все как бы под сатанинский обряд, если все иначе?

— Чтобы было интересней. И привлекало внимание.

Цукер усмехнулся.

— Как будто бы мы могли не обратить внимания!

— Не мы. Расчет был на того, кто имеет вес для преступника.

— Вы имеете в виду доктора О'Доннелл, верно?

— Как известно, убийца звонил О'Доннелл, хотя она уверяет, что ее тогда не было дома.

— Вы что же, ей не верите?

— Мы не можем это доказать, потому что она стерла все телефонные сообщения. А нам сказала — звонок-де был ошибочный.

— С чего вы взяли, что это неправда?

— Вы же знаете ее, так ведь?

Он молча посмотрел на Риццоли.

— Знаю, что у вас с ней были трения. И ее дружба с Уорреном Хойтом не дает вам покоя.

— Речь не о моих взаимоотношениях с О'Доннелл...

— Да нет, о них самых. Она поддерживает дружбу с человеком, который вас чуть не убил. И который спит и видит, как бы довести дело до конца.

Джейн подалась вперед, напрягшись всем телом.

— Оставьте это, доктор Цукер, — спокойно проговорила она.

Взглянув на нее, психиатр увидел в ее глазах нечто такое, что вынудило его пойти на попятную.

— Стало быть, вы подозреваете О'Доннелл? — уточнил он.

— Я ей не доверяю. Она телохранительница для преступников. Пообещайте ей кругленькую сумму, и она будет до хрипоты защищать в суде любого убийцу. Заявит, что у него, мол, наличествуют неврологические нарушения и он не может отвечать за свои поступки. Что его надо лечить, а не сажать.

— Блюстители правопорядка ее недолгобливают, доктор Цукер. Что ни говори, — добавил Маркетт.

— Послушайте, даже если б мы любили ее, — заметила Джейн, — вопросов у нас все равно не стало бы меньше. Зачем убийца звонил ей с места преступления? Почему ее не было дома? И почему она не признается, где была?

— Потому что знает: вы уже заранее настроены к ней враждебно.

«Она даже не подозревает, до какой степени враждебности она может меня довести».

— Детектив Риццоли, вы что, намекаете, будто доктор О'Доннелл как-то связана с этим преступлением?

— Нет. Но она способна играть на этом. Питаться этим. Так или иначе, а она вдохновительница.

— Как это?

— Знаете, кошка иногда убивает мышку и приносит ее хозяину домой

в качестве своеобразного жертвоприношения. В знак привязанности.

— Так вы полагаете, наш убийца пытается произвести впечатление на О'Доннелл?

— Поэтому он и позвонил ей. Поэтому и обставил убийство так изощренно — чтобы привлечь ее внимание. А потом, чтобы его работу точно заметили, позвонил по девять-один-один. Ну а еще через пару-тройку часов, пока мы торчали на кухне, он позвонил в дом жертвы из телефона-автомата, чтобы проверить, там мы или нет. Этот тип всех нас приманил. Стражей порядка. И О'Доннелл.

— Неужели ей невдомек, в какой она опасности? — удивился Маркетт. — Надо же, привлечь к себе внимание убийцы!

— Похоже, ее это нисколько не пугает.

— Что же тогда может напутать такую дамочку?

— Маленький знак привязанности, который он, возможно, ей пришлет. Что-нибудь вроде дохлой мышки. — Джейн задумалась. — Не будем забывать. Кисть руки Лоры-Энн Такер мы так и не нашли.

Джейн думала об этой кисти руки даже на кухне, нарезая курицу для позднего ужина. Она поставила еду на стол, где уже как обычно сидел ее безукоризненно выглядящий муж, с засученными рукавами и с детской слюной на воротничке. Что может быть привлекательней, чем мужчина, терпеливо поглаживающий по спине свою отрыгивающую дочурку? Реджина громко рыгнула, и Габриэль рассмеялся. Как же это прекрасно! Когда все они вместе, в целостности и сохранности.

Потом Джейн взглянула на порезанную курицу и вспомнила то, что лежало на другом блюде, на обеденном столе у другой женщины. И отодвинула тарелку в сторону.

«Мы все состоим из мяса. Как этот цыпленок. Как говядина».

— А я думал, ты голодна, — сказал Габриэль.

— Расхотелось чего-то. Она перестала мне казаться аппетитной.

— Все из-за того дела?

— Хотела бы я перестать о нем думать.

— Я видел папки, которые ты сегодня принесла. Не удержался и просмотрел. Мне бы это тоже не давало покоя.

Джейн покачала головой.

— У тебя же, по-моему, отпуск. Зачем тебе разглядывать фотографии со вскрытия?

— Они лежали прямо здесь, на кухонном столе. — Он пересадил Реджину на детский стульчик. — Хочешь поговорить? Так выкладывай все, что думаешь, если хочется. Если считаешь, это поможет.

Она посмотрела на Реджину, внимательно наблюдавшую за ними, и вдруг рассмеялась.

— Странно, когда она подрастет и будет все понимать, вот уж действительно интересные у нас могут получиться семейные разговоры. Ну что, дорогая, сколько обезглавленных трупов ты видела сегодня?

— Она еще ничего не понимает. Так что рассказывай.

Джейн встала и направилась к холодильнику. Достала бутылку светлого пива и хлопнула пробкой.

— Джейн!

— Тебе действительно хочется знать подробности?

— Я хочу знать, что тебя так беспокоит.

— Ты же видел фотографии. И знаешь, что меня беспокоит. — Джейн

снова села и глотнула пива. — Иногда, — спокойно продолжала она, глядя на запотевшую бутылку, — я думаю, какое безрассудство заводить детей. Любить их, воспитывать. А потом смотреть, как они вступают в мир, где их ждут страдания. И встречаются такие типы, как...

Как Уоррен Хойт, подумала она, но имени его не произнесла; она почти никогда не произносила его имени — это все равно что воззвать к самому дьяволу.

Тут вдруг зазвонил домофон — она вздрогнула. И взглянула на стену, где висели часы.

— Половина одиннадцатого.

— Сейчас поглядим, кого это еще принесло. — Габриэль прошел в гостиную и нажал на кнопку домофона. — Да!

Из динамика послышался неожиданный голос:

— Это я, — ответила мать Джейн.

— Заходите, госпожа Риццоли! — проговорил Габриэль, впуская гостью в дом. А потом с удивлением посмотрел на Джейн.

— Уже так поздно. Чего это она?

— Даже боюсь спрашивать.

Они услышали на лестнице шаги Анжелы, непривычно медленные и тяжелые, сопровождавшиеся каким-то шумом, словно она что-то тащила за собой. И только когда госпожа Риццоли добралась до лестничной площадки третьего этажа, они увидели, что это было.

Чемодан.

— Мам! — выговорила Джейн, но даже сказав это, не могла поверить, что женщина с растрепанными волосами и безумным взором и есть ее мать. Пальто у Анжелы было расстегнуто, край воротника замялся внутрь, брюки промокли до колен, как будто она продиралась к их дому по сугробам. Она схватилась за чемодан обеими руками, словно собираясь запустить им в кого-нибудь. Все равно в кого.

Вид у нее был и правда грозный.

— Мне нужно переночевать у вас сегодня, — сказала Анжела.

— Что?

— Так можно войти или нет?

— Конечно, мам.

— Давайте помогу, госпожа Риццоли, — сказал Габриэль, забирая у нее чемодан.

— Вот видишь! — заметила Анжела, кивнув на Габриэля. — Так и должен вести себя мужчина! Стоит ему увидеть, что женщине нужна помощь, как он тут же предлагает свои услуги. Именно так и должен

поступать джентльмен.

— Да что случилось, мам?

— Что случилось, что случилось! Даже не знаю, с чего начать.

Тут расхныкалась Реджина, в знак протеста, что про нее забыли.

Анжела тотчас же кинулась на кухню и взяла внучку со стульчика на руки.

— О крошка, бедная девочка! Ты даже не представляешь, что тебя ждет, когда ты вырастешь.

Анжела присела к столу и принялась укачивать внучку, прижимая ее к груди так крепко, что Реджина начала извиваться, силясь высвободиться из удушающих объятий этой ненормальной.

— Ладно, мам, — вздохнула Джейн. — Ну что там папа натворил?

— От меня ты ничего не узнаешь.

— Тогда от кого?

— Я не собираюсь настраивать детей против отца. Родители не вправе обливать друг друга грязью.

— Я уже не ребенок. И хочу знать, что происходит.

Но Анжела и не собиралась ничего объяснять. Она сидела, раскачиваясь взад-вперед, прижимая к груди ребенка. Судя по ее личику, желание Реджины высвободиться из бабкиных объятий становилось все более невыносимым.

— Гм... и сколько ты собираешься у нас жить, мам?

— Не знаю.

Джейн взглянула на Габриэля — он проявил достаточно мудрости и не стал участвовать в разговоре. Но в его глазах она заметила искру смятения.

— Надо бы подыскать новое место жительства, — сказала Анжела. — Собственную квартиру.

— Погоди, мам. Ты же не хочешь сказать, что больше никогда не вернешься.

— Как раз это я и хочу сказать. Я, Джени, собираюсь начать новую жизнь. — Она посмотрела на дочь, вызывающе вскинув подбородок. — Другие женщины поступают точно так же. Они бросают своих мужей и живут себе спокойно. Мужья нам не нужны. Можно обойтись и без них.

— У тебя же нет работы, мам.

— Как ты думаешь, чем я занималась последние тридцать семь лет? Только и знала, что кормить да обстирывать этого мужчину! А он, думаешь, ценил мои труды? Являлся домой и заглатывал все, что я перед ним ставила. Даже не задумывался, что в стряпню я всю душу вкладываю. Знаешь, сколько людей советовало мне открыть свой ресторан?

«И то верно, — подумала Джейн, — знатный был бы ресторанчик». Но она предпочла промолчать, чтобы не потакать безумству.

— Так что никогда не говори мне: «У тебя нет работы». Моя работа — забота об этом мужчине, и я ничего не просила взамен. Так почему бы мне не делать то же самое, только за деньги. — Она снова крепко прижала Реджину к груди, и малышка недовольно пискнула. — Я поживу у вас совсем недолго. Спать буду в детской. Мне и на полу будет чудесно. Ходите себе на свою работу, а я буду присматривать за внучкой. Сама знаешь, с ней забот не оберешься.

— Ладно, мам, — вздохнула Джейн и направилась к телефону. — Раз ты не хочешь говорить, что случилось, спрошу у папы.

— Что ты делаешь?

— Звоню ему. Держу пари, он уже раскаялся и готов извиниться. — «Держу пари, он сидит голодный как волк и мечтает, чтобы его шеф-повар поскорей вернулся».

Джейн сняла трубку и стала набирать номер.

— Можешь не трудиться, — сказала Анжела.

В трубке раздался один гудок, другой.

— Говорю же, он не возьмет трубку. Его дома нет.

— Ну и где же он? — удивилась Джейн.

— У нее.

Джейн стояла как вкопанная, вслушиваясь в долгие, безответные гудки телефона в родительском доме. Затем она медленно положила трубку и повернулась к матери.

— У кого?

— У нее. У этой потаскушки.

— Господи, мам!

— Господь тут ни при чем.

Анжела вдруг резко вздохнула и всхлипнула. А потом нагнулась, еще крепче прижав Реджину к груди.

— Папа что, с кем-то встречается?

Анжела безмолвно кивнула. Подняла руку, чтобы утереть лицо.

— С кем? С кем он встречается? — Джейн села напротив матери и поглядела ей в глаза. — Кто она, мам?

— С работы... — прошептала Анжела.

— Так у них же там одни старики.

— Она новенькая. Она... она... — голос у Анжелы вдруг дрогнул. — Молодая.

Зазвонил телефон.

Анжела вскинула голову.

— Я не буду разговаривать с ним. Так и передай.

Джейн взглянула на дисплей определителя — номер был незнакомый. Может, и правда папа звонит. Только с ее телефона. С потаскушкиного.

— Детектив Риццоли, — рывкнула она в трубку.

И после короткой паузы услышала:

— Что, неважный выдался вечерок?

«Хуже не бывает», — тут же ответила она сама себе, узнав голос детектива Даррена Кроу.

— Что там еще? — спросила она.

— Плохо дело. Мы тут в Бикон-Хилле. Вам с Фростом тоже надо бы подъехать. Незавидная выпала мне роль — сообщать такое, но...

— Разве сейчас не твое дежурство?

— Думаю, теперь наше общее, Риццоли. — Голос у Кроу звучал как никогда мрачно, без тени свойственного ему сарказма. Он тихо добавил: — На сей раз жертва из наших.

Жертва из наших. Полицейский.

— Кто? — спросила она.

— Ева Кассовиц.

Джейн не могла вымолвить ни слова. Стояла, крепко сжав пальцами трубку телефона, и думала: «А я ведь видела ее всего несколько часов назад».

— Риццоли!

Джейн откашлялась.

— Давай адрес.

Она положила трубку и заметила, что Габриель уже отнес Реджину в детскую, и Анжела теперь сидела, печально понурившись, с пустыми руками.

— Прости, мам, — сказала Джейн. — Мне надо идти.

Анжела сокрушенно пожала плечами.

— Конечно. Ступай.

— Поговорим, когда вернусь.

Она наклонилась поцеловать маму в щеку, и только сейчас, вблизи, разглядела, какая дряблая у Анжелы кожа, какие потухшие глаза. «Когда же ты успела так постареть?»

Джейн защелкнула кобуру с пистолетом и достала из шкафа куртку. Застегиваясь, она услышала, как Габриэль произнес:

— Не самое подходящее время.

Она повернулась к нему. «Что будет, когда я тоже состарюсь, как мама?

Неужели и ты бросишь меня ради какой-нибудь молоденькой фифы?»
— Я могу задержаться, — предупредила она. — Так что не ждите.

Маура выбралась из своего «Лексуса» и ступила на заиндевелую мостовую — лед затрещал у нее под ногами, как разбитое стекло. Снег, подтаявший за день, когда потеплело, снова смерзся на пронизывающе холодном ветру, который к вечеру усилился, и в многочисленных отсветах огней патрульных машин каждая пядь земли лоснилась, отливая коварным блеском. Маура увидела, как по тротуару, размахивая руками, скользит полицейский, сиюсь удержаться на ногах, и как у обочины протащило юзом фургон с бригадой криминалистов, так что тот едва не врезался в задний бампер припаркованной у тротуара патрульной машины.

— Осторожней там, док, — крикнул патрульный через улицу. — Один из наших тут уже навернулся. Думали, руку сломал.

— Могли бы и солью посыпать.

— Угу, — буркнул он. — Могли бы. Только кому это сейчас нужно — город уже давно спит.

— Где детектив Кроу?

Полицейский махнул рукой в сторону стоявших в ряд элегантных частных домиков.

— Сорок первый номер. Это недалеко — через несколько домов. Могу проводить.

— Не стоит, я сама как-нибудь. Спасибо.

Маура остановилась, пропуская очередную патрульную машину, которая свернула за угол, чуть было не наехав на край тротуара. Она насчитала по меньшей мере восемь полицейских машин, запрудивших улицу.

— Понадобится место и для труповоза, а ему тут не развернуться, — сказала она. — Неужели всем этим машинам так уж необходимо здесь находиться?

— Да, необходимо, — бросил полицейский. Услышав такой тон, Маура оглянулась на него. В пульсирующих отблесках полицейских мигалок по его лицу пробегали мрачные тени. — Нам всем надо быть здесь. Мы перед нею в долгу.

Маура вспомнила тот ужасный вечер в сочельник — как Ева Кассовиц стояла на улице, скрючившись, и ее выворачивало наизнанку прямо на снег. Вспомнила она и то, как патрульные подтрунивали над слабой девушкой-детективом. Теперь она мертва, и насмешники притихли в скорбном

почтении к павшему полицейскому.

Патрульный тяжело вздохнул.

— Ее приятель тоже.

— Полицейский?

— Да. Помогите нам поймать этого гада, док.

Маура кивнула:

— Постараюсь.

И двинулась дальше по тротуару, чувствуя на себе взгляды всех полицейских, конечно же заметивших, как она подъехала. Они узнали ее машину; да и кто она сама, они тоже знали. Маура видела, как они, похожие на тени, приветственно кивали ей, сгрудившись в кучку, и как изо рта у них валил пар, точно дым у курильщиков, собравшихся перекурить на скорую руку. Они знали о трагическом поводе ее приезда, равно как и о том, что однажды кто-нибудь из них тоже может стать объектом ее внимания.

Внезапный порыв ветра поднял облако снега — Маура зажмурилась и опустила голову, пряча лицо от жалящих снежинок. А когда снова ее подняла, заметила человека, которого она никак не ожидала здесь увидеть. На другой стороне улицы стоял отец Даниэл Брофи и тихо разговаривал с молоденьким полицейским, привалившимся спиной к патрульной машине, как будто его ноги не держали. Одной рукой Брофи обхватил плечо другого полицейского, стараясь его успокоить, — тот припал к его груди, рыдая, и Брофи пришлось обнять его уже обеими руками. Остальные полицейские стояли чуть поодаль в неловком молчании, шаркая ногами и потупив глаза, оттого что чувствовали себя крайне неудобно при виде столь бурного проявления горя. Хотя Маура не могла разобрать слов Брофи, она видела, как молоденький полицейский кивал. И слышала, как что-то отвечал сквозь слезы.

«Никогда не смогла бы работать так, как Даниэл», — подумала она. Куда легче резать мертвецов и распиливать кости, чем утешать в скорби живых. Даниэл вдруг вскинул голову и заметил ее. Некоторое время они смотрели друг на друга. Затем она отвернулась и пошла дальше — к дому, где на крыльце, отделанном чугунной решеткой, уже трепетала на ветру лента оцепления. У Брофи своя работа, а у нее — своя. Пора сосредоточиться. Однако, хотя она и старалась смотреть прямо перед собой, на тротуар, мысли ее возвращались к Даниэлу. Будет ли он еще здесь, когда она управится с делами? И если да, то что потом? Пригласить его на чашечку кофе? А не будет ли это поспешностью или проявлением слабости с ее стороны? Может, просто пожелать ему доброй ночи и пойти своей дорогой, как всегда?

«А чего я вообще хочу?»

Маура подошла к нужному зданию и остановилась на тротуаре, оглядывая изящный трехэтажный особняк. Во всех окнах горел свет. Кирпичные ступени вели к массивной парадной двери, на которой в отсветах декоративных газовых фонарей поблескивало медное кольцо. Несмотря на праздник, никаких украшений на крыльце не было. Этот дом был единственным не украшенным строением на улице. Через широкие эркеры Маура заметила проблески пламени в растопленном камине — но ни одного рождественского огонька.

— Доктор Айлз?

Она услышала скрежет металлических петель и увидела, как кто-то из детективов распахнул боковую калитку из кованого чугуна. Это был Роланд Трипп, один из старейших полицейских в отделе по расследованию убийств, и сейчас он выглядел на свой возраст. Он стоял под газовым фонарем, отбрасывавшим желтоватые отсветы на его лицо, отчего кожа у него под глазами и на опущенных веках казалась еще более дряблой. Хотя на нем была просторная длинная куртка, он явно озяб, и говорил он, стиснув зубы, словно силясь сдержать их стук.

— Жертва там, с задней стороны, — сказал Трипп, придерживая калитку, чтобы она могла войти.

Маура прошла через калитку, и та со скрежетом захлопнулась. Детектив провел ее в узкий боковой дворик, подсвечивая дорогу пляшущим лучом карманного фонарика. После недавнего снегопада широкую кирпичную дорожку успели расчистить, и сейчас кирпичи были лишь слегка припорошены свежим снегом. Трипп остановился и указал лучом фонарика на низенький сугроб у края дорожки. Забрызганный чем-то красным.

— Это и насторожило дворецкого. Он первый увидел кровь.

— Здесь что, есть дворецкий?

— Ну да. Здесь речь идет именно о таких деньгах.

— Чем же он занимается? Хозяин дома?

— Говорит — профессор истории на пенсии. Преподавал в Бостонском колледже.

— Не думала, что профессора истории так хорошо живут.

— Вам лучше заглянуть внутрь. Не очень-то похоже на профессорский дом. У этого парня другие деньги. — Трипп указал фонариком на боковую дверь. — Дворецкий вышел отсюда с мешком для мусора. Дальше пошел вон к тем мусорным бакам, и тут заметил, что калитка открыта. Тогда-то он первый раз и заподозрил неладное. Ну а после двинул обратно, по этому

дворики, чтобы оглядеться. Увидел кровь и смекнул — дело и правда дрянь. И вот здесь, на кирпичках, он разглядел следы крови — они вели на задворки.

Маура посмотрела на землю.

— Значит, жертву волокли по этой дорожке.

— Сейчас все покажу.

И Трипп направился к задней части особняка, где располагался небольшой внутренний дворик. Луч фонарика скользнул по обледелому плитняку и клумбам, прикрытым от зимних холодов сосновыми ветками. Посреди дворика стояла белая беседка. Должно быть, летом приятно посидеть здесь, в теньке, потягивая кофе и вдыхая живительные запахи сада.

Только нынешняя обитательница беседки уже ничего не могла вдохнуть.

Маура сняла шерстяные перчатки и натянула резиновые. Они совсем не защищали от пронизывающего до костей ледяного ветра. Присев на корточки, она отдернула полиэтиленовую пленку, прикрывавшую фигуру в смятой одежде.

Детектив Ева Кассовиц лежала на спине, с вытянутыми по бокам руками. Ее светлые волосы слиплись от крови. Она была во всем черном — в черных шерстяных брюках, бушлате и ботинках. Бушлат — расстегнут, свитер задрался кверху, под ним — испачканное кровью тело. На ней была кобура, оружие — на месте. Маура перевела взгляд на ее лицо — и тут же отпрянула в ужасе. У девушки были отрезаны веки — огромные глаза так и остекленели, ничем не прикрытые. На висках застыли струйки крови, точно красные слезы.

— Я видела ее всего лишь шесть часов назад, — сказала Маура. — На другом месте преступления. — Она взглянула на Триппа. Его лицо было скрыто тенью, и единственное, что она увидела, — нависший над нею нескладный силуэт. — Там, в Восточном Бостоне.

Трипп кивнул.

— Ева пришла к нам всего-то несколько недель назад. Перевелась из отдела по борьбе с наркотиками и проституцией.

— Она что, живет где-нибудь по соседству?

— Нет, мэм. Квартира у нее в Маттапане.

— Тогда что она здесь делала, в Бикон-Хилле?

— Этого даже ее парень не знает. Хотя кое-какие догадки у нас имеются.

Маура вспомнила паренька-полицейского, который рыдал в объятиях

Даниэла.

— Тот полицейский — ее парень? Ну тот, что был с отцом Брофи?

— Для Бена это настоящий удар. Да и новость эту он узнал чертовски мерзким способом. Был на патрулировании и услышал по радио.

— И он совсем без понятия, что ее занесло в этот район? Вся в черном, да еще с оружием.

Трипп замялся и надолго смолк — Маура не могла не обратить на это внимания.

— Детектив Трипп! — окликнула она.

Он вздохнул.

— Мы не слишком хорошо с ней поступили. Сами знаете, как оно вышло в сочельник. Похоже, с насмешками сильно переборщили.

— О том, что ей стало плохо на месте преступления?

— Ну да. Знаю, все это ребячество. У нас в отделе потешаются друг над дружкой каждый божий день. Дурачатся, подначивают один другого. А Ева, боюсь, приняла все близко к сердцу.

— Но это не объясняет тот факт, что она оказалась в Бикон-Хилле.

— Бен говорит, после всех этих шуточек она решила доказать, на что способна. Думаю, она здесь что-то копала. И не стала ничего рассказывать в отделе.

Маура посмотрела на лицо Евы Кассовиц. На ее вылупленные глаза. Руками в перчатках она раздвинула ее слипшиеся от крови волосы, чтобы нащупать на голове рваную рану, но никаких трещин на черепе не обнаружила. Удар, от которого оторвался лоскут кожи с волосистой части головы, был не очень сильный и не мог повлечь за собой смерть. Тогда Маура принялась обследовать туловище. Осторожно приподняла свитер, обнажив грудную клетку, и осмотрела запачканный кровью бюстгальтер. Глубокая колотая рана располагалась почти под самой грудиной. Кровь уже высохла и обрамляла края раны смерзшейся коркой.

— Когда ее обнаружили?

— Вечером, часов около десяти. Слуга выходил с мусором и раньше, часов в шесть, но ее не заметил.

— Он что, выносил мусор дважды за вечер?

— В доме был обед на пять персон. Много еды, много отходов.

— Получается, смерть наступила где-то между шестью и десятью вечера.

— Выходит, так.

— Когда молодой человек детектива Кассовиц видел ее живой последний раз?

— Днем, часа в три. Перед тем как заступил на смену.

— Значит, у него алиби.

— Железное. Он весь вечер был с напарником. — Трипп замялся. — Хотите измерить у нее температуру тела или чего там еще? Температуру воздуха, если хотите знать, мы уже измеряли. Одиннадцать градусов мороза.

Маура взглянула на тепло одетое тело.

— Ректальную температуру я тут не измерю. Не хочу раздевать ее в темноте. Да и ваш свидетель уже помог установить примерное время смерти. Будем считать, что он прав.

Трипп крякнул.

— Кажись, с точностью до секунды определил. Вам бы поговорить с этим малым, дворецким Джереми. Теперь-то я точно знаю, что значит быть заикленным на деталях.

Внезапно луч света прорезал тьму. И Маура увидела, как кто-то идет к ним через двор, подсвечивая себе путь фонариком.

— Привет, док! — послышался голос Джейн. — Не знала, что ты уже здесь.

— Только подъехала. — Маура выпрямилась. Но лица Джейн в темноте не разглядела — только ореол ее кудряшек. — Не думала встретить тебя здесь. Мне ведь звонил Кроу.

— Он и мне звонил.

— А сам-то он где?

— В доме, хозяина допрашивает.

Трипп презрительно фыркнул.

— А где ж ему еще быть! Там тепло. Это я только должен морозить здесь задницу.

— Бог мой, Трипп! — воскликнула Джейн. — Похоже, ты любишь Кроу так же горячо, как я.

— О да, он отличный парень! Неудивительно, что его прежний напарник подался на пенсию раньше срока. — Он вздохнул, и спирали пара вырвались в темноту. — По мне, так пора бы пустить Кроу по кругу, чтобы всем в отделе досталось от него помаленьку. Пускай каждый терпит нашего Красавчика по очереди.

— Уж поверь, я от него уже натерпелась выше крыши, — сказала Джейн. Она взглянула на Еву Кассовиц, и голос ее смягчился. — С ней он повел себя как последняя сволочь. Ведь это была идея Кроу, верно? Выставить ведро на стол?

— Ну да, — согласился Трипп. — Только мы все виноваты, как ни

крути. Может, она бы и не оказалась здесь, если б... — он вздохнул. — Ты права. Мы все сволочи.

— Значит, говорите, она пришла сюда выяснять что-то по делу, — напомнила Маура. — Был повод?

— О'Доннелл, — сказала Джейн. — Она была здесь сегодня в гостях, обедала.

— Кассовиц следила за ней?

— Разговор о слежке у нас с ней был, но так, в двух-трех словах. О своих намерениях она ничего мне не говорила.

— Значит, О'Доннелл была здесь, в этом доме?

— Она и сейчас здесь, ее допрашивают. — Джейн еще раз взглянула на тело. — По-моему, верный поклонник О'Доннелл сделал ей очередной подарок.

— Думаешь, убийца тот же?

— Я это знаю.

— Здесь изуродованы только глаза, а все части тела на месте. Да и ритуальных знаков нет, как в Восточном Бостоне.

Джейн посмотрела на Триппа.

— Ты что, ничего ей не показывал?

— Как раз собирался.

— Не показывал что? — насторожилась Маура.

Джейн вскинула фонарик и осветила черный ход. От того, что Маура там увидела, у нее по спине поползли мурашки. На двери были нарисованы три перевернутых креста. А под ними, красным мелом, — единственный выпученный глаз.

— По-моему, это дело рук нашего мальчика, — заметила Джейн.

— Может, какой-нибудь подражатель? Ведь точно такие же знаки в спальне Лори-Энн Такер видела куча народу. Потом, слухи среди полицейских.

— Если тебе нужны еще доказательства... — Джейн направила луч фонарика на нижнюю часть двери. На единственной гранитной ступеньке, ведущей в дом, лежал маленький, завернутый в ткань предмет. — Мы едва успели его развернуть, как все стало ясно, — сказала Джейн. — Похоже, нашлась левая кисть Лори-Энн Такер.

Внезапный порыв ветра, пронесшийся через задний двор, поднял клубы снежной пыли, обжегшей Мауре глаза и щеки. Во внутреннем дворике зашуршала опавшая листва, закрипела и содрогнулась беседка.

— Думаешь, Джойс О'Доннелл имеет отношение к сегодняшнему убийству? — тихо спросила Маура.

— А то! Кассовиц следит за ней. Убийца видит ее и выбирает следующей жертвой. Связь с О'Доннелл по-прежнему налицо.

— А может, он видел Кассовиц в сочельник. Она ведь тоже была на месте преступления. Не исключено, что он следил и за домом Лори-Энн Такер.

— Думаете, глядел и радовался? — спросил Трипп.

— Да. Смотрел и наслаждался всей этой суетой, ведь из-за него понаехало столько полицейских. Из-за того, что он натворил. Надо же было почувствовать свою значимость.

— Выходит, он явился сюда следом за Кассовиц, — предположил Трипп, — потому что заметил ее в прошлый раз? Черт, но тогда дело принимает уже совсем другой оборот.

Джейн взглянула на Мауру.

— Значит, он мог с тем же успехом выследить любого из нас. Теперь он знает всех нас в лицо.

Маура наклонилась и снова прикрыла тело пленкой. Когда она стянула резиновые перчатки, чтобы опять надеть шерстяные, руки у нее до того замерзли, что пальцы едва сгибались.

— Я совсем окоченела. И уже вряд ли что смогу здесь сделать. Лучше перевезти ее в морг. А мне надо отогреть руки.

— Перевозку вызвала?

— Уже едут. Если не возражаешь, пойду подожду их в машине. Не могу больше торчать на этом ветрище.

— По мне, так нам всем пора бы от него укрыться, — заметил Трипп.

Они втроем направились через боковой двор обратно и, пройдя через калитку, вышли к крыльцу, освещенному изжелта-зеленым светом газового фонаря. На другой стороне улицы в отблесках мигалок патрульных машин виднелась толпа полицейских. Даниэл стоял вместе с ними: он был на голову выше их всех, руки держал в карманах пальто.

— Может, пойдешь с нами и подождешь в доме? — предложила Джейн.

— Да нет, — ответила Маура, не сводя глаз с Даниэла. — В машине посижу.

Джейн замолчала. Она тоже заметила Даниэла и, наверное, догадалась, почему Мауре захотелось остаться на улице.

— Если хочешь согреться, док, — сказала Джейн, — то ловить тебе здесь нечего. Впрочем, делай как знаешь. — Она похлопала Триппа по плечу. — Идем. Пошли в дом. Поглядим, как поживает наш Красавчик.

И они поднялись по ступенькам в дом.

Маура стала на тротуаре, не отрывая взгляда от Даниэла. А он ее как будто не замечал. Кругом стояло столько полицейских, и ей было как-то неловко. Хотя что тут, собственно, такого? Она здесь для того, чтобы делать свое дело, а он — свое. Разве старые знакомые не могут просто поприветствовать друг друга — это же так естественно.

Она перешла улицу и направилась напрямик к кучке полицейских. И только тогда Даниэл увидел ее. Остальные тоже ее заметили — и разом смолкли, когда она подошла. Хотя Маура общалась с полицейскими изо дня в день и видела их на каждом месте преступления, в их компании она всегда чувствовала себя как-то неловко, а может, это им становилось неловко в ее присутствии. Впрочем, сейчас, когда она чувствовала на себе их взгляды, взаимная неловкость ощущалась как никогда прежде. Маура догадывалась, что они о ней думали. Чопорная доктор Айлз — улыбки от нее ни в жизнь не дождешься. А может, они просто робеют; может, это ее титул доктора медицины смущает окружающих и делает ее неприступной.

«Или, может, дело во мне? Может, они просто боятся меня?»

— Машина для перевозки трупов будет с минуты на минуту, — сказала она, начав разговор на авось. — Может, освободите для нее место на улице?

— Само собой, док, — сказал кто-то из полицейских и кашлянул. И снова наступила тишина — пританцовывая от холода на обледенелой мостовой, полицейские смотрели кто куда, только не на нее.

— Что ж, спасибо, — поблагодарила она. — Я подожду в своей машине.

На Даниэла она даже не взглянула — просто отвернулась и пошла прочь.

— Маура!

Она оглянулась на голос и увидела, что полицейские, все как один, глядят ей вслед. «Постоянно кругом какая-то публика, — подумала она. — Нам с Даниэлом, видно, не судьба побыть наедине».

— Есть какие-нибудь новости? — спросил он.

Она заколебалась, зная, что за ней наблюдают окружающие.

— Пока никаких — все уже все знают.

— Может, поговорим? Возможно, я сумею как-нибудь утешить офицера Лайэлла, если узнаю побольше о случившемся.

— Это не совсем удобно. Не думаю...

— Можешь сказать только то, что сочтешь нужным.

Маура задумалась.

— Давай посидим в машине. Она тут недалеко.

И они направились к машине, держа руки в карманах и пряча головы от порывов ледяного ветра. Маура думала о Еве Кассовиц, одиноко лежавшей во внутреннем дворике: тело ее уже окоченело, кровь в жилах застыла. В такую ночь да на таком ветру охотников составить компанию убитой не нашлось. Они подошли к ее машине и забрались внутрь. Маура запустила двигатель и включила обогреватель, но воздух, хлынувший из воздуховода, тепла не принес.

— Этот Лайэлл был ее молодым человеком? — спросила она.

— Для него это страшное горе. Не уверен, что мне удалось его утешить.

— Я бы не смогла так, как ты, Даниэл. Человеческое горе для меня невыносимо.

— Но ведь твоя работа связана с ним. Тебе приходится.

— Но не на такой стадии, как тебе, когда надо иметь дело с совсем еще свежими ранами. От меня ждут конкретных ответов, а не утешений. — Она взглянула на Даниэла. Но в полумраке салона смогла разглядеть лишь его силуэт. — Последний полицейский капеллан продержался здесь только два года. Думаю, не выдержал стресса, вот с ним и случился удар.

— Отцу Рою, чтоб ты знала, было шестьдесят пять.

— Выдержать постоянные ночные вызовы, конечно, дело не из легких, — согласился он, выдохнув на стекло, которое тут же запотело. — Полицейским тоже приходится несладко. Как и врачам, и пожарным. Но не все так плохо, — прибавил он с тихим смешком, — тем более что выезд на место преступления — единственная для меня возможность повидаться с тобой.

Хотя Маура не видела глаз Даниэла, она ощущала, что он смотрит на нее — и благодарила Бога, что в салоне темно.

— Раньше ты навещала меня, — заметил он. — Отчего же теперь не приходишь?

— Но я же была на рождественской службе, верно?

Он устало усмехнулся.

— На Рождество приходят все. Даже те, кто не верит.

— Но я же была там. И не пыталась тебя избежать.

— Неужели, Маура? Неужели ты меня избегаешь?

Она не ответила. Некоторое время они смотрели друг на друга сквозь полумрак салона. Воздух, поступавший из обогревателя, мало-помалу нагрелся, и, хотя окоченевшие пальцы у нее еще не отошли, щеки уже пылали.

— Я знаю, что происходит, — тихо проговорил он.

— Ничего ты не знаешь.

— Я такой же человек, как ты, Маура.

Она вдруг рассмеялась. Это был горький смех.

— Ну, это же банально. Святой отец и прихожанка.

— Нет, не надо так.

— Но ведь это же и впрямь банально. Такое было уже тысячу раз. Священники и скучающие домохозяйки. Священники и одинокие вдовы. У тебя это в первый раз, Даниэл? Лично у меня в первый, можешь не сомневаться.

Ей вдруг стало стыдно за то, что она выплеснула на него свою досаду, и она отвернулась. Что такого он ей сделал — только предложил дружбу, заботу! «Я сама разрушаю свое счастье».

— Если тебя это хоть немного утешит, — спокойно ответил он, — ты не одна такая несчастная.

Маура словно окаменела, прислушиваясь к шуму обогревателя. Хоть она и смотрела прямо перед собой — на запотевшее изнутри лобовое стекло, все остальные органы чувств были обращены к Даниэлу. Даже будь она слепая и глухая, ничто не заставило бы ее усомниться в том, что он здесь, рядом, — настолько остро ощущала она его присутствие. Насколько же остро, как ритм своего сердца и напряженные нервы. Ее охватило постыдное возбуждение от признания Даниэла в том, что он тоже несчастен. Все-таки не только она страдает и не спит по ночам. Любовная тоска не выносит одиночества.

Раздался громкий стук в ветровое стекло. Вздрагнув, Маура повернула голову и сквозь затуманенное стекло разглядела призрачный силуэт. Она опустила стекло и увидела лицо наклонившегося к ней полицейского.

— Доктор Айлз! Подъехал труповоз.

— Спасибо. Сейчас приду.

Маура снова подняла стекло, по которому струйками потекла вода. Потом выключила двигатель и посмотрела на Даниэла.

— У нас есть выбор, — сказала она. — Мы оба можем быть несчастными. А можем и дальше жить каждый своей жизнью. Я выбираю второе.

Маура выбралась из машины, закрыла дверь. И глубоко вдохнула ледяной воздух, который обжег ей горло. Но при этом освободил ум от последних сомнений — освеженный, с возрожденной энергией он мог снова приниматься за работу. Маура отошла от машины, даже не оглянувшись. И пошла обратно по тротуару, продвигаясь от одного фонаря к другому, от одной лужи света к следующей. Даниэл — позади; впереди ее

ждет тело убитой. А вокруг по-прежнему стоят полицейские. Чего они ждут? Ответов, которые, вполне вероятно, она не сможет им дать?

Маура плотнее закуталась в пальто, словно стараясь спрятаться от их взглядов, и подумала о сочельнике, вспомнив другое место убийства. И Еву Кассовиц, которая вышла на улицу, где ее вывернуло прямо на сугроб. Было ли тогда у Кассовиц хоть малейшее предчувствие, что в следующий раз именно ей суждено стать объектом внимания Мауры?

Когда бригада из морга везла Еву Кассовиц через боковой двор, полицейские уже молча толпились возле дома. Как только из-за железной калитки показалась каталка с ее прикрытым пленкой телом, они обнажили головы, невзирая на пронизывающий ветер, и опустили их в скорбном поклоне, по-своему отдавая долг чести той, которая была одной из них. Они стояли так и после того, как каталку погрузили в кузов машины и дверцы за ней захлопнулись. И только когда свет задних фар фургона исчез во мраке ночи, они снова надели головные уборы и потянулись к своим машинам.

Маура тоже было направилась к своему «Лексусу», как вдруг парадные двери дома распахнулись. Она обернулась, заметив хлынувший изнутри теплый свет, и увидела в дверном проеме какого-то мужчину — он стоял и глядел на нее.

— Простите. Вы доктор Айлз?

— Да.

— Господин Сансоне приглашает вас зайти в дом. Внутри куда теплее, к тому же я заварил свежего кофе.

Маура остановилась у подножия лестницы и взглянула на фигуру дворецкого в ореоле теплого света. Он стоял совершенно прямо и неподвижно и смотрел на нее с пугающим спокойствием, так что Маура чуть было не приняла его за истукана в натуральную величину, какого ей однажды случилось видеть в магазине приколов. Дворецкого из папье-маше с импровизированными напитками на подносе. Она перевела взгляд на улицу, туда, где стояла ее машина. Даниэл уже ушел, так что ее ожидало только одно — одинокое возвращение в пустой дом.

— Благодарю, — сказала она и поднялась по ступеням. — От чашки кофе не откажусь.

Маура прошла в теплую переднюю. Лицо у нее еще не успело отойти от жгучих укусов ветра. Лишь после того, как она постояла у камина, ожидая, когда дворецкий сообщит господину Сансоне о ее приходе, щеки ее мало-помалу обрели прежнюю чувствительность — она ощутила приятное покалывание пробуждающихся нервных окончаний под кожей, к которой снова прилила кровь. Из соседней комнаты доносились приглушенные отзвуки разговора — голос детектива Кроу, задающего вопросы, и тихие, едва различимые ответы. Второй голос был женским. В камине прыгали искры и вился дымок, и Маура вдруг поняла, что это горят настоящие дрова и что это не какой-нибудь искусственный газовый камин, как ей показалось сначала. Над камином висела средневековая картина маслом — вполне вероятно, подлинная. Это был портрет мужчины в темно-красной бархатной мантии, с золотым крестом на шее. Хотя мужчина выглядел немолодо и его черные волосы уже тронула седина, глаза у него горели юношеским огнем. В мерцающих отблесках пламени, освещавших комнату, эти глаза казались поразительно живыми.

Маура вдруг вздрогнула и отвернулась, странным образом смутившись под взглядом мужчины, почти наверняка давным-давно умершего. К тому же были в комнате и другие диковины — другие сокровища, достойные восхищения. Кресла, обшитые полосатым шелком, китайская ваза, покрытая мерцающим зеленоватым налетом времени, сервировочный столик красного дерева, на котором помещались коробка для сигар и хрустальный графин с бренди. Через весь ковер, на котором она стояла, тянулась протоптанная дорожка, свидетельствующая о его древности и о том, что по нему прошло несметное количество ног; судя по практически не тронутым краям, ковер этот был соткан руками искусного мастера из добротной толстой шерсти. Маура посмотрела себе под ноги — на замысловатый узор из виноградных лоз на бордовом фоне, переплетенных вокруг единорога, тихо-смирно возлежащего под сенью деревьев. Внезапно Мауре стало стыдно от того, что она топчет этот шедевр. И она шагнула с ковра на деревянный пол, поближе к очагу.

И вновь увидела портрет. Снова устремив свой взор в пронзительные глаза священника в мантии, как будто неотрывно наблюдавшего за ней.

— Он достался мне от предков. Изумительно, не правда ли, краски по-прежнему яркие. А ведь уже прошло четыре сотни лет.

Маура обернулась и увидела, как в комнату вошел какой-то мужчина. Вошел так тихо, словно материализовался из воздуха прямо у нее за спиной; от удивления она даже не нашлась, что сказать. Одет он был в черный свитер с высоким воротником, на фоне которого его седина выглядела еще эффектней. Хотя на вид ему было не больше пятидесяти. Если бы они случайно встретились на улице, она непременно обратила бы на него внимание: уж очень привлекательным было его почему-то казавшееся смутно знакомым лицо. Лоб — высокий, осанка — благородная. В черных глазах отражались отблески горевшего в камине огня, и создавалось такое впечатление, будто они горят сами по себе, как бы изнутри. Он сказал, что портрет — фамильная ценность, и она сразу подметила, что между ним, живым человеком, и мужчиной на портрете есть явное сходство. Глаза.

Он протянул ей руку.

— Здравствуйте, доктор Айлз. Я Энтони Сансоне.

И посмотрел ей в лицо так пристально, что она даже подумала: может, они и правда уже где-то встречались?

«Нет. Уж такого привлекательного мужчину я бы непременно запомнила».

— Рад наконец-то с вами познакомиться, — сказал он, пожимая ей руку. — После всего, что о вас слышал.

— От кого же?

— От доктора О'Доннелл.

Маура почувствовала, как у нее вдруг похолодела ладонь, несмотря на его теплое пожатие, и она тут же отдернула руку.

— Никогда не думала, что могу быть объектом пересудов.

— Она говорила о вас только хорошее.

— Это несколько неожиданно.

— Почему же?

— Потому что я не могу сказать о ней то же самое, — ответила Маура.

Он понимающе кивнул.

— Порой она ведет себя обескураживающе. Но только до тех пор, пока не узнаешь ее ближе. Не научишься ценить ее проницательность.

Тут распахнулась дверь — так тихо, что Маура даже не услышала. И только по легкому позвякиванию фаянсовой посуды она поняла, что в комнату вошел дворецкий с чашками и кофейником на подносе. Он поставил поднос на край столика, вопросительно посмотрел на Сансоне и засим удалился. Они не обменялись ни единым словом — лишь взглядами и кивками. Им обоим, знавшим друг друга, очевидно, не один год, не

нужно было тратить лишних слов, чтобы общаться.

Сансоне жестом предложил Мауре сесть, и она опустилась в кресло в стиле ампир, обитое полосатым шелком.

— Простите, что приходится держать вас в передней, — сказал он. — Но все другие комнаты оккупировала бостонская полиция — проводит там допросы. — Он налил в чашку кофе и передал Мауре. — Вы, кажется, уже осмотрели жертву?

— Только мельком.

— И что скажете?

— Вы же знаете, я не вправе давать какие бы то ни было пояснения.

Он откинулся на спинку кресла — нисколько не смущаясь, что за его спиной парча в сине-золотую полоску.

— Я имею в виду не само тело, — заметил он. — Я прекрасно понимаю, почему вы не можете делиться своими медицинскими наблюдениями. Я говорю только о месте. О форме преступления в целом.

— Спросите у старшего следователя, детектива Риццоли.

— Меня больше интересует ваше мнение.

— Я врач. А не следователь.

— Но, как я догадываюсь, у вас есть свое, личное суждение о том, что произошло сегодня у меня в саду. — Он подался вперед и посмотрел на нее в упор своими угольно-черными глазами. — Вы видели знаки на двери черного хода?

— Я не вправе рассуждать...

— Доктор Айлз, вам не придется выдавать никаких секретов. Я видел тело. Доктор О'Доннелл тоже. Когда Джереми нашел ту девушку, он сразу же пришел и все рассказал.

— И вы с О'Доннелл отправились поглазеть — как туристы?

— Ваше сравнение совершенно не к месту.

— А вы не подумали, что можете стереть следы? Уничтожить улики?

— Мы прекрасно понимали, что делали. Надо было осмотреть место преступления.

— Надо?

— Этот особняк не просто мое жилище. Я еще принимаю здесь коллег со всего света. И тот факт, что насилие случилось на пороге моего дома, встревожило нас.

— Такое любого встревожит, наткнись он у себя в саду на труп. Только далеко не каждый станет собирать толпу гостей, чтобы полюбоваться эдаким зрелищем.

— Мы хотели узнать, случайно ли было совершено насилие.

— Что вы имеете в виду?

— Это могло быть предупреждение, адресованное непосредственно нам. — Он отставил свою чашку, сосредоточив все свое внимание на госте — его взгляд словно пригвоздил Мауру к шелковой спинке кресла. — Вы видели на двери знаки, нарисованные мелом? Глаз. Три перевернутых креста.

— Да.

— Я так понимаю, в сочельник тоже произошло убийство. Убили другую женщину. И на месте преступления, на стене в спальне, были нарисованы точно такие же перевернутые кресты.

Мауре даже не пришлось ничего говорить: этот тип прочел ответ у нее на лице. Она почти физически ощутила, как глубоко проник в ее сознание его пытливый взгляд и как много ему там открылось.

— Мы могли бы обсудить и это, — предложил он. — Тем более что подробности по тому делу мне известны.

— Откуда? Кто вам рассказал?

— Люди, которым я доверяю.

Она недоверчиво усмехнулась.

— И доктор О'Доннелл из их числа?

— Любите вы ее или нет, однако же в своей области она человек авторитетный. Посмотрите, сколько трудов положила на серийных убийц. Научилась понимать этих субъектов.

— Говорят, она даже отождествляет себя с ними.

— В некотором смысле не без того. Она пытается проникнуть в их сознание. Заглянуть в каждый его потайной уголок.

В точности как сам Сансоне, только что пытавшийся пронзить Мауру насквозь своим взглядом.

— Чтобы понять чудовище, надо и самой быть чудовищем, — заметила Маура.

— Вы и в самом деле так считаете?

— Если иметь в виду Джойс О'Доннелл — да. Я так считаю.

Он наклонился к ней еще ближе, и голос его превратился во вкрадчивый шепот.

— Может, вы недолюбливаете Джойс исключительно по личным причинам?

— Личным?

— Ведь она много чего о вас знает. О ваших близких.

Маура не ответила, потрясенно глядя на собеседника.

— Она рассказывала нам об Амальтее, — признался он.

— У нее нет на это права.

— Ни для кого не секрет, что ваша мать в тюрьме. О преступлениях Амальтеи нам известно.

— Это моя личная жизнь...

— Да, и ваш личный демон. Понимаю.

— Вас-то, черт возьми, почему это интересует?

— Меня интересуете вы. Вы столкнулись лицом к лицу со злом. Вы видели его в глазах матери. И знаете, оно никуда не делось, оно у вас в крови. И вот что завораживает, доктор Айлз, — как это вы, возникшая из злого семени, и вдруг на стороне ангелов.

— Я на стороне науки и разума, господин Сансоне. Ангелы тут ни при чем.

— Ну хорошо, значит, в ангелов вы не верите. А в их соперников?

— Вы имеете в виду демонов? — Она усмехнулась. — Конечно же, нет.

Некоторое время хозяин особняка смотрел на Мауру с едва уловимым разочарованием.

— Если, как вы сами говорите, ваша религия — наука и разум, как можно научно объяснить то, что случилось сегодня у меня в саду? И с той женщиной — в сочельник?

— Вы просите меня объяснить природу зла.

— Да.

— Я не могу. Наука — тоже. Просто зло существует.

Он кивнул.

— Совершенно верно. Оно просто существует и всегда было с нами. Некая реальная сущность, живущая среди нас, преследующая нас. Выжидающая удобного случая насытиться. Многие не знают о зле и не узнают его, даже когда оно касается их, проходя по улице. — Говоря эту фразу, он перешел на шепот. На мгновение воцарилась тишина, и до слуха Мауры донеслись потрескивание дров в очаге и приглушенные голоса в соседней комнате. — Но вы другое дело, — прибавил он. — Вы видели зло своими собственными глазами.

— Я видела только то, что видят детективы по расследованию убийств.

— Я говорю не о повседневных преступлениях. Не о мужьях, убивающих жен, и не о поставщиках наркотиков, отстреливающих конкурентов. Я говорю о том, что вы видели в глазах своей матери. О вспышке. Искре. Не божественной — дьявольской.

В дымоходе загудел воздух — от усилившейся тяги из очага взметнулось облачко пепла и тут же осело, наткнувшись на каминный

экран. Пламя задрожало, словно испугавшись незримого вторжения незваного гостя. В комнате вдруг повеяло холодом, как будто из нее разом ушли все тепло и весь свет.

— Прекрасно понимаю, — сказал он, — почему вам не хочется говорить об Амальтее. Ужасно, когда есть такие родственники.

— Она не имеет ко мне ни малейшего отношения, — возразила Маура. — Не она воспитывала меня. И вообще о ее существовании я узнала лишь несколько месяцев назад.

— И все-таки для вас это опасная тема.

Она перехватила его взгляд.

— Мне действительно все равно.

— Странно, если вам и правда все равно.

— Грехи родителей не передаются нам по наследству. Как и добродетели.

— Иные наследственные черты бывают слишком ярко выражены, чтобы их не замечать. — Он указал на портрет над камином. — Шестнадцать поколений отделяют меня от этого человека. Но даже я не в силах избавиться от его наследия. Мне никогда не отмыться от того, что он содеял.

Маура поглядела на портрет. И снова ее поразило сходство между сидящим перед нею живым человеком и лицом на холсте.

— Вы говорили, эта картина — ценная семейная реликвия.

— Не могу сказать, что я был рад ее унаследовать.

— Кто он?

— Монсеньор Антонино Сансоне. Портрет был написан в Венеции в тысяча пятьсот шестьдесят первом году. Когда монсеньор был в зените могущества. А можно сказать — в бездне безнравственности.

— Антонино Сансоне? Это же ваше имя!

— Я его прямой потомок.

Маура присмотрелась к портрету.

— Но ведь он же...

— Был священником. Вы это хотели сказать, верно?

— Да.

— На рассказы о нем может уйти вся ночь. Как-нибудь в другой раз. Скажу только, что Антонино не отличался благочестием. Он вытворял с другими людьми такое, что, без сомнения, повергло бы вас в ужас... — Он замолк. — Таким предком нельзя гордиться.

— И тем не менее в вашем доме висит его портрет.

— Как напоминание.

— О чем?

— Взгляните на него, доктор Айлз. Похож на меня, не правда ли?

— Даже страшно как.

— В сущности, мы с ним как братья. Поэтому он здесь и висит. Напоминает мне, что у зла человеческое лицо, и порой благообразное. Можно пройти мимо такого человека, заметить, как он вам улыбается, и при этом даже не догадываться, что он о вас думает. Вы можете сколько угодно всматриваться в его лицо и никогда не поймете, что на самом деле скрывается под маской. — Он наклонился к ней, и свет от камина заиграл на седых волосах, как на серебряном шлеме. — Они похожи на нас, доктор Айлз, — тихо проговорил он.

— Они? Вы говорите о них как об отдельном виде.

— Может, так и есть. Пережиток далекого прошлого. Все, что я знаю, — они не такие, как мы. И единственный способ их узнать — отслеживать то, что они творят. Идти по кровавым следам, прислушиваться к стонам и воплям. Искать то, что большинство полицейских в силу непомерной занятости просто не замечают, — присущий им стиль. На фоне отзвуков повседневных преступлений, обычных убийств мы видим точки наивысшего напряжения. Ищем следы чудовищ.

— Кто эти «мы»?

— Люди, собравшиеся здесь сегодня вечером.

— Ваши гости?

— Мы все верим, что зло не просто понятие. Оно реально и имеет физическое воплощение. У него есть лицо. — Он немного помолчал. — Каждый из нас хоть раз в жизни видел его во плоти.

Маура удивленно приподняла брови.

— Сатану?

— Называйте, как хотите. — Он пожал плечами. — У него издревле было много имен. Люцифер, Абигор, Самаэль, Мастема. В каждой культуре у зла есть свое имя. Я и каждый из моих друзей сталкивались с ним лично. Мы видели его силу, и, признаться, нам страшно, доктор Айлз. — Он поймал ее взгляд. — А сегодня больше, чем когда бы то ни было.

— Так вы думаете, убийство в вашем саду...

— Имеет к нам самое прямое отношение. К тому, чем мы здесь занимаемся.

— И чем же?

— Мы изучаем деяния извергов. У нас в стране. И по всему свету.

— Клуб кабинетных детективов? Я так понимаю.

Маура снова посмотрела на портрет Антонино Сансоне, наверняка

стоивший целое состояние. Впрочем, ей хватило и первого взгляда на гостиную, чтобы понять — у хозяина дома денег куры не клюют. И времени на всякие чудные увлечения — хоть отбавляй.

— Почему же все-таки эту девушку убили в моем саду, доктор Айлз? — спросил он. — Почему выбор пал на мой дом и на этот конкретный вечер?

— Так вы полагаете, все дело в вас и в вашем клубе?

— Вы же видели рисунки у меня на двери. И те, с места убийства в сочельник.

— Но я понятия не имею, что они означают.

— Перевернутые кресты — давно известный сатанинский символ. Но меня больше интересует круг, начертанный мелом в доме Лори-Энн Такер. На кухонном полу.

Отрицать факты смысла не было: этот человек все уже знал.

— Что же означает этот круг?

— Может, это защитное кольцо. Еще один символ из сатанинских обрядов. Начертив этот круг, Лори-Энн, вероятно, пыталась защищаться. Может, она хотела обуздать высшие силы зла, которые сама и вызвала.

— Погодите. Вы думаете, его начертила сама жертва, чтобы оградить себя от дьявола? — Ее тон не оставлял никакого сомнения — она считала его теорию полным бредом.

— Если она начертила его сама, значит, у нее не было ни малейшего представления, кого — или что — она вызывает.

Пламя вдруг задрожало и ярко вспыхнуло. Маура повернулась на звук открывшейся внутренней двери и увидела, как вошла доктор Джойс О'Доннелл. Заметив Мауру, она остановилась в полном изумлении, потом обратилась к Сансоне.

— Мне повезло. После двухчасовых расспросов бостонские молодцы наконец-то сообразовали отпустить меня восвояси. Ты устроил чертовски замечательную вечеринку, Энтони. Сегодняшний вечер тебе не удастся превзойти.

— Остается надеяться, что ты права, — заметил Сансоне. — Позволь я подам тебе пальто.

Он встал и отодвинул деревянную панель, за которой помещался встроенный шкаф. Подал О'Доннелл отороченное мехом пальто, и она быстро, с кошачьей грацией накинула его на себя, скользнув по рукам Сансоне своими светлыми волосами. Маура уловила в этом мимолетном прикосновении некую фамильярность — незатейливую игру между двумя людьми, хорошо знающими друг друга.

Быть может, даже слишком хорошо.

Застегивая пуговицы, О'Доннелл неотрывно смотрела на Мауру.

— Давно не виделись, доктор Айлз, — сказала она. — Как поживает ваша мать?

«Она всегда знает, куда бить. Только не показывай, что она задела тебя за живое».

— Понятия не имею, — ответила Маура.

— Вы так ни разу ее и не провели?

— Нет. Да вы, наверно, и без меня это знаете.

— О, последний раз я беседовала с Амальтеей более месяца назад. И с тех пор больше ее не видела. — О'Доннелл не спеша натягивала шерстяные перчатки на длинные изящные пальцы. — Во время той встречи она выглядела неплохо, если вам это интересно.

— Ничуть.

— Ей дали работу в тюремной библиотеке. Она превратилась в настоящего книжного червя. Прочла все учебники по психологии, попавшие к ней в руки. — О'Доннелл замолчала, плотнее натягивая перчатки напоследок. — Будь у нее раньше возможность учиться в колледже, она бы стала настоящим светилом.

«Но моя мать выбрала другую стезю. Хищницы. Безжалостной убийцы».

И как ни пыталась Маура отстраниться, как ни старалась забыть Амальтею, всякий раз, смотрясь в зеркало, она видела глаза своей матери, ее рот, ее подбородок. Из зеркала на нее глядело чудовище.

— Ее делу я собираюсь посвятить целую главу своей следующей книги, — заявила О'Доннелл. — Если у вас будет желание как-нибудь посидеть и поговорить со мной, это существенно дополнило бы ее историю.

— Мне тут совершенно нечего добавить.

О'Доннелл только улыбнулась — она явно ожидала такого ответа.

— Спросить никогда не вредно, — сказала она и посмотрела на Сансоне. Посмотрела долгим взглядом, как будто хотела еще что-то сказать, но в присутствии Мауры не могла. — Доброй ночи, Энтони.

— Может, распорядиться, чтобы Джереми проводил тебя до дома, для верности?

— Не стоит. — Она одарила его лучезарной улыбкой, показавшейся Мауре откровенно кокетливой. — Я уж как-нибудь сама о себе позабочусь.

— Обстоятельства изменились, Джойс.

— Боишься?

— Не бояться в нашем положении было бы полным безрассудством.

Она обмотала шею шарфом — этот жест был нарочито театральным, словно О'Доннелл хотела показать, что такая ерунда, как страх, не способна остановить ее.

— Завтра позвоню.

Сансоне открыл дверь, впустив в дом стылый воздух с облаком снежинок, усеявших старинный ковер яркими блестками.

— Будь осторожна, — бросил он на прощание, стоя в дверях и глядя, как О'Доннелл направляется к своей машине.

Он закрыл дверь лишь после того, как она отъехала. И снова обратил взгляд на Мауру.

— Стало быть, вы с вашими друзьями ставите себя на сторону ангелов, — сказала Маура.

— Так и есть.

— А она на чьей стороне?

— Знаю, она не дружит с защитниками закона и порядка. Но у нее такая работа как у свидетеля защиты — выступать против стороны обвинения. Только я знаком с Джойс уже три года. И точно знаю, на чьей она стороне.

— Вы в этом совершенно уверены?

Маура взяла пальто, которое повесила ранее на спинку канапе. Но он даже не попытался помочь ей одеться — вероятно, почувствовал, что, в отличие от О'Доннелл, ей вряд ли бы это понравилось. Застегивая пуговицы, она, как ей показалось, ощущала на себе взгляд двух пар глаз. С портрета за нею наблюдал и Антонино Сансоне, пронзая ее взором сквозь пелену четырех столетий, — она не удержалась и еще раз посмотрела на портрет. На изображение человека, чьи деяния даже спустя века ввергали в дрожь его прямого потомка и тезку.

— Вы говорили, что смотрели злу прямо в глаза? — уточнила она, оборачиваясь к хозяину дома.

— Мы оба это пережили.

— В таком случае вы наверняка заметили, — прибавила она, — что оно чертовски хорошо маскируется.

Маура вышла из дома в ночную мглу и вдохнула ледяной воздух. Впереди черной рекой тянулся тротуар; отсветы уличных фонарей образовывали на нем островки бледного света. На улице осталась только одна патрульная машина — она стояла с работающим двигателем, и Маура разглядела за рулем полицейского. Она помахала ему рукой.

Он махнул в ответ.

«Нервничать нет причины, — подумала она, двинувшись с места. — Машина моя тут, неподалеку, да и полицейский рядом». Сансоне тоже. Она оглянулась и заметила, что он все еще стоит на ступеньках перед входной дверью и глядит ей вслед. И все же она достала брелок с ключами от машины и приставила большой палец к кнопке аварийной сигнализации. Двигаясь по тротуару, Маура приглядывалась к каждой тени, силясь уловить ее движение. И только оказавшись в машине и захлопнув за собой дверцу, она почувствовала, как напряжение покинуло ее.

«Пора домой. Самое время хлебнуть чего-нибудь покрепче».

Оказавшись дома, Маура обнаружила на автоответчике два сообщения. Сперва она прошла на кухню и плеснула себе в бокал бренди. Потом вернулась в гостиную, потягивая из бокала, подошла к телефону и нажала на кнопку воспроизведения. Услышав голос первого звонившего, она замерла.

«Это Даниэл. Неважно, как поздно ты вернешься и когда прослушаешь мое сообщение. Все равно позвони, прошу тебя. Мне так неприятно думать, что мы с тобой... — Пауза. — Маура, нам надо поговорить. перезвони».

Она не шелохнулась. Стояла, сжимая пальцами бокал с бренди, и ждала, когда прозвучит второе сообщение.

«Доктор Айлз, это Энтони Сансоне. Я просто хотел убедиться, что вы добрались до дома без происшествий. перезвоните мне, пожалуйста, и подтвердите, что с вами действительно все в порядке».

На этом автоответчик смолк. Маура вздохнула, сняла трубку и набрала номер.

— Особняк Сансоне. Джереми у аппарата.

— Это доктор Айлз. Не могли бы вы...

— Здравствуйте, доктор Айлз. Сейчас я его позову.

— Нет, просто передайте, что я уже дома.

— Насколько я знаю, ему очень хотелось поговорить с вами лично.

— Не стоит его беспокоить. Доброй ночи.

— Доброй ночи, доктор.

Маура положила трубку и склонилась над аппаратом, раздумывая, набирать другой номер или нет.

Тут на крыльце послышался громкий удар — Маура встрепенулась. Прошла к входной двери и включила на крыльце свет. Снаружи ветер вздымал клубы мельчайшего, точно пыль, снега. Там, на полу, валялась разбившаяся на множество сверкающих осколков сосулька похожая на расколовшийся кинжал. Маура выключила наружный свет, прильнула к

окну и увидела, как мимо ее дома проехал грузовик из службы коммунального хозяйства, посыпая обледенелую дорогу песком.

Она вернулась в гостиную, села на диван и уставилась на телефон, допивая остатки бренди.

«Маура, нам надо поговорить. Перезвони».

Она поставила бокал, потушила свет и направилась в спальню.

22 июля. Фаза Луны: первая четверть.

Тетя Эми стоит у плиты и с довольным, как у коровы, видом помешивает в кастрюле рагу.

День сегодня пасмурный, на западе сгущаются тучи, слышатся отдаленные раскаты грома, а она как будто не обращает на них внимания. В тетушкином мире каждый день — солнечный. Она не видит и не боится зла. Она похожа на домашнюю скотину, жиреющую на придорожном фермерском клеверном поле, на эдакую овцу, не подозревающую, что такое скотобойня. За отблесками счастья она не видит пропасти, разверзшейся у нее под ногами.

Она совсем не похожа на мою маму.

Тетя Эми отворачивается от плиты и говорит:

— Обед почти готов.

— Давайте накрою на стол, — предлагаю я, и она одаривает меня благодарной улыбкой.

Как же мало надо, чтобы ей угодить. Пока я расставляю на столе тарелки и раскладываю салфетки и вилки — зубцами вниз, на французский манер, ловлю на себе ее любящий взгляд. Она видит перед собой только тихого, милого мальчика — и даже не представляет себе, кто я на самом деле.

Только моя мама это знает. Мама может проследить нашу родословную до самых гиксосов^[10], правивших Нижним Египтом в те времена, когда священным считался Бог войны. «В твоих жилах течет кровь древних охотников, — говорила мама. — Только никому об этом не рассказывай, потому что люди не поймут».

За столом я почти все время молчу. Их болтовни о семейных делах вполне хватает, чтобы заполнить тишину. А болтают они о том, что Тедди поделывал сегодня на озере и что Лили слыхала дома у Лори-Энн. Да какой чудесный урожай помидоров они соберут в августе.

Когда заканчиваем есть, дядя Питер спрашивает:

— Кто хочет в город за мороженым?

Я единственный, кто предпочитает остаться дома.

Я стою у входной двери и смотрю, как отъезжает их машина. И как только она скрывается за холмом, поднимаюсь по лестнице в тетушкину с дядюшкиной спальню. Я давно ждал подходящего случая, чтобы

обследовать ее. Там все пропахло лимонной жидкостью для полировки мебели. Постель аккуратно заправлена, хотя кое-где все же заметны следы беспорядка — дядюшкины джинсы на спинке стула, пара-тройка журналов на ночном столике, — словно в доказательство того, что в этой комнате живут настоящие люди.

В ванной открываю аптечку и там, среди обычных таблеток от головной боли и капсул от простуды, нахожу рецепт двухлетней давности, выписанный на имя доктора Питера Соула:

«Валиум, 5 мг. Принимать по одной таблетке три раза в день по мере ощущения болей в спине».

В пузырьке осталась по меньшей мере дюжина таблеток.

Возвращаюсь в спальню. Выдвигаю ящики комода и узнаю, что у тетушки размер бюстгалтера 80В и что она носит хлопчатобумажное белье, а дядюшка — длинные трусы в обтяжку. В самом нижнем ящике нахожу еще ключ. Для дверей — маловат. Кажется, я знаю, от чего он.

Внизу, в дядюшкином кабинете, вставляю ключ в замок, и дверцы секретера широко распахиваются. Там, на полке, лежит его пистолет. Старый такой, отцовское наследство, — наверное, поэтому он его бережет. Никогда не достает и, по-моему, даже побаивается брать в руки.

Запираю секретер и кладу ключ обратно в нижний ящик комода.

Через час слышу, как к дому подъезжает их машина, спускаюсь вниз и, когда они проходят в дом, всех приветствую.

Тетушка Эми при виде меня улыбается.

— Какая жалость, что ты не поехал с нами. Наверно, скучно тебе было?

От пронзительного визга тормозов Лили Соул встрепелась и тут же проснулась. Подняла голову, застонав от боли в шее, и заспанными глазами оглядела простирившуюся кругом сельскую местность. Уже занялся рассвет, и утренний туман затянул золотистой дымкой склоны холмов, поросшие виноградниками и росистыми фруктовыми садами. Она надеялась, что бедные Паоло и Джорджо перенеслись в такие же прелестные края: ведь если кто и заслуживает места на небесах, то это они.

«Но я их не увижу. Это мой единственный шанс оказаться в раю. Здесь и сейчас. Краткий миг покоя, бесконечно сладостный, потому что продлится он недолго, уж я-то знаю».

— Проснулась наконец, — сказал по-итальянски шофер, сверкнув на нее своими карими глазами.

Прошлой ночью, когда он остановился на обочине, на выезде из Флоренции, и предложил ее подвезти, она его как следует не разглядела. Теперь, в утреннем свете, проникавшем в кабину грузовика, она увидела грубоватые черты его лица, выступающий лоб и черную однодневную щетину на подбородке и щеках. О, она прекрасно понимала его красноречивый взгляд. «Так да или нет, синьорина?» Американские девицы сговорчивые. Стоит их подвезти, предложить ночлег, — и они уже у тебя в койке.

«Только шнурки поглажу», — подумала Лили. Нет, ей, конечно же, случалось переспать с первым встречным, или двумя. А может, тремя, если к тому ее вынуждали обстоятельства. Только те мужчины не были лишены обаяния и всегда давали ей то, в чем она тогда особенно нуждалась, — не крышу над головой, а тепло своих объятий. Возможность насладиться коротким, призрачным счастьем от мысли, что кто-то может ее защитить.

— Если тебе негде остановиться, — сказал шофер, — у меня в городе есть квартира.

— Спасибо, не надо.

— Тебе есть куда податься?

— У меня здесь... друзья. Они предложили погостить у них.

— А где они живут? Подброшу тебя прямо к ним.

Он знал, что она врет. Просто решил проверить.

— Правда, — заверил он. — Запросто.

— Довезите меня до вокзала. Они живут неподалеку.

Он снова скользнул взглядом по ее лицу. Глаза шофера не нравились Лили. Она заметила в них коварный огонек, подобный блеску в глазках-бусинках свернувшейся в клубок змеи, в любой миг готовой к броску.

Он вдруг пожал плечами и ухмыльнулся, прикидываясь, что ему, в конце концов, все равно.

— Раньше бывала в Риме?

— Да.

— Хорошо говоришь по-итальянски.

«Не очень, — призналась она себе. — Не успею открыть рот, как всем сразу ясно — иностранка».

— Долго пробудешь в Риме?

— Не знаю. — «Пока буду в безопасности. Пока не решу, куда двинуться дальше».

— Понадобится помощь — звони. — Он достал из кармана рубахи визитную карточку и протянул ей. — Номер моего мобильного.

— Как-нибудь позвоню, — сказала она, запихивая карточку в рюкзак.

Мечтать не вредно. Только бы поскорее от него отделаться.

У римского вокзала Термини она выбралась из грузовика и помахала шоферу на прощание. И все время, пока переходила улицу по направлению к вокзалу, ощущала спиной его взгляд. Не оглядываясь, она вошла в здание вокзала. И там обернулась, поглядев назад через окно, чтобы проверить, где его грузовик. Он стоял на прежнем месте и чего-то ждал. «Убирайся же, — мысленно приказала она. — Отвяжись, черт бы тебя побрал!»

Тут позади грузовика засигналило такси — лишь тогда он наконец тронулся с места.

Она вышла из здания вокзала и направилась к площади Республики — и там замешкалась, ошеломленная гулом толпы, шумом автомобилей и зловонием выхлопных газов, висевших в раскаленном воздухе. Перед тем как покинуть Флоренцию, Лили рискнула подойти к банкомату и снять с карточки триста евро, так что теперь она ощущала себя богачкой. Если не шиковать, этих денег хватит недели на две. Правда, питаться придется хлебом с сыром и кофе, а ютиться — в самых убогих туристических гостиницах. Как раз здесь, в этом районе, можно найти что подешевле. Среди толп иностранных туристов, входящих и выходящих из здания вокзала, затеряться проще простого.

Но все равно надо глядеть в оба.

Остановившись у магазина всякой всячины, она задумалась — как проще всего изменить свою внешность. Перекраситься? Не годится. В стране черноволосых красавиц лучше оставаться брюнеткой. Может,

переодеться? Чтобы не выглядеть такой уж явной американкой. Снять джинсы и надеть какое-нибудь дешёвенькое платьице? Она прошла по пыльной лавке и через полчаса вышла из нее в легком голубеньком хлопчатобумажном платье.

Вслед за тем в порыве расточительности она позволила себе отведать большущую порцию спагетти с болонским соусом — первое горячее блюдо за последние два дня. Соус был так себе, макароны — какие-то водянистые, переваренные. Но она проглотила эту кучу за милую душу, подобрав ломтиком черствого хлеба все мясо до последнего кусочка. Насытившись вдосталь и ощутив, как ей на плечи тяжким бременем опустилась жара, она, засыпая на ходу, отправилась на поиски гостиницы. И нашла — в одном из грязных переулков. У парадного входа собаки оставили свои вонючие «сувениры». Из окон свисало белье, а над мусорным баком, переполненным отходами и битым стеклом, жужжал несметный рой мух.

Блеск!

Окна в номере, который она сняла, выходили в тенистый внутренний дворик. Раздеваясь у окна, она наблюдала за тощей кошкой, сцапавшей что-то совсем крошечное, но разглядеть, что именно, Лили не смогла. Может, кусок веревки? Или незадачливую мышь?

Раздевшись до нижнего белья, она легла на бугорчатую кровать и стала прислушиваться к дребезжанию висевших за окнами, со стороны двора, кондиционеров, к звукам клаксонов и рокоту автобусов Вечного города. «В городе с четырехмиллионным населением легко затеряться, хотя бы на какое-то время, — подумала она. — Так просто меня здесь не найти».

Даже самому дьяволу.

Дом Эдвины Фелуэй располагался на окраине Ньютона. Он стоял у кромки заснеженных полей для гольфа, принадлежавших Брэбернскому загородному клубу, и его окна выходили на восточный рукав Чизкейк-Брука, напоминавший в это время года сверкающую обледенелую ленту. Несмотря на то, что он не был самым большим домом в районе величественных особняков, выглядел он довольно изысканно и оригинально, чем и отличался от большинства других местных роскошных строений. Стены его были увиты толстыми стеблями глицинии, вцепившимися в дом, точно пораженные артритом длинные корявые пальцы; они словно бы ждали весны, когда солнце живительным теплом отогреет их узловатые суставы и они снова расцветут пышным цветом. Один из фронтонов был украшен широким округлым витражом, напоминавшим огромный разноцветный глаз. По краям остроконечной шиферной крыши неровными зубьями сверкали сосульки. Во дворе возвышались скульптуры с горделиво воздетыми обледенелыми головами, как будто очнувшиеся посреди зимней спячки и вознесшиеся над снежной пеленой: крылатая фея, словно на лету превратившаяся в ледышку; дракон, временно неспособный дышать пламенем; стройная дева с венчиком на челе, больше похожим на припорошенную снегом ледяную корону.

— На сколько же это потянет? — спросила Джейн, глядя на дом из окна машины. — Миллиона на два? На два с половиной?

— В этой местности, у самого поля для гольфа? Думаю, скорее, четыре, — ответил Барри Фрост.

— За этот чудной старый дом?

— По-моему, не такой уж и старый.

— Ну, тогда, значит, кто-то здорово постарался его состарить.

— Дом с изюминкой. Я бы так сказал.

Точно. Домик семи гномов.

Джейн вырулила на подъездную аллею и припарковалась рядом с грузовичком. Когда они вышли из машины на обильно посыпанную песком бульжную мостовую, Джейн заметила на приборном щитке грузовичка табличку «Инвалид». И, заглянув внутрь через заднее стекло, увидела подъемное устройство для инвалидной коляски.

— Ау! Вы следователи? — окликнул их чей-то громкий голос.

Женщина, стоявшая на крыльце и махавшая им рукой, выглядела

вполне здоровой.

— Осторожней — мостовая скользкая. Аллею я стараюсь регулярно посыпать песком — для гостей, но практичная обувь здесь незаменима.

Эпитет «практичная», заметила Джейн, поднявшись по ступенькам и пожимая женщине руку, как нельзя лучше подходил к одежде Эдвины Фелуэй. На ней была мешковатая твидовая куртка и шерстяные брюки, заправленные в высокие резиновые сапоги, — словом, полный наряд какой-нибудь английской селянки. Впрочем, ей явно нравилось изображать из себя таковую, о чем можно было судить не только по зеленым непромокаемым сапогам, но и по характерному выговору. Ей уже наверняка было шестьдесят, но выглядела она крепкой и стройной, как дерево; у нее было миловидное лицо, покрасневшее на морозе, и широкие, как у мужчины, плечи. Седые волосы, аккуратно подстриженные «под пажа», спереди скреплены черепаховой заколкой-пряжкой, поэтому ее скуластое лицо целиком открыто, как и ярко-синие глаза. Косметика была ей ни к чему: она и без того выглядела очень эффектно.

— Я поставила чайник, — сообщила Эдвина, приглашая обоих детективов в дом. — На тот случай, если вам вдруг захочется чаю. — Она закрыла за ними дверь, сняла сапоги и сунула ноги в носках в поношенные тапочки. Тут откуда-то сверху послышался собачий лай. Собаки, судя по тембру, были большие. — О, я закрыла их в спальне. Они не больно жалуют посторонних. И к тому же довольно-таки злые.

— Нам тоже нужно разуться? — осведомился Фрост.

— Господи, и думать забудьте. Собаки вечно снуют туда-сюда, вон сколько песка понесли. Так что за пол я не беспокоюсь. Давайте-ка сюда ваши куртки.

Раздеваясь, Джейн с любопытством рассматривала сводчатый потолок над головой. Открытые стропила торчали, точно балки над залом в каком-нибудь средневековом замке. Округлый витраж, на который она обратила внимание еще на улице, переливался всеми цветами радуги, словно подсвеченные изнутри леденцы в стеклянной банке. Куда бы она ни обратила взгляд — везде замечала какие-нибудь диковинные вещицы. Вот ниша с деревянной Мадонной, украшенной золотом и разноцветным стеклом. А вот православный триптих, написанный в тонах самоцветных камней. Резные фигурки животных и тибетские шали, выстроенные в ряд средневековые церковные скамьи. У одной из стен громоздился настоящий индейский тотемный столб высотой в два этажа, достававший до самого потолка.

— Ну и ну! — изумился Фрост. — У вас тут очень интересно, мэм!

— Мой муж был антропологом. И коллекционером — собирал всякие древности, пока было где все это держать. — Она указала на голову орла, венчавшую тотемный столб. — Это его любимая вещица. И самая ценная из всего, что тут есть. Стоит, наверно, целое состояние, только мне дорога здесь каждая вещь, какой бы страшной она ни казалась, и лично я не смогла бы расстаться ни с одной.

— А ваш муж...

— Умер, — сказала она без малейших колебаний. Констатировала свершившийся факт. — Он был немного старше меня. Так что я уже давно вдова. Но пятнадцать лет мы все-таки пожили вместе.

Пока она вешала их куртки в стенной шкаф, Джейн успела разглядеть среди царившего там беспорядка трость черного дерева со странным набалдашником — человеческим черепом. «Такую гадость, — подумала она, — я бы уже давно запихнула куда-нибудь подальше».

Эдвина закрыла дверцу шкафа и снова повернулась к гостям.

— Думаю, вы по уши увязли в этом расследовании. Вот мы и решили облегчить вам труды.

— Облегчить? — удивилась Джейн.

Услышав пронзительный свист чайника, Эдвина посмотрела в сторону коридора.

— Давайте пройдем на кухню и присядем, — предложила она и направилась в коридор, шаркая тапочками по старому дубовому полу. — Энтони предупредил, у вас много неясного, так что мы составили для вас целое расписание. Всего, что мы вспомнили о прошлом вечере.

— Господин Сансоне обсуждал это с вами?

— Он позвонил мне вчера вечером и рассказал обо всем, что случилось после моего ухода.

— И очень напрасно. Лучше бы вы не говорили с ним на эту тему.

Эдвина остановилась посреди коридора.

— Это еще почему? Эдак мы будем блуждать, как слепцы. Если мы хотим помочь полиции, надо быть уверенными в своих показаниях.

— Я бы предпочла получить независимые показания от наших свидетелей.

— Каждый член нашей группы вполне независим, уж поверьте. Каждый из нас придерживается своей собственной точки зрения. Другого Энтони и не надо. Вот почему нам так хорошо работается вместе.

Свист чайника внезапно стих, и Эдвина глянула в сторону кухни.

— О, кажется, он выключил его.

Он? В доме есть еще кто-то?

Эдвина поспешила на кухню и сказала:

— Погоди, я сама.

— Не беспокойся, Винни. Чай я уже заварил. Ты же хотела «Ирландский завтрак», так?

В инвалидной коляске спиной к гостям сидел мужчина. Владелец грузовичка, стоявшего на подъездной аллее. Он развернул коляску, собираясь поздороваться, и первое, что бросилось в глаза Джейн, — мягкие темные волосы и очки в толстой черепаховой оправе. Его серые глаза смотрели на нее пристально и с любопытством. Выглядел он довольно молодо, лет на двадцать пять, и годился Эдвине в сыновья. Говорил он с американским акцентом, да и вообще между ними не было родственного сходства — между крепко сложенной, здоровой на вид Эдвиной и этим бледным юношей.

— Позвольте, я вас представляю друг другу, — сказала Эдвина. — Это детектив Фрост и детектив Риццоли. А это Оливер Старк.

Джейн удивленно взглянула на молодого человека.

— Вы же один из вчерашних гостей! В доме у Сансоне.

— Да, — подтвердил Оливер и смолк, изучающе глядя ей в лицо. — А что тут такого?

— Мы думали побеседовать с вами отдельно.

— Им не понравилось, что мы успели обсудить дело в нашем кругу, — объяснила Эдвина.

— А я что тебе говорил, Винни!

— Но ведь так же гораздо продуктивнее — собрать все детали воедино. Это экономит время. — Эдвина подошла к обеденному столу и собрала все лежавшие там газеты — от «Бангкок пост» до «Айриш таймс» — в увесистую пачку. Перенесла ее на буфетный стол и выдвинула пару стульев.

— Заходите, пожалуйста, присаживайтесь. А я пока схожу наверх за папкой.

— За папкой? — спросила Джейн.

— Ну да, мы же тут целое дело завели. Энтони посчитал, что вам понадобятся копии.

Эдвина вышла из кухни, и вслед за тем на лестнице послышались ее громкие шаги.

— Крепка как дерево, верно? — сказал Оливер. — Никогда не думал, что англичанки бывают такие здоровенные. — Он подкатился к обеденному столу и поманил их рукой. — Понимаю, это против заведенных у вас в полиции правил. Опрос каждого свидетеля по отдельности и все такое. Но

наш метод действительно более продуктивный. К тому же сегодня утром мы провели сеанс конференц-связи с Готтфридом, так что теперь у вас будут показания сразу трех свидетелей.

— Вы имеете в виду Готтфрида Баума? — уточнила Джейн. — Четвертого гостя?

— Да. Вчера вечером он торопился на самолет в Брюссель, поэтому они с Эдвиной ушли раньше. Мы созвонились с ним несколько часов назад, чтобы сравнить записи. И все наши показания почти полностью совпадают. — Слабо улыбнувшись, он взглянул на Джейн. — На моей памяти это первый и единственный случай за все время, когда мы в чем-то проявили полное единодушие.

Джейн вздохнула:

— Видите ли, господин Старк...

— Меня никто так не зовет. Я — Олли.

Джейн села — теперь их глаза были на одном уровне. Он посмотрел на нее несколько насмешливо, и Риццоли это совсем не понравилось. Его взгляд как бы говорил: «Я умный и знаю это. Уж конечно, умнее какой-то там дамочки-полицейского». Раздражение вызывал и тот факт, что, скорее всего, он был прав: он олицетворял стереотип этакого юного гения, с которым опасаясь садиться за одну парту на уроке математики. На чудомальчика, который уже сдал контрольную по алгебре, пока все остальные ломают голову над первой задачкой.

— Мы вовсе не стремимся нарушить ваши правила, — пояснил Оливер. — Просто хотим помочь. И это вполне возможно, если мы будем работать вместе.

Сверху послышались собачий лай, цоканье когтей по полу, строгий окрик Эдвины и скрип запираемой двери.

— Вы поможете нам, только если будете отвечать на наши вопросы, — возразила Джейн.

— Похоже, вы меня не совсем понимаете.

— И чего же я не понимаю?

— Насколько полезными мы можем быть для вас. Наша группа.

— Ну да. Господин Сансоне рассказывал — у вас же клуб борцов с преступностью.

— Это общество. А не клуб.

— А в чем разница? — поинтересовался Фрост.

Оливер перевел на него взгляд.

— Мы серьезная организация, детектив. Объединяем людей со всего мира. Да и никакие мы не любители.

— Вы что, служите в органах правопорядка, Олли? — удивилась Джейн.

— На самом деле я математик. Но мое истинное призвание — семиотика.

— Простите?

— Я занимаюсь толкованием знаков и символов. Их происхождением и смыслом, как явным, так и скрытым.

— Ага. А госпожа Фелуэй?

— Она антрополог. И только недавно к нам присоединилась. О ней очень высоко отзывались в нашем лондонском отделении.

— Ну а господин Сансоне? Уж он-то наверняка не служит в полиции.

— А мог бы.

— Он говорил, что до пенсии был профессором. Преподавал историю в Бостонском колледже. По-моему, ничего общего с полицейским.

Оливер усмехнулся.

— Энтони всегда преуменьшает свою значимость. Очень на него похоже.

Тут на кухню вернулась Эдвина с папкой в руках.

— На кого, Олли?

— Мы говорим об Энтони. Полиция думает — он всего лишь отставной преподаватель колледжа.

— И это его вполне устраивает. — Эдвина села. — Потому что не создает рекламы.

— И все-таки, что нам следует о нем знать? — поинтересовался Фрост.

— Ну, что он человек достаточно состоятельный, — ответила Эдвина.

— Это и так ясно.

— Я имею в виду — очень состоятельный. Этот дом в Бикон-Хилле не идет ни в какое сравнение с его имением во Флоренции.

— Или с домом в Лондоне, — добавил Олли.

— И это должно произвести на нас впечатление? — спросила Джейн.

Эдвина ответила ей холодным пристальным взглядом, после чего пояснила:

— Деньги сами по себе не способны впечатлить. То, как человек их тратит, — вот что должно производить впечатление. — Она положила папку с досье на стол перед Джейн и прибавила: — Это вам, детектив.

Джейн раскрыла папку на первой странице. Это была аккуратно напечатанная хронология событий минувшего вечера, восстановленных по памяти троих сотрапезников — Эдвины, Оливера и таинственного Готтфрида Баума:

(Время указано приблизительно)

18.00 — Приезжают Эдвина и Готтфрид.

18.15 — Приезжает Оливер Старк.

18.20 — Приезжает Джойс О'Доннелл.

18.40 — Джереми подает первое блюдо...

Дальше полностью излагалось обеденное меню. За консоме следовали заливное из лосося с молодым салатом. Вырезка из говядины с жареным хрустящим картофелем. После этого — тонко нарезанный сыр реблошон под бокал портвейна. И наконец под кофе-торт «Захер» со взбитыми сливками.

В 21.30 — Эдвина и Готтфрид отправились в аэропорт Логан — там Эдвина высадила Готтфрида, поскольку ему надо было лететь в Брюссель.

В 21.45 — Бикон-Хилл покинул Оливер — он направился напрямик домой.

— Это все, что нам запомнилось в хронологическом порядке, — пояснила Эдвина. — Мы старались быть как можно точнее.

«Да, вплоть до консоме», — подумала Джейн, снова просматривая хронологию событий. Ничего полезного тут для нее не было: все это лишь повторяло слова Сансоне и его дворецкого, только с дополнительными кулинарными подробностями. В общем, картина складывалась следующая. Зимний вечер. В Бикон-Хилл в течение двадцати минут съезжаются четверо гостей. Они разделяют с хозяином дома изысканную трапезу и, потягивая вино, обсуждают преступления, совершенные за день, даже не подозревая, что в это самое время снаружи, в стильном саду за домом, убивают женщину.

«А еще клуб борцов с преступностью! Пользы от этих любителей ну ни на грош!»

Следующая страница в папке представляла собой листок почтовой бумаги, увенчанный одной-единственной готической буквой «М».

А под нею — приписка, сделанная от руки: «Твое заключение, Оливер? Э.С.». Энтони Сансоне? Джейн перешла к следующей странице и увидела фотографию — ее она тут же узнала: знаки, нарисованные на двери черного хода в доме Сансоне, выходящей в сад.

— Это же со вчерашнего места преступления, — сказала Джейн. — Откуда у вас фотография?

— Энтони прислал сегодня утром. Это один из снимков, он сделал их вчера.

— Фотография не подлежит распространению, — сказала Джейн. —

Это же улика.

— И весьма любопытная, — заметил Оливер. — Знаете, что это? Эти символы?

— Сатанинские знаки.

— О, ответ бессознательный. Вы видите на месте преступления странные символы и приходите к заключению, что это дело рук кровожадных сатанистов. Закоренелых злодеев, по общепринятому мнению.

— По-вашему, здесь еще что-то кроется? — поинтересовался Фрост.

— Я не говорю, что сатанисты не могли сотворить такое. Они действительно используют перевернутый крест как символ Антихриста. И то убийство в сочельник, когда жертву обезглавили, а вокруг головы начертили на полу круг. И сгоревшие свечи. Конечно, это напоминает сатанинский обряд.

— Откуда вы все это знаете?

Оливер взглянул на Эдвину.

— Они и впрямь считают, что мы в полном неведении, верно?

— Неважно, откуда мы узнали все подробности, — произнесла Эдвина. — Но мы осведомлены об этом деле.

— А что вы думаете вот об этом символе? — спросил Фрост, указывая на фотографию. — Похожем на глаз? Это тоже сатанинский знак?

— Как сказать, — ответил Оливер. — Сперва давайте рассмотрим то, что вы видели на месте убийства в сочельник. Там был нарисованный красным мелом круг, и в середину его убийца поместил отрезанную голову жертвы. Еще там были пять сгоревших свечей по периметру круга.

— И что это значит?

— В общем и целом круг — довольно-таки примитивный символ, но вместе с тем универсальный. Он может означать все что угодно. Солнце, луну. Защиту. Вечность. Возрождение, жизненный цикл. Ну и, конечно, в сатанинских культах он, кроме того, олицетворяет женский половой орган. Мы ведь не знаем, какой смысл вложил в него тот, кто начертил его той ночью.

— Но это могло быть и чем-то сатанинским, — заметил Фрост.

— Разумеется. А пять свечей могут означать пять углов пентаграммы. Ну а теперь давайте поглядим на то, что было нарисовано прошлым вечером на двери черного хода в доме Энтони. — Он указал на фотографию. — Что вы здесь видите?

— Глаз.

— Опишите его подробнее.

— Из него как бы вытекает слеза. А под ним как будто торчит ресница. Оливер достал из кармана рубашки ручку и перевернул листок почтовой бумаги на обратную, чистую сторону.

— Я изображу его более четко, и тогда вы ясно увидите все элементы этого символа.

И он воспроизвел рисунок на листке бумаги:

— Все равно похоже на глаз, — заметил Фрост.

— Да, только благодаря всем этим деталям — реснице, слезе — глаз выглядит совершенно особенно. Этот символ называется Уджат.^[11] Знатоки сатанинских обрядов скажут вам, что это символ всевидящего ока Люцифера. А слеза — потому что он оплакивает неподвластные ему души. Некоторые теоретики тайных заговоров утверждают, что точно такой же глаз изображен на американских купюрах.

— Вы имеете в виду — на вершине пирамиды?

— Точно. Так называемое доказательство того, что в мире денег всем заправляют поклонники Сатаны.

— Мы снова возвращаемся к сатанинской символике, — сказала Джейн.

— Это всего лишь одно из толкований.

— А как насчет других?

— Этот символ также использовало древнее братство франкмасонов. И тут у него совершенно безобидный смысл. У масонов это символ просвещения. Озарения.

— Стремления к познанию, — пояснила Эдвина. — Постижению тайн ремесла.

— Уж не хотите ли вы сказать, что убийство совершил масон? — удивилась Джейн.

— Боже мой, конечно же нет! — воскликнул Оливер. — Я имел в виду совсем другое. Бедных масонов столько обвиняли в разных смертных грехах, я не собираюсь уподобляться их обвинителям. Преподам вам краткий урок истории. Как вы уже знаете, мой конек — толкование знаков и символов. Попытаюсь объяснить, что этот самый символ, Уджат, очень-очень древний. И на протяжении всей истории он служил для самых разных целей. Для некоторых значение его было священо. Для других это

был знак ужаса, символ зла. Однако изначальное его значение, восходящее ко временам Древнего Египта, куда менее зловещее. Оно скорее даже практическое.

— И каково же оно?

— Он изображает глаз Гора, бога Солнца. На рисунках и в скульптуре Гора обычно изображали с головой сокола. А его земной ипостасью был фараон.

Джейн вздохнула:

— Значит, это может быть и сатанинский символ, и символ озарения. Или же глаз какого-то египетского бога с птичьей головой.

— Существует и другая возможность.

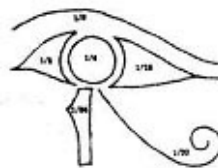
— Надеюсь, вы ее назовете.

Оливер снова достал ручку и нарисовал другой вариант глаза.

— А этот символ, — снова заговорил он, — вошел в обиход в Египте около тысячи двухсотого года до Рождества Христова. Он встречается в иератическом письме. [\[12\]](#)

— Все тот же глаз Гора? — осведомился Фрост.

— Да, только обратите внимание, здесь он состоит из отдельных частей. Радужная оболочка изображена в виде круга между двумя половинами склеры. А вот слеза и загнутая ресница, как вы ее назвали. В целом все выглядит как стилизованный вариант Уджат, однако практическое применение у него было совершенно особое — это математический символ. Каждая часть глаза представляет собой дробь. — Он написал на рисунке цифры:

— Эти дроби образуются путем деления последующих чисел пополам. А весь глаз представляет собой целое число — единицу. Левая половина склеры — одну вторую. Ресница — одну тридцать вторую.

— Может, в этом кроется какой-то смысл? — любопытствовала Джейн.

— Разумеется.

— И какой же?

— В этом глазу, возможно, заключено особое послание. На первом месте убийства отрезанная голова была помещена в круг. На втором мы

имеем изображение Уджат на двери. Что, если они как-то связаны, два этих символа? Что, если один служит ключом к толкованию другого?

— Вы имеете в виду математический ключ?

— Да. И круг на месте первого убийства олицетворял некий элемент Уджат.

Джейн присмотрелась к рисункам Оливера. К цифрам, которые он набросал в разных частях всевидящего ока.

— Значит, говорите, круг на месте первого убийства — возможно, радужная оболочка.

— Да. И представляет собой какую-то величину.

— Вы хотите сказать, отображает некое число? Дробь. — Она взглянула на Оливера и заметила, что, когда он наклонился к ней, на его щеках от волнения выступила краска.

— Совершенно верно, — подтвердил он. — И что же это, по-вашему, за дробь?

— Четверть, — ответила она.

— Верно. — Он улыбнулся. — Верно.

— Четверть чего? — спросил Фрост.

— Ну, пока мы этого не знаем. Может, четверть луны. Или одно из четырех времен года.

— А может, это значит, что он завершил лишь четвертую часть своей работы, — предположила Эдвина.

— Да, — согласился Оливер. — Возможно, он дает нам знать, что убийств будет больше. В общей сложности четыре, как он планирует.

Джейн взглянула на Фроста.

— Стол был накрыт на четверых.

В наступившей следом за тем тишине у Джейн вдруг оглушительно зазвонил мобильный телефон. Она тут же узнала номер — звонили из криминалистической лаборатории — и сразу ответила:

— Риццоли.

— Привет, детектив. Это Эрин, насчет следов на месте преступления. Помнишь тот красный круг на полу в кухне?

— Ну да. Как раз сейчас мы о нем и говорим.

— Так вот, я сравнила тот краситель из кухни со знаками с места преступления в Бикон-Хилле. С рисунками на двери. Красящее вещество и тут и там одно и то же.

— Выходит, преступник в обоих случаях пользовался одним и тем же красным мелом.

— В общем, поэтому я и звоню. Только это не красный мел.

— А что?

— Кое-что поинтереснее.

Криминалистическая лаборатория размещалась в южном крыле Бостонского полицейского управления на Шредер-Плаза — в том же коридоре, что и отдел по расследованию убийств. Джейн и Фрост проходили мимо окон с видом на унылый, обветшалый район Роксбери. Сегодня, под сплошным снежным покровом, все казалось чистым и белым: даже небо очистилось, и воздух казался прозрачным. Но Джейн едва обратила внимание на сверкающие контуры зданий, ее мысли были уже в комнате S269, где помещалась трассологическая лаборатория.

Криминалистка Эрин Волчко уже ждала их. Как только Джейн с Фростом вошли в кабинет, она обернулась, оторвавшись от микроскопа, над которым до этого склонялась, и взяла папку, лежавшую рядом на рабочем столе.

— С вас обоих причитается, — сказала она. — Я здорово потрудились вот над этим.

— Ты всегда так говоришь, — заметил Фрост.

— На этот раз я серьезно. Из всех следов с первого места преступления вот с этими, я думала, хлопот будет меньше всего. Ан нет, пришлось обшарить там все вдоль и поперек, чтобы определить, чем же был нарисован тот круг.

— И это никакой не мел.

— Не-а. — Эрин протянула ей папку. — На вот, взгляни.

Джейн раскрыла папку. Там сверху лежал лист фотобумаги со странными изображениями. Красные шарики на пятнистом фоне.

— Я начала с анализа под оптическим микроскопом с большим увеличением, — сказала Эрин. — От шестисот до тысячи раз. Вот эти шарики — частицы пигмента, собранного с того самого места на кухонном полу, где был нарисован красный круг.

— И что это значит?

— А вот что. Как видишь, степень окраски у них разная. Значит, частицы неоднородные. Показатель преломления тоже разный — от двух с половиной до трех ноль-одной, к тому же большинство частиц двоякопреломляющие.

— То есть?

— Это безводные частицы оксида железа. Вещества, широко распространенного в мире. Оно-то и придает глине характерные оттенки.

Оно же используется в художественных красках для получения красного, желтого или коричневого цвета.

— Пока не вижу ничего особенного.

— И я так думала, а потом копнула глубже. Сперва я решила, что это частицы мелка или пастельного карандаша, и принялась сравнивать их с образцами из двух магазинов художественных принадлежностей тут, по соседству.

— Есть совпадения?

— Нет. Различие стало явным только под микроскопом. Во-первых, гранулы красного пигмента в пастельных карандашах почти не различаются по степени окраски и показателю преломления. Потому что безводные частицы окиси железа, используемые во многих нынешних красителях, синтетические — промышленного изготовления, а не натуральные, добытые из земли. В промышленности применяется соединение под названием «красный марс» — смесь железа с окисями алюминия.

— Выходит, гранулы пигмента на этих снимках не синтетические?

— Нет, это безводная окись железа природного происхождения. Ее еще называют гематитом — слово происходит от греческого «кровь». Потому что иногда он бывает красного цвета.

— А что-нибудь натуральное сейчас производят?

— Пришлось порядком потрудиться, чтобы найти специальные мелки и пастельные карандаши, где в качестве красителя использовался гематит. Но в мелках содержится углекислый кальций. А в пастельных карандашах промышленного изготовления для скрепления красителя используется натуральный клей. Своего рода крахмал, вроде метилцеллюлозы или камедь-трагаканта. Все это смешивается в пасту и пропускается через пресс-форму, чтобы получился пастельный карандаш. Но никаких следов камедь-трагаканта или склеивающего крахмала в пробах с места преступления мы не обнаружили. Не нашли мы и достаточного количества углекислого кальция, чтобы можно было с полной уверенностью утверждать — да, это следы цветного мелка.

— Выходит, мы имеем дело со штуковиной, которой не сыскать ни в одном художественном магазине.

— Здесь — точно.

— Тогда откуда взялось это красное вещество?

— Ну, давай для начала поговорим об этом самом пигменте. Что же он такое на самом деле?

— Ты сказала — гематит.

— Правильно. Безводная окись железа. Но в составе цветной глины она называется по-другому — охрой.

— Это что-то вроде той краски, которой американские индейцы размазывают себе лица? — уточнил Фрост.

— Человечество пользуется охрой уже по меньшей мере триста тысяч лет. Ее находили даже в могилах неандертальцев. В частности, красная охра, судя по всему, широко применялась во время погребальных церемоний — наверно потому, что очень походила на кровь. Ею рисовали на пещерах в каменном веке и на стенах Помпеи. Древние раскрашивали ею свои тела — для красоты, а также использовали в качестве боевой раскраски. Применяли ее и в магических ритуалах.

— И в сатанинских обрядах тоже?

— У нее же цвет крови. И какую религию ни возьми, в любой этот цвет обладает символической силой, — ответила Эрин. — У вашего убийцы весьма необычный вкус.

— Да уж, теперь мы это знаем, — согласилась Джейн.

— Я хочу сказать — он довольно хорошо знаком с историей. Для своих ритуальных художеств он использует не обычный мел. А тот же примитивный пигмент, который использовали во времена палеолита. И откопал он его, ясное дело, не у себя на участке.

— Но ты же сказала, красная охра встречается в обыкновенной глине, — заметил Фрост. — Так что, может, он ее и впрямь выкопал.

— Не может, если его участок находится где-нибудь неподалеку. — Эрин кивнула на папку, которую Джейн все еще держала в руках. — Теперь взгляни на результаты химического анализа. Нам кое-что удалось обнаружить с помощью газохроматографического анализа и рамановской спектроскопии.

Джейн раскрыла папку на следующей странице и увидела компьютерную распечатку — диаграмму с многочисленными всплесками кривой.

— Ты объяснишь нам все это?

— Конечно. Начнем с рамановской спектроскопии.

— Первый раз слышу.

— Такую технологию применяют археологи для исследования исторических артефактов. Здесь с помощью оптического спектра вещества определяются его свойства. Величайшее преимущество такого способа в том, что сам предмет при этом остается целым и невредимым. Так можно исследовать пигменты всего что угодно, от покровов мумий до Туринской плащаницы, не нанося вреда самому материалу. Я попросила доктора Иэна

Макэвоя с археологического факультета Гарварда проанализировать результаты нашей спектроскопии, и он подтвердил — в наших пробах действительно содержатся окись железа, глина и кремний.

— Значит, это красная охра?

— Да. Красная охра.

— Но ведь ты и так это знала.

— И все-таки приятно было получить и его подтверждение. Доктор Макэвой даже предложил помочь установить ее происхождение. Определить, из какой части света эта самая красная охра.

— И такое действительно возможно?

— Эта технология пока еще в стадии разработки. И в суде в качестве доказательной базы, вероятно, будет признана не скоро. Но доктору Макэвою было очень интересно сравнить наши пробы с образцами охры, которые он собрал в разных частях света. Он определяет концентрацию других одиннадцати элементов в пробах, таких как магний, титан и торий. Суть его теории в том, что каждому конкретному географическому району соответствует определенный набор микроэлементов. Это то же самое, что, исследовав пробы почвы с автомобильных покрышек, установить, к примеру, что в этих пробах содержатся частицы свинца и цинка с добычного участка где-нибудь в Миссури. В нашем же случае с охрой мы изучаем пробу на предмет содержания в ней одиннадцати разных элементов.

— Тех самых других элементов.

— Верно. Вот так археологи и составили целую базу данных об источниках охры.

— Но зачем?

— С помощью такой базы можно определить происхождение того или иного предмета. Например, каково происхождение красителя с Туринской плащаницы? Франция или Израиль? Если найти ответ на этот вопрос, можно установить происхождение плащаницы. Или, скажем, наскальные рисунки — где древний художник брал охру? Если за несколько тысяч километров от тех мест, где рисовал, значит, он либо сам ходил добывать ее, либо приобрел у кого-то — ведь определенные формы товарообмена существовали еще в доисторические времена. Вот почему эта база имеет такое важное значение. Она позволяет нам заглянуть в жизнь древних.

— Так что там выяснилось о наших пробах пигмента? — спросил Фрост.

— А вот что, — Эрин улыбнулась. — Во-первых, в них содержится довольно значительное количество двуокиси марганца — пятнадцать

процентов, что придает пигменту более глубокий, насыщенный оттенок. В таких же пропорциях двуокись марганца содержится и в красной охре, которая была в ходу в средневековой Италии.

— Значит, это итальянский краситель?

— Да нет. Венецианцы привозили его из других мест. После того как доктор Макэвой сравнил профили всех элементов, он, в частности, установил одно из вероятных мест его происхождения. Красную охру там добывают и поныне. Остров Кипр.

— Мне нужно взглянуть на карту мира, — сказала Джейн.

— На всякий случай я скачала одну из Интернета, — сообщила Эрин, указав на папку.

Джейн нашла нужную страницу.

— Ага, вот. Это в Средиземном море, к югу от Турции.

— По-моему, куда проще было взять красный мел, — заметил Фрост.

— Да и куда дешевле. Ваш убийца выбрал необычный пигмент — из малоизвестного источника. Может, у него есть связи на Кипре.

— Или он попросту затеял с нами игру, — предположил Фрост. — Рисует всякие странные знаки. И пользуется странными пигментами. Вроде как хочет заморочить нам голову.

Джейн продолжала разглядывать карту. И думала о знаке на двери черного хода в доме Энтони Сансоне. Уджат, всевидящее око. Она посмотрела на Фроста.

— Египет находится как раз к югу от Кипра.

— Вспомнила о глазе Гора?

— А это еще что? — спросила Эрин.

— Знак, оставленный на месте преступления в Бикон-Хилле, — пояснила Джейн. — Гор — древнеегипетский бог Солнца.

— Сатанинский символ?

— Пока неизвестно, какой смысл в него вкладывает преступник, — сказал Фрост. — Каждый думает по-своему. Что он сатанист. Или любитель истории. Или всего-то навсего сумасшедший.

Эрин кивнула:

— Что-то вроде Сына Сэма.^[13] Помню, полиция потратила уйму времени, выясняя, кто он такой, этот таинственный Сэм. А оказалось, что это всего лишь слуховая галлюцинация убийцы. Говорящая собака.

Джейн закрыла папку.

— Знаете, я очень надеюсь, что наш преступник тоже полоумный.

— Почему же? — поинтересовалась Эрин.

— Потому что куда страшнее, если это не так. Если он совершенно в

здравом уме.

Джейн и Фрост сели в машину лишь после того, как прогрелся двигатель, а дефростер прояснил запотевшее лобовое стекло. «Вот если бы так же просто можно было расчистить туман вокруг убийцы, — подумала Джейн. — Никак не могу составить себе его портрет. Представить, как он выглядит. Кто он — мистификатор? Художник? Историк? Я знаю только, что он живодер».

Фрост надавил на газ, и они тронулись в путь — на сей раз гораздо медленнее обычного, поскольку обледенелая дорога была скользкой. Небо совсем расчистилось, и температура воздуха упала — нынешний вечер обещал быть самым холодным за всю зиму. В такое время лучше всего сидеть дома и уплетать теплое жаркое. В такой вечер, надеялась она, зло вряд ли выберется на улицы.

Фрост поехал по Коламбус-авеню на восток, в сторону Бикон-Хилла: они с Джейн собирались еще разок осмотреть место преступления. В салоне наконец стало совсем тепло, и Джейн до смерти не хотелось снова выходить наружу, где свирепствовал ветер. И идти на задний двор дома Сансоне, где остались замерзшие следы крови.

Заметив, что машина приближается к Массачусетс-авеню, Джейн попросила:

— Сверни-ка направо!

— А мы разве не к Сансоне едем?

— Сверни, пожалуйста.

— Как скажешь. — Фрост повернул направо.

— Вот так и езжай. До Олбани-стрит.

— К судмедэкспертам, что ли?

— Нет.

— Тогда куда?

— Тут недалеко. В двух кварталах. — Джейн оглядывалась на номера домов, мимо которых они проезжали, и вдруг сказала: — Стой! Приехали.

Она глянула на другую сторону улицы.

Фрост притормозил у края тротуара и уставился на Джейн.

— «Кинкос»? [\[14\]](#)

— У меня здесь отец работает. — Она взглянула на часы. — Так, сейчас около полудня.

— И что будем делать?

— Ждать.

— Фу ты, Риццоли! Ты это из-за матери?

— Эта история портит мне всю жизнь.

— Твои предки поссорились. Что ж, бывает.

— погоди, вот поселится твоя мать у тебя. Представляю, как это понравится Элис.

— Я уверен — все это скоро кончится, и твоя мама вернется к себе.

— Если все дело в другой женщине — нет. — Она вдруг выпрямилась. — А вот и он.

Фрэнк Риццоли появился из-за дверей «Кинкоса», застегивая куртку на молнию. Посмотрел на небо, заметно вздрогнул и выдохнул облако пара, тут же побелевшее на холоде.

— Похоже, собрался на обеденный перерыв, — заметил Фрост. — Ну и что из этого?

— А вот что, — тихо проговорила Джейн. — Вот что из этого.

Тут из дверей вышла какая-то женщина. Пышноволосяя блондинка в черной кожаной куртке и голубых джинсах в обтяжку. Фрэнк улыбнулся и обхватил ее рукой за талию. И так, в обнимку, они направились по улице в противоположную от Джейн и Фроста сторону.

— Черт возьми! — выругалась Джейн. — Выходит, все правда!

— Знаешь, по-моему, нам пора ехать...

— Ты только погляди на них. Только погляди!

Фрост включил двигатель.

— На самом деле и я бы не отказался перекусить. Может, поедем...

Джейн открыла дверь и выскочила из машины.

— Ой, Риццоли! Брось!

Она рванула через улицу и двинулась по тротуару вслед за отцом.

— Эй! — крикнула она. — Эй!

Фрэнк остановился, и его рука непроизвольно соскользнула с талии спутницы. Повернулся и, разинув от удивления рот, уставился на приближавшуюся дочь. А блондинка все еще обнимала Фрэнка, несмотря на его тщетные попытки высвободиться. Издалека женщина и правда казалась эффектной, но, подойдя ближе, Джейн заметила расхолодившиеся от уголков ее глаз глубокие морщины — их было не скрыть никакой косметикой; к тому же от нее разило табаком. И Фрэнк положил глаз на эту толстозадую, волосатую потаскуху? Ну вылитая сучка золотого ретривера!

— Джени, — начал Фрэнк. — Сейчас не время...

— А когда оно придет, это время?

— Я позвоню, ладно? Вечером обо всем и поговорим.

— Фрэнки, дорогой, что происходит? — удивилась блондинка.

«Не смей называть его Фрэнки!»

Джейн уставилась на женщину.

— А тебя как зовут?
Блондинка вздернула подбородок.
— А ты кто такая?
— Отвечай, черт бы тебя побрал!
— Ну давай, заставь меня! — Блондинка посмотрела на Фрэнка. — Это еще кто, черт возьми?
Фрэнк схватился рукой за голову и простонал, словно от боли:
— О боже!
— Бостонская полиция, — объявила Джейн. И, достав полицейский жетон, сунула его блондинке в лицо. — А теперь назови свое имя.
Блондинка даже не взглянула на удостоверение: она не могла оторвать испуганных глаз от Джейн.
— Сэнди, — пролепетала она.
— Фамилия?
— Хаффингтон.
— Удостоверение личности! — потребовала Джейн.
— Джени, — обратился к ней отец. — Брось ты это!
Сэнди безропотно достала бумажник и показала свои водительские права.
— А что мы такого сделали? — Она подозрительно взглянула на Фрэнка. — Что ты натворил?
— Чушь какая-то! — только и выговорил он.
— И когда эта чушь прекратится, а? — наседала на него Джейн. — Когда же ты наконец образумишься?
— Не твое собачье дело.
— Да неужели! Она сейчас сидит в моей квартире и, наверно, слезами обливается. И все потому, что твоя проклятая ширинка нараспашку.
— Она? — снова удивилась Сэнди. — О ком речь?
— И после тридцати семи лет совместной жизни ты променял ее на эту потаскуху?
— Ничего ты не понимаешь, — стоял на своем Фрэнк.
— О, я прекрасно все понимаю.
— Ты даже представить не можешь. Вкалываю всю жизнь как проклятый, белого света не вижу. А кто-то только стряпать и умеет. Мне уже шестьдесят один год — и что я имею? По-твоему, нельзя хоть раз в жизни порадоваться?
— Думаешь, у мамы много радостей?
— Это уже ее трудности.
— И мои тоже.

— Да, только я здесь ни при чем.

— Ой, — снова заговорила Сэнди, — так это твоя дочь? — Она посмотрела на Джейн. — Ты же сказала, что ты коп.

Фрэнк вздохнул.

— Да, она у нас коп.

— А ты знаешь, что ты разбил ей сердце? — продолжала Джейн. — Или тебе все равно?

— А как насчет моего сердца? — вмешалась Сэнди.

Джейн даже не обратила внимания на блондинку: она глядела на Фрэнка в упор.

— Я не узнаю тебя, папа. Раньше я тебя уважала. А теперь — посмотри на себя! Какой ты жалкий, просто ужас! Стоило этой белобрысой потаскушке повертеть задом, и ты как тот глупый кобель повел носом. Вперед, папа, трахайся!

Фрэнк пригрозил ей пальцем.

— Ну я тебе покажу!

— Думаешь, эта шлюха позаботится о тебе, когда ты заболеешь и сляжешь, а? Думаешь, станет нянчиться с тобой? Господи, да она хоть готовить умеет?

— Да как ты смеешь! — возмутилась Сэнди. — Меня жетоном не запугаешь!

— Мама простит тебя, пап. Точно знаю. Поговори с ней.

— Твои действия противозаконны, — всполошилась Сэнди. — Это чистое насилие! Полицейский произвол!

— Сейчас я тебе покажу, что такое полицейский произвол, — рявкнула в ответ Джейн. — Если ты будешь продолжать давить на меня.

— И что ты сделаешь, арестуешь меня? — вдруг стала наседать на нее Сэнди, сузив глаза до обрамленных тушью щелочек. — А ну, давай! — Блондинка изо всех сил ткнула пальцем в грудь Джейн. — Попробуй!

Дальше последовало непроизвольное действие. Джейн среагировала мгновенно, не задумываясь. Она схватила Сэнди за запястье и вывернула ей руку. Сквозь шум в ушах от притока крови она услышала, как Сэнди застонала, ругаясь. И как отец воскликнул:

— Прекрати! Ради Бога, перестань!

Дальше Джейн действовала чисто машинально: она пихнула Сэнди со всей силы, та тут же упала на колени — так Риццоли обычно обращалась с преступниками. Только на этот раз ею руководила настоящая ярость, заставлявшая Джейн сильнее выкручивать руки, стремиться причинить боль этой женщине. Унизить ее.

— Риццоли! Господи, Риццоли, хватит!

Окрик Фроста в конце концов заглушил удары ее собственного пульса. Она резко выпустила Сэнди, отступила назад и, тяжело дыша, тупо уставилась на дамочку, которая так и стояла на коленях посреди тротуара и хныкала. Фрэнк опустился на колени рядом с Сэнди и помог ей встать.

— И что, черт возьми, ты собираешься теперь делать? — Фрэнк воззрился на дочь. — Арестуешь ее?

— Ты же видел. Она толкнула меня.

— Она была расстроена.

— Она первая начала выступать.

— Риццоли! — тихо проговорил Фрост. — Может, закончим на этом?

— Я могла бы арестовать ее, — выдохнула Джейн. — Могла бы, черт ее подери!

— Ну да, — согласился Фрост. — Конечно, могла бы. Но неужели это необходимо?

Джейн тяжело вздохнула.

— У меня есть дела поважнее, — пробормотала она, развернувшись и направившись обратно к машине.

Не успела она забраться на пассажирское сиденье, как отец с блондинкой уже скрылись за углом.

Фрост уселся рядом и захлопнул за собой дверь.

— Не надо было этого делать, — сказал он.

— Давай трогай.

— Ты как будто с цепи сорвалась.

— Ты хоть ее видел? Мой отец спутался с какой-то мерзкой дешевкой!

— Вот поэтому ты должна держаться от нее как можно дальше. Иначе вы укокошите друг дружку.

Джейн вздохнула и уронила голову на руки.

— Что я скажу маме?

— Ничего. — Фрост завел машину и отъехал от края тротуара. — Их брак — не твое это дело.

— Придется ехать домой, смотреть ей в глаза. И видеть там боль. Вот почему это очень даже мое дело.

— Тогда будь хорошей дочерью, — посоветовал он. — Пусть она поплачется тебе в жилетку. Сейчас ей это необходимо.

Что я скажу маме?

Припарковавшись рядом с домом, Джейн какое-то время сидела в машине и с ужасом размышляла о том, что будет дальше. Может, не говорить ей о том, что случилось сегодня? Ведь Анжела и так знает, что отец встречается с Золотой Ретривершей. Так зачем беречь ее рану? Зачем унижать еще больше?

«Будь я на ее месте, мне бы хотелось знать все. И очень бы не хотелось, чтобы родная дочь от меня что-то скрывала, как бы больно это ни было».

Джейн вышла из машины, все еще раздумывая, что же сказать матери, хотя понимала: на что бы она ни решилась, вечер все равно будет испорчен, и вряд ли какое-нибудь слово или дело способно облегчить мамины страдания. Будь хорошей дочерью, как сказал Фрост, пусть она поплачется тебе в жилетку. Ну что ж, это вполне в ее силах.

Поднимаясь по лестнице на третий этаж, она чувствовала, что с каждой ступенькой ей становится все тяжелей идти, и мысленно проклинала мисс Сэнди Хаффингтон, перевернувшую всю их жизнь вверх дном. «Уж теперь-то я не спущу с тебя глаз. Попробуй только перейти дорогу в неположенном месте, я буду тут как тут. Не заплатишь штраф за нарушение правил стоянки? Что ж, пеняй на себя. Если мама не может дать сдачи, уж я-то, черт возьми, могу». Она вставила ключ в замок своей квартиры и вдруг оторопела, прислушавшись к доносившемуся из-за двери голосу матери. К ее смеху.

«Мама?»

Открыв дверь, она учуяла запах корицы и ванили. И тут услышала другой смех, до боли знакомый. Мужской. Она прошла на кухню — и увидела отставного детектива Винса Корсака: тот сидел за столом с чашкой кофе в руке. Перед ним стояла огромная тарелка с сахарным печеньем.

— Привет, — сказал Винс, поднимая чашку в знак приветствия.

Сидевшая рядом с ним на детском стульчике малютка Реджина тоже вскинула свою крохотную ручонку, как будто решила передразнить взрослого.

— Гм... а ты что тут делаешь?

— Джени! — проворчала Анжела, доставая из духовки противень со свежей выпечкой и водружая его остывать на плиту. — Ну как ты разговариваешь с Винсом!

«С Винсом? Она называет его Винсом?»

— Он позвонил, чтобы позвать вас с Габриэлем на вечеринку, — пояснила Анжела.

— И вас тоже, госпожа Риццоли, — уточнил Корсак, подмигнув Анжеле. — Чем больше цыпочек, тем лучше!

Анжела так и вспыхнула — но не от жара духовки.

— Держу пари, он учуял запах печенья по телефону, — сказала Джейн.

— Я тут как раз пекла печенье и говорю ему: если поторопишься, глядишь, и тебе перепадет.

— Да чтобы я отказался от такого предложения! — рассмеялся Корсак. — Эй, а здорово, когда мама живет с тобой, верно говорю?

Джейн посмотрела на его обсыпанную крошками мятую рубашку.

— Вижу, ты завязал с диетой.

— А ты, я вижу, в хорошем настроении. — Корсак отпил кофе и утер рот пухлой рукой. — Слышал, что у тебя чертовски таинственное дело. — Он смолк и взглянул на Анжелу. — Извините за выражение, госпожа Риццоли.

— Да говорите что хотите, — ответила Анжела. — Чувствуйте себя как дома.

«Только, пожалуйста, не потакай ему!»

— Какой-то там сатанинский культ, — продолжал Корсак.

— И это ты слышал?

— Уйти в отставку не значит стать глухим.

Или немым. Пусть Корсак порядком раздражал ее своими грубыми шуточками и неопрятным видом, он был одним из самых сметливых следователей из тех, кого она знала. Несмотря на то, что в прошлом году ему пришлось выйти в отставку из-за сердечного приступа, он так и не смог насовсем расстаться с работой. Вечерами по выходным она и сейчас частенько заставляла его в баре Дойла, излюбленной забегаловке бостонских полицейских, за разговорами о последних полицейских делах. Даже в отставке Винсу Корсаку суждено умереть полицейским.

— А еще что ты слышал? — поинтересовалась Джейн, подсаживаясь к столу.

— Что ваш клиент художник. Оставляет после себя занятные картинки. И обожает... — Корсак запнулся и взглянул на Анжелу, ссыпавшую печенье с противня. — ...фигурную резьбу. Я близок к истине?

— Даже слишком.

Высыпав остатки печенья в пакет с застежкой-молнией, Анжела закрыла его. И театральным жестом водрузила перед Корсаком. Джейн никак не ожидала, вернувшись домой, застать Анжелу в таком расположении духа. Ее мать хлопотала на кухне, собирая сковородки и миски, а потом мыла их в мыльной воде. Анжела совсем не выглядела

несчастной, покинутой или подавленной: она словно сбросила десяток лет. «Неужели так бывает, когда тебе изменяет муж?»

— Расскажи Джейн про свою вечеринку, — попросила Анжела, подливая Корсаку кофе.

— Ах, ну да. — Он громко отхлебнул из чашки. — Понимаешь, неделю назад я подписал бумаги на развод. Почти год препирательств насчет денег — и вот все позади. Ну и я тут подумал: может, пора отпраздновать мое новое положение, ведь я теперь вольная птица. Я и каморку свою уже украсил. Классный кожаный диванчик прикупил, телевизор с большим экраном. Куплю еще пару ящиков пивка, позову друзей, и мы все вместе славно потусуемся!

«Он превратился в подростка, только пятидесятипятiletнего, толстопузого и лысеющего, — подумала Джейн. — Какой же он жалкий!»

— Так ты придешь, верно? — спросил он у Джейн. — Вторая суббота января.

— Надо обсудить с Габриэлем.

— Если он не сможет, приходи одна. Только не забудь прихватить с собой старшую сестру. — Он подмигнул Анжеле, и та хихикнула в ответ.

Обстановка становилась все более напряженной. И Джейн даже почувствовала облегчение, услышав приглушенный звонок своего сотового телефона. Она прошла в гостиную, где оставила сумочку, и достала из нее телефон.

— Риццоли, — ответила она.

Лейтенант Маркетт не стал тратить время на красивые слова.

— Будьте поучтивей с Энтони Сансоне, — сказал он.

Из кухни донесся хохот Корсака, и это ударило ее по нервам. «Уж коли вздумал флиртовать с мамой, ради Бога, делай это где-нибудь в другом месте!»

— Слыхал, вы докучаете ему и его друзьям, — продолжал Маркетт.

— Тогда, может, объясните, что, по-вашему, значит докучать?

— Вы допрашивали его почти два часа. Изводили его дворецкого и гостей. И сегодня снова возвращались к нему с вопросами. Вы обращаетесь с ним как с подследственным.

— Ну... э-э... мне жаль, если я его обидела. Но мы работаем как обычно.

— Риццоли, не забывайте, пожалуйста, он вне подозрений.

— Я пока не пришла к такому выводу. У него была О'Доннелл. И у него же в саду убили Кассовиц. Когда дворецкий находит тело, что делает ваш Сансоне? Фотографирует! И распространяет среди своих друзей.

Хотите знать правду? Эти люди ненормальные. Уж Сансоне точно.

— Он не входит в число подозреваемых.

— Я его из этого числа не исключаю.

— Можете верить мне. Оставьте его в покое.

Джейн осеклась.

— Может быть, поясните, лейтенант? — тихо попросила она. — Чего еще я не знаю об Энтони Сансоне?

— Нам не нужно таких врагов.

— Вы его знаете?

— Лично — нет. Просто мне спустили сверху указание. Велели обходиться с ним почтительно.

Джейн отключила телефон. Подошла к окну и засмотрелась на заметно поблекшее вечернее небо. Наверное, опять снег пойдет. Она подумала: «Стоит только понадеяться, что крутом ясно, как вдруг на небе появляются тучи, закрывающие обзор».

Она снова взяла мобильный телефон и принялась набирать номер.

Маура наблюдала в смотровое окно, как Йошима в свинцовом фартуке устанавливает коллиматор^[15] над брюшной полостью. Некоторых людей по приходе на работу в понедельник утром ждет обычная бумажная рутина, и ничего больше. А Мауру в это утро понедельника ожидала девушка — она лежала на секционном столе, уже раздетая. Маура увидела, как Йошима вынырнул из-за свинцового экрана и извлек из коллиматора рентгеновскую кассету с пленкой, чтобы отнести ее на проявку. Он взглянул на нее и кивнул.

Маура открыла дверь и вернулась в секционный зал.

Вечером, сидя на корточках в саду Энтони Сансоне и дрожа от холода, она видела это самое тело лишь в свете карманных фонариков. Сейчас обнаженное тело детектива Евы Кассовиц лежало перед ней под ярким освещением, смывающим малейшие тени. Кровь с тела смыли, и свежие розовые раны проступали на нем со всей отчетливостью. Рваная рана на голове. Колотая — в области грудной клетки, ниже грудины. Глаза без век, с потускневшими под действием воздуха роговицами. Именно от них Маура не могла отвести взгляд — от этих изувеченных глаз.

Скрип двери возвестил о приходе Джейн.

— Еще не начинали? — спросила она.

— Нет. Еще кто-нибудь будет?

— Сегодня только я. — Джейн остановилась, запутавшись в халате, и взглянула на стол. На лицо мертвой коллеги. — Надо было ее как-то поддержать, — тихо проговорила она. — Когда олухи из нашего отдела затеялись доставать ее своими тупыми шуточками, я должна была положить этому конец, раз и навсегда.

— Это они должны чувствовать себя виноватыми, Джейн, а не ты.

— Но ведь и со мной было такое. И я знаю, каково оно. — Джейн взглянула на открытые роговицы мертвой девушки. — А ведь эти глаза не получится привести в порядок для похорон.

— Понадобится закрытый гроб.

— Глаз Гора, — тихо проговорила Джейн.

— Что?

— Тот рисунок на двери в доме Сансоне. Это древний символ — египетский. Называется Уджат — всевидящее око.

— Кто тебе это сказал?

— Один из гостей Сансоне. — Она взглянула на Мауру. — Эти люди — Сансоне и его друзья, — странный они народ. Чем ближе их узнаю, тем сильнее меня бросает в дрожь. Особенно от него.

Тут из проявочной вернулся Йошима с кипой готовых пленок. Когда он стал раскладывать их на просмотрном столе, они как обычно характерно позвякивали.

Маура взяла масштабную линейку, измерила рваную рану головы и быстро занесла размеры на бумагу, закрепленную на планшете с зажимом.

— Знаешь, а он звонил мне той ночью, — сказала она, не поднимая глаз. — Хотел убедиться, что я добралась домой без приключений.

— Кто — Сансоне?

Маура подняла глаза.

— Ты считаешь его подозреваемым?

— Сама посуди. Знаешь, что сделал Сансоне, когда они нашли тело? Еще до того, как он позвонил в полицию? Взял фотоаппарат и все сфотографировал. А на следующее утро дворецкий разослал фотографии его друзьям. Только скажи, что тут нет ничего странного.

— И ты его подозреваешь?

Помолчав немного, Джейн призналась:

— Нет. А если бы подозревала, нажила бы себе неприятности.

— Ты это о чем?

— Габриэль тут попробовал кое-что для меня выяснить. Обзвонил своих знакомых, чтобы разузнать побольше об этом субчике. Но он и рта не успел раскрыть, как все двери перед ним разом захлопнулись. ФБР, Интерпол — никто из них не пожелал обсуждать Сансоне. Похоже, у него наверху есть друзья, и все за него горой.

Маура вспомнила дом в Бикон-Хилле. Дворецкого, старинную обстановку.

— С таким состоянием — не мудрено.

— Все это перепало ему по наследству. Ясное дело, таких деньжищ на одном лишь преподавании истории средних веков в Бостонском колледже ни в жизнь не заработаешь.

— О каком конкретно состоянии идет речь?

— Помнишь дом в Бикон-Хилле? И это для него всего лишь жалкая хибара. У него есть дома в Лондоне и Париже, а еще родовое поместье в Италии имеется. Он типичный холостяк, при деньгах, и на вид ничего себе. Вот только в светских хрониках не мелькает. Не устраивает благотворительных балов, не собирает деньги ни для каких благих целей. Прямо затворник какой-то.

— Он не произвел на меня впечатления завсегдатая светских раутов.
— Что еще о нем скажешь?
— Да мы с ним недолго разговаривали.
— Но все-таки разговаривали?
— На улице было ужасно холодно, и он пригласил меня на чашку кофе.

— И это не показалось тебе странным?
— Что именно?
— А то, что он сделал тебе особое приглашение.
— И я была ему за это благодарна. И кстати — в дом меня позвал дворецкий.

— Именно тебя? Сансоне знал, кто ты?
— Да, — немного поколебавшись, призналась Маура.
— И что он от тебя хотел, док?

Маура перешла к туловищу, измерила колотую рану на груди и вписала размеры в протокол. Вопросы стали слишком резкими, к тому же ей совсем не нравился их скрытый смысл: что Энтони Сансоне якобы решил ею воспользоваться в своих личных интересах.

— Я не рассказала ему о деле ничего особенного, Джейн. Если ты об этом спрашиваешь.

— Но ведь ты же говорила с ним об этом?

— Мы говорили о нескольких вещах. Ну и ему, понятно, захотелось узнать мое мнение. Неудивительно, ведь тело нашли у него в саду. Он, конечно, человек любопытный. И, может, даже эксцентричный.

Маура ответила на пристальный взгляд Джейн, и он показался ей до неприятности испытующим. И она снова переключилось на тело. Вопросы Джейн доставляли ей куда больше беспокойства, чем раны.

— Эксцентричный? Только это слово и приходит тебе на ум?

Маура вспомнила, как пытливо Сансоне наблюдал за нею ночью, как в его глазах мерцало отраженное пламя камина, и на ум ей пришли уже совсем другие слова. Умный. Привлекательный. Пугающий.

— А тебе не показалось, что от него слегка веет жутью? — спросила Джейн. — Лично мне показалось.

— Почему?

— Ты была у него дома. Там как в фильме ужасов — разрывы и искажения времени. Только ты не видела другие комнаты, со всеми этими портретами — так и таращатся на тебя со стен. Ну прямо как в замке Дракулы.

— Он же преподаватель истории.

— В прошлом. И больше не преподает.

— Возможно, это фамильные реликвии, не безделицы какие-нибудь. Ясное дело, он ценит наследие предков.

— Ну да, наследие предков. С этим ему повезло. Он богач в четвертом поколении.

— Однако он преуспел и на академическом поприще. За это его стоит уважать. Он же не стал никчемным бездельником.

— В том-то весь фокус. Их семейный траст-фонд был основан его прадедом еще в тысяча девятьсот пятом году. Угадай, как он называется?

— Понятия не имею.

— Фонд Мефисто.

Маура подняла глаза и с изумлением посмотрела на Джейн.

— Мефисто? — пробормотала она.

— Что, удивилась? — сказала Джейн. — И о каком еще наследии предков можно говорить с таким-то названием?

— А что такое Мефисто? — поинтересовался Йошима.

— Я посмотрела в словаре, — ответила Джейн. — Это сокращение от «Мефистофель». Док, верно, знает, кто это.

— Это имя из легенды о докторе Фаусте, — объяснила Маура.

— О ком? — спросил Йошима.

— Доктор Фауст — чародей, — пояснила Маура. — С помощью таинственных знаков он вызвал дьявола. Явился злой дух по имени Мефистофель и предложил ему заключить с ним договор.

— Какой еще договор?

— Взамен колдовских познаний, всех-всех, доктор Фауст продал душу дьяволу.

— Значит, Мефисто...

— Слуга Сатаны.

— Доктор Айлз, — послышался в переговорном устройстве голос Луизы, секретаря Мауры, — вам звонят по внешней связи, первая линия. Какой-то господин Сансоне. Вас соединить или мне записать его сообщение?

«Кстати, о дьяволе...»

Маура встретила взглядом с Джейн и увидела, что та быстро кивнула.

— Соедините, — попросила Маура. И, снимая на ходу перчатки, направилась к висевшему на стене телефону. Сняла трубку и проговорила: — Господин Сансоне?

— Надеюсь, я вас не очень отвлекаю, — сказал он.

Маура взглянула на лежавшее на столе тело. «Ева Кассовиц не станет возражать, — подумала она. — Мертвецы — терпеливее всех на свете».

— Минуту могу поговорить.

— В эту субботу я устраиваю у себя званый ужин. И мне бы очень хотелось, чтобы вы к нам присоединились.

Маура немного помолчала, кожей чувствуя взгляд Джейн.

— Мне надо подумать, — наконец ответила она.

— Знаю, вы думаете, с чего бы это.

— Да, так и есть.

— Обещаю, ни о чем, что касается следствия, расспрашивать не буду.

— Я не стала бы это обсуждать в любом случае. Вы ведь знаете.

— Разумеется. Но я приглашаю вас не за этим.

— Зачем же? — Глупый вопрос, даже бестактный, но не задать его она не могла.

— У нас с вами общие интересы. Общие заботы.

— Не совсем понимаю, что вы имеете в виду.

— Приходите в субботу, часов в семь. Тогда и поговорим.

— Сперва мне нужно посмотреть в свой ежедневник. Я вам сообщу. —

И она повесила трубку.

— С какой стати он звонил? — поинтересовалась Джейн.

— Просто пригласил меня на ужин.

— Ему что-то от тебя надо.

— Ничего такого, как он уверяет.

Маура подошла к шкафу и вынула из ящичка чистые перчатки. Когда она их надевала, руки у нее не дрожали, зато лицо горело, и напряженное сердцебиение ощущалось в кончиках пальцев.

— И ты веришь в это?

— Конечно, нет. Поэтому и не пойду.

— А может, и стоит, — спокойно заметила Джейн.

Маура повернулась и посмотрела на нее.

— Ты это серьезно?

— Мне бы хотелось побольше разузнать об этом Фонде Мефисто. Кто они, чем занимаются на своих сходках. Думаю, другим способом мне вряд ли удастся добыть информацию.

— Значит, ты хочешь, чтобы я сделала это для тебя?

— Я всего лишь говорю: не факт, что это такая уж плохая идея. Только будь осторожна.

Маура подошла к столу. И, взглянув на Еву Кассовиц, подумала: «Эта женщина служила в полиции и была при оружии. Но даже у нее не

получилось быть осторожной».

Маура взяла скальпель и принялась за работу.

Она сделала на туловище два разреза, образовавших букву «Y», — провела лезвием две линии от плеч вниз и свела их под грудиной, ниже обычного. Чтобы не задеть колотую рану. Но еще не перерезав ребра и не вскрыв грудную клетку, Маура уже знала, что увидит внутри. Она уже все разглядела на рентгеновских снимках грудной клетки, выложенных на просмотрном столе: шарообразный контур сердца, куда более увеличенного, чем должно быть у здоровой молодой женщины. Подняв щит из грудины и ребер, она заглянула в грудную клетку и просунула руку под разбухшую сердечную сумку.

Чувствовалось, что там было полно крови.

— Перикардальная тампонада, — констатировала Маура и посмотрела на Джейн. — Кровь заполнила околосердечную сумку. Поскольку пространство внутри ограниченное, сумка становится настолько плотной, что сердце перестает нагнетать кровь. А может, смертельная аритмия возникла в результате колотого ранения. Во всяком случае, убийца действовал быстро и наверняка. Правда, для этого он должен был знать, куда бить ножом.

— Он знал, что делает.

— Или ему повезло. — Маура указала на рану. — Видишь, лезвие проникло под мечевидный отросток. Выше сердце надежно защищено грудиной и ребрами. Но если попасть ножом вот сюда, где рана, и под прямым углом...

— Получится точно в сердце?

— Это нетрудно. Я сама проделывала такое, когда стажировалась в «скорой помощи». Только с иглой, конечно.

— На трупе, надеюсь.

— Нет, на живой женщине. У нее не прослушивалось сердцебиение, падало давление, и сердце на рентгенограмме грудной клетки тоже походило на шар. Надо же было что-то делать.

— И ты вонзила в нее иглу?

— Специальную кардиальную иглу. Чтобы удалить из сумки лишнюю кровь, иначе пациентку не довезли бы до хирургии.

— Прямо как в шпионском романе «Игольное ушко», — заметил Йошима. — Там преступник убивает свои жертвы уколom прямо в сердце, они умирают очень быстро и почти без крови. Довольно-таки чистое убийство.

— Спасибо за подсказку — пригодится, — поблагодарила Джейн.

— На самом деле Йошима поднял правильную тему, — сказала Маура. — Наш преступник решил убить Еву Кассовиц быстрым способом. А с Лори-Энн Такер он не торопился — не спеша отсек кисть руки, саму руку, голову. Потом еще знаки нарисовал. На эту жертву у него ушло немного времени. И это наводит меня на мысль, что Еву Кассовиц он убил больше из практических соображений. Может, она застала его врасплох и ему просто надо было избавиться от нее. И он проделал это самым быстрым способом. Удар по голове. И тут же укол в сердце.

— Он потратил время на то, чтобы нарисовать знаки на двери.

— Откуда нам знать, может, он нарисовал их до того? Когда оставлял сверток у двери.

— Ты имеешь в виду кисть руки?

Маура кивнула.

— Свое подношение.

И она вернулась к работе, продолжая надрезать и рассекать плоть. Извлекла легкие и опустила их в тазик из нержавеющей стали, где они превратились в одну губчатую массу. После беглого осмотра розовой поверхности и по срезам с каждой доли она поняла, что это легкие совершенно здоровой женщины, никогда не курившей, и что они могли бы исправно прослужить ей до самой старости. Потом Маура перешла к брюшной полости и запустила руки в перчатках внутрь, чтобы произвести резекцию желудка, поджелудочной железы и печени. Живот у Евы Кассовиц был на зависть плоский — несомненный результат упорных приседаний и отжиманий. И как же запросто свел на нет все эти усилия скальпель, исполосовавший кожу и мышцы! Тазик мало-помалу заполнился внутренними органами и узлами тонкой кишки, похожей на спутавшихся в клубок угрей, — все это плавало в кровавой жиже вместе с печенью и селезенкой. И каждый орган был здоров-здоровехонек. Следом за тем Маура проникла в забрюшинное пространство, извлекла бархатисто-гладкие почки, сделала с них срезы и опустила их в банку для хранения проб. Они погрузились в формалин, оставив за собой завихряющиеся кровавые струйки.

Маура выпрямилась и посмотрела на Йошиму.

— Можешь выложить снимки черепа? Сейчас поглядим, что тут у нас.

Он убрал с просмотрового стола снимки туловища и принялся выкладывать очередную порцию пленок, которую доктор Айлз еще не изучила. Теперь на экране высветились снимки головы. Маура обратила внимание на свод черепа, на то место, где находилась рваная рана, и осмотрела контур черепной коробки, силясь разглядеть характерную

трещину или вмятину, которые она не смогла нащупать, но ничего такого не заметила. Впрочем, жертву можно было свалить ударом, и не проламывая череп. И потом, уже на бесчувственном теле, расстегнуть куртку и задрать свитер.

И вонзить нож в сердце.

Сначала Маура сосредоточилась на фронтальной снимке черепа. Затем перешла к боковой его проекции и, рассмотрев шею, остановила взгляд на гиоидной дуге. Позади нее проступало странное конусообразное затемнение — такого она раньше никогда не видела. Сдвинув брови, Маура склонилась над просмотровым столом и принялась разглядывать аномалию. На фронтальном виде та была почти полностью скрыта более плотным пятном шейного позвонка. А на боковой — просматривалась довольно четко и явно не была частью скелета.

— Что же это такое? — пробормотала она.

Сзади к ней подошла Джейн.

— Что ты там увидела?

— Вот эту штуковину. Это не кость. Какой-то инородный предмет.

— У нее в горле что-то есть?

Маура повернулась к столу и обратилась к Йошиму:

— Можешь принести ларингоскоп?

Маура встала в изголовье стола, приподняв подбородок. Впервые она взяла в руки ларингоскоп, когда училась на четвертом курсе: в тот раз ей предстояло ввести эндотрахеальную трубку человеку, который не дышал. Обстановка была довольно напряженная, у пациента остановилось сердце. Руководивший практикой ординатор дал ей на все про все только одну попытку. «У вас десять секунд, — предупредил он, — если не сможете, дайте мне». Она вставила ларингоскоп пациенту в рот, надеясь разглядеть горло и голосовые связки, но увидела только язык и слизистую оболочку. Секунды бежали неумолимо, сестра без устали надавливала на грудную клетку, бригада экстренной помощи смотрела на нее во все глаза. Маура старалась совладать с прибором, понимая, что с каждой потерянной секундой, которую пациент провел без кислорода, отмирает все больше и больше клеток мозга. В конце концов ординатор взял у нее из рук прибор и, слегка отстранив локтем, все сделал сам. Для нее это было унижительной демонстрацией ее собственной некомпетентности.

Мертвый не нуждается в столь поспешном вмешательстве. Сейчас, когда Мауре предстояло ввести клинок ларингоскопа в рот Евы Кассовиц, рядом не было ни кардиомонитора, ни смотрящих на нее сотрудников бригады экстренной помощи, да и ничья жизнь не висела на волоске. Ева

Кассовиц была мертвым пациентом. Маура сдвинула ее язык вбок, чтобы не мешал, спокойно ввела ей в рот прибор и заглянула в горло. Шея у Евы Кассовиц была длинная и тонкая, и Маура легко разглядела ее голосовые связки, похожие на бледно-розовые полоски, примыкающие к дыхательным путям. Между связками что-то поблескивало.

— Пинцет! — попросила она, протянув руку.

Йошима тут же вложил ей в ладонь инструмент.

— Ты видишь предмет? — спросила Джейн.

— Да.

Маура подцепила блестяшку пинцетом и осторожно извлекла ее из горла. Опустила в лоток для сбора проб, и она звякнула, упав на дно из нержавеющей стали.

— Я это вижу или мне снится? — изумилась Джейн.

Маура перевернула странный предмет, и в ярком свете ламп он сверкнул жемчужным блеском.

Морская ракушка.

Дневной свет поблек и превратился в серые сумерки, когда Джейн въехала на территорию Гарвардского университета и остановилась возле Конант-Холла. Парковка оказалась почти пустой. Выйдя из машины на пронизывающий ветер, она оглядела старые кирпичные здания, казавшиеся заброшенными, посмотрела на снежинки, роем кружившие над обледенелой мостовой, и поняла, что, когда покончит со своими делами, уже наверняка будет совсем темно.

«А ведь Ева Кассовиц служила в полиции. И все равно не заметила, как к ней подкралась смерть».

Джейн застегнула на пуговицу воротник куртки и направилась к корпусам университетского музея. Через несколько дней, когда студенты вернутся после зимних каникул, здесь снова закипит жизнь. Сейчас же, в этот холодный день, Джейн шла в полном одиночестве, сощурившись — пряча глаза от колючего ветра. Подойдя к боковому входу в музей, она обнаружила, что дверь закрыта. Ничего удивительного: сегодня же воскресенье. Она обогнула здание и зашла с главного входа, бредя по проложенной среди грязных сугробов тропинке. Остановившись у входа со стороны Оксфорд-стрит, она подняла взгляд, чтобы осмотреть большое кирпичное здание. Над дверью красовалась надпись: «Музей сравнительной зоологии».

Она поднялась по гранитной лестнице, вошла в здание — и как будто очутилась в другой эпохе. Под ногами у нее скрипел деревянный пол. Она вдыхала запах многолетней пыли и тепла от старых батарей и разглядывала стройные ряды деревянных шкафов с выставленными внутри экспонатами.

И ни души. В вестибюле — пусто.

Джейн прошла в глубь здания, миновала застекленные стенды и шкафы с разными экспонатами и остановилась возле коллекции насаженных на булавки насекомых. Она засмотрелась на громадных черных жуков с клешнями, способными запросто прокусить нежную кожу, и на крылатых тараканов с блестящими щитковыми надкрыльями. Содрогнувшись, Джейн двинулась дальше — мимо бабочек, ярких, точно драгоценные камни, мимо шкафа с птичьими яйцами, из которых уже не суждено вылупиться птенцам, и чучелами навеки умолкших зябликов.

Тут Джейн услышала скрип шагов — и поняла, что не одна.

Она повернулась и вгляделась в узкий проход между двумя высокими

шкафами. Освещенный сзади пробивающимся через окно слабым зимним светом человек, который вышел ей навстречу, больше походил на согбенного безликого призрака. И только когда он подошел ближе, выбравшись наконец из своего пыльного потайного убежища, она разглядела его морщинистое лицо и очки в тонкой металлической оправе. И уставившиеся на нее искаженные толстыми линзами голубые глаза.

— Вы ведь та самая дама из полиции, верно? — осведомился он.

— Доктор Фон Шиллер? Я детектив Риццоли.

— Я так и понял, что это вы. Да и кто еще может бродить здесь в такой поздний час. В это время двери обычно уже на замке, поэтому у вас есть шанс совершить небольшую частную экскурсию. — Он подмигнул ей, словно обещая, что это особое приглашение останется между ними. Редкая возможность полюбоваться мертвыми жуками и чучелами птиц в отсутствие толп посетителей. — Так вы принесли ее? — уточнил он.

— Вот она. — Джейн достала из кармана пакетик для улики, и при виде его содержимого, хорошо различимого через прозрачный целлофан, глаза у доктора живо заблестели.

— Ну что ж, чудесно! Идемте ко мне в кабинет, у меня там есть лупа, и я смогу рассмотреть получше. Глаза уже не те. И хоть я терпеть не могу лампы дневного света, без них тут не обойтись.

Джейн последовала за ним к лестничному колодцу, силясь приноровиться к его невыносимо медленной шаркающей походке. Неужели этот чудак еще преподает? Он выглядел до того дряхлым, что, казалось, вряд ли был в состоянии подняться по лестнице. Но Фон Шиллера ей рекомендовали на кафедре сравнительной зоологии, к тому же в его глазах мелькнул нескрываемый живой интерес, когда он увидел то, что она извлекла из своего кармана. Ему явно не терпелось взять в руки этот предмет.

— Вы что-нибудь знаете о морских раковинах, детектив? — спросил Фон Шиллер, неспешно поднимаясь по ступеням и хватаясь шишковидными пальцами за резные перила.

— Только то, что можно узнать, поедая моллюсков.

— То есть вы никогда их не собирали? — Он оглянулся. — А между тем, да будет вам известно, Роберт Луис Стивенсон однажды заметил: «Быть может, судьба более благосклонна к тому, кто любит собирать ракушки, чем к тому, кто родился миллионером».

— Надо же! — «Думаю, я предпочла бы стать миллионершей».

— И страсть эта у меня с раннего детства. Родители каждый год возили нас к морю, на Амальфитанское побережье. И в спальне у меня

всегда скапливалось столько коробок с ракушками, что негде было развернуться. Они, знаете ли, сохранились у меня до сих пор. Включая дивный экземпляр *Epitonium celesti*. Довольно редкий. Я купил его, когда мне было лет двенадцать, заплатил весьма приличную цену. Но я всегда думал так: тратиться на раковины — значит удачно вкладывать деньги. Ведь это изысканнейшее из творений Матушки Природы.

— Вы видели фотографии, которые я послала вам по электронной почте?

— О да. И одну даже переслал старому моему приятелю Стефано Руфини. Консультанту компании «Медшеллс». Они находят редкие образчики раковин со всего света и продают состоятельным коллекционерам. И он согласился со мной по поводу вероятного происхождения вашей ракушки.

— Так что это за раковина?

Фон Шиллер взглянул на нее с улыбкой.

— Думаете, я дам окончательный ответ, даже не осмотрев ее как следует?

— Да вы, похоже, и так все знаете.

— Скажем так: примерно знаю, — заключил он, поднимаясь все выше по лестнице. — Класс гастропода, — продолжал он, перешагнув на следующую ступеньку. — Отряд ценогастропода. — Еще шаг вверх, и новое мудреное словечко. — Подсемейство букцинацея.

— Простите. И что все это означает?

— Это означает, что ваша ракушечка прежде всего гастропод, что в переводе значит «брюхоногий моллюск». К этому же общему классу моллюсков относится береговая улитка, или блюдечко. Это одностворчатая раковина с мощной ногой.

— Эта ракушка так и называется?

— Нет, это только филогенетический класс. В мире существует по меньшей мере пятьдесят тысяч разновидностей брюхоногих моллюсков, и далеко не все из них обитают в океане. Обычный полевой слизень, к примеру, тоже брюхоногий моллюск, хотя у него нет раковины. — Фон Шиллер поднялся на самую верхнюю лестничную площадку и направился дальше по коридору, где находилось еще больше стендов и шкафов, откуда на Джейн с немим укором поглядывали безжизненными глазами представители чучельного зверинца. При этом, однако, у Джейн было настолько живое ощущение, будто за нею следят, что она даже остановилась и, обернувшись, оглядела оставшуюся позади пустынную галерею. Шкаф за шкафом, стенд за стендом с выставленными на

обозрение чучелами различных животных.

«Никого здесь нет, кроме нас, убитых животных».

Джейн повернулась, чтобы последовать за фон Шиллером.

Но тот куда-то исчез.

Некоторое время она стояла посреди длинной галереи в полном одиночестве, слыша только биение своего сердца и ловя на себе недобрые взгляды всех этих существ за стеклом.

— Доктор фон Шиллер! — позвала она, и ее голос будто эхом прокатился по бесконечным пустынным коридорам.

Из-за шкафа показалась голова ученого.

— Ну, так вы идете? — спросил он. — Вот мой кабинет.

Кабинет — слишком громкое название для помещения, которое он занимал. Дверь с табличкой «Доктор Генри фон Шиллер, заслуженный профессор в отставке» вела в уединенный закуток без окон, размером чуть больше подсобки уборщицы. Все, что там могло уместиться, это стол, два стула да кое-что по мелочи. Профессор повернул настенный выключатель и зажмурился от ярко полыхнувшего дневного света.

— Давайте-ка поглядим на нее, — сказал он и жадно схватил пакетик на молнии, который Джейн едва успела ему протянуть. — Значит, говорите, нашли ее на месте преступления?

Риццоли на мгновение задумалась. Потом ответила положительно. Ее вогнали в горло мертвой женщине — вот о чем она умолчала.

— Думаете, это имеет какое-то особое значение?

— Надеюсь, вы сможете мне сказать что-нибудь по этому поводу.

— Можно потрогать ее?

— Если это необходимо.

Профессор раскрыл пакетик и узловатыми пальцами извлек из него ракушку.

— Ну да, — проговорил он, обойдя стол и усаживаясь на скрипучий стул. Включил настольную лампу на гнущейся ножке, достал лупу и линейку. — Да, я так и думал. Похоже, э-э... двадцать один миллиметр в длину. Не очень хороший экземпляр. Ее бороздчатость не так уж и красива, к тому же — видите? — она немного обколота. Возможно, это старая ракушка, завалившаяся в коробке какого-нибудь собирателя. — Он посмотрел на Джейн из-под очков своими водянистыми глазами. — *Pisania maculosa*.

— Она так называется?

— Да.

— Вы точно знаете?

Профессор положил лупу, глухо брякнувшую об стол, и встал.

— Вы что, мне не верите? — резко спросил он. — Что ж, ваше дело.

— Я не говорила, что не верю.

— Да нет, вы именно так и сказали.

С этими словами фон Шиллер опрометью выскочил из кабинета — с такой быстротой, на какую, как ей казалось, он был вовсе не способен. В раздражении спеша доказать свою правоту и увлекая за собой Джейн, он мчался по мрачному лабиринту коридоров, заставленных экспозиционными стендами и шкафами, откуда на них взирали мертвыми, остекленевшими глазами чучела животных; он тянул ее в самый дальний конец здания. Это было явно не самое посещаемое место в музее. Машинописные ярлыки под экспонатами пожелтели от времени, стекла стендов и шкафов изрядно запылились. Фон Шиллер шмыгнул в узкий коридор между шкафами, подскочил к одному из них, выдвинул ящик и достал коробку с образцами.

— Вот, — сказал он, раскрывая коробку. Вытащил изнутри пригоршню ракушек и разложил их в ряд на витрине. — *Pisania maculosa*. Вот еще, и еще. А вот ваша. — Он взглянул на Джейн с негодующим видом оскорбленного ученого. — Ну и как?

Джейн внимательно оглядела грудку морских ракушек с одинаковыми изящными изгибами и спиралевидными бороздками.

— Все они похожи.

— Разумеется! Они же одного вида. Я знаю, что говорю. Это моя область, детектив.

«Ну да, область — а толку-то?» — подумала она, доставая из кармана блокнот.

— Как, еще раз, называется этот вид?

— Дайте-ка сюда.

Фон Шиллер выхватил у Джейн блокнот и стал записывать название, искоса поглядывая на Риццоли. Чудный старикашка! Не мудрено, что его упекли в подсобку.

Профессор вернул ей блокнот.

— Вот. Правильное написание.

— А что это значит?

— Название.

— Нет, я хочу сказать, каково значение у этой самой ракушки?

— По-вашему, у нее должно быть какое-то значение? Вы — *Homo sapiens*, а это — *Pisania maculosa*. Только и всего.

— Это редкая ракушка?

— Отнюдь. Можете запросто купить такую через Интернет у какого-

нибудь посредника, благо их тьма-тьмущая.

Следовательно, вычислить убийцу по ракушке дело почти безнадежное. Вздыхнув, Джейн убрала блокнот.

— Их очень много на Средиземном море, — прибавил профессор.

Джейн посмотрела на него.

— На Средиземном?

— И на Азорских островах.

— Простите. Я не совсем в курсе, где находятся Азорские острова.

Он взглянул на нее с недоверием. Затем подозвал знаком к одному из шкафов с выставленными на обозрение многочисленными раковинами и заметно поблекшей картой Средиземноморья.

— Вот, — сказал профессор и ткнул пальцем в карту. — Это острова к западу от Испании. И *Pisania maculosa* распространена по всей этой области, от Азоров до Средиземноморского бассейна.

— И больше нигде? Например, в Америке?

— Я же вам очертил район их распространения. А те ракушки, которые я показывал, — они из Италии.

Джейн некоторое время молча разглядывала содержимое шкафа. Она и не помнила, когда последний раз смотрела на карту Средиземного моря. В конце концов, ее миром был Бостон, а за пределами штата для нее уже была заграница. Почему морская ракушка? И почему именно эта?

Тут ее взгляд остановился на восточной части Средиземного моря. На острове Кипр.

«Красная охра. Ракушка. Что же убийца пытается нам сказать?»

— О! — проговорил фон Шиллер. — Не думал, что сюда еще кого-то занесло.

Джейн не слышала шагов, хотя полы кругом были скрипучие. Она обернулась и увидела паренька, незаметно подошедшего сзади. Наверняка студент-дипломник, судя по мятой рубашке и линялым джинсам. Он и правда походил на студента: очки в толстой черной оправе, бледное лицо. Парень так и стоял, не проронив ни слова, и Джейн было подумала, уж не немой ли он.

Потом он все-таки заговорил, но так сильно заикаясь, что слушать его было сущей мукой.

— П-п... профессор фон Шиллер. П-п-пора з-з-закрыватьсья.

— Мы уже заканчиваем, Малькольм. Я только хотел показать детективу Риццоли кое-какие экземпляры *Pisania*. — Фон Шиллер положил ракушки обратно в коробку. — Я сам закрою.

— Н-н-но это же мои...

— Знаю-знаю. Надо же, стоит дожить до седых волос, и тебе уже не могут доверить даже какой-то растреклятый ключ! Видишь ли, мне еще нужно разобрать бумаги на столе. А ты, может, пока проводишь детектива? Обещаю, я сам все закрою, когда буду уходить.

Парень колебался, силясь, как видно, подобрать весомые возражения. Но в конце концов только со вздохом кивнул.

Джейн убрала пакетик со своей ракушкой поглубже в карман.

— Спасибо за помощь, доктор фон Шиллер, — сказала она.

Но старичок уже зашаркал к шкафу, намереваясь вернуть коробку с ракушками на место в ящик.

Парень не сказал ни слова за все время, пока провожал Джейн к выходу, ведя ее темными выставочными коридорами мимо оказавшихся в застекленных ловушках животных; он шел и молчал, и только скрип его кроссовок по деревянному полу нарушал царившую кругом беспробудную тишину. «Не самое лучшее местечко он выбрал, чтобы скоротать воскресный вечерок, — подумала Джейн. — Да еще в компании всяких ископаемых и засушенных бабочек».

Выйдя из музея в ранние вечерние сумерки, Джейн направилась напрямик к стоянке, шаркая подошвами по мерзлому затвердевшему снегу. Но на полпути она замедлила шаг, остановилась. И оглянулась на окутанные мглой здания, на лужи света от уличных фонарей. Вокруг ни души — ни единого шороха.

«Успела ли Ева Кассовиц заметить перед смертью, как к ней подкрался убийца?»

Джейн ускорила шаг и, держа ключи наготове, чуть ли не бегом устремилась к своей одиноко стоявшей машине — других на стоянке уже не было. Только сев за руль и закрыв за собой дверь, она почувствовала некоторое облегчение. «С этим делом нервы совсем стали ни к черту, — подумала она. — Даже на стоянку иду с таким чувством, словно у меня за спиной сам дьявол».

Так и дышит в затылок.

1 августа. Фаза луны: полнолуние.

Прошлой ночью во сне со мной разговаривала мама. Ругала. За то, что я такой непослушный. «Я научила тебя всем древним обрядам, только зачем? — спрашивала она. — Чтобы ты их не уважал? Всегда помни, кто ты. Ты избранный».

Я и не забывал. Разве можно? Она еще в детстве рассказывала мне предания наших предков, о которых Манефон Себеннитский^[16] во времена Птолемея Второго писал: «И предали они города наши огню. И ввергли народ в жесточайшие тяготы. И вели они войны, возжелав истребить все наше племя».

И в моих венах течет священная кровь охотников.

В эти тайны не был посвящен даже мой бестолковый и беспамятный отец. Родителей моих связывали чисто практические отношения. А маму со мной — узы, которые простираются через века и континенты и крепчают в моем сознании с каждым погружением в сон. И вот она мной недовольна.

Так что сегодня же вечером отведу в лес козу.

Она подходит покорно, потому что еще не знает, какова на вкус человеческая жестокость. Луна светит так ярко, что я и без фонаря вижу, куда идти. Сзади слышу, как растерянно блеют другие козы, которых я выпустил из загона, но за мной они не идут. Их голоса стихают по мере того, как я забираюсь все глубже в лес, и теперь я слышу только собственные шаги и поступь козых копыт.

Когда мы заходим уже довольно далеко, привязываю козу к дереву. Животное чувствует, что будет дальше, и, когда я раздеваюсь догола, начинает блеять. Становлюсь на колени на мох. Ночь прохладная, но дрожу я от предвкушения. Вскидываю нож, и заклинания слетают с моих губ так же легко, как и раньше. Славлю бога нашего Сифа — повелителя моих предков. Бога смерти и разрушения. Не одну тысячу лет направлял он наши десницы, вел нас от Леванта^[17] до земель финикийских и римских во все уголки земли. И теперь мы везде и всюду.

Кровь брызжет горячим фонтаном.

Но вот все кончено — спускаюсь голый, в одних только ботинках, к озеру. В лунном сиянии вхожу в воду и смываю с себя козью кровь. Из воды выхожу очищенный и воспрянувший духом. И только одевшись целиком,

чувствую, как сердцебиение наконец унимается и на плечи опускается тяжкое бремя усталости. Я готов заснуть прямо на траве, но не смею: я до того изможден, что, боюсь, не смогу проснуться до рассвета.

Тащусь обратно к дому. Поднимаюсь на холм — и вижу ее. Лили стоит на краю лужайки, точно призрак с отливающими лунным светом волосами. И смотрит на меня.

— Где был? — спрашивает.

— Купаться ходил.

— В темноте?

— Это самое подходящее время.

Медленно приближаюсь. Она стоит, не шелохнувшись, даже когда я подхожу так близко, что могу к ней прикоснуться.

— Вода теплая. Можно купаться нагишом, ведь никто не видит.

Рука у меня после купания все еще холодная, и, когда я глажу ее по щеке, она вздрагивает. Интересно, от чего — от страха или от изумления? Не знаю. Знаю только, что последнее время она следит за мной, как и я за ней: между нами что-то происходит. Не случайно говорят — бездна взывает к бездне. Что-то мрачное в ее душе вняло моему зову и пробуждается к жизни.

Подхожу к ней вплотную. Хоть она и старше меня, ростом я выше, и моя рука, когда наклоняюсь вперед, легко обхватывает ее за талию. Наши бедра соприкасаются.

От пощечины я отшатываюсь.

— Не смей больше ко мне прикасаться, — говорит она. Разворачивается и идет к дому.

Лицо у меня горит огнем. Так и стою в темноте, жду, пока не сойдет со щеки краснота от пощечины. Она и не подозревает, кого только что унизила. И чем это обернется.

Нынче ночью я не сплю.

Лежу с открытыми глазами и вспоминаю о том, чему меня учила мама, — нужно набраться терпения и ждать, когда наступит подходящее время. «Лучшая добыча, — говорила она, — та, которую приходится ждать». На следующее утро, когда солнце уже высоко, я все еще лежу в постели и обдумываю мамины слова. Думаю и о той оскорбительной пощечине. Вспоминаю все те случаи, когда Лили с подружками пренебрегали мной.

Внизу, на кухне, тетюшка Эми готовит завтрак. Чувствую запах свежесваренного кофе и слышу, как на раскаленной сковородке шипит грудинка. Потом до меня доносится тетюшкин голос:

— Питер! Ты не видал мой обвалочный нож?

Как обычно в летние знойные дни, площадь Испании наводняли толпы обливающихся потом туристов. Они толклись впритирку друг к дружке, с дорогими фото- и видеокамерами на шеях, с багровыми лицами, прикрытыми от солнца обвислыми полями шляп и продолговатыми козырьками бейсболок. С высоты Испанской лестницы Лили наблюдала за этим волнующимся людским морем, за отдельными водоворотами, то и дело возникавшими вокруг торговцев сувенирами, и за встречными потоками сталкивающихся туристических групп. Оглядевшись с опаской по сторонам — нет ли поблизости воров-карманников, она перевела взгляд на лестницу, отстраняя рукой назойливых, как мухи, продавцов безделушек. И заметила, что время от времени на нее поглядывают проходящие мимо мужчины, достаивая ее, впрочем, всего лишь мимолетным вниманием. Взгляд, похотливый блеск в глазах — и тут же поиск очередного объекта внимания. Направляясь вниз по лестнице на площадь, мимо обнимающейся парочки, мимо склонившегося над книгой паренька, Лили уже и думать о них забыла. Она влилась в безудержный людской поток. В толпе Лили ощущала себя в безопасности: толпа делала ее безликой и таким образом защищала. Конечно, это была всего лишь иллюзия: по-настоящему безопасного места для нее не существовало. На площади, протискиваясь меж без усталости щелкающих фотоаппаратами туристов и рьяно уплетающих мороженое ребятишек, она вдруг поняла, что как раз здесь-то заметить ее проще простого. Толпа служит прикрытием как жертве, так и хищнику.

Она перешла через площадь и миновала магазин, где торговали дизайнерской обувью и сумочками, которые она никогда в жизни не сможет себе позволить. За магазином располагался банк с банкоматом — возле него топтались трое. Она встала четвертой. К тому времени, когда подошла ее очередь, она успела хорошенько рассмотреть всех, кто маячил поблизости, но воров среди них не заметила. «Придется снять кругленькую сумму», — решила Лили. Она жила в Риме уже целый месяц, но работу за это время так и не нашла. Хотя она бегло разговаривала по-итальянски, это не помогло ей устроиться ни в одну кофейню, ни в одну сувенирную лавку, так что в кармане у нее остались последние пять евро.

Она вставила в банкомат свою пластиковую карточку, запросив три сотни евро, и стала ждать, когда тот выдаст ей наличность. Однако

банкомат вернул ей карточку вместе с распечатанной квитанцией. И только. Лили устала на квитанцию, и тут почувствовала, как у нее засосало под ложечкой. Она не нуждалась в переводчике, чтобы понять, что там было написано.

«Недостаточно денежных средств».

«Ладно, — решила Лили, — наверно, я запросила слишком много за раз. Без паники!»

Она снова вставила карточку, набрала код и запросила двести евро.

Вот уже какая-то дама у нее за спиной тяжело вздохнула, словно хотела сказать: нельзя ли поживее! Лили в третий раз вставила карточку в банкомат. Запросила сотню.

«Недостаточно денежных средств».

— Эй, вы когда-нибудь там закончите возиться? Или вам целый день нужен? — возмущенно спросила дамочка у нее за спиной.

Лили резко развернулась. Ей хватило одного только взгляда, полного злости, чтобы дамочка в испуге попятилась. Лили обошла ее и направилась обратно к площади, двигаясь вслепую и уже нисколько не беспокоясь о том, что за нею, может, следят или идут по пятам. Дотащившись кое-как до Испанской лестницы, Лили вдруг поняла, что ноги больше ее не слушаются. Она рухнула прямо на ступени и уронила голову на руки.

Деньги кончились. Она знала — счет ее, конечно, мало-помалу убавлялся и в конце концов истощился бы совсем, но у нее была полная уверенность, что еще хотя бы месяц она кое-как протянет. Сейчас же денег у нее осталось только на то, чтобы пару раз перекусить, и все. Ни о какой гостинице на ночь, ни о какой постели нечего было и помышлять. Ну да не беда, здесь, на ступеньках, тоже можно устроиться с комфортом, и вид отсюда прекрасный. А захочется есть, так на помойке всегда можно разжиться сэндвичем, недоеденным каким-нибудь туристом.

«Кого я пытаюсь обмануть? Надо где-то срочно раздобыть денег».

Она вскинула голову, оглядела площадь и увидела много одиноко слоняющихся мужчин. «Эй, ребята, может, кто-нибудь из вас желает раскошелиться за вечерок с горячий, отчаянной девчонкой?» Но тут она заметила троих полицейских, патрулирующих площадь по периметру, и решила, что здесь не самое подходящее место «ловить рыбку». Угодить за решетку не самый лучший выход из положения; к тому же для нее он может стать роковым.

Лили расстегнула рюкзак и принялась лихорадочно копаться в нем. Может, на дне завалилась скомканная купюра, а она ее случайно не заметила, или хотя бы пара-тройка монет. Тщетная надежда. Ведь у нее на

счета был каждый грош. Она нашла упаковку ментоловых конфет и шариковую ручку. Но не обнаружила ни одной монетки.

Вдруг девушка наткнулась на визитную карточку — на ней было напечатано имя: Филиппо Кавальи. Она сразу же вспомнила его лицо. Водителя грузовика с похотливыми глазками. «Если тебе негде остановиться, — говорил он, — у меня есть квартира в городе».

«Понимаете, мне негде остановиться».

Лили снова опустила на ступеньки, машинально теребя карточку пальцами, пока вконец ее не истрепала. Думая о Филиппо Кавальи, вспоминая его бесстыжие глазенки и небритую физиономию. Какой ужас! Впрочем, в жизни ей случалось проделывать и кое-что похуже. Гораздо хуже.

«И до сих за это пор расплачиваюсь».

Она застегнула рюкзак и огляделась в поисках телефона-автомата. «Бесстыжие глазенки или какие там еще, — рассудила она, — а девочке надо кушать».

* * *

Лили остановилась в коридоре напротив квартиры 4-G, нервно оправила блузку, пригладила волосы. И тут же удивилась себе — какого черта еще беспокоиться о внешнем виде, памятуя о том, каким грязнулей был этот самый Филиппо, когда она видела его в последний раз. «Господи, только бы у него не воняло изо рта! — мысленно заклинала она. — А так пусть хоть боров, хоть урод — сойдет. Главное — закрыть глаза и не смотреть. Но если воняет изо рта...»

Дверь распахнулась.

— Заходи! — пригласил Филиппо.

Едва она взглянула на него, как ей захотелось развернуться и бежать прочь. Он был в точности, каким она его запомнила: колючий, щетинистый подбородок, плотоядный взгляд, пожирающий ее лицо. Он даже не счел нужным переодеться в приличную одежду перед ее приходом. На нем были только майка-безрукавка и мешковатые брюки. Да и зачем утруждать себя лишними заботами, наводить лоск? Ясное дело, он знал, что привело ее сюда, — уж точно не его точеная фигура и не искрометный ум.

Она вошла в квартиру — там пахло чесноком и табаком, причем один запах силился перебить другой. А так, в общем, ничего ужасного. Она увидела тахту и стулья, аккуратную стопку газет и кофейный столик.

Балконное окно выходило на другой многоквартирный жилой дом. Было слышно, как у соседей за стеной работает телевизор.

— Может, вина, Кэрол?

Кэрол... Она уже и забыла, каким именем ему представилась.

— Да, пожалуй, — согласилась она. — А... поесть случайно не найдется?

— Поесть? Ну конечно.

Он осклабился, глаза его смотрели все так же, с вожделением. Он понимал — это всего лишь прелюдия перед главным, достал хлеб, сыр и небольшую миску с маринованными грибами. Не бог весть какой пир — так, легкая закуска. Значит, большего она не заслужила. Вино было дешевое, кислое и вяжущее, но под нехитрую снедь она выпила два стакана. Уж лучше быть пьяной, чем трезвой, перед тем, что за этим последует. Он сидел за столом напротив нее и, потягивая вино, наблюдал за нею. Сколько же женщин прошло через эту квартиру, сколько из них сидело за этим же столом, собираясь с духом, прежде чем отправиться в спальню? Наверняка ни одна из них не была здесь по доброй воле. Им, как и Лили, тоже, наверное, нужно было выпить пару-тройку стаканов перед грязным делом.

Он обошел вокруг стола. Она застыла точно каменная, когда он расстегнул две верхние пуговицы у нее на блузке. Затем он вернулся на свое место и так и сидел, любясь ложбинкой на ее груди.

Она старалась не обращать на него внимания и взяла другой кусок хлеба. Осушила стакан и налила себе еще.

Он снова поднялся, обошел стол и встал у нее за спиной. Расстегнул на блузке остальные пуговицы, стащил блузку у нее с плеч. И принялся за бюстгальтер.

Она положила в рот ломтик сыра, разжевала, проглотила. И едва не поперхнулась, когда он обхватил ее грудь своими лапищами. Она напряглась в струну и сжала кулаки, борясь с искушением развернуться и со всей силы отвесить ему оплеуху. Но вместо этого позволила ему зайти спереди и расстегнуть молнию у нее на джинсах. Затем он притянул ее к себе, и она безропотно встала — так ему было сподручнее стянуть с нее все остальное. Когда она, обнаженная, замерла посреди кухни, он подался назад и оглядел ее всю с ног до головы с нескрываемой похотью в глазах. Сам же он даже не удосужился раздеться — развернул ее к столику, расстегнул свою ширинку и тут же овладел ею. Так резко, что аж шкафы с посудой заходили ходуном.

«Давай же! Скорей заканчивай свое дело, черт бы тебя побрал!»

Но он только начал. Развернул ее, поставил на колени и взял так прямо на кафельном полу. Потом продолжил в гостиной, перед балконным окном, словно хотел, чтобы весь мир видел, что он, Филиппо, может отыметь женщину в любой позе, в любой комнате. Она закрыла глаза и прислушивалась только к звукам телевизора за стенкой. Радостная музыкальная заставка какой-то телеигры, задорный ведущий. Она сосредоточилась на телевизоре, лишь бы не слышать, как рычит и сопит Филиппо, сжав ее мертвой хваткой. И вот наконец он завершил свое дело.

И рухнул на нее всей своей тушей, грозя задушить. Она кое-как вылезла из-под него и так и осталась лежать на спине, взмокшая — от его пота и своего собственного.

А еще через мгновение он уже храпел вовсю.

Она оставила его там же, на полу в гостиной, а сама пошла в ванную — принять душ. И простояла там целых двадцать минут, смывая с себя все его следы. Потом вернулась с мокрыми волосами в гостиную, чтобы убедиться, что он все еще спит. Так оно и было. Она тихонько пробралась в его спальню и принялась обшаривать ящики комода. И там, под грудой носков, обнаружила пачку денег — сотен шесть евро, не меньше. «Недосчитается сотни — не обеднеет, — подумала она, пересчитывая купюры». Уж сотню-то она отработала.

Она оделась и уже нагнулась за рюкзаком, как вдруг услышала за спиной его шаги.

— Уже уходишь? — спросил он. — Тебе что, одного раза хватает?

Она медленно повернулась и выжала из себя улыбку.

— Один раз с тобой, Филиппо, стоит десяти раз с любым другим.

Он осклабился.

— Да, все женщины так говорят.

«Значит, все врут».

— Да оставайся. Я приготовлю обед. — Он подошел ближе и стал тербить прядь ее волос. — Оставайся, может...

На раздумье у нее ушла пара секунд. Останься она здесь еще и на ночь, ей это стало бы слишком дорого.

— Мне нужно идти, — сказала она, поворачиваясь.

— Ну, пожалуйста, останься. — Он осекся. И с отчаянием прибавил: — Я заплачу.

Она остановилась. И оглянулась на него.

— Ну как, договорились? — мягко спросил он. Ухмылку с его лица как рукой сняло — теперь на нем запечатлелась грустная мина. От самодовольного павлина не осталось и следа — жалкий, понурый увалень

средних лет с толстым брюхом, совсем-совсем одинокий. Еще недавно его глазки сверкали нездоровым блеском — теперь же они потухли от усталости. И от горечи поражения. — Все понятно, — вздохнул он. — Ты пришла не ради меня. Ради денег.

Тут она впервые посмотрела на него без отвращения. И впервые решилась сказать правду.

— Да, — подтвердила она. — Мне нужны деньги. — Я на мели, а работу в Риме найти не могу.

— Но ты же американка. Можешь поехать домой.

— Не могу.

— Почему же?

Она отвернулась.

— Не могу, и все. Там мне ловить нечего.

Немного поразмыслив над ее словами, он пришел к резонному умозаключению.

— Тебя ищет полиция?

— Нет. Не полиция...

— Тогда от кого же ты бегаешь?

От самого дьявола, сказала она себе. Но вслух произнести побоялась, иначе он решил бы, что она спятила. И она ответила просто:

— От одного типа. Страшного такого.

От жестокого поклонника — верно, решил он. И сочувственно кивнул.

— Значит, тебе нужны деньги. Ладно, идем. Дам немного.

Он повернулся и направился в спальню.

— Погоди, Филиппо. — Она виновато полезла к себе карман и достала сотню евро, которую вытащила у него из ящика с носками. И как только у нее рука поднялась ограбить парня, истосковавшегося по простому человеческому общению! — Прости, — призналась она. — Это твое. Честное слово, мне очень нужны деньги, но я не должна была их брать. — Она подошла к нему, взяла его руку и вложила в нее деньги, едва осмелившись посмотреть ему в глаза. — Как-нибудь перебыюсь.

Она развернулась, собираясь уходить.

— Кэрл... Это твое настоящее имя?

Она остановилась, держась за дверную ручку.

— Какая разница, оно не хуже любого другого.

— Говоришь, тебе нужна работа? А что ты умеешь?

Она посмотрела на него.

— Все что угодно. Могу быть хоть уборщицей, хоть официанткой. Лишь бы платили наличными.

— Ты хорошо говоришь по-итальянски. — Он задумчиво посмотрел на нее. — У меня тут, в Риме, живет двоюродная сестрица, — наконец сказал он. — Экскурсии всякие устраивает.

— Какие экскурсии?

— В Форум, в базилику. — Он пожал плечами. — Сама знаешь, по всяким разным местам, куда обычно ходят туристы. Иногда ей нужны экскурсоводы, говорящие по-английски. Только у них должно быть образование.

— У меня есть! Я закончила колледж по специальности античность. — Новая надежда заставила ее сердце биться сильнее. — В сущности, я много всего знаю об истории. О древнем мире.

— А о Риме?

Лили вдруг рассмеялась и поставила рюкзак на пол.

— Если уж на то пошло, — ответила она, — то да.

Маура стояла на обледенелом тротуаре Бикон-Хилла и смотрела на особняк, окна которого манили уютным светом. В передней мерцали отблески огня в камине, как в тот раз, когда она впервые переступила порог этого дома, соблазнившись теплом пляшущих языков пламени и перспективой выпить чашечку кофе. Сейчас же ее влекло сюда любопытство — желание больше узнать о человеке, который, впрочем, вызывал у нее не только интерес, но и страх, чего там греха таить. Она позвонила в дверь и услышала, как трель звонка раскатилась по всему дому, по всем комнатам, которые ей еще только предстояло увидеть. Она ожидала, что на звонок выйдет слуга, и вздрогнула, когда дверь открыл сам Энтони Сансоне.

— А я уж начал было сомневаться, что вы придете, — сказал он, как только Маура вошла в дом.

— Я тоже сомневалась, — призналась она.

— Остальные появятся позже. Думаю, было бы неплохо нам с вами сперва поговорить с глазу на глаз. — Он помог ей снять пальто и открыл потайную створку встроенного шкафа. В доме этого человека даже в стенах таились сюрпризы. — И все же, почему вы решили приехать?

— Вы же сами сказали, у нас с вами общие интересы. Вот мне и захотелось узнать, что вы имели в виду.

Он повесил пальто и повернулся к ней — мощная фигура в черном и лицо, которое каминный огонь окрасил золотыми бликами.

— Зло, — произнес он. — Вот что у нас с вами общее. Мы оба видели его совсем близко. Смотрели ему в лицо, чувствовали его дыхание. Ловили на себе его взгляд.

— С ним многие сталкивались.

— Но вы ведь poznали его в глубоко личном плане.

— Опять вы о моей матери.

— По словам Джойс, никто так и не смог установить точное число жертв Амальтеи.

— Я не следила за ходом расследования. Держалась подальше от этого дела. Последний раз виделась с Амальтеей в июле и не собираюсь больше ее навещать.

— Не замечать зло не значит изгнать его. Зло все равно рядом, оно по-прежнему часть вашей жизни...

— Только не моей...

— ...оно у вас в ДНК.

— Случайность рождения. У нас с ней ничего общего.

— Да, но в определенном смысле, Маура, злодеяния вашей матери, должно быть, обременяют вас. Заставляют вас задумываться об этом.

— О том, что и я чудовище?

— Вы думаете об этом?

Она помолчала немного, ощущая на себе его пристальный взгляд.

— Я совсем не такая, как мать. Если уж на то пошло, я полная ее противоположность. Взять хотя бы мою профессию, мою работу.

— Своего рода искупление грехов?

— Мне нечего искупать.

— И все же вы решили действовать на стороне жертв. И правосудия. Не каждому под силу сделать такой выбор и выполнять работу столь же исправно и ревностно, как это делаете вы. Поэтому я и пригласил вас сегодня. — Он открыл дверь в соседнюю комнату. — И хочу вам кое-что показать.

Она проследовала за ним в обшитую деревом столовую, где уже был накрыт к ужину массивный стол. Пять приборов — успела она сосчитать, взглянув на искрящиеся хрустальные бокалы и блестящие фарфоровые чашки, окаймленные кобальтовой синью и позолотой. Там был еще один камин, и в очаге горел огонь, но эта огромная комната с почти четырехметровым потолком располагалась с холодной, наветренной стороны, и Маура порадовалась, что решила не снимать свой кашемировый свитер.

— Может, для начала бокал вина? — предложил Сансоне, беря в руки бутылку каберне.

— Пожалуй. Благодарю.

Он налил в бокал вина и передал госте, но она тут же забыла о напитке: все ее внимание было обращено к висевшим на стене портретам. К галерее лиц, мужских и женских, взиравших на нее из туманной глубины веков.

— Это лишь малая часть, — пояснил хозяин дома. — Эти портреты мои предки собирали годами. Некоторые из них — современные копии, другие — всего лишь воспоминание о том, как они выглядели на самом деле. Но есть и подлинники. Так эти люди, должно быть, выглядели при жизни.

Он прошел через всю комнату и остановился возле одного портрета. Молодой женщины с блестящими темными глазами и черными волосами,

аккуратно собранными на затылке. Ее бледное, овальной формы лицо казалось полупрозрачным в освещенной неярким пламенем очага комнате и таким живым, что Мауре даже почудилось биение пульса на ее белой шее. Девушка сидела чуть вполоборота к художнику, ее бордовое, расшитое золотыми нитями платье ярко сверкало, взгляд — прямой, бесстрашный.

— Ее звали Изабелла, — сказал Сансоне. — Портрет был написан за месяц до ее свадьбы. Его пришлось немного отреставрировать. На холсте были подпалины. Он чудом уцелел в огне, спалившем ее дом дотла.

— Красавица.

— Да. На свою беду.

Маура посмотрела на него с недоумением.

— Почему?

— Она была женой Николо Контини, знатного венецианца. По свидетельствам, они были очень счастливы в браке до тех пор, пока... — Он немного помолчал. — Пока Антонино Сансоне не погубил их.

Маура бросила на него удивленный взгляд.

— Тот самый человек на портрете? В другой комнате?

Он кивнул.

— Мой достославный пращур. О, все свои действия он оправдывал только одним — борьбой за искоренение дьявола. Благо церковь благословляла все — и пытки, и кровопускания. Сожжение заживо. Венецианцы особенно преуспели по части истязаний, ведь это они изобретали и доводили до ума самые изощренные инструменты пыток, чтобы вырывать признания. И сколь бы невероятными ни были обвинения, после нескольких часов общения с монсеньором Сансоне в темнице виновными признавали себя почти все. В чем бы вас ни обвиняли — в колдовстве ли, в заговоре соседей или в связях с дьяволом, только безоговорочным признанием во всех грехах и можно было избавиться от мук. И принять милосердную смерть. Хотя, в сущности, она была далеко не милосердной. Ведь большинство жертв сжигали заживо на костре. — Он обвел взглядом комнату, портреты. Лики смерти. — Все люди, которых вы здесь видите, пострадали от его рук. Мужчины, женщины, дети — ему было все равно. Говорили, он каждый день просыпался с одной мыслью — как бы скорее взяться за дело. Мысль эта укрепляла его дух за основательной утренней трапезой из хлеба и мяса. Засим он облачался в запятнанные кровью одежды и отправлялся вершить свое дело — искоренять еретиков. Люди, проходившие мимо по улице, слышали крики и стоны даже через толстенные каменные стены.

Маура оглядела комнату, всматриваясь в лики обреченных, и вдруг

представила их иными — искалеченными, искаженными болью. Долго ли терпели эти люди? Долго ли цеплялись за надежду избежать смерти и выжить?

— Антонино уничтожил всех, — продолжал Сансоне. — Кроме одной. — Он снова взглянул на женщину с ясными глазами.

— Изабелла осталась в живых?

— О нет. По его милости она умерла, как и все остальные. Только сломить ее он так и не смог.

— Она ни в чем не призналась?

— Вернее, не покорилась. От нее требовалось всего-навсего оговорить мужа. Отречься от него, обвинить в колдовстве, и тогда, вероятнее всего, ее оставили бы в живых. Ведь на самом деле Антонино добивался от Изабеллы не признания. Он хотел получить ее саму.

«На беду она была красива». Вот что он имел в виду.

— Год и месяц, — продолжал он. — Столько времени провела она в заточении, без света и тепла. И каждый день, снова и снова представляла перед своим мучителем. — Он взглянул на Мауру. — Я видел инструменты пыток того времени. Даже представить себе не могу, что может быть хуже этого ада.

— Но он так и не сломил ее?

— Изабелла сносила все стойко до конца. Даже когда у нее отняли новорожденного ребенка. И когда сломали ей руки. И исполосовали на спине всю кожу. Когда выбили суставы. Каждое измывательство Антонино подробнее описывал в своих дневниках.

— Вы и правда читали его дневники?

— Да. Они же переходили у нас в роду из поколения в поколение. Я храню их в тайнике вместе с другими малопримечательными семейными реликвиями той поры.

— Какое жуткое наследство!

— Именно это я и имел в виду, когда сказал, что у нас с вами одни интересы. Одни заботы. Мы оба унаследовали отравленную кровь.

Она снова взглянула на лицо Изабеллы и вдруг вспомнила о том, что услышала всего лишь минуту назад. «У нее отняли новорожденного ребенка».

Она перевела взгляд на Сансоне.

— Вы сказали, с нею в темнице был и ребенок.

— Да. Сын.

— А с ним что случилось?

— Его передали в местный монастырь, где он и вырос.

— Но ведь он был сыном еретички. Почему же его оставили в живых?

— Благодаря отцу.

Ошеломленная догадкой, Маура посмотрела на собеседника.

— Антонино Сансоне?

Он кивнул.

— Мальчик появился на свет спустя одиннадцать месяцев после заточения матери в темницу.

«Дитя насилия, — подумала она. — Значит, Сансоне его отпрыск. И в жилах его течет кровь осужденной на смерть женщины».

И чудовища.

Маура в очередной раз оглядела комнату, всматриваясь в другие холсты.

— Ни за что бы не хотела, чтобы такие портреты висели в моем доме.

— Полагаете, это отвратительно.

— Они каждый день навевали бы на меня ужас. Напоминали, какой жуткой смертью умерли эти люди.

— И вы спрятали бы их в шкаф? Избегали бы смотреть на них, как избегаете мыслей о своей матери?

Она напряглась.

— У меня нет оснований думать о ней. В моей жизни для нее нет места.

— Наверняка есть. И вы порой вспоминаете о ней, разве нет? Этого невозможно избежать.

— Ее портрет у себя в гостиной я бы уж точно не повесила. — Маура поставила бокал на стол. — Странная у вас манера поклоняться предкам. Выставили в парадной гостиной портрет родственника-мучителя, как будто это икона. Словно вы гордитесь им. А здесь, в столовой, устроили галерею его жертв. Эти лица на стене напоминают коллекцию трофеев. Такие вещи обычно...

«Выставляют напоказ охотники».

Она осеклась на полуслове и уставилась на пустой бокал. Прислушалась к царившей в доме тишине. На столе пять приборов, а из гостей — только она одна. Может, он и вовсе пригласил только ее?

Когда Сансоне вдруг потянулся за ее пустым бокалом, она вздрогнула. Он отвернулся, чтобы наполнить его снова, и Маура уперлась взглядом ему в спину — подняла глаза и стала разглядывать его мускулистую шею, обтянутую воротничком-стойкой. Затем он повернулся к ней и передал наполненный бокал. Она взяла его, но вино даже не пригубила, хотя в горле у нее внезапно пересохло.

— Знаете, почему я держу здесь эти портреты? — спокойно спросил Сансоне.

— Мне это просто кажется... странным.

— Я вырос среди них. Они висели в доме моего отца, и в доме его отца. В том числе и портрет Антонино, только он всегда помещался в отдельной комнате. И непременно на видном месте.

— Прямо алтарь какой-то.

— В некотором роде.

— И вы его почитаете? Этого палача?

— Мы храним память о нем. И никогда не позволяем себе забывать, кем он был и чем занимался.

— Но почему?

— Потому что это наша обязанность. Священный долг, который семейство Сансоне приняло на себя несколько поколений назад, начиная с сына Изабеллы.

— Младенца, рожденного в темнице.

Он кивнул.

— К тому времени, когда Витторио повзрослел, монсеньор Сансоне почил в бозе. Но репутация чудовища настолько окрепла, что имя Сансоне было уже не преимуществом, а проклятием. Витторио мог бы отречься от своего имени и отца. Однако он поступил иначе. Он оставил себе имя Сансоне и взвалил на себя это тяжкое бремя.

— Вы говорили о священном долге. Что же это за долг?

— Витторио дал обет искупить грехи отца. Если обратите внимание на наш семейный гербовый щит, то увидите там, сверху, девиз: «Sed libera nos a malo».

Латынь. Она удивленно взглянула на Энтони.

— Избави нас от зла.

— Совершенно верно.

— Но что конкретно могли сделать потомки Сансоне?

— Охотиться на дьявола, доктор Айлз. Этим мы и занимаемся.

Маура даже не нашлась, что ответить. «Вряд ли это серьезно», — подумала она, хотя взгляд у него был совершенно непоколебимым.

— Вы, конечно, выражаетесь фигурально, — наконец вымолвили она.

— Понимаю, вы не верите, что он действительно существует.

— Сатана? — не сдержав смешка, спросила она.

— Люди с легкостью верят в Бога, — сказал Сансоне.

— Ну да, и называют это верой. Она не требует доказательств, ведь их нет.

— Если верят в свет, значит, должны верить в тьму.

— Но вы же говорите о сверхъестественном существе.

— Я говорю о зле в чистом виде. Воплощенном в живой форме, в существах из плоти и крови, живущих среди нас. Я имею в виду не импульсивное убийство. Не ревнивца мужа, дошедшего до белого каления, и не перепуганного насмерть солдата, палящего по безоружному врагу. Я говорю совсем о другом. О существах, которые выглядят как люди, но едва ли походят на них.

— О демонах?

— Если угодно, называйте их так.

— И вы серьезно верите, что они существуют? Чудовища, демоны или кто там еще?

— Я знаю, что они существуют, — спокойно проговорил он.

От внезапного звонка в дверь Маура даже вздрогнула. И посмотрела в сторону передней, однако Сансоне не двинулся с места. Вслед за тем Маура услышала шаги и голос слуги в прихожей:

— Добрый вечер, госпожа Фелуэй. Позвольте ваше пальто.

— Я чуточку опоздала, Джереми. Простите.

— Господин Старк и доктор О'Доннелл еще не подъехали, тоже запаздывают.

— Еще не подъехали? Что ж, тем лучше.

— Господин Сансоне и доктор Айлз в столовой, если вам угодно к ним присоединиться.

— Господи, я бы с радостью чего-нибудь выпила.

Вошедшая в столовую женщина была высока ростом, да и статью отличалась завидной; квадратные плечи облегала твидовая спортивная куртка с кожаными нашивками в виде эполет. Хотя волосы у нее были с проседью, в движениях угадывались присущие юному возрасту живость и самоуверенность. Она, не колеблясь, направилась прямо к Мауре.

— Вы, должно быть, доктор Айлз, — сказала она и пожала Мауре руку. — Эдвина Фелуэй.

Сансоне протянул новоприбывшей гостье бокал вина.

— Как обстановка на дорогах, Винни?

— Чудовищная. — Она пригубила из бокала. — Странно, что Олли до сих пор нет.

— Сейчас ровно восемь. Он приедет вместе с Джойс.

Эдвина разглядывала Мауру. Ее взгляд был прямым, даже несколько навязчивым.

— Ну как продвигается дело?

— Мы об этом не говорили, — заметил Сансоне.

— В самом деле? Но ведь этот случай ни у кого из нас не выходит из головы.

— Я не могу его обсуждать, — сказала Маура. — Надеюсь, вы понимаете, почему.

Эдвина взглянула на Сансоне.

— То есть она еще не дала согласие?

— Согласие на что? — любопытствовала Маура.

— Стать членом нашей группы, доктор Айлз.

— Винни, ты немного торопишься. Я пока еще не успел объяснить.

— ...что такое Фонд Мефисто? — закончила за него Маура. — Вы это имеете в виду?

Наступила тишина. В соседней комнате зазвонил телефон.

Эдвина вдруг усмехнулась.

— Она на шаг впереди тебя, Энтони.

— Откуда вы знаете о фонде? — спросил он, взглянув на Мауру. — И тут же догадавшись, вздохнул. — Ах, ну да, детектив Риццоли. Слышал, что она наводила справки.

— Ей за это платят, — заметила Маура.

— Она наконец успокоилась и поняла, что мы вне подозрений?

— Она не любит таинственности. А ваша группа очень загадочна.

— Поэтому вы приняли мое приглашение и пришли. Чтобы узнать, кто мы такие.

— Похоже, я уже узнала то, что нужно, — возразила Маура. — И, кажется, услышала предостаточно, чтобы все для себя решить. — Она снова поставила бокал на стол. — Меня не интересует метафизика. Знаю, на свете есть зло, и было всегда. Но, чтобы это объяснить, вовсе не обязательно верить в Сатану или демонов. Люди способны творить зло и своими собственными руками.

— Стало быть, у вас нет ни малейшего желания вступить в наш фонд? — спросила Эдвина.

— Ни малейшего. К тому же мне, кажется, пора.

Она повернулась — и увидела в дверях Джереми.

— Господин Сансоне! — Слуга держал в руке портативную телефонную трубку. — Это господин Старк. Он очень встревожен.

— Что случилось?

— За ним должна была заехать доктор О'Доннелл, но ее до сих пор нет.

— Когда она должна была заехать?

— Сорок пять минут назад. Он ей звонил, но она не отвечает ни по домашнему телефону, ни по сотовому.

— Дайте-ка я сам попробую ей набрать.

Сансоне взял трубку и набрал номер. В ожидании ответа он постукивал пальцами по столу. Потом отключил связь и, набрав номер повторно, принялся отбивать пальцами уже более частую дробь. В комнате никто не проронил ни слова; присутствующие не сводили с него глаз, прислушиваясь к дробному стуку его пальцев. В ночь гибели Евы Кассовиц члены фонда сидели в этой самой комнате и даже не подозревали, что Смерть совсем рядом. Что она уже проникла в сад и оставила на двери странные знаки. Пометила дом.

«А быть может, и людей, которые там находились».

Сансоне отключил трубку.

— Может, лучше позвонить в полицию? — предложила Маура.

— О, Джойс могла просто забыть об уговоре, — предположила Эдвина. — По-моему, вмешивать полицию пока рановато.

— Что, если мне съездить к доктору О'Доннелл домой и выяснить, что к чему? — предложил Джереми.

Сансоне некоторое время молча смотрел на телефон.

— Нет, — наконец проговорил он. — Поеду я. А вы лучше оставайтесь — вдруг Джойс сама позвонит.

Маура прошла следом за ним в переднюю — там он достал из шкафа пальто. А Маура надела свое.

— Пожалуйста, останьтесь на ужин, — попросил он, потянувшись за ключами от машины. — Вам нет надобности торопиться домой.

— А я и не собираюсь домой, — сказала она. — Я еду с вами.

На крыльце дома Джойс О'Доннелл горел свет, но на звонки в дверь никто не отвечал.

Сансоне подергал за дверную ручку.

— Заперто, — заключил он и достал из кармана сотовый. — Попробую-ка еще раз позвонить.

Пока он набирал номер, Маура спустилась с крыльца, отошла назад, на тротуар, и оглядела дом О'Доннелл: из окна второго этажа в темноту ночи проливался яркий свет. Внутри приглушенно звонил телефон. Потом снова наступила тишина.

Сансоне прекратил звонить.

— Срабатывает автоответчик.

— По-моему, пора звонить Риццоли.

— Рано пока.

Он достал фонарик и направился по расчищенной от снега дорожке к боковой стороне дома.

— Вы куда?

Он молча двигался к подъездной аллее, и его черное пальто сливалось с темнотой ночи. Вскоре луч фонарика, скользнув по вымощенной плиткой дорожке, скрылся за углом дома.

Маура осталась в палисаднике одна; она стояла и слушала, как на ветвях у нее над головой шуршат мертвые листья.

— Сансоне! — позвала она.

Он не отвечал.

Теперь Маура слышала только стук собственного сердца. Она пошла за угол дома следом за Сансоне. Вышла на пустую подъездную аллею и заметила едва проступавший из мрака гараж. Она было собралась снова окликнуть его, но что-то ее удержало. Ей вдруг показалось, что за нею кто-то наблюдает. Следит. Она повернулась, мельком оглядела улицу. И увидела, как ветер гонит по мостовой газету, похожую на подраненную призрачную птицу.

Вдруг кто-то схватил ее за руку.

Резко вздохнув, она отпрянула. И оказалась лицом к лицу с Сансоне, тихо возникшим у нее за спиной.

— Машина ее на месте, в гараже, — сообщил он.

— Так где же она сама?

— Пойду к заднему ходу.

На сей раз Маура решила не выпускать его из виду и двинулась за ним в боковой двор, пробираясь по глубокому снегу вдоль гаража. Когда они наконец выбрались из сугробов на задний двор, брюки у нее были по колено мокрыми — полурастаявший снег проник в ее ботинки, и ноги начали мерзнуть. Луч фонаря полоснул по кустам и шезлонгам — все было покрыто бархатным белым одеялом. На снегу — никаких следов. Двор заканчивался увитой виноградом стеной, полностью скрывавшей от соседей личное пространство обитательницы дома. И Маура была тут одна, с человеком, которого почти не знала.

Однако Сансоне на нее даже не смотрел: все его внимание было сосредоточено на двери в кухню — открыть ее он так и не смог, как ни старался. Некоторое время он просто глядел на нее, обдумывая, что делать дальше. Затем перевел взгляд на Мауру.

— Знаете номер детектива Риццоли? — спросил он. — Позвоните ей.

Маура достала сотовый телефон, подошла к кухонному окну — там было светлее. И уже было принялась набирать номер Джейн, как вдруг обратила взгляд на мойку, прямо за окном.

— Сансоне, — прошептала она.

— Что?

— Там кровь... возле стока.

Сансоне глянул лишь мельком — следующее его действие потрясло Мауру. Он схватил первый попавшийся шезлонг и со всего маху ударил им по окну. Стекло треснуло — осколки посыпались в кухню. Он забрался внутрь и через мгновение-другое кухонная дверь распахнулась.

— Здесь и на полу кровь, — сказал он.

Маура посмотрела вниз — на красные пятна на кремовой плитке. Сансоне же в следующий миг выскочил из кухни, хлопая длинными черными лапами пальто, точно крыльями, и не успела она подойти к подножию лестницы, как он уже взлетел на площадку второго этажа. Она опустила глаза и снова увидела кровавые разводы. Они были и на дубовых ступенях, и на плинтусах, как будто за них хватались окровавленные руки, пока само тело волокли вверх по лестнице.

— Маура! — вскричал Сансоне.

Она бросилась вверх по лестнице. Взбежала на площадку второго этажа — и там тоже заметила кровь, в виде блестящей алой лыжни, тянувшейся по всему коридору. Вслед за тем она услышала звуки, похожие на хлюпанье воды в дыхательной трубке. И еще прежде, чем войти в спальню, поняла, что там увидит. Жертву — не мертвую, но отчаянно

цепляющуюся за жизнь.

Джойс О'Доннелл лежала навзничь, глаза у нее были широко раскрыты в смертельном ужасе, из шеи, пульсируя, била красная струя. Дышала она с присвистом, оттого что легкие заполнились кровью, и кашляла. Вдруг из горла у нее ударил красный фонтан — прямо в лицо склонившемуся над нею Сансоне.

— Я присмотрю за ней! А вы звоните девять-один-один! — велела Маура, вставая на колени и зажимая пальцами глубокую рану на шее.

Она привыкла прикасаться к мертвой плоти, а не к живой, поэтому кровь, сочившаяся ей на руки, казалась поразительно теплой. «ВДК», — подумала она. Основные правила базовой реанимации. Воздушные пути, дыхание, кровообращение. Но, сделав всего один страшный надрез по всему горлу, преступник подверг риску все три. «Я врач, но вряд ли смогу ее спасти».

Сансоне повесил трубку.

— «Скорая» уже выехала. Я чем-то могу помочь?

— Принесите полотенца. Нужно остановить кровотечение!

Пальцы О'Доннелл вдруг сомкнулись на запястье Мауры, в ее мощной хватке чувствовалась сила страха. Кожа у нее была настолько осклизлая, что пальцы Мауры тут же соскользнули с раны, откуда снова брызнула струя крови. Снова раздались хрип и кашель — и из перерезанной трахеи опять брызнула кровь. О'Доннелл захлебывалась ею. С каждым вдохом количество крови в легких увеличивалось. Она булькала в дыхательных путях, бурлила в альвеолах. Мауре уже приходилось изучать иссеченные легкие жертв с перерезанным горлом, и она знала, как наступает смерть.

«Теперь я вижу это собственными глазами, но неспособна это остановить».

Сансоне примчался в спальню с охапкой полотенец, Маура взяла несколько штук, прижала к шее О'Доннелл, и белоснежная махровая ткань, точно по волшебству, мигом превратилась в красную. Рука О'Доннелл еще крепче сжала запястье Мауры. Губы ее зашевелились, но она не могла вымолвить ни слова — изо рта у нее, сквозь пузыри крови, вырывался только хрип.

— Все хорошо, хорошо, — проговорила Маура. — «Скорая» вот-вот приедет.

О'Доннелл всю затрясло, словно в припадке. Но ее глаза с абсолютно осознанным выражением глядели на Мауру. «Неужели она понимает по моим глазам, что я знаю — она умирает?»

Услыхав отдаленный вой сирены, Маура вскинула голову.

— Это они, — подтвердил Сансоне.

— Входная дверь заперта!

— Пойду встречу их вниз.

Сансоне вскочил на ноги, и вскоре Маура услышала, как он спускается по лестнице на первый этаж.

Глаза О'Доннелл смотрели пока еще осознанно. Губы вдруг зашевелились быстрее. А пальцы сжали руку Мауры, точно клещи. Вой сирены слышался все громче, но здесь, в спальне, звучало только сиплое, прерывистое дыхание умирающей женщины.

— Будь со мной, Джойс! — призывала Маура. — Я знаю, ты можешь!

О'Доннелл с новой силой дернула Мауру за запястье, при этом ее так затрясло, что рука Мауры опять чуть не соскользнула с раны. С каждым прерывистым вздохом из горла вырывались ярко-красные капли. Глаза О'Доннелл расширились еще больше, словно перед ними вдруг разверзлась тьма. «Нет, — казалось, говорили ее губы. — Нет».

В этот миг Маура вдруг поняла, что женщина смотрит уже не на нее, а куда-то поверх ее плеча. И только тогда услышала, как скрипнула половица.

«Преступник никуда не уходил. Он все еще здесь, в доме. В этой комнате».

Она повернулась в то самое мгновение, когда на нее обрушился удар. Она видела, как тьма налетела на нее, словно шуршащая крыльями летучая мышь, и в следующий миг сползла на пол. Ударилась лицом. Сознание помутнело, в глазах стояла тьма. Однако в половицах ощущались звуки удаляющихся шагов, словно у дома тоже было сердце и именно его ритм отдавал ей в щеку. Затем в голове колыхнулась боль и, постепенно усиливаясь, превратилась в мощное, мерное биение молотков, которые, казалось, вбивают гвозди в ее череп.

Она не слышала, как Джойс О'Доннелл издала последний вздох.

За плечо Мауры ухватилась чья-то рука. Внезапный приступ паники включил механизм самообороны, и она принялась машинально отбиваться от нападавшего.

— Прекратите, Маура! Маура!

Он крепко схватил ее за руки, и все, что ей удалось, — всего лишь несколько слабых попыток вырваться. Тут в глазах у нее прояснилось, и она увидела неотрывно глядевшего на нее Сансоне. И услышала другие голоса и звуки, заметила металлический блеск носилок. Она повернула голову и увидела двух санитаров, склонившихся над телом Джойс О'Доннелл.

— Пульс не прощупывается. Дыхания нет...

— Капельница готова.

— Господи, только глянь, сколько крови крутом!

— Что там с другой женщиной? — Санитар взглянул на Мауру.

— С ней, кажется, все в порядке, — заверил его Сансоне. — По-моему, она просто потеряла сознание.

— Нет, — прошептала Маура. И схватила Энтони за руку. — Он был здесь.

— Что?

— Он был здесь. В этой комнате!

Сансоне вдруг понял, что она хочет сказать, в изумлении отпрянул, а потом вскочил на ноги.

— Нет... подождем полицию!

Но Сансоне уже выскочил за дверь.

Маура попыталась сесть — ее закачало, в глазах помутнело. А когда снова прояснилось, она увидела, как оба санитара стоят на коленях перед телом Джойс О'Доннелл, а вокруг них, прямо на залитом ее кровью полу, разложено всевозможное оборудование. На осциллографе высвечивалась электрокардиограмма.

Ровная линия.

* * *

Джейн быстро проскользнула к Мауре на заднее сиденье патрульной машины и тут же захлопнула за собой дверцу. Но и столь малого количества холодного воздуха, проникшего в машину, вполне хватило, чтобы выстудить нагретый салон, и Мауру снова затрясло как в лихорадке.

— Ты точно в порядке? — осведомилась Джейн. — Может, лучше отвезти тебя в службу экстренной помощи?

— Хочу домой, — возразила Маура. — Можно, я поеду домой?

— Еще что-нибудь запомнила? Может, какие-нибудь детали приходят тебе на ум?

— Говорю же, его лица я не разглядела.

— Только черную одежду.

— Что-то черное.

— Что-то? Мы говорим о человеке или о звере?

— Все случилось так быстро...

— Энтони Сансоне тоже весь в черном.

— Это был не он. Да и в спальне его не было. Он пошел вниз

встречать «скорую».

— Ну да, мне он сказал то же самое.

Лицо Джейн высвечивалось в отблесках мигалок припаркованных на улице патрульных машин. Прибыла обычная колонна служебных автомашин, и палисадник, как всякое место преступления, огородили специальной лентой, полоскавшей на ветру меж двух вбитых в снег кольев. Маура просидела в машине так долго, что кровь у нее на пальто успела высохнуть, отчего ткань сделалась твердой, как пергамент. Пальто придется выбросить: она его уже больше никогда не наденет.

Маура посмотрела на дом — во всех окнах горел свет.

— Двери были закрыты, когда мы пришли. Как же он попал внутрь?

— Никаких следов взлома. Только на кухне выбито окно.

— Нам пришлось его выбить. Заметили в мойке кровь.

— И Сансоне все время был с тобой?

— Мы были вместе весь вечер, Джейн.

— За одним исключением — когда он устроил погоню. Он уверяет, что снаружи никого не видел. А сам затоптал весь снег, когда шарил вокруг дома. И следы, которые могли бы нам пригодиться.

— Но сейчас-то он вне подозрений.

— А я и не говорю, что подозреваю его.

Маура замолчала, вдруг вспомнив недавнюю фразу Джейн. «Никаких следов взлома».

— Джойс О'Доннелл сама его впустила. — Маура посмотрела на Джейн. — Она сама открыла дверь убийце.

— А может, просто забыла ее запереть.

— Она наверняка заперла ее. Она же не дура.

— Не сказать, чтобы она была слишком уж осторожна. Когда работаешь с извергами, невозможно предсказать, кто из них в один прекрасный день выследит, где ты живешь. Все эти убийства имели к ней самое прямое отношение, док. Преступник с самого начала старался привлечь ее внимание своим звонком. Второе убийство произошло рядом с домом, где она обедала. Так что все сходится к одному. К самому главному.

— Но зачем было впускать его в дом?

— Может, она решила, что в силах совладать с ним. Вспомни, сколько тюрем она обошла, сколько изуверов, вроде Уоррена Хойта и Амальтеи Лэнк, опросила. Она же сблизилась с ними со всеми, чуть ли не сроднилась.

При упоминании имени матери Мауру передернуло, но она промолчала.

— Она как цирковая укротительница тигров. Работаешь каждый божий день с животными и в конце концов начинаешь верить, что всеми ими управляешь. Думаешь, стоит щелкнуть хлыстом, и они запрыгают перед тобой на задних лапках, как ласковые котята. Или даже считаешь, что они любят тебя всей душой. Но вот однажды поворачиваешься к ним спиной, и они мигом впиваются клыками тебе в шею.

— Знаю, она никогда тебе не нравилась, — сказала Маура. — Но если б ты была здесь... и видела, как она умирает... — Маура снова взглянула на Джейн. — Она была в диком ужасе.

— То, что она умерла, — еще не причина любить ее. Теперь она жертва, и я должна сделать все возможное. Но это не меняет моего мнения — она сама накликала на себя беду.

В стекло постучали, и Джейн чуточку приоткрыла окно. Полицейский, взглянув на них, сказал:

— Господин Сансоне там интересуется, закончили его опрашивать или нет.

— Нет, не закончили. Передайте, пусть подождет.

— Судмедэксперт уже сворачивается. К нему будут еще вопросы?

— Если будут, позвоню.

Через стекло Маура увидела, как из дома вышел ее коллега Эйб Бристол. Он проведет вскрытие тела О'Доннелл. Если Эйба что-то и поразило на месте преступления, вида он не показывал. Он остановился на крыльце и, беседуя с кем-то из полицейских, спокойно застегивал пальто и натягивал теплые перчатки. «Эйбу не надо было присутствовать при том, как она умирает, — подумала Маура. — На его пальто нет следов ее крови».

Джейн открыла дверцу машины, и в салон тотчас же ворвалась волна холодного воздуха.

— Ладно, док, — сказала она, выбираясь из машины. — Мы отвезем тебя домой.

— Моя машина осталась в Бикон-Хилле.

— Позаботишься о ней потом. Я нашла тебе провожатого. — Джейн поглядела куда-то в сторону и крикнула: — Отец Брофи! Она готова ехать.

Только сейчас Маура заметила его — он стоял в тени на другой стороне улицы. Брофи направился к ним — сперва просто безликая высокая фигура; его лицо удалось разглядеть, лишь когда он поравнялся с патрульными машинами, отбрасывающими мигающий синий свет.

— С тобой точно все в порядке? — осведомился он, помогая ей выйти из машины. — Может, сначала в больницу?

— Пожалуйста, просто отвези меня домой.

Хотя он подал руку, чтобы поддержать ее, она не ухватила за нее, и всю дорогу, пока они шли к машине, держала свои руки в карманах пальто. Она чувствовала, как полицейские провожают их взглядами. Вот они — доктор Айлз и тот самый святой отец, опять вместе. Есть ли среди окружающих такие, кто ничего не заметил и не проявлял любопытства по поводу их отношений?

«Да нет в этом ни черта любопытного!»

Маура села на переднее сиденье и, когда он запустил двигатель, уставилась в лобовое стекло, прямо перед собой.

— Спасибо, — только и сказала она.

— Ты ведь знаешь, я бы приехал по первому твоему зову.

— Это Джейн тебе позвонила?

— Да, чему я очень рад. Сегодня тебя должен везти домой друг. А не какой-нибудь полицейский, которого ты едва знаешь.

Он отъехал от обочины, и вскоре ослепительные огни спецмашин растаяли далеко позади.

— Сегодня ты оказалась слишком близко, — мягко заметил он.

— Поверь, я не стремилась к этому.

— Не надо было тебе ходить в этот дом. Лучше позвонила бы в полицию.

— Может, не будем об этом?

— А есть хоть что-нибудь, о чем мы можем говорить, Маура? Или теперь всегда будет только так? Ты перестанешь бывать у меня, не будешь отвечать на мои звонки?

Наконец Маура посмотрела на него.

— Я не становлюсь моложе, Даниэл. Мне сорок один год, единственный мой брак закончился катастрофой, к тому же у меня особый талант заводить безнадёжные романы. А я хочу замуж. Хочу быть счастливой. И не могу позволить себе тратить время на отношения, которые ни к чему не ведут.

— Даже если дружба и чувства настоящие?

— Дружба может разрушиться. А сердца — разбиться.

— Да, — со вздохом вымолвил он. — Верно. — Некоторое время они ехали молча. Потом он сказал: — У меня не было намерения разбивать твое сердце.

— А ты его и не разбивал.

— Но я причинил тебе боль. Знаю.

— Мы причинили боль друг другу. Иначе и быть не могло. — И, помолчав, она с горечью прибавила: — Ведь этого требует твой

всемогущий Бог, верно?

Маура сказала это, чтобы задеть его, и, судя по тому, что он тут же смолк, она поняла — ее упрек попал в цель. Он не произнес ни слова, даже когда они уже подъехали к ее дому, и когда он свернул на подъездную аллею, и когда заглушил двигатель. Какое-то время он так и сидел молча, потом повернулся к ней.

— Ты права, — сказал он. — Мой Бог требует чертовски много.

И прижал ее к себе.

Ей бы воспротивиться, ей бы оттолкнуть его и выскочить из машины. Но она этого не сделала, потому что слишком долго хотела его объятий, его поцелуев. И всего остального. Это безумие, которое не может обернуться ничем хорошим. Но в этот момент ни здравый смысл, ни Бог — ничто не стояло между ними.

«Не введи нас в искушение». Они целовались всю дорогу, пока шли от машины до дверей ее дома. «Избавь нас от лукавого». Напрасные слова, жалкие песчаные замки, противостоящие неумолимым натискам прилива. Они вошли в дом. Свет она не включила, и, пока они стояли в полумраке прихожей, тьма, казалось, усиливала звуки — их прерывистого дыхания и шуршания их одежд. Она сбросила с себя запятнанное кровью пальто, и оно соскользнуло на пол, превратившись в черное пятно. Лишь слабые отблески уличных фонарей, проникавшие через окно, едва-едва освещали коридор. Больше ничто не освещало их грехопадение, и ничьи глаза не следили за тем, как они сворачивают с пути истинного.

Она направилась в спальню. К своей постели.

Уже целый год кружили они в этом танце и с каждым шагом все ближе подходили к этому мгновению. Она знала душу этого человека, а он знал ее душу, но плоть его по-прежнему оставалась чужой, ни разу не тронутой, не испробованной на вкус. Пальцы скользнули по теплой коже, ощупывая изгибы его спины. По новой территории, которую она жаждала исследовать.

И вот соскользнули остатки одеяний — последняя надежда повернуть назад.

— Маура, — шептал он, покрывая жаркими поцелуями ее шею, ее грудь. — Моя Маура.

Его слова звучали тихо, точно молитва, и были обращены не к Господу, а к ней. Она не ощущала вины, заключая его в объятия. Ведь не она давала обет, который они нарушали, и не ее ждали угрызения совести. «Сегодня, Бог, сейчас он мой», — думала Маура, упиваясь своей победой, слыша, как застонал Даниэл, когда она обхватила его ногами, делая ему больно,

подгоняя его. «У меня есть то, что ты никогда не сможешь дать ему, Бог. Я отняла его у тебя. Он мой. Давай же, вызывай своих демонов — мне наплевать».

Той ночью и Даниэлу было наплевать.

Когда их тела наконец достигли разрядки, он упал в ее объятия. Они долго лежали молча. Она видела, как мерцают его глаза в отсветах уличных огней, пробивавшихся в окна спальни: взор его был устремлен во тьму. Он не спал — просто думал. Может, сожалел. Через некоторое время тишина показалась ей невыносимой.

— Жалеешь? — наконец спросила она.

— Нет, — прошептал Даниэл. Его пальцы скользнули по руке Мауры.

— Что-то не верится.

— А тебе непременно нужно верить?

— Я хочу, чтобы ты радовался. То, что произошло между нами, вполне естественно. По-человечески. — Она смолкла. И, вздохнув, прибавила: — Но, возможно, это всего лишь слабое оправдание греха.

— Об этом я как раз и не думаю.

— А о чем же ты думаешь?

Он поцеловал ее в лоб, обдав волосы своим теплым дыханием.

— О том, что будет дальше.

— И чего же ты хочешь?

— Я не хочу тебя потерять.

— Не теряй. Выбор за тобой.

— Выбор... — тихо проговорил он. — Это все равно что выбирать между вдохом и выдохом. — Он перевернулся на спину. И некоторое время молчал. — Помнится, однажды, — продолжал он, — я рассказывал тебе, как принял обет.

— Ты сказал, что твоя сестра умирала. От лейкемии.

— Тогда я и заключил эту сделку. Договор с Богом. Он выполнил условие, и Софи осталась жива. Я тоже исполнил наш уговор.

— Тебе же тогда было только четырнадцать. Слишком рано давать обещания на всю жизнь.

— Но я все же пообещал. К тому же, Маура, во имя Господа можно сделать много добра. Я был счастлив этим обещанием.

— А потом ты встретил меня.

Он вздохнул.

— А потом я встретил тебя.

— Придется выбирать, Даниэл.

— Иначе ты уйдешь из моей жизни. Знаю.

— Я не хочу этого.

Он взглянул на нее.

— Тогда не уходи, Маура! Пожалуйста! Эти несколько месяцев без тебя я был сам не свой. Испытывал чувство вины из-за того, что хотел тебя. Но только и думал, что о тебе.

— И что же будет со мной, если я останусь в твоей жизни? У тебя будет церковь, а у меня что? — Она уставилась в темноту. — Ведь ничего не изменилось, верно?

— Все изменилось. — Он взял ее за руку. — Я люблю тебя.

«Только недостаточно сильно. Не так, как ты любишь своего Бога».

И все же она не отстранилась, позволила Даниэлу снова заключить ее в свои объятия. И отвечала поцелуями на его поцелуи. На этот раз они занимались любовью яростно, нежное соприкосновение тел превратилось в неистовое столкновение. То была не любовь, а кара. Сегодня они пользуются друг другом. Если у Мауры не может быть любви, пускай будет страсть. Пусть у него останутся воспоминания, которые будут преследовать его в те вечера, когда Бога вдруг покажется мало. «Именно от этого ты откажешься, покинув меня. Из этого рая ты стремишься уйти».

И он ушел, когда все еще было темно. Она почувствовала, как он зашевелился и проснулся рядом с нею, как медленно сел на край кровати и начал одеваться. Все правильно — наступило воскресное утро, пора возвращаться к пастве.

Он наклонился, поцеловал ее в голову и прошептал:

— Мне нужно идти.

— Знаю.

— Я люблю тебя, Маура. Никогда не думал, что скажу это женщине. И вот теперь говорю.

Он погладил ее по щеке, и она отвернулась, чтобы Даниэл не увидел, как на глазах у нее выступили слезы.

— Давай я сварю кофе, — сказала она, вставая.

— Не надо, оставайся в теплой постели. Я и сам могу выйти.

Они снова поцеловались — и Даниэл поднялся. Маура слышала, как он прошел по коридору и как за ним захлопнулась входная дверь.

И все-таки это произошло. Ей не удалось выйти за рамки клише. Ева и яблоко. Обольстительница, которая довела священника до греха. Но на этот раз в качестве коварного змея-соблазнителя выступал не Сатана, а их одинокие сердца. «Хотите отыскать дьявола, господин Сансоне? Тогда взгляните на меня».

«Взгляните на любого из нас».

За окнами небо мало-помалу окрашивалось холодными, яркими красками утренней зари. Маура отбросила одею, и от постельного белья повеяло запахом их страсти. Пьянящий аромат греха. Она не стала смывать его с себя — просто набросила халат, скользнула ногами в тапочки и пошла на кухню готовить кофе. Стоя у мойки и наполняя кофеварку водой, она рассматривала на заиндевевшем оконном стекле замысловатые узоры в виде переплетенных лиан, цветов и листьев и, даже не глядя на термометр, понимала — день сегодня обещает быть ужасно холодным. Она представила себе, как прихожане Даниэла, выбираясь из машин, кутаются в пальто и куртки и спешат к церкви Пресвятой Богородицы, чтобы, невзирая на воскресную стужу, послушать вдохновенные проповеди отца Брофи. Что же он скажет им этим утром? Признается ли своей пастве, что он, ее пастырь, сошел с пути истинного?

Маура включила кофеварку и направилась к входной двери за газетой. Едва она ступила наружу, как ее насквозь пронизало холодом. Мороз обжег ей горло и ноздри. Она без лишних проволочек схватила газету, лежавшую на дорожке, развернулась и быстро взбежала по ступеням на крыльцо. Взявшись было за дверную ручку, она вдруг застыла как вкопанная и уставилась на дверь.

На слова и знаки, нацарапанные на ней.

Маура обернулась и в ужасе оглядела улицу. Но увидела только сверкающую на солнце обледенелую мостовую и слышала только тишину воскресного утра.

Она прошмыгнула в дом, захлопнула за собой дверь и заперла ее на засов. И тут же бросилась к телефону — звонить Джейн Риццоли.

— Ты уверена, что ничего не слышала ночью? Шаги на крыльце или что-нибудь еще необычное? — спросила Джейн.

Маура сидела на диване и дрожала, хотя на ней были свитер и широкие шерстяные брюки. Она так и не позавтракала, не выпила даже ни глотка кофе, но голода, однако, совсем не чувствовала. Все полчаса до приезда Джейн и Фроста Маура простояла у окна в гостиной, наблюдая за улицей, прислушиваясь к малейшим звукам, присматриваясь к каждой проезжающей мимо машине. «Убийца знает, где я живу. Знает, что было ночью у меня в спальне».

— Док!

Маура подняла глаза.

— Я ничего не слышала. Надпись уже была там, на двери, когда я проснулась. Когда я вышла из дома за...

Она вздрогнула — сердце вдруг учащенно забилося.

Зазвонил ее телефон.

Трубку снял Фрост.

— Дом доктора Айлз, у телефона детектив Фрост. Простите, господин Сансоне, мы тут как раз делами занимаемся, и говорить с вами она пока не может. Я передам ей, что вы звонили.

Джейн снова посмотрела на Мауру.

— Точно помнишь, что, когда ты вернулась вчера домой, надписи на двери еще не было?

— Тогда я ее не видела.

— Ты вошла через переднюю дверь?

— Да. Обычно я вхожу через гараж. Но моя машина осталась в Бикон-Хилле.

— Отец Брофи проводил тебя до самой двери?

— Было темно, Джейн. Мы вряд ли разглядели бы, что там написано.

«Ведь мы смотрели только друг на друга. И думали только о том, как бы скорее добраться до спальни».

— Пойду-ка осмотрю тут все кругом, — сказал Фрост. — Погляжу, может, какие следы остались.

Он вышел через переднюю дверь. И хотя теперь уже бродил снаружи, в доме, через двойные окна, шагов его слышно не было. Ночью преступник мог преспокойно разгуливать под окнами спальни, а Маура не услышала бы

ни единого звука.

— Как думаешь, может, он следил за тобой с самого начала? — спросила Джейн. — От дома О'Доннелл?

— Не знаю. Может, и так. Но ведь я была на всех трех местах преступления. Когда убили Лори-Энн Такер. И Еву Кассовиц... И он мог видеть меня в любом из тех мест.

— И выследить, где ты живешь.

Маура обхватила себя руками, силясь унять дрожь.

— А я ничего не замечала. И не осознавала, что за мной следят.

— У тебя же есть охранная система. Ты включала ее прошлой ночью?

— Нет.

— Почему?

— Я... я просто забыла.

«Думала-то я совсем о другом».

Джейн села в кресло напротив Мауры.

— Почему же он нарисовал эти знаки на твоей двери? Что они, по-твоему, значат?

— Откуда я знаю?

— И надпись... такая же, как в спальне Лори-Энн Такер. Только в этот раз он не стал мудрить и писать по-латыни. В этот раз он сделал все, чтобы мы сразу поняли его послание. «Я согрешила». — Джейн задумалась. — Зачем обращаться к тебе именно этими словами?

Маура промолчала.

— Думаешь, они действительно тебе адресованы? — Джейн вдруг посмотрела на нее настороженно. Испытующе.

«Она же знает меня как облупленную, — подумала Маура. — И видит, я говорю далеко не все. А может, уловила исходящий от меня запах страсти. Нужно было принять душ, перед тем как их впускать. Нужно было смыть с себя запах Даниэла».

Маура резко встала.

— Что-то не могу сосредоточиться, — призналась она. — Надо выпить кофе.

Она повернулась и направилась на кухню. Принялась варить кофе, после чего разлила его по кружкам и достала из холодильника сливки. Джейн прошла на кухню следом за ней, но Маура избегала глядеть в ее сторону. Она поставила перед Джейн дымящуюся кружку и, потягивая кофе, неотрывно смотрела в окно. Ей хотелось как можно больше оттянуть постыдное признание.

— Ты хочешь что-то сказать мне? — спросила Джейн.

— Я уже все сказала. Утром проснулась и увидела на двери ту надпись. Даже не знаю, что еще прибавить.

— Отец Брофи довез тебя от особняка О'Доннелл прямо до дома?

— Да.

— И никакого преследования ты не заметила?

— Нет.

— Ну что ж, может, отец Брофи что-нибудь заметил. Поглядим, вдруг что вспомнит.

— Говорить с ним совсем необязательно, — отрезала Маура. — Думаю, если б он что и заметил вчера, то непременно сказал бы мне.

— И все же придется его расспросить.

Маура повернулась лицом к Джейн.

— Сегодня ведь воскресенье.

— Я знаю, какой сегодня день.

— У него служба.

Глаза у Джейн сузились, и Маура почувствовала, как на ее лице зажегся румянец.

— Что было прошлой ночью? — с нажимом спросила Джейн.

— Говорю же. От О'Доннелл я сразу вернулась домой.

— И провела здесь всю ночь?

— Я не выходила из дома.

— А отец Брофи?

Вопрос, произнесенный так невозмутимо, огорошил Мауру настолько, что она потеряла дар речи. Через некоторое время она опустилась на стул, стоявший возле кухонного стола, и молча уставилась на свою кружку.

— Долго он пробыл у тебя? — спросила Джейн. Спросила официальным тоном, как полицейский, но Маура уловила скрытое осуждение, и собственная вина словно пальцами стиснула ее горло.

— Он был здесь почти всю ночь.

— До которого часа?

— Не знаю. Было еще темно, когда он ушел.

— И что вы все это время делали, пока он был здесь?

— Это к делу не относится.

— Сама знаешь, относится. Мы пытаемся установить, что убийца мог разглядеть через окна. Что заставило его написать у тебя на двери те самые слова. Свет в гостиной горел всю ночь? Вы с Брофи сидели там и разговаривали?

Маура тяжело вздохнула.

— Нет. Свет... не горел.

— Значит, в доме было темно.

— Да.

— И некто, стоявший снаружи и наблюдавший за вами через окно, вполне мог решить...

— Сама, черт возьми, знаешь, что ему могло взбрести в голову.

— Он не ошибся?

Маура встретила ее взгляд.

— Вчера я была сама не своя, Джейн! И Даниэл остался со мной. Он всегда рядом в трудную минуту. Мы и не думали, что так выйдет. Это был единственный раз... один только раз... — Голос у нее дрогнул. — Я не хотела оставаться одна.

Джейн тоже под села к столу.

— Понимаешь, теперь эти слова обретают новый смысл. «Я согрешила».

— Все мы грешим, — бросила в ответ Маура. — Все до единого, черт возьми!

— Я тебя ни в чем не упрекаю, ясно?

— Еще как! Думаешь, я не слышу упрека в твоём голосе?

— Если чувствуешь себя виноватой, док, то вовсе не из-за моих слов.

Маура опять встретила неумолимый взгляд Джейн и подумала: «А ведь она права. Все дело в моей собственной вине».

— Сама понимаешь, с отцом Брофи, как ни крути, придется поговорить. О том, что было ночью.

Маура смиренно вздохнула.

— Только, пожалуйста, будь с ним потактичней.

— Я же не собираюсь брать с собой телевизионщиков.

— Детективу Фросту необязательно быть в курсе.

— Да нет, как раз обязательно. Мы же с ним напарники.

Маура уронила голову на руки.

— О Боже!

— И к делу это, как ты понимаешь, имеет самое прямое отношение. А Фрост, если ему ничего не сказать, может обвинить нас в нарушении этики и будет прав.

«Значит, я уже не смогу смотреть Фросту в глаза, иначе всякий раз буду видеть в них отражение своей вины», — думала Маура, съеживаясь от стыда при мысли о реакции Фроста. Уж больно хрупкая штука репутация: мало-мальская промашка — и все летит к черту.

Вот уже два года к ней относятся как к королеве мертвых, хладнокровному судмедэксперту, способной без дрожи взирая на картины,

при одном лишь взгляде на которые даже выдавших виды следователей выворачивает наизнанку. Теперь же они будут видеть в ней одни только слабости. Ошибки одинокой женщины.

Тут на крыльце послышались шаги. Это вернулся Фрост. Мауре не хотелось присутствовать при сцене, когда он узнает всю правду. Бдительный и честный Барри Фрост будет потрясен до глубины души, когда услышит, кто спал в ее постели.

Между тем в дом он вошел не один. Маура услышала голоса и, подняв глаза, увидела, как в кухню вошел Энтони Сансоне, а следом за ним — Фрост.

— Вы в порядке? — осведомился Сансоне.

Вместо нее ответила Джейн:

— Честно говоря, господин Сансоне, вы выбрали не самое удобное время для визита. Будьте любезны подождать снаружи.

Однако он не обратил на Джейн никакого внимания: его взгляд был прикован к Мауре. Сегодня Сансоне был не в черном, а в темно-сером. В твидовой куртке поверх пепельного цвета сорочки. «Как же не похож он на Даниэла, — подумала она. — Не пойму я этого человека — стоит ему появиться, как я начинаю чувствовать себя не в своей тарелке».

— Я только что видел отметки у вас на двери, — продолжал он. — Когда это случилось?

— Точно не знаю, — ответила она. — Прошлой ночью.

— Надо было мне самому отвезти вас домой.

Тут снова вмешалась Джейн:

— Я действительно прошу вас уйти, сейчас же.

— Погоди, — возразил Фрост. — Тебе лучше послушать, что он скажет об этих знаках на двери. Их возможное значение.

— «Я согрешила»? По-моему, тут и так все понятно.

— Да не в словах дело, — заметил Сансоне. — А в символах под ними.

— Мы уже слышали про всевидящее око. Ваш дружок Оливер Старк растолковал.

— Он мог и ошибаться.

— Выходит, по-вашему, это не глаз Гора?

— Думаю, это означает совсем другое. — Он взглянул на Мауру. — Идемте, я все объясню.

У Мауры не было ни малейшего желания еще раз глядеть на обличительные слова у нее на двери, однако настойчивость гостя вынудила ее последовать за ним. Ступив на крыльцо, она вдруг замерла на месте и

зажмурилась, ослепленная солнечным светом. Воскресное утро было чудесным. В такое утро лучше всего сидеть с газеткой да потягивать кофе. А ей, напротив, страшно было находиться в собственном доме. Страшно было смотреть на собственную парадную дверь.

Маура вздохнула, повернулась и увидела прямо перед собой надпись и знаки, начертанные охрой, очень напоминавшей запекшуюся кровь. Слова «я согрешила» резали Мауре глаза — от подобного обвинения ей хотелось провалиться сквозь землю, спрятать зардевшееся от стыда лицо.

Однако внимание Сансоне было сосредоточено не на словах. Он указывал на два знака, начертанные под ними. Тот, что был покрупнее, они уже видели — на двери его дома.

— По-моему, как две капли воды похож на всевидящее око, — заметила Джейн.

— А теперь взгляните-ка вот на этот знак, — сказал Сансоне, ткнув пальцем в рисунок в самой нижней части двери. Он был до того маленький, что, казалось, преступник дорисовал его уже потом, по зрелом размышлении. — Нарисовано охрой, как и в других местах, где были совершены убийства.

— Откуда вы знаете про охру? — поинтересовалась Джейн.

— Моим коллегам тоже надо взглянуть. Чтобы они могли подтвердить мою догадку о значении этого символа.

И он достал свой сотовый телефон.

— Погодите-погодите, — вмешалась Джейн. — Здесь вам не вернисаж.

— А вы сами-то можете это истолковать, детектив? У вас есть хоть малейшее представление, от чего отталкиваться? Если вы хотите поймать убийцу, вам не мешало бы сперва понять образ его мыслей. Его символы.

Он начал набирать номер телефона — на сей раз Джейн не стала его удерживать.

Маура нагнулась, чтобы получше рассмотреть нижний рисунок Изогнутые рога. Треугольную голову и узкие глаза.

— Похож на козла, — проговорила она. — Но что бы это значило?

Она взглянула на Сансоне. Его высокая фигура, подсвеченная со спины ярким утренним солнцем, казалась черной и безликой.

— Это Азазель, — пояснил он. — Символ стражей.

— Азazelь был предводителем сеирим, — сказал Оливер Старк. — Козлоподобных духов, обитавших в древних пустынях еще до Моисея и фараонов. В эпоху Лилит.

— А кто такой Лилит?

Эдвина Фелуэй удивленно взглянула на Фроста.

— Как, вы ничего о ней не знаете?

Фрост смущенно пожал плечами.

— Признаться, я не большой знаток Библии.

— А в Библии вы и не найдете ничего о Лилит, — заметила Эдвина. — Ее давно вычеркнули из общепринятого христианского учения, хотя в древнееврейской мифологии у нее есть свое место. Она была первой женой Адама.

— У Адама была другая жена?

— Да, до Евы. — Эдвина улыбнулась, заметив у него на лице изумление. — Что, думаете, в Библии рассказана вся история?

Они сидели у Мауры в гостиной — за журнальным столиком, где среди пустых чашек и блюдец лежал блокнот Оливера. Через полчаса после звонка Сансоне Эдвина и Оливер приехали взглянуть на знаки на двери. Посоветовавшись на крыльце всего лишь несколько минут, они все продрогли и прошли в дом выпить горячего кофе и поделиться своими предположениями. Их теории казались Мауре слишком заумными и хладнокровными. Убийца пометил ее дом, а они сидят тут преспокойно у меня в гостиной и обсуждают чудные теологические темы. Она взглянула на Джейн — у той на лице было ясно написано: они все с приветом. А вот Фрост слушал вновь прибывших с открытым ртом.

— Никогда не слыхал, что у Адама была какая-то там еще первая жена, — признался он.

— Это отдельная история, о которой Библия умалчивает, господин сыщик, — сказала Эдвина. — История эта загадочная, а узнать ее можно разве что из ханаанитских и древнееврейских преданий. В них рассказывается о том, что Адам взял в жены одну фривольную женщину. Коварную искусительницу, отказавшуюся потом повиноваться своему мужу и лечь под него, как подобает послушной супруге. Вместо того она требовала безумного секса во всех позах, и, когда Адам был не в состоянии удовлетворить ее, Лилит всячески насмехалась над ним. В сущности, она была первой в мире эмансипированной женщиной, которая не боялась искать плотских утех.

— Забавная штучка, не то что Ева, — заметил Фрост.

— С точки зрения церкви, Лилит отвратительна. Женщина, которую

неспособен контролировать ни один мужчина, существо, ненасытное в сексуальном смысле. В конце концов она бросила надоевшего мужа Адама и сбежала устраивать оргии с демонами. — Эдвина на мгновение смолкла. — В результате она породила самого могущественного демона. Того самого, который с тех пор стал истинным наказанием рода человеческого.

— Вы не дьявола ли имеете в виду?

— В средние века и правда все так считали, — пояснил Сансоне. — Что Лилит была матерью Люцифера.

Эдвина усмехнулась:

— Вот видите, как история обходится со строптивыми женщинами? Не желаешь быть послушной, жаждешь чрезмерных плотских утех — церковь превращает тебя в чудовище. И нарекает матерью дьявола.

— Или же ты напрочь исчезаешь из истории, — добавил Фрост. — Ведь не случайно я только сейчас услышал об этой самой Лилит. И об этом, как его там — человеке-козле.

— Об Азазеле, — подсказал Оливер. Он вырвал из блокнота самый верхний рисунок и положил на журнальный столик так, чтобы всем было видно. Это была тщательно прорисованная копия морды, изображенной на двери у Мауры. Образ козла с рогами, раскосыми глазами и огненной вспышкой над головой. — Козлоподобные духи упоминаются в Левите и в Книге пророка Исайи. Это косматые существа, имевшие дело с легкомысленными созданиями вроде Лилит. А имя Азазель восходит к ханаанитским преданиям — возможно, оно произошло от имени одного из их древних богов.

— И к нему отсылает символ на двери? — спросил Фрост.

— Это и есть моя догадка.

Джейн усмехнулась, не в силах сдержать своего скептицизма.

— Догадка? Как мы здорово уточняем факты! Верно?

— А по-вашему, эта дискуссия — пустая трата времени? — удивилась Эдвина.

— По-моему, в зависимости от вашего желания этот символ может означать что угодно. Вот вы считаете, что это козлоподобный дух. А для извращенца, его нарисовавшего, он может означать что-нибудь совсем другое. Помните, как вы и Оливер рассуждали насчет глаза Гора? Насчет всяких там дробей, четвертей луны? Так что же, теперь, выходит, все это выведенного яйца не стоит?

— Я как раз и объяснил вам, что глаз может иметь много самых разных значений, — возразил Оливер. — Это знак египетского бога.

Всевидящее око Люцифера. Или масонский символ озарения, мудрости.

— Так это же совершенно противоположные значения, — заметил Фрост. — Дьявол и мудрость.

— Однако они вовсе не противоречат друг другу. Вспомните, что означает имя Люцифер. В переводе это значит «Светоносный».

— Звучит совсем не страшно.

— А некоторые и не считают Люцифера воплощением зла, — вмешалась Эдвина. — По некоторым представлениям, он олицетворяет пытливый разум, эдакого независимого мыслителя. А в былые времена как раз это и служило главной угрозой церкви.

Джейн снова усмехнулась.

— Значит, Люцифер не такой уж и злодей? Просто больно любопытный?

— Представление человека о дьяволе зависит от его мировоззрения, — ответила Эдвина. — Мой покойный муж был антропологом. Я объездила с ним весь белый свет и собрала изрядную коллекцию изображений злых духов — в обличье шакалов, кошек и змей. И красивых женщин. В каждой культуре есть свое собственное представление о том, как выглядит дьявол. И почти все культуры, начиная с наидревнейших первобытных племен, сходятся в одном — дьявол действительно существует.

Маура вспомнила о безликом черном вихре, которого она мельком видела вчера вечером в спальне О'Доннелл, и по коже у нее пробежали мурашки. Она не верила в Сатану. Зато верила в существование зла. «И вчера вечером оно было рядом». Она взглянула на рисунок Оливера — на козла с рогами.

— А этот самый... Азазель... он тоже считается символом дьявола?

— Нет, — ответил Оливер, — Азазель служит в основном символом стражей.

— А кто такие эти стражи, о которых вы все время твердите? — поинтересовался Фрост.

Эдвина посмотрела на Мауру.

— У вас есть Библия, доктор Айлз?

Маура удивилась такому вопросу.

— Да.

— Не могли бы вы ее принести?

Маура подошла к книжному шкафу и взглянула на верхнюю полку в поисках знакомой потертой обложки. Библия принадлежала ее отцу, и за последние годы Маура ни разу ее не открывала. Она сняла книгу с полки, передала Эдвине, и та принялась ее листать, подняв легкое облачко пыли.

— Вот. Бытие, глава шестая. Стих первый и второй: «Когда люди начали умножаться на земле, и родились у них дочери. Тогда сыны Божии увидели дочерей человеческих, что они красивы, и брали их себе в жены, какую кто избрал».

— Сыны Божии? — переспросил Фрост.

— В этом отрывке речь почти наверняка идет об ангелах, — пояснила Эдвина. — Здесь сказано, что ангелы возжелали земных женщин и стали брать их себе в жены. Так совершались браки между божествами и смертными. — Она снова заглянула в Библию. — А вот стих четвертый: «В то время были на земле исполины, особенно же с того времени, как сыны Божии стали входить к дочерям человеческим, и они стали рождать им. Это сильные, издревле славные люди».

Эдвина закрыла книгу.

— И что все это значит? — спросил Фрост.

— Здесь сказано, что у них были дети, — пояснила Эдвина. — И это единственное место в Библии, где упоминается об этих детях. Отпрысках, рожденных в союзе людей и ангелов. Они-то впоследствии и образовали смешанную расу демонов — так называемых «нефилим».

— Известных еще как стражи, — добавил Сансоне.

— Сведения о них можно найти в других, более ранних источниках — добиблейских. В Книге Еноха. В Книге Юбилеев. Там они предстают в обличье чудовищ — отродья падших ангелов, совокуплявшихся с дочерьми человеческими. После чего на свет появилась загадочная смешанная раса, представители которой, возможно, живут среди нас. Говорят, эти существа на редкость обаятельны, талантливы и необычайно красивы. Почти все как один высокорослые и харизматичные. Но при всем том, однако, они демоны, слуги тьмы.

— И вы во все это верите? — изумилась Джейн.

— Я лишь излагаю то, о чем упоминается в священных писаниях, детектив. Древние верили — на земле живут не только люди. До нас здесь жил кто-то другой, и потомки этих чудищ по-прежнему живут рядом с нами.

— Так вы же говорите, они дети ангелов.

— Падших ангелов. Порочных и дурных.

— Значит, эти твари, эти ваши стражи, вроде как мутанты, — решил Фрост. — Некая помесь.

Эдвина взглянула на него.

— Некий подвид. Жестокие и хищные. А все прочие из нас — просто их добыча.

— Как написано, когда наступит Армагеддон, — сказал Оливер, — и миру, каким мы его знаем, придет конец, явится Антихрист, представитель «нефилим». Страж.

«И они оставили метку на моей двери». Маура вгляделась в набросок козлиной головы. Что, если это предупреждение?

«А может, приглашение?»

— Ладно, — сказала Джейн и многозначительно посмотрела на часы. — Мы действительно провели время с толком.

— Вы так и не поняли значения символов? — уточнил Сансоне.

— Ваша замечательная история больше годится для посиделок у костра, а подойти к убийце хоть на шаг ближе она вряд ли мне поможет.

— Она поможет вам постичь образ его мыслей. А нам — понять, во что он верит.

— Ангелы и злые духи в образе козлов. Пусть так. А может, наш преступник просто любит играть с полицией, вот и подбрасывает нам всякие головоломки. Пускай-де ломают голову и гадают, при чем тут охра с ракушками. — Джейн встала. — Криминалисты придут с минуты на минуту. Так что, пожалуйста, езжайте по домой и не мешайте нам работать.

— Подождите, — вмешался Сансоне. — Вы только что сказали про какие-то ракушки?

Джейн даже не обратила на него внимания и посмотрела на Фроста.

— Позвони-ка криминалистам и узнай, что они там копаются.

— Детектив Риццоли, — продолжал свое Сансоне. — Что вы там говорили про ракушки?

— У вас, кажется, есть собственные источники. У них и спросите.

— Возможно, это очень важно. Почему вы не хотите облегчить нам задачу и все рассказать?

— Сперва вы мне скажите. Что может значить ракушка?

— Какая именно? Двустворчатая, колпачковидная?

— Разве есть разница?

— Да.

Джейн задумалась.

— Напоминает спираль. Колпачковидная, кажется.

— Ее нашли на месте убийства?

— Можно сказать и так.

— Опишите ракушку.

— Послушайте, да нет в ней ничего особенного. Я тут разговаривала с одним ученым малым, так он сказал, этого добра навалом по всему Средиземноморью. — Тут зазвонил ее сотовый, и Джейн прервалась. —

Простите, — сказала она и вышла из комнаты.

Некоторое время все молчали. Все трое членов Фонда Мефисто лишь поглядывали друг на друга.

— Так, — тихо проговорила Эдвина. — По-моему, мы дошли до сути.

— До сути чего? — удивился Фрост.

— Такая раковина, — пояснил Оливер, — венчает герб семьи Энтони.

Сансоне поднялся с кресла и направился к окну. Остановился и стал глядеть на улицу, заслонив широкой темной спиной почти все окно.

— Знаки были нарисованы красной охрой с Кипра, — сказал он. — Вы хоть понимаете, детектив Фрост, что это означает?

— Без понятия, — признался Фрост.

— Убийца затеял игры не с полицией. А со мной. С Фондом Мефисто. — Сансоне повернулся к сидящим лицом, но яркий утренний свет мешал разглядеть, какое у него было выражение. — В сочельник он убивает женщину и оставляет на месте преступления сатанинские знаки... расставляет свечи, чертит охрой круг. Но самое любопытное — той же ночью он звонит с места преступления Джойс О'Доннелл. А она состоит в нашем фонде. Он словно дергает нас за рукав. Чтобы привлечь наше внимание.

— Ваше? А я думал, его больше интересовала О'Доннелл.

— Затем он убивает в моем саду Еву Кассовиц. В тот самый вечер, когда мы собрались у меня дома.

— В тот вечер О'Доннелл тоже была у вас в гостях. За ней он и шел по пятам. Ее-то и выслеживал.

— Еще вчера вечером я бы с вами согласился. До сих пор все указывало на то, что его целью была Джойс. Но эти знаки на двери у Мауры... они говорят, что убийца свою работу еще не закончил. И продолжает охоту.

— Он все о нас знает, Энтони, — заметила Эдвина. — И уничтожает по одному. Джойс была первой. Вопрос в том, кто следующий.

Сансоне взглянул на Мауру.

— Боюсь, он думает, что вы одна из нас.

— Но это же не так, — возразила она. — Я не имею ничего общего с верованиями вашей группы.

— Док! — окликнула ее Джейн. Маура не слышала, как Риццоли вернулась в комнату. Джейн стояла в дверном проеме с сотовым телефоном в руке. — Пойдем-ка на кухню. Надо переговорить с глазу на глаз.

Маура встала и прошла за нею в коридор.

— Что там еще? — спросила она, когда они оказались на кухне.

— Можешь освободить завтрашний день? Сегодня вечером нам с тобой нужно уехать из города. Отправлюсь домой собирать вещи. За тобой заеду где-нибудь около полудня.

— Предлагаешь мне сбежать и спрятаться? И только потому, что на моей двери что-то там написали?

— К твоей двери это не имеет никакого отношения. Просто мне позвонили из полиции штата Нью-Йорк. Этой ночью они нашли тело женщины. Явное убийство.

— Но какое отношение к нам имеет убийство в Нью-Йорке?

— У жертвы отсутствует кисть левой руки.

8 августа. Фаза луны: последняя четверть.

Тедди каждый день ходит на озеро.

Утром слышу, как пронзительно скрипнула и хлопнула сетчатая дверь, и вслед за тем до меня доносится глухой шум его шагов на ступеньках крыльца. Из окна вижу, как он бредет от дома к воде с удочкой на худеньком плече и с коробкой для рыболовных снастей в руке. Станный ритуал и к тому же, по-моему, бесполезный: ведь он не приносит в дом никаких плодов своего труда. Каждый вечер возвращается с пустыми руками и чему-то радуется.

Сегодня я иду следом за ним.

Он пробирается сквозь кусты к воде и меня совсем не замечает. Я держусь от него на почтительном расстоянии, так что он и моих шагов не слышит. Знай себе мурлычет под нос писклявым детским голоском песенку «Кукабурра», ужасно фальшивя, и даже не догадывается, что за ним следят. Вот он подходит к кромке воды, насаживает на крючок наживку и забрасывает удочку. Проходит минута, другая... а он сидит-посиживает на травке и таращится на тишайшую поверхность воды, больше похожую на зеркальную гладь, не тронутую ни единым дуновением ветерка.

Удочка начинает подергиваться.

Тедди наматывает леску на катушку, а я тем временем приближаюсь к нему. На крючке у него судорожно бьется в смертельном ужасе коричневатая рыбешка. Я жду рокового удара — священного мгновения, когда вспыхнет божественная искра. Но, к моему удивлению, Тедди хватает добычу, вытаскивает у нее изо рта крючок и, осторожно наклоняясь, отпускает рыбешку обратно в воду. Нагибается все ниже и что-то бубнит себе под нос, словно извиняется за то, что омрачил ей утро.

— Зачем же ты ее отпустил? — спрашиваю я.

Тедди резко поворачивается, испугавшись моего голоса.

— А, — говорит он, — это ты.

— Ты ее выпустил.

— Не хочу их убивать. И потом, это ведь всего лишь окунь.

— Значит, ты всех их выпускаешь обратно?

— Угу.

Тедди снова насадил наживку на крючок и забросил удочку.

— И зачем тогда их ловить?

— Это весело. Вроде игры. Я играю с рыбками, а они со мной.

Я присаживаюсь рядом с ним на берегу. Вокруг нас жужжат мошки, и Тедди отмахивается от них рукой. Ему уже исполнилось одиннадцать, а кожа у него все такая же гладенькая, как у младенца, и золотистый детский пушок на лице поблескивает на солнце. Я сижу довольно близко к нему, так, что даже слышу его дыхание, и вижу, как бьется жилка на его тоненькой шейке. Кажется, я совсем не докучаю ему своим присутствием, и он даже робко улыбается мне, видимо, считая за честь, что я, его старший двоюродный брат, решил скоротать с ним беззаботное утро.

— Хочешь попробовать? — спрашивает он и протягивает мне удочку.

Я беру ее. А сам не свожу глаз с Тедди — смотрю на легкую испарину у него на лбу, на тени от ресниц под глазами.

Удочка дергается.

— Клюет!

Я начинаю наматывать леску на катушку, рыба бьется на крючке, и от предвкушения добычи на ладонях у меня выступает пот. Я ощущаю ее страх, отчаянное желание жить — все это передается мне через леску и удилице. Наконец она выныривает из воды и, когда я вытаскиваю ее на берег, начинает молотить хвостом по воздуху. Я хватаю ее, сплошь покрытую скользкой чешуей.

— Теперь снимай с крючка, — командует Тедди. — Только осторожней, смотри не порань ее.

Я заглядываю в открытую коробку для снастей и вижу нож.

— Она же задыхается без воды. Давай скорей! — потирает меня Тедди.

А я думаю, как бы добраться до ножа, как удержать трепещущую рыбешку, прижать ее к траве и проткнуть жабры. Как распотрошить ее, полоснув лезвием по всему брюху. Я хочу почувствовать, как она дернется последний раз и как в меня животворной струей вольется ее жизненная сила. Однажды я уже испытал такое чувство: когда мне исполнилось десять лет и на меня наложили херем. Тогда мама наконец поставила меня в круг и дала в руки нож.

— Вот ты и повзрослел, — сказала она. — Пора становиться одним из нас.

Я помню последнюю судорогу жертвенного козла, помню гордость в глазах мамы и одобрительный шепот окружавших меня людей в мантиях. Мне хочется снова ощутить этот трепет.

Только рыбы мне мало.

Я вынимаю крючок и отпускаю дергающегося окуня обратно в озеро. Он бьет по воде хвостом и уплывает прочь. Поднявшийся легкий ветерок рябит водную гладь, в тростнике жужжат стрекозы. Я поворачиваюсь к Тедди.

— Почему ты так смотришь на меня? — спрашивает он.

Сорок два евро чаевых — неплохой навар для промозглого декабрьского воскресенья. Распрощавшись с туристической группой, которую она водила по римскому Форуму, Лили почувствовала, как ей на лицо шлепнулась ледяная капля дождя. Она поглядела на низко висевшие мрачные тучи и поежилась. Завтра ей определенно понадобится плащ.

С только что полученными деньгами в кармане Лили отправилась на излюбленный торговый пятачок всех прижимистых римских студентов — блошинный рынок Порта-Портезе в Трастевере. Был уже час пополудни, и торговцы, наверное, собирались закрывать свои лавки, но она еще могла успеть отхватить что-нибудь по дешевке. Когда она добралась до рынка, заморосил дождь. Лили урвала себе на скорую руку ношенный шерстяной свитер всего-навсего за три евро. От него разило табаком, но добрая стирка могла поправить дело. Еще пару евро она выложила за дождевик с капюшоном, подпорченный одной-единственной черной маслянистой полоской. И вот, облачась в обновки, в которых ей было теплее, и с оставшейся суммой в кармане она позволила себе роскошь разглядеть витрины лавок уже не впопыхах.

Лили побрела по узкому проходу между лавками, останавливаясь у развалов с дешевенькой бижутерией и фальшивыми римскими монетами, перебирая побрякушки руками, затем двинулась к площади Ипполито Ниево, где размещались антикварные лавочки. Как-то так получалось, что каждое воскресенье ее прогулки неизменно заканчивались в этой части рынка, потому что здесь торговали старинными вещами — древностями, которыми она интересовалась по-настоящему. При виде клочка средневекового гобелена или простого обломка бронзовой вещицы у нее порой начинало учащенно биться сердце.

Когда она добралась до антикварных развалов, большинство продавцов уже свернуло торговлю, и лишь у некоторых прилавки оставались открытыми под морозящим дождем. Она прошла мимо скудных товаров, мимо уставших продавцов с угрюмыми лицами и уже собралась свернуть с площади, как вдруг ее взгляд упал на небольшую деревянную коробку. Лили остановилась и уставилась на нее.

На крышке были вырезаны три перевернутых креста.

На мгновение девушке показалось, что ее влажное от измороси лицо сковало льдом. Потом Лили заметила: шкатулка стоит так, что железные

петли на крышке находятся ближе к ней, и, сконфуженно улыбнувшись, переставила коробку как надо. Теперь кресты выглядели правильно. Когда упорно высматриваешь зло, то видишь его везде и всюду. «Даже если его нет».

— Предметы религиозного культа ищете? — спросил торговец по-итальянски.

Лили взглянула на его морщинистое лицо; складки почти целиком скрывали глаза.

— Я просто смотрю, спасибо.

— Вот. Тут есть еще кое-что. — Он подвинул к ней коробку, и она увидела там запутавшиеся бусинами четки, вырезанную из дерева Мадонну и старинные книги со сморщенными от сырости страницами. — Поглядите, поглядите! Не спешите.

На первый взгляд Лили не увидела в коробке ничего примечательного. Затем она обратила внимание на корешок одной из книг. На коже золотыми буквами было оттиснуто название: Книга Еноха.

Лили взяла ее и раскрыла на странице с выходными данными. Это был английский перевод Р.Х. Чарлза, вышедший в 1912 году в издательстве «Оксфорд Юниверсити Пресс». Два года назад в Парижском музее она видела фрагменты древнеэфиопской версии. Книга Еноха — древний текст, входящий в число апокрифических.

— Очень старая, — пояснил торговец.

— Да, — пробормотала Лили, — так и есть.

— Написано — тысяча девятьсот двенадцатого года.

«А содержание и того древнее», — подумала она, поглаживая пальцами пожелтевшие страницы. Этот текст появился за двести лет до рождения Христа. Это предания о том, что было задолго до Ноя и его ковчега и задолго до Мафусаила. Полистав книгу, Лили наткнулась на одно место, отчеркнутое чернилами:

«Злые существа выходят из тела их; так как они сотворены свыше и их начало и первое происхождение было от святых стражей, то они будут на земле злыми духами, и будут называться злыми духами».

— У меня есть и другие его вещи, — сказал торговец.

Лили подняла на него глаза:

— Чьи?

— Бывшего владельца книги. Это все его. — Он махнул рукой на коробки. — Месяц назад он умер, и теперь все его добро выставлено на продажу. Если вас интересуют всякие такие вещицы, у меня есть и еще кое-что. — Он наклонился, порылся в другой коробке и извлек из нее тонкую

книжицу в кожаном переплете, с потрепанной обложкой в пятнах. — И автор тот же, — сказал он. — Р.Х. Чарлз.

«Не автор, — подумала она, — а переводчик». Это была Книга Юбилеев 1913 года издания — еще один священный текст дохристианской эпохи. Хотя название «Юбилеи» было ей знакомо, именно эту книгу Лили никогда не читала. Она перевернула обложку, и книга раскрылась на десятой главе, пятом стихе: это место тоже было подчеркнуто чернилами:

«Ты знаешь, как Твои стражи, отцы этих духов, поступили в мои дни. И этих духов, которые живы, также заключи и свяжи в месте осуждения, чтобы они не производили развращения между сынами Твоего раба, Боже мой, ибо они злобны и созданы на погибель!»

На полях теми же чернилами были нацарапаны слова: «Сыны Сифа. Дочери Каина».

Лили закрыла книгу и тут заметила на кожаной обложке бурые пятна. Кровь?

— Брать-то будете?

Лили подняла глаза.

— А что случилось с тем человеком? Владельцем книг?

— Говорю же. Умер.

— Как?

Торговец пожал плечами.

— Жил он один. Старый-старый был и странный-престранный. Нашли его в собственной квартире, запертого, дверь завалена всеми этими книгами. Так что ему даже было не выйти. Может, свихнулся?

«Или боялся чего-то, — подумала она, — чего-то, что могло проникнуть в дом».

Лили уставилась на вторую книгу, представляя себе, как ее владелец лежит мертвый и забаррикадированный в своей загроможденной квартире; она даже почти явственно ощущала, как от страниц тянет смрадом разлагающейся плоти. Но, несмотря на отвратительные пятна на кожаном переплете, ей хотелось заполучить эту книгу. Хотелось узнать, зачем владелец вывел на полях те слова, — может, он написал там и еще кое-что.

— Пять евро, — запросил торговец.

Она не стала торговаться — просто заплатила запрашиваемую цену и ушла с книгой.

Когда Лили поднималась к себе в квартиру по сырому лестничному колодцу, дождь уже лил вовсю. Он поливал весь вечер, пока она сидела и читала при сумрачно-бледном свете за окном. Читала о Сифе. Будучи третьим сыном Адама, Сиф родил Еноса, который родил Каина. Это было

то же благородное родословное древо, от которого потом пошли патриархи Иаред и Енох, Мафусаил и Ной. Но от того же самого древа произошли и извращенные, злобные сыны, те, что совокуплялись с дочерьми кровожадного предка.

Дочери Каина.

Лили остановилась на другом отчеркнутом отрывке: слова были давным-давно помечены человеком, который, казалось, незримо присутствовал в комнате, склоняясь над ее плечом, страстно желая поделиться с нею своими тайнами и нашептать какие-то предостережения.

«И неправда усилилась на земле, и всякая плоть извратила свой путь, от людей до скота, и до зверей, и до птиц, и до всего, что ходит по земле. Все извратили свой путь и свой порядок, и начали пожирать друг друга. И неправда усилилась на земле, и все помышления разума сынов человеческих сделались столь злыми во всякое время».

На улице смеркалось. Лили просидела сиднем так долго, что не чувствовала ни рук, ни ног. Дождь продолжал барабанить по стеклу, а на улицах Рима грохотали и гудели машины. Зато здесь, у нее в комнате, застыла тишина. За сто лет до Христа и Апостолов предания эти уже были старыми, и рассказывали они о еще более древнем ужасе, о котором нынешние люди и не вспоминают, чье присутствие уже перестали замечать.

Лили снова взглянула на Книгу Юбилеев — на зловещие слова Ноя, говорившего своим сыновьям:

«Ибо я вижу, что демоны начали обольщать вас и ваших сыновей. И теперь я страшусь за вас, чтобы вы, когда я умру, не стали проливать на земле кровь человеческую, а чтобы и вы не были истреблены с поверхности земли».

«И демоны по-прежнему среди нас, — подумала она. — И кровопролитие уже началось».

Джейн, сидевшая за рулем, и Маура ехали на запад по автостраде Массачусетс—Тернпайк, которую окружали снег и голые деревья. Даже в этот воскресный вечер им пришлось делить дорогу с вереницей огромных грузовиков, казавшихся настоящими исполинами рядом с «Субару» Джейн, но она, подобно отважной букашке, все равно обгоняла их одного за другим. Наблюдать за этим было страшно. Поэтому Маура переключила внимание на записи Джейн. Почерк ее напоминал торопливые каракули, но они были не менее разборчивы, чем каракули врачей, которые Маура уже давно научилась расшифровывать.

«Сара Пармли, 28 лет. Последний раз видели 23.12 — расплатилась в мотеле „Оукмонт“ и уехала».

— Она пропала две недели назад, — заметила Маура. — А тело нашли только сейчас?

— Ее обнаружили в заброшенном доме. Судя по всему, он стоит на отшибе. Смотритель заметил рядом с домом ее машину. Входная дверь оказалась незапертой, ну он и зашел проверить, что к чему. И наткнулся на тело.

— Что же она забыла в заброшенном доме?

— Кто бы знал. Сара приехала туда двадцатого декабря, на похороны тетки. И все думали, что сразу после службы она уехала обратно домой, в Калифорнию. А потом вдруг ее начальник из Сан-Диего начал звонить и искать ее. Но даже тогда никому из местных и в голову не могло прийти, что Сара так никуда и не уехала.

— Взгляни на карту, Джейн. От северной границы штата Нью-Йорк до Бостона, между этим местом преступления и остальными, добрых три сотни километров. Зачем убийце тащить кисть ее руки в эдакую даль? Может, она совсем не ее?

— Ее. Точно знаю. Говорю тебе, под рентгеном они сложатся тютелька в тютельку, как части составной картинки-загадки.

— Откуда такая уверенность?

— Погляди, как называется городок. Где нашли тело Сары.

— Пьюрити,^[18] штат Нью-Йорк. Чудное название, но лично мне ничего не говорит.

— Сара Пармли выросла в Пьюрити. Там же закончила школу.

— Ну и что?

— А теперь угадай с трех раз, где училась Лори-Энн Такер.

— В том же городке?

— Угадала. И Лори-Энн Такер тоже было двадцать восемь лет. Десять лет назад они закончили одну школу, да и учились в одном классе.

— Две жертвы из одного города, из одной школы. Они наверняка дружили.

— Может, убийца там же их и повстречал. И поэтому выбрал. Может, они еще со школы были его навязчивой идеей. Может, воротили от него нос, вот он десять лет и думал, как бы им отомстить. И тут вдруг в Пьюрити, на похоронах своей тетки, объявляется Сара, и он видит ее. В нем пробуждаются все бывшие обиды. Он убивает ее и отрезает кисть руки, на память. Ему это так понравилось, что он решает повторить.

— И поэтому отправляется аж в Бостон, чтобы убить Лори-Энн? Слишком далекое путешествие только ради того, чтобы пощекотать себе нервы.

— Но не для старого доброго чувства мести.

Маура задумчиво уставилась на дорогу.

— Если все дело в мести, зачем он звонил той ночью Джойс О'Доннелл? Зачем было вымещать злобу на ней?

— Только она знала ответ на этот вопрос. Но не захотела с нами поделиться.

— И зачем было царапать на моей двери? В чем смысл этой надписи?

— Ты имеешь в виду «Я согрешила»?

Маура вспыхнула. Закрывает папку и крепко сжала ее в руках. Опять двадцать пять! На эту тему ей совсем не хотелось говорить.

— Я все рассказала Фросту, — призналась Джейн.

Маура ничего не ответила — она все так же молча смотрела вперед.

— Ему нужно было знать. Он уже разговаривал с отцом Брофи.

— Для начала ты должна была позволить мне самой поговорить с Даниэлом.

— Зачем?

— Чтобы уж совсем его не огорошить.

— Тем, что нам известно о тебе и о нем?

— Почему ты, черт возьми, так осуждаешь меня?

— И не думала.

— Я же по твоему голосу слышу. Зачем это?

— Значит, хорошо, что ты не слышала реакции Фроста.

— Да это же происходит на каждом шагу! Люди влюбляются, Джейн. И совершают ошибки.

— Но только не ты! — Джейн произнесла это резко, так, будто разговаривала с предательницей. — Я всегда думала, что ты умнее.

— В этом смысле умных не бывает.

— Ты же знаешь, что это ни к чему не приведет. Если надеешься, что он женится на тебе...

— Не забывай: я уже пробовала быть замужней женщиной. Счастья поимела выше крыши.

— И как думаешь, чего ты этим добьешься?

— Не знаю.

— Зато я знаю. Сперва поползут всякие слухи. Твои соседи заинтересуются, с чего это вдруг машина святого отца все время торчит возле твоего дома. Потом вам, чтобы встречаться, придется тайком уезжать из города. Но в конце концов кто-нибудь вас и там заметит. И тогда пойдут громкие суды да пересуды. Положение станет совсем неловким. И затруднительным. Как долго вы сможете продержаться? Сколько времени у вас осталось до того момента, когда ему придется сделать выбор?

— Не хочу говорить об этом.

— Думаешь, он выберет тебя?

— Хватит уже, Джейн.

— Ну, ты так думаешь?

Вопрос прозвучал слишком резко, и Маура уже подумывала, чтобы в ближайшем же городке выйти. Взять напрокат машину и вернуться домой своим ходом.

— Я уже взрослая и могу сама сделать выбор, — ответила она.

— А он-то сам что выбирает?

Маура отвернулась и стала смотреть в окно — на заснеженные поля и покосившиеся изгороди, наполовину занесенные снегом. «Если он выберет не меня, будет ли это неожиданностью? Он может снова и снова уверять, как сильно меня любит. Но хватит ли ему духу бросить ради меня свою церковь?»

Джейн вздохнула:

— Ладно, извини.

— Это моя жизнь, и тебя она не касается.

— Ну да, ты права. Это твоя жизнь. — Джейн покачала головой и усмехнулась. — Ох, мир совсем свихнулся. Ни в чем нельзя быть уверенной. Ни в чем, черт возьми! — С минуту она вела машину молча, щурясь от яркого света заката. — Я тебе еще не рассказывала мои собственные чудные новости.

— Какие еще новости?

— Мои родители разошлись.

Тут Маура наконец посмотрела на Джейн.

— Когда это произошло?

— Сразу после Рождества. Тридцать семь лет прожили вместе, и тут на тебе, папаша решил приударить за какой-то блондинкой-вертихвосткой с работы.

— Мне очень жаль.

— А тут еще твоя история с Брофи — как будто и впрямь все с ума посходили на сексуальной почве. Ты. Мой кретин папаша. И даже мама. — Джейн умолкла. — Винс Корсак тут пригласил ее на свидание. Ну прямо чудеса, да и только! — Из груди Джейн вдруг вырвался стон. — О Господи! Только сейчас пришло в голову. Представляешь, а ведь в один прекрасный день он может стать моим отчимом!

— До такой степени мир еще не свихнулся.

— А ведь это вполне может произойти, — Джейн вздрогнула. — Аж мороз подирает по коже, когда подумаю о них.

— А ты не думай.

Джейн стиснула зубы.

— Пытаюсь.

«А я попытаюсь больше не думать о Даниэле».

Однако всю дорогу, пока они ехали на запад вслед за заходящим солнцем, — проехали город Спрингфилд, а потом покатали по волнистому взгорью Беркшир-Хилс — Маура только о нем и думала. Она вздохнула — и снова ощутила его запах. Скрестила руки на груди — и снова почувствовала его прикосновение, словно воспоминания запечатлелись у нее на теле. И тут же подумала: «А с тобой как, Даниэл, то же самое? Когда ты стоял сегодня утром перед своими прихожанами и смотрел на обращенные к тебе лица людей, ожидавших твоих проповедей, искал ли ты среди них меня, думал ли обо мне?»

К тому времени, когда они пересекли границу штата Нью-Йорк, наступила ночь. У Мауры вдруг зазвонил сотовый, но в темноте салона ей понадобилось некоторое время, чтобы отыскать его в сумке, где все лежало вперемешку.

— Доктор Айлз, — наконец ответила она.

— Маура, это я.

Услышав голос Даниэла, она почувствовала, как на щеках у нее выступила краска, и порадовалась, что в темноте Джейн не видит ее лица.

— Ко мне приходил детектив Фрост, — сказал Даниэл.

— Мне пришлось все рассказать им.

— Ну конечно, пришлось. Жаль только, что ты сначала не позвонила мне сама. Ты должна была мне сказать.

— Прости. Тебе, должно быть, и правда было неловко узнать обо всем этом от него.

— Да нет, я имею в виду надпись на твоей двери. Я ведь и понятия не имел. Я сразу приехал бы к тебе. Нельзя было оставлять тебя одну, когда тут такое.

Она замолчала, остро ощутив, как Джейн прислушивается к каждому ее слову. И наверняка выразит свое «фи», когда они закончат разговор.

— Я только что заезжал к тебе, — сказал он. — Думал, ты дома.

— Сегодня ночью меня не будет.

— А где ты?

— Еду в машине вместе с Джейн. Олбани уже проехали.

— Вы что, в штате Нью-Йорк? Каким ветром вас туда занесло?

— Здесь нашли еще одну жертву. Мы думаем...

Джейн резко схватила Мауру за руку, как бы предостерегая — слишком много рассказывать не стоит. Джейн ему больше не доверяет, ведь он повел себя как обычный человек.

— Я не могу говорить об этом, — сказала она.

В трубке воцарилось молчание. Затем тишину нарушил его спокойный голос:

— Понимаю.

— Некоторые сведения мы не вправе разглашать.

— Не надо ничего объяснять. Я все знаю.

— Можно я перезвоню тебе попозже? — «Когда никто не будет подслушивать».

— Это вовсе не обязательно, Маура.

— Но для меня это желательно. — «Для меня это необходимо».

Она нажала на отбой и опять уставилась в ночную мглу, которую пронзал свет передних фар их автомобиля. Вскоре они свернули с шоссе, и теперь их путь лежал на юго-запад — по дороге, тянувшейся через такие же однообразные заснеженные поля. Правда, здесь вообще не было никакого освещения, кроме разве что редких вспышек фар проносившихся мимо встречных машин да едва заметных огоньков отдаленных ферм.

— Надеюсь, ты не собираешься обсуждать с ним подробности дела? — спросила Джейн.

— Даже если мы и станем обсуждать что-то — он умеет держать язык за зубами. Я всегда ему доверяла.

— Да и я тоже.

— А теперь, значит, не доверяешь?

— Тобою руководит страсть, док. И сейчас не самое подходящее время прислушиваться к твоему мнению.

— Мы с тобой хорошо его знаем.

— Только я никогда не думала...

— Что он ляжет со мной в постель?

— Я просто говорю: вот ты думаешь, что знаешь человека. А потом он тебя удивляет. Выкинет чего-нибудь эдакое, чего от него никак не ждешь, и ты вдруг начинаешь понимать, что совсем не разбираешься в людях. В людях вообще! Скажи ты мне еще пару месяцев назад, что отец бросит маму ради какой-то там фифы, я бы решила, ты чокнулась. Говорю тебе, люди — существа чертовски непостижимые. Даже те, кого мы любим.

— И ты перестала доверять Даниэлу.

— Особенно в том, что касается обета безбрачия.

— Я не о том. А о расследовании. Почему его нельзя посвящать в детали, которые касаются нас обоих.

— Он же не полицейский. И вникать в наши дела ему вовсе не обязательно.

— Он был у меня дома прошлой ночью. И надпись на двери его тоже касается.

— Ты имеешь в виду — «Я согрешила»?

Мауре в лицо ударила краска.

— Да, — только и сказала она.

Некоторое время они ехали молча, и единственное, что нарушало тишину, — шуршание колес по дороге и легкое шипение обогревателя в машине.

— Я уважала Брофи, ясно? — наконец заговорила Джейн. — Он много хорошего сделал для бостонской полиции. Когда на месте преступления требовался священник, он приезжал без всяких разговоров и в любое время дня и ночи. Да, он мне нравился.

— Тогда почему вдруг разонравился?

Джейн взглянула на нее.

— Дело в том, что и ты мне нравишься.

— Ну да, а по тебе этого не скажешь.

— Неужели? Видишь ли, когда ты вытворяешь что-то неожиданное, как сейчас, саморазрушительное, это заставляет меня мучиться сомнениями.

— Какими?

— Действительно ли хорошо я знаю тебя.

В девятом часу они наконец въехали на стоянку больницы Лурдской Богоматери в Бингхэмтоне. Маура была не расположена болтать попусту; выйдя из машины, она почувствовала, что после долгой поездки у нее онемели все мышцы. Перед тем они сделали всего лишь одну короткую остановку — перекусить в «Макдональдсе». И сейчас из-за лихой манеры Джейн водить машину, после наспех проглоченной еды, но, главным образом, из-за возникшей между ними напряженности ее слегка мутило; что до напряженности, их взаимоотношения и правда вдруг до того обострились, что казалось, еще чуть-чуть — и ниточка оборвется. «Она не вправе меня судить», — думала Маура, пока они брели по тропинке между сугробами. Джейн замужем, счастлива да еще демонстрирует тут свое долбаное нравственное превосходство. Откуда ей знать, как живет Мауре, как вечера напролет сидит она одна-одинешенька в пустом доме и смотрит старые фильмы или бренчит на пианино? Между ними вдруг разверзлась такая широкая пропасть, что ее края уже никаким мостом было не соединить. «И что общего может быть у меня с этой тупой бескомпромиссной сучкой? Да ничего!»

В больницу они прошли через автоматические двери пункта первой помощи, впустив за собой порыв холодного воздуха. Джейн, направившись напрямик к окошку справочной, позвала:

— Ау! Могу я кое-что узнать?

— Вы детектив Риццоли? — послышался у них за спиной чей-то голос.

Они не заметили человека, который сидел в приемном покое совершенно один. И вот он встал: это был мужчина с бледным лицом, в твидовой куртке поверх темно-зеленого свитера. «Явно не полицейский», — подумала Маура, обратив внимание на его косматую голову, и мужчина тут же подтвердил ее догадку.

— Я доктор Кибби, — отрекомендовался он. — Решил вас подождать, чтобы вам не пришлось самим искать дорогу в морг.

— Спасибо за заботу, — поблагодарила его Джейн. — А это доктор Айлз, из судебно-медицинской службы.

Маура пожала ему руку.

— Вскрытие производили?

— Нет еще. Я не патологоанатом — всего-навсего скромный терапевт. В округе Ченанго нас четверо коронеров, работаем посменно. Я только

предварительно устанавливаю причину смерти и решаю, нужно ли производить вскрытие трупа. Само же вскрытие будут делать, наверно, завтра, если судмедэксперт округа Онондага сможет приехать сюда из Сиракьюза.

— У вас в округе наверняка есть собственный патологоанатом.

— Да, но в данном конкретном случае... — Кибби покачал головой. — К сожалению, мы понимаем, это убийство может наделать много шума. Привлечь всеобщее внимание. К тому же в один прекрасный день дело может закончиться громким уголовным процессом; вот наш патологоанатом и решил пригласить еще одного судмедэксперта. Чтобы избежать вопросов по поводу их заключений. Так оно, знаете ли, вернее. — Он снял с кресла пальто. — Лифт там.

— А где детектив Джуревич? — поинтересовалась Джейн. — Я думала, он нас встретит.

— К сожалению, Джо вызвали по делам, и он недавно уехал, так что сегодня вы вряд ли с ним повидаетесь. Он обещал встретиться с вами утром, возле того дома. Просто позвоните ему завтра. — Кибби вздохнул. — Ну, готовы?

— Неужели все так скверно?

— Скажем так — надеюсь больше никогда такого не увидеть.

Они прошли через коридор к лифту, и Кибби нажал на кнопку.

— Нетрудно догадаться, что спустя две недели она в плохом состоянии, — предположила Джейн.

— На самом деле следов разложения почти нет. Дом-то заброшенный. Ни отопления, ни электричества. Внутри, наверно, около нуля градусов. Как в холодильном шкафу для хранения мяса.

— Как она туда попала?

— Понятия не имеем. Никаких следов взлома — выходит, у нее был ключ. А может, у убийцы.

Двери лифта открылись, и они вошли в кабину — Кибби оказался между двумя женщинами. Как буфер между Маурой и Джейн, которые так и не обменялись ни словом, с тех пор как вышли из машины.

— Кому принадлежит заброшенный дом? — спросила Джейн.

— Одной женщине, которая сейчас живет не здесь. Она унаследовала его от родителей и вот уже несколько лет пытается продать. Связаться с ней не удалось. Даже агент по продаже недвижимости не в курсе, где она может быть.

Они вышли из лифта в цокольном этаже. Кибби сначала провел их по коридору, а потом — через дверь приемной морга.

— А, это вы, доктор Кибби! — Светловолосая девушка в форменной больничной одежде, отложив в сторонку любовный роман в мягкой обложке, который перед тем читала, встала и подошла поздороваться. — А я уж думала, вы больше не придете.

— Спасибо, что дождалась, Линдси. Эти две дамы... я тебе о них говорил... из Бостона. Детектив Риццоли и доктор Айлз.

— Вы ехали так долго только ради того, чтобы взглянуть на нашу девочку? Я сейчас вывезу ее. — Она прошла через двойные двери в секционную и нажала на кнопку настенного выключателя. Над столом вспыхнули лампы дневного света. — Доктор Кибби, мне правда надо скоро уходить. Может, вы потом сами, вместо меня, закатите ее обратно в холодильник и все тут закроете? Просто захлопните за собой дверь в коридор, когда будете уходить.

— Хочешь успеть на окончание игры? — поинтересовался Кибби.

— Если не приду, Иэн перестанет со мной разговаривать.

— А Иэн умеет разговаривать?

Линдси закатила глаза.

— Доктор Кибби! Ну, пожалуйста!

— Говорю тебе, позвони моему племяннику. Он учится на подготовительных курсах при медицинском колледже в Корнелле. Не то, гляди, поздно будет — еще подцепит его какая-нибудь бойкая девица.

Линдси прыснула и открыла дверь холодильника.

— Да уж, будто бы я хочу замуж за врача.

— Ты меня сильно обидела.

— Я хотела сказать, мне нужен парень, который всегда бы приходил ужинать домой. — Она потянула на себя каталку и вытащила ее из холодильника. — Хотите, переложим на стол?

— И так сойдет. Резать мы не будем.

— Дайте-ка еще раз проверю, ту ли я достала. — Линдси глянула на бирку, прикрепленную к лежавшему на каталке мешку, взялась за застежку молнии. И без тени колебания или смущения расстегнула мешок, обнажив лицо жертвы. — Ага, та самая, — сказала она и, выпрямившись, откинула назад свои светлые волосы, обнажив уже собственное цветущее молодое личико. Как же не похоже было оно на безжизненный лик с высохшими глазами, глядевшими из отверстия в мешке.

— Дальше мы сами управимся, Линдси, — сказал доктор Кибби.

Девушка помахала рукой.

— Не забудьте как следует захлопнуть дверь, — весело сказала она и ушла, оставив за собой запах духов, казавшийся здесь совершенно

неуместным.

Маура надела резиновые перчатки, взяв их из коробки на вспомогательном столике, вернулась к каталке и расстегнула мешок до конца. Когда полы его раздвинулись, никто не проронил ни слова. При виде того, что лежало на каталке, они словно онемели.

При температуре четыре градуса по Цельсию рост бактерий прекращается и разложение приостанавливается. Хотя прошло уже по меньшей мере две недели, благодаря холоду, стоявшему в заброшенном доме, мягкие ткани тела жертвы не пострадали, и ментоловая мазь, заглушающая неприятные запахи, оказалась ни к чему. Однако в ярком свете ламп им открылась картина пострашнее гнилостного разложения. На горле жертвы зияла глубокая ножевая рана, трахея тоже была перерезана — до самых шейных позвонков. Но взгляд Мауры привлекли даже не эти роковые последствия удара лезвием, а обнаженное туловище. Многочисленные кресты на груди и животе жертвы. Священные символы, вырезанные на человеческой коже, точно на пергаменте. В разрезах запеклась кровь, ее застывшие струйки виднелись повсюду: они тянулись кирпично-красными линиями от краев неглубоких разрезов к бокам и спускались по обеим сторонам туловища.

Маура перевела взгляд на прижатую к левому боку руку жертвы. И увидела кольцообразные синяки, подобные жутким браслетам вокруг запястья. Она подняла глаза и встретила взгляд Джейн. И в этот короткий миг злость друг на друга у них обеих разом прошла: ее затмила воображаемая картина последних мгновений жизни Сары Пармли.

— Он сотворил это с нею, когда она была еще жива, — проговорила Маура.

— Все эти порезы... — Джейн сглотнула. — На такое, должно быть, ушел не один час.

— Когда мы ее нашли, у нее вокруг целого запястья и обеих лодыжек была затянута нейлоновая веревка, — пояснил Кибби. — А концы ее привязаны к гвоздям, вбитым в пол, так что бедняжке было не пошевелинуться.

— Он не сделал такое даже с Лори-Энн Такер, — заметила Маура.

— С той, которую убили в Бостоне?

— Ее расчленили. Но не пытали. — Маура обошла вокруг каталки и, подойдя к телу с левой стороны, взглянула на культю запястья.

Рассеченная плоть ссохлась, потемнела и затвердела, мягкие ткани сморщились, и сквозь них проглядывала разрезанная кость.

— Возможно, он что-нибудь хотел от нее, — предположила Джейн. —

Поэтому, должно быть, и пытал.

— Думаете, допрос? — изумился Кибби.

— А может, наказание, — сказала Маура, глядя на лицо жертвы.

Она вспомнила слова, нацарапанные на ее собственной двери. И на стене в спальне Лори-Энн Такер. «Я согрешила».

«И это расплата?»

— Это не случайные разрезы, — заметила Джейн. — А кресты. Религиозные символы.

— Он нарисовал их и на стенах, — сообщил Кибби.

Маура посмотрела на него.

— На стенах еще что-нибудь было? Другие знаки?

— Ну да. Полно всякой чудной дребедени. Меня бросило в дрожь, скажу я вам, стоило только переступить порог. Джо Джуревич сам вам все покажет, когда пойдете с ним туда. — Он глянул на тело. — Уже по всему этому можно сказать, что вас ждет там. И так понятно, что мы имеем дело с помешанным.

Маура закрыла мешок, застегнув молнию над запавшими глазами жертвы, над роговицами, подернутыми пеленой смерти. Вскрытие предстояло делать не ей, но она не нуждалась ни в скальпеле, ни в зонде, чтобы понять, как умерла бедняга: ответ был вырезан на теле жертвы, и она это увидела.

Они задвинули каталку обратно в холодильник и сняли перчатки.

Моя руки над раковиной, Кибби сказал:

— Десять лет назад, когда я перебрался в округ Ченанго, думал, это и правда благословенное местечко. Кругом чистый воздух, холмы. Люди всегда приветливо машут руками, угощают пирогами, когда приходишь к ним с визитом на дом. — Он вздохнул и выключил воду. — Но от этого никуда не денешься, разве нет? Большой город или маленький — везде и всюду мужья убивают жен, а молодняк колотит друг дружку да хапает все подряд. Но я и подумать не мог, что когда-нибудь увижу проделки психопата. — Он оторвал бумажную салфетку и вытер руки. — Только не в таком захолустье, как Пьюрити. Вот сами увидите, тогда и поймете.

— Это далеко отсюда?

— Часа полтора, может, два. Зависит от того, готовы ли вы рисковать жизнью и ехать на большой скорости по проселкам.

— Тогда лучше поспешить, — сказала Джейн, — если мы хотим найти там еще и мотель.

— Мотель? — Кибби усмехнулся. — Лично я на вашем месте остановился бы в Норвиче. А в Пьюрити вы вряд ли что найдете.

— Неужели он такой маленький?
Кибби выбросил салфетку в мусорный бак.
— Маленький.

Стены в мотеле были тонкие, словно картонные. Лежа в постели, Маура слышала, как в соседнем номере Джейн разговаривает по телефону. «Как, должно быть, приятно вот так позвонить мужу и вместе громко смеяться. Или обниматься и целоваться на людях, не оглядываясь ни на кого, кто мог бы узнать и осудить». Ее разговор с Даниэлом был кратким и будто краденым. В трубке слышались посторонние голоса: он был в помещении не один — его слышали другие люди, и голос у него был довольно сдержанный. И она недоумевала: неужели между ними теперь так будет всегда? Их скрытая личная жизнь и та жизнь, которую они ведут на глазах у людей, будут всегда оторваны друг от друга и никогда не пересекутся? Это и есть расплата за грех. Не адский огонь и проклятие, а разбитое сердце.

Меж тем в соседнем номере Джейн закончила болтать по телефону. Спустя некоторое время у нее заработал телевизор, а вслед за тем Маура услышала шум воды в душе. Их разделяла всего лишь тонкая стенка, однако преграда, вдруг выросшая между ними, была крепче любого дерева и гипса. По приезде в Бингхэмтон они почти не разговаривали, и сейчас даже звук работавшего у Джейн телевизора действовал Мауре на нервы. Она спрятала голову под подушку, чтобы не слышать никакого шума, но от голоса совести, звучащего у нее в голове, ей было не спрятаться. И даже когда в номере у Джейн все наконец стихло, Маура лежала с открытыми глазами и считала минуты, потом часы...

Еще не было семи, когда она в конце концов выбралась из постели, измученная бессонной ночью, и выглянула в окно. Небо показалось ей уныло-серым и пугающе тяжелым. Всю ночь валил снег, и машины на стоянке будто оделись в белые чехлы. «Хочу домой, — подумала она. — К черту мерзавца, исписавшего мне дверь — хочу в свою уютную постель, на свою уютную кухню». Но впереди ее ждал мучительно долгий день — еще один день негодующе-укоризненного, упрямого молчания Джейн. «Ну и пусть, стиснем зубы и будем терпеть».

Ей пришлось выпить две чашки кофе, прежде чем она была готова к встрече с новым днем. Подкрепившись черствым сырником, любезно предлагавшимся в качестве местного утреннего завтрака, она взяла дорожную сумку и направилась к автостоянке, где в уже заведенной машине ее ждала Джейн.

— Джуревич ждет нас на месте, — сообщила Джейн.

— Знаешь, как туда добраться?

— Он объяснил. — Джейн хмуро взглянула на Мауру. — О-о, да ты выглядишь как выжатый лимон.

— Не выпалась.

— Матрас ужасный, да?

— И он тоже.

Маура пристроила сумку на заднем сиденье и захлопнула дверь со своей стороны. Некоторое время они сидели молча; их колени обдувало теплым воздухом обогревателя.

— Все дуешься, — сказала Джейн.

— Если честно, сейчас нет настроения болтать.

— Я же по-дружески. Когда вижу, что жизнь подруги летит под откос, считаю своим долгом сказать ей об этом.

— Я тебя услышала. — Маура пристегнула ремень безопасности. — Может, поедem уже?

Они выехали из Норвича и направились на северо-запад по скользкой дороге, припорошенной свежевыпавшим снегом. Густые тучи обещали очередной снегопад, да и виды в окне казались Мауре неприглядно унылыми. Датский сыр превратился в камень в ее желудке — она откинулась назад и закрыла глаза, чтобы ее не вырвало.

Очнувшись она некоторое время спустя и обнаружила, что они тащатся по разбитой, сплошь заснеженной дороге. По обе стороны к ней подступал густой темный лес, да и тучи, пока Маура дремала, стали еще мрачнее.

— Сколько еще до Пьюрити? — спросила она.

— Городишко уже проехали. Но ты ничего не потеряла.

— Ты точно знаешь, что это та дорога?

— Так он сказал.

— Джейн, по-моему, мы тут застрянем.

— У меня полноприводная машина, ясно? Ну а в случае чего вызовем тягач.

Маура достала сотовый.

— Сигнала нет. Прекрасно!

— Вот. Где-то здесь, похоже, есть поворот, — заметила Джейн, указывая на знак, сообщавший о продаже недвижимости, наполовину погребенный под снегом. — Дом ведь продается, помнишь? — Она дала полный газ, «Субару» слегка занесло, затем колеса выровнялись, и машина рванула в гору. Скоро деревья расступились, и на пригорке показался дом.

Джейн остановилась на подъездной аллее и оглядела грозоздившееся

перед ними трехэтажное строение в викторианском стиле.

— Ух ты, — пробормотала она, — какой домище-то!

На перилах широкого крыльца с навесом висела желтая лента полицейского ограждения, трепыхавшаяся на ветру. Хотя обшивочные доски явно нуждались в покраске, признаки заброшенности не портили общего впечатления о доме, который когда-то был очень красивым; и виды вокруг него открывались тоже замечательные. Джейн и Маура выбрались из машины и, подставив лица под обстрел снежинок, поднялись по ступенькам на крыльцо. Заглянув в окно, Маура с трудом разглядела задрапированную мебель и больше ничего: внутри было темно.

— Дверь заперта, — констатировала Джейн.

— Когда он собирался быть здесь?

— Четверть часа назад.

Маура выдохнула облачко пара.

— Ветер просто ледяной. Интересно, сколько еще придется ждать?

— Погоди, может, смогу поймать сигнал. — Джейн хмуро взглянула на свой сотовый телефон. — Один сегмент. Возможно, сработает.

— Пойду пока посижу в машине.

Маура спустилась по ступеням и уже было открыла дверь машины, как вдруг услышала голос Джейн:

— А вот и он.

Маура оглянулась и увидела, как по дороге к ним приближается красный джип «Чероки». А следом за ним — черный «Мерседес». «Чероки» остановился возле «Субару» Джейн, из него вышел мужчина, остриженный под ежик и одетый по погоде в короткую куртку-пуховик и башмаки на толстой подошве. Когда он протянул Мауре руку в перчатке, она обратила внимание на его серьезное лицо и холодные серые глаза.

— Детектив Риццоли? — осведомился он.

— Нет, я доктор Айлз. А вы, должно быть, детектив Джуревич.

Он кивнул, и они пожали друг другу руки.

— Я из департамента шерифа округа Ченанго. — Он взглянул на Джейн, спускавшуюся ему навстречу по ступеням веранды. — Это вы Риццоли?

— Да. Мы приехали несколько минут... — Джейн вдруг осеклась, устремив взгляд на черный «Мерседес». И на вышедшего из него человека. — А ему-то какого черта здесь надо?

— Он предупреждал, что вы так скажете, — заметил Джуревич.

Энтони Сансоне направился прямо к ним — полы его черного пальто развевались на ветру. Он коротко кивнул Джейн в знак приветствия, однако

по ее виду можно было судить, что его присутствие здесь вовсе не желательно. Затем он перевел взгляд на Мауру.

— Тело уже видели?

Она кивнула.

— Вчера вечером.

— Думаете, мы имеем дело с тем же убийцей?

— Что значит «мы»? — резко вмешалась Джейн. — Не знала, что вы служите в правоохранительных органах, господин Сансоне.

Он посмотрел на нее как ни в чем не бывало.

— Я не собираюсь вам мешать.

— Это место преступления. И вам нельзя здесь находиться.

— Полагаю, округ Ченанго не входит в вашу юрисдикцию. Главный здесь детектив Джуревич.

Джейн посмотрела на Джуревича.

— Это вы ему разрешили?

Джуревич пожал плечами.

— Наши криминалисты тут уже поработали. Так что он вполне может составить нам компанию.

— Значит, у нас тут что-то вроде экскурсии.

— Вопрос решен в департаменте шерифа, по особому запросу.

Джуревич взглянул на Сансоне, хранившего полное спокойствие.

— Мы только зря теряем время, — заметил Сансоне. — Думаю, нам всем хотелось бы поскорее укрыться от ветра.

— Детектив! — обратилась к Джуревичу Джейн.

— Если у вас есть возражения, — сказал Джуревич, явно недовольный тем, что оказался меж двух огней, — можете обратиться в министерство юстиции. А теперь, с вашего позволения, давайте пройдем в дом, пока мы все тут не окоченели.

И он поднялся по ступеням на крыльцо, Сансоне — за ним.

Джейн направилась следом. Ворча себе под нос:

— Интересно, кто же ему покровительствует?

— Спроси об этом лучше его самого, — сказала Маура и направилась вверх по лестнице.

Джуревич уже отпер входную дверь, и Маура прошла в дом следом за мужчинами. Внутри, как ей показалось, было лишь немного теплее, чем снаружи, зато здесь, по крайней мере, они могли укрыться от ветра. Джейн вошла вслед за нею и закрыла за собой дверь. После сверкающего снега глазам Мауры пришлось некоторое время привыкать к царившему в доме сумраку. Заглянув через дверной проем в переднюю, она разглядела

задрапированную мебель и тускло отсвечивающий деревянный пол. Через окна в комнату проникал бледный зимний свет, наполняя ее серыми тенями.

Джуревич указал на подножие лестницы.

— Так не видно, но с помощью люминола на ступеньках и в прихожей удалось разглядеть пятна крови — их тут хоть отбавляй. Похоже, перед уходом он прибрал за собой, поэтому следы обуви практически неразличимы.

— Вы весь дом обошли с люминолом? — поинтересовалась Джейн.

— С люминолом, ультрафиолетовым спектрометром и попеременным освещением. Все комнаты обследовали. Там, за той дверью, кухня со столовой. А за гостиной — кабинет. Кроме размытых следов обуви в прихожей, на первом этаже нет больше ничего интересного. — Он посмотрел на лестницу. — Все произошло наверху.

— Вы говорили, дом пустовал, — заметил Сансоне. — И как же убийца сюда проник? Следы взлома были?

— Нет, сэр. Окна были закрыты наглухо. И та женщина, агент по продаже недвижимости, божится, что и входные двери всегда запирает за собой, когда уходит.

— У кого есть ключ?

— У нее, понятно. Потом, она уверяет, что всегда хранит его у себя в кабинете.

— Замок старый?

— Да бог его знает. Может, лет двадцать назад врезали.

— Полагаю, у хозяйки тоже ключ имеется.

— Она не была в Пьюрити уже несколько лет. Слыхал, живет теперь где-то в Европе. А связаться с ней нет возможности. — Джуревич кивнул на задрапированную мебель. — Все покрыто слоем пыли в палец толщиной. Сами поглядите, здесь давненько никто не живет. Жаль, конечно. Дом-то крепкий, еще лет сто простоит, и надо же, пустует. Смотритель заглядывает сюда раз в месяц проверить, все ли в порядке. Он-то и нашел тело. Заметил на подъездной аллее машину, которую Сара Пармли взяла напрокат, а после увидел, что входная дверь открыта.

— Смотрителя проверяли? — спросила Джейн.

— Он вне подозрений.

— Почему же?

— Ну, во-первых, ему семьдесят один год. Во-вторых, он только три недели как из больницы. После операции на предстательной железе. — Джуревич посмотрел на Сансоне. — Вот что ждет нас, мужчин.

— Итак, у нас несколько вопросов, на которые нет ответов, — подытожил Сансоне. — Кто открыл входную дверь? И прежде всего — зачем сюда приезжала жертва?

— Дом ведь продается, — заметила Маура. — Так, может, она увидела объявление. И заехала из любопытства.

— Послушайте, все это догадки, — возразил Джуревич. — Мы уже сто раз это обсуждали, но так и не выяснили, зачем ее сюда занесло.

— Расскажите подробнее о Саре Пармли, — попросил Сансоне.

— Она выросла в Пьюрити. Здесь же закончила школу. Но, как и большинство ее сверстников, ничего путного для себя в смысле работы тут не нашла, вот и перебралась в Калифорнию. А сюда приехала только из-за смерти своей тетки.

— От чего та умерла?

— А, несчастный случай. Упала с лестницы и свернула себе шею. Так что Сара прилетала на похороны. Остановилась в мотеле, за городом, и съехала оттуда в тот же день, после похорон. Тогда же ее последний раз и видели. А потом смотритель наткнулся на ее машину в субботу. — Детектив глянул на лестницу. — Сейчас покажу ту комнату.

И Джуревич двинулся по лестнице вверх. Но на полпути остановился и указал на стену.

— Это мы заметили раньше всего остального, — сказал он. — Крест, вот здесь. Такие же знаки он вырезал у нее на теле. Нарисовано вроде как красным мелом.

Маура присмотрелась к знаку, и у нее тут же похолодели пальцы, хотя руки были в перчатках.

— Перевернутый крест.

— Там, наверху, есть еще, — сообщил Джуревич. — Видимо-невидимо.

Поднимаясь на лестничную площадку второго этажа, они видели на стене все новые и новые кресты. Сначала их было немного. А дальше их число увеличивалось — словно толпища злобных паразитов. И чем ближе к дверному проему, тем больше их было.

— Дальше и того хлеще, — предупредил Джуревич.

Услышав его слова, Маура замешкалась перед входом в комнату. Она не решалась войти даже после того, как все уже прошли в дверь, и так и стояла на пороге, собираясь с духом в предчувствии того, что ожидало в комнате.

Наконец она переступила порог — и оказалась в камере пыток.

Нет, внимание ее привлекла не огромная высохшая лужа крови на полу

— а отпечатки рук на всех стенах, словно целый сонм заблудших душ оставил свои кровавые следы, проходя по этой комнате.

— Все отпечатки от одной руки, — уточнил Джуревич. — Одна ладонь, один рисунок. Не думаю, что наш убийца был настолько глуп, чтобы самому наследить. — Он взглянул на Джейн. — Держу пари, все это он проделал кистью руки Сары Пармли. Той самой, что нашлась там у вас на месте преступления.

— Господи, — проговорила Джейн. — Он использовал ее руку вместо штампея.

«А кровь — вместо чернил», — подумала Маура, осматривая стены комнаты. Сколько же времени провел он в этой комнате, макая кисть руки в лужу крови и прикладывая ее к стене, точно ребенок — игрушечный штампик? Тут она обратила взгляд на одну из стен — на надпись, заляпанную отпечатками окровавленной руки. Она подошла ближе, приглядываясь к словам, тянувшимся по всей стене. Написаны они были по-латыни — три слова, повторявшиеся снова и снова. Маура читала их, обводя глазами всю комнату: они складывались в одну непрерывную линию, пролежавшую даже через углы, как змея, сомкнувшаяся в плотное кольцо вокруг них.

Abyssus abyssum invocat abyssus abyssum invocat abyssus
abyssum invocat...

До Мауры вдруг дошел их смысл, и она отпрянула, почувствовав, как ее до мозга костей пронзило холодом.

— Бездна взывает к бездне, — пробормотал Сансоне.

Она даже не заметила, как он подошел сзади и встал у нее за спиной.

— Это и есть значение надписи? — спросила Джейн.

— В буквальном смысле — да. Но у них есть и другой смысл.

— «Бездна взывает к бездне» — звучит довольно зловеще.

— Выражению «abyssus abyssum invocat» по меньшей мере тысяча лет. И, кроме того, оно означает — «одно злодейство влечет за собой другое».

Маура снова пригляделась к зловеющим словам.

— Он предупреждает нас, что это только начало. Что он только начал.

— А эти кресты... — Сансоне указал на целое скопище знаков на одной из стен, такое войско, готовое к атаке... — они все как один перевернуты. Это издевательство над верой Христовой. Надругательство над церковью.

— Да. Нам сказали, что это сатанинский символ, — сказал Джуревич.

— Сначала он начертал слова и кресты, — заметила Маура, осматривая ручейки крови на стене, кое-где смазавшие надпись на латыни. Приглядевшись к дугообразным слезам кровавых капель, она определила, что это брызги артериальной крови. — Перед тем как ее убить — перерезать ей горло, он потратил некоторое время на украшение стен.

— Вопрос в том, — сказал Джуревич, — когда он написал эти слова: когда она лежала тут и ждала смерти? Или подготовил комнату загодя, еще до того, как жертва попала в этот дом?

— А потом заманил ее сюда?

— Вот явные доказательства того, что он все подготовил заранее. — Джуревич указал на деревянный пол, где виднелась застывшая лужа запекшейся крови. — Видите гвозди? Он заявился сюда с молотком и нейлоновой веревкой. Обездвижил он ее так. Затянул веревку на запястьях и коленях. А концы прикрепил к вбитым в пол гвоздям. После того как он связал жертву по рукам и ногам, торопиться ему было некуда.

Маура вспомнила, что было вырезано на теле Сары Пармли. И еще раз посмотрела на точно такие же знаки, выведенные на стенах красной охрой. Перевернутое распятие. Крест Люцифера.

— Но как ему удалось заманить ее в дом? — спросил Сансоне. — Что могло заставить ее приехать сюда?

— Мы выяснили, что ей в мотель звонили, — ответил Джуревич. — В тот самый день, когда она выезжала. Портье переключил звонок на телефон в ее номере.

— Раньше вы об этом не упоминали, — заметила Джейн.

— Потому что, возможно, это не так уж важно. Я имею в виду — Сара Пармли ведь выросла в этом городе. И наверняка знала многих местных. Вот кто-то из них и позвонил ей после теткиных похорон.

— Звонок был местный?

— Нет, с автомата на автозаправке в Бингхэмтоне.

— Это же в нескольких часах езды отсюда.

— Точно. И это одна из причин, почему мы решили, что звонил не убийца.

— А есть еще и другая?

— Да. Звонила женщина.

— Портье точно не ошибается? Это же было две недели назад.

— Совершенно точно. Мы опрашивали ее не раз.

— Зло не имеет пола, — проговорил Сансоне.

— Но какова вероятность, что все это и правда женских рук дело? — предположила Джейн, указывая на стену. На кровавые отпечатки ладони.

— Я не стал бы сразу же отбрасывать такую возможность, — возразил Сансоне. — Тем более что четкими отпечатками ног мы здесь не располагаем.

— Я ничего не отбрасываю. А всего лишь предполагаю.

— Вот именно. Это только предположения.

— А сколько убийц вы лично поймали? — парировала Джейн.

Сансоне взглянул на нее с олимпийским спокойствием.

— Думаю, мой ответ удивил бы вас, детектив.

— Убийца наверняка провел здесь, в доме, не один час, — заключила Маура, обращаясь к Джуревичу. — И после него должны были остаться волосы, волокна ткани от одежды.

— Наши криминалисты обошли все комнаты с излучателями.

— Вряд ли они ничего не нашли.

— Да нет, они много чего обнаружили. Дом старый, и за последние семьдесят лет он использовался и в хвост и в гриву. Мы собрали волосы и волокна по всем комнатам. И нашли кое-что интересное. Пойдемте покажу остальные помещения.

Они снова вышли в коридор, и Джуревич указал на другую дверь.

— Еще одна спальня. Там сплошная пыль, несколько волосков кошачьей шерсти, и больше ничего такого. — Он двинулся дальше по коридору, миновал вторую спальню и ванную, которая была отделана черно-белой плиткой, указывая на каждое помещение взмахом руки. Наконец они подошли к последней двери. — Вот, — сказал он. — Очень интересная комната.

Маура уловила в его голосе зловещую нотку, но, войдя в спальню, не заметила ничего страшного: самая обычная комната, разве что без мебели и с голыми стенами. Деревянный пол здесь выглядел поновее, чем в других помещениях: судя по всему, его не так давно перестилали. Два незашторенных окна выходили на лесистый склон холма, спускавшийся к заледенелому озеру.

— И что же здесь такого интересного? — спросила Джейн.

— Самое интересное мы обнаружили на полу.

— Да я тут ничего не вижу.

— Проступает, только если опрыскать люминолом. Говорю же, наши криминалисты осмотрели весь дом, пытаясь отыскать, где еще убийца мог наследить кровью. Оставил ли он незаметные для нас следы в других комнатах. Так вот, мы обнаружили отпечатки его ног в коридоре, на лестнице, в прихожей — и невооруженным глазом они не видны. Ведь, как мы установили, перед тем как покинуть дом, он, должно быть, постарался

их смыть. Но кровь ведь не спрячешь. Стоит побрызгать люминолом, и она тут же засветится. — Джуревич посмотрел на пол. — Ну а здесь они проступили чертовски отчетливо.

— Отпечатки ног? — уточнила Джейн.

— Не только. Такое впечатление, что через эту комнату прокатилась волна крови и разбилась о стену. Кровь видна в щелях между половицами, она впиталась в грунтовку пола. А вот эта стена сплошь в подтеках, как будто ее пытались отмыть от крови. Но все без толку. И хоть сейчас крови не видно, она здесь повсюду. Верно говорю, мы стояли тут, посреди этой проклятой комнаты, а вокруг нас все сверкало, мы просто в ужасе были. А когда включили свет, все разом померкло — сделалось невидимым, как сейчас. Вообще. Никаких следов крови, если смотреть невооруженным глазом.

Сансоне обвел взглядом стены, словно силясь разглядеть жуткие следы смерти. Затем перевел взгляд на пол — половицы выглядели совершенно гладкими.

— Кровь, должно быть, несвежая, — проговорил он. — В этом доме случилась еще какая-то беда.

Маура вспомнила торчавший из сугроба, у подножия холма, столб с табличкой «Продается». Вспомнила наружную обшивку дома, облупившуюся краску. Отчего же такой милый с виду домик уже столько лет стоит заброшенный?

— Так вот почему никто не хочет его покупать, — догадалась она.

Джуревич кивнул.

— Это случилось лет двенадцать назад, незадолго до того, как я сюда перебрался. А узнал я все только со слов агента по продаже недвижимости. Хотя история эта была ей совсем не на руку — ведь дом был выставлен на продажу — она все равно всплывала на поверхность. Небольшая деталь, о которой было бы интересно узнать любому потенциальному покупателю. И, скорее всего, это заставляло их отказываться от намерения купить дом.

Маура посмотрела на пол. На швы и щели, залитые невидимой кровью.

— Кто же здесь умер?

— В этой комнате произошло самоубийство. Но, если вспомнить обо всем, что произошло в этом доме, он покажется проклятым.

— Разве тут еще кто-то умер?

Джуревич кивнул.

— Тогда здесь жила одна семья. Врач с женой, сыном и дочерью. Был еще и племянник — приезжал к ним на лето. По словам местных, Соулы

были хорошими людьми. Дружная семья, полно друзей.

«А на самом деле ничего подобного, — подумала Маура. — Так оно всегда и бывает».

— Сначала погиб их одиннадцатилетний сынишка. Ужасная была трагедия. Мальчонка пошел на озеро удить рыбу и не вернулся. Все думали — упал в воду, испугался... Тело нашли на другой день. С тех пор беды посыпались на семью одна за другой. Через неделю мать упала с лестницы и сломала шею. Она вроде как принимала успокоительные, и родные решили — оступилась.

— Любопытное совпадение, — проговорил Сансоне.

— Что?

— Ведь точно так же погибла и тетка Сары Пармли? Упала с лестницы и свернула себе шею.

Джуревич задумался.

— Ну да. А я и не подумал. Но это просто совпадение, так?

— Вы ничего не рассказали о самоубийстве, — напомнила Джейн.

Джуревич кивнул.

— Это произошло с мужем. Только представьте, каково ему пришлось. Сначала тонет сын. Потом жена падает с лестницы. В общем, через пару дней он взял пистолет, забрался в ванну и выстрелил себе в голову. — Джуревич посмотрел на пол. — Это его кровь на полу. Только подумать! Жила-была семья — и вдруг за несколько недель почти вся сгинула.

— А с дочерью что стало? — спросила Джейн.

— Перебралась жить к подругам. Через год закончила школу и уехала отсюда.

— Она и есть та самая хозяйка дома?

— Ну да. И он по-прежнему значится за нею. Все эти годы она пыталась избавиться от него. Агент говорит, приезжало тут несколько человек поглядеть, но стоило им услышать о том, что здесь стряслось, как их словно ветром сдувало. А вы-то сами согласились бы жить в таком доме? Лично я — ни за какие деньги. И впрямь гиблое место. Это чувствуешь сразу, как толькоходишь в парадную дверь.

Маура оглядела стены комнаты и содрогнулась.

— Если и есть дома с привидениями, то этот уж точно.

— *Abyssus abyssum invocat*, — спокойно проговорил Сансоне. — Теперь это обретает уже другой смысл.

Все разом посмотрели на него.

— Что? — переспросил Джуревич.

— Вот почему он выбрал для убийства именно это место. Он знал

историю дома. Знал, что здесь случилось, и его тянуло сюда. Можете называть это входом в другое измерение. Или в пучину. На свете действительно есть темные места, нечистые, которые обычно называют проклятыми.

Джейн тревожно усмехнулась.

— Вы и в самом деле в это верите?

— Неважно, во что я верю. Но если в это верит убийца, значит, он выбрал этот дом потому, что тот вызвал к нему. Бездна вызывает к бездне.

— О боже! — воскликнул Джуревич. — У меня от ваших слов прямо мурашки по коже. — Он оглядел голые стены вокруг и вздрогнул, словно от них повеяло холодом. — Знаете, что я вам скажу? Надо бы сжечь этот дом. Спалить дотла. Ведь ни один человек в здравом уме ни за что не решится его купить.

— Вы говорили, здесь жила семья врача, — напомнила Джейн.

— Ну да. Соулы.

— И у них еще был племянник — гостил тем летом.

Джуревич кивнул.

— Пятнадцатилетний паренек.

— А с мальчиком что случилось? После всех тех трагедий?

— Агент говорит, вскоре после этого паренек уехал из Пьюрити. За ним приехала мать.

— Еще что-нибудь знаете о нем?

— Не забывайте, дело было двенадцать лет назад. Никто толком его и не знал. Да и жил он здесь только одно лето. — Джуревич смолк. — Знаю, о чем вы думаете. Сейчас тому пареньку двадцать семь лет. И уж он-то точно в курсе всего, что здесь произошло.

— У него ведь тоже может быть ключ от входной двери, — предположила Джейн. — Как бы разузнать о нем побольше?

— Кажется, он ее двоюродный брат. Ну, той женщины, хозяйки дома Лили Соул.

— А как ее найти, вы не знаете.

— Агент пробовала.

— Хотелось бы посмотреть полицейские отчеты по семье Соул, — проговорила Джейн. — Надеюсь, следственные действия в связи с их смертью проводились.

— Я позвоню в отдел, пусть снимут для вас копии всех бумаг. На обратном пути и заберете. Вы же собираетесь обратно в Бостон сегодня вечером?

— Да, сразу после обеда.

— Тогда я постараюсь все подготовить к вашему отъезду. А пока, если хотите, можно проехать в кафе «Роксанна». Там подают чудесные сандвичи с индейкой. Это прямо напротив нашей конторы, на другой стороне улицы.

— Вам хватит времени, чтобы сделать копии со всех документов?

— Да их не так уж много — протоколы вскрытия да полицейские отчеты. Во всех трех случаях вид и причина смерти совершенно очевидны.

Сансоне постоял у окна, глядя наружу. И вдруг обратился к Джуревичу:

— А как называется ваша местная газета?

— Почти все, что происходит в округе Ченанго, освещает «Ивнинг сан». Редакция у них в Норвиче. — Джуревич глянул на часы. — А здесь и вправду больше нечего смотреть.

Выйдя из дома, они еще некоторое время постояли на пронизывающем ветру, ожидая, когда Джуревич закроет на ключ входную дверь и, сопровождая процесс сильным грохотом, проверит, насколько крепко она заперта.

— Если еще что разузнаем, — обратился он к Джейн, — я вам позвоню. Только, я думаю, поймаете убийцу именно вы. — Он застегнул куртку на молнию и натянул перчатки. — Ведь сейчас он играет на вашем поле.

— Надо же, явился в своей крутой машине и сразу же попал на место преступления! — возмущалась Джейн, размахивая перед носом у Мауры ломтиком картошки фри. — С какой еще стати? Интересно, с кем из шишек в министерстве юстиции связан Сансоне? Даже Габриэль не смог выяснить.

— Неспроста они ему доверяют.

— Ну да. — Джейн засунула ломтик картошки в рот и тут же взяла следующий — как видно, от волнения у нее разгулялся аппетит. За считанные минуты от ее огромного сэндвича остались только крошки булочки да два-три ломтика грудинки, и теперь она усердно водила остатками картошки по луже кетчупа. — Доверяют какому-то миллионеру, сыщику-любителю?

— Мультимиллионеру.

— Он что, возомнил себя Брюсом Уэйном?^[19] Или тем лихим малым из старого телесериала. Про богача полицейского. Моя мама его смотрела.

— Ты имеешь в виду «Закон Берка»?^[20]

— Ну да. А ты много знаешь богачей полицейских?

Маура вздохнула и взяла чашку с чаем.

— Ни одного.

— То-то и оно. Все это выдумки. Какой-то изнывающий от скуки проныра при деньгах решает позабавиться — поиграть в Грязного Гарри,^[21] вот только заниматься мелкой грязной работой ему совсем не по душе. Скажем, патрулировать окрестности или кропать отчеты о происшествиях. Зато разъезжать на «Мерседесе» и учить нас, дурачков, уму-разуму — это пожалуйста. Думаешь, мне раньше не приходилось общаться с такими умниками, как он? Многие считают, что дадут сто очков вперед полицейским.

— Не думаю, Джейн, что он простой любитель. И, по-моему, прислушаться к нему стоит.

— Ну да. Бывший преподаватель истории. — Джейн допила свой кофе и, обернувшись, стала высматривать официантку в переполненном кафе. — Эй, мисс! Еще кофе, пожалуйста... — Она вдруг смолкла. И тут же сказала Мауре: — Ты погляди, кто пришел.

— Кто?

— Наш общий друг.

Маура повернулась к двери и бросила взгляд на дальний конец стойки,

у которой теснились мужчины в бейсболках, жадно поглощавшие кофе и гамбургеры. И заметила Сансоне, а он в тот же миг увидел ее. Когда он шел через зал, к нему повернулась целая дюжина голов: посетители не могли не обратить внимание на видного седоволосого мужчину, протискивающегося мимо к столику, где сидела Маура.

— Рад, что застал вас, — сказал он. — Можно присесть?

— Мы уже уходим, — ответила Джейн и, тут же забыв про кофе, потянулась за кошельком.

— Это займет всего лишь минуту. Но, если угодно, могу переслать вам это по почте, детектив.

Маура взглянула на кипу бумаг у него в руках.

— Что это у вас?

— Кое-что из архива «Ивнинг сан». — И он положил бумаги перед нею на стол.

Маура слегка подвинулась в сторону, освобождая ему место за небольшим столом, и он уселся рядом. Оказавшись вблизи этого мужчины, который сразу же занял доминирующую позицию в их компании, она почувствовала себя загнанной в угол.

— Они ведут цифровые архивы только последние пять лет, — продолжал Сансоне. — Здесь фотокопии из обычных газетных подшивок, так что качество неважное. Но в них вся история.

Маура взглянула на верхнюю страницу. Это была копия первой полосы номера «Ивнинг сан» от 11 августа двенадцатилетней давности. Ее внимание тут же привлекла самая верхняя статья.

В ПЕЙСОНСКОМ ПРУДУ ВЫЛОВЛЕНО ТЕЛО МАЛЬЧИКА

На фотографии был изображен широко улыбающийся мальчонка с полосатой кошкой на руках. Подпись под фотографией гласила: «Тедди Соулу недавно исполнилось одиннадцать».

— Его сестра Лили была последней, кто видел его живым, — пояснил Сансоне. — Она же день спустя обнаружила в воде его тело. Как написано в статье, всех поразило одно обстоятельство — мальчик хорошо плавал. Но еще одна примечательная подробность.

Маура подняла на него глаза.

— Какая?

— Предположительно, он пошел на озеро порыбачить. Но его коробку для снастей вместе с удочкой нашли в добрых двух десятках метров от

берега.

Маура передала фотокопию Джейн и взглянула на следующую статью — от 18 августа. Спустя неделю после того, как нашли тело маленького Тедди, семью Соул постигла новая трагедия.

СМЕРТЬ СКОРБЯЩЕЙ МАТЕРИ — СКОРЕЕ ВСЕГО, НЕСЧАСТНЫЙ СЛУЧАЙ

К этой статье тоже прилагалась фотография с не менее душераздирающей подписью. Счастливая Эми Соул, улыбаясь в камеру, держит на коленях младенца. Того самого малютку Тедди, который одиннадцать лет спустя утонет в Пейсонском пруду.

— Обнаружена у подножия лестницы, — заметила Маура. И посмотрела на Джейн. — Ее дочерью Лили.

— Опять она? Дочь нашла их обоих? — Джейн взяла фотокопию статьи. — Это уж совсем страшное несчастье.

— Вспомни про звонок в номер Сары Пармли, в мотель, две недели назад. Голос-то был женский.

— Прежде чем делать скоропалительные выводы, — проговорил Сансоне, — замечу, что тело отца обнаружила не Лили Соул. А ее двоюродный братец. То был первый и последний раз, когда в газетах промелькнуло имя Доминика Соула.

Маура обратилась к третьей фотокопии и взглянула на снимок улыбающегося доктора Питера Соула. Под фотографией — несуразная подпись: «В отчаянии после смерти жены и сына». Она оторвала глаза от снимка.

— А есть хоть одно фото Доминика Соула?

— Нет. Он упоминается в статье лишь постольку, поскольку обнаружил тело дяди. И сам же позвонил в полицию.

— А девочка? — спросила Джейн. — Где была Лили, когда это случилось?

— Здесь не сказано.

— Полагаю, в полиции проверили ее алиби.

— Наверное.

— Я бы не стала ограничиваться предположениями.

— Тогда будем надеяться, что это записано в полицейских отчетах, — сказал Сансоне. — Потому что у следователя, который вел это дело, вы ничего не узнаете.

— Почему же?

— Он умер год назад, сердечный приступ. Некролог я обнаружил в газетных архивах. Так что нам придется довольствоваться материалами дела. Но представьте себе такую ситуацию. Допустим, вы местный полицейский, которому приходится иметь дело с шестнадцатилетней девочкой, только что потерявшей брата, мать и отца. Она наверняка была в глубочайшем потрясении. Возможно, в истерике. Так неужели вы стали бы терзать ее еще и расспросами, где она была, когда погиб ее отец? Тем более если все выглядит как чистой воды самоубийство?

— У меня работа такая — обо всем расспрашивать, — ответила Джейн. — Я бы спросила.

Да уж, она бы спросила, подумала Маура, глядя на лицо Джейн, принявшее категоричное выражение, и вспомнила безжалостные вопросы, которые она задавала ей вчера утром. Ни капли сострадания, никаких поблажек. Уж коли Джейн Риццоли тебя в чем заподозрит, только на Господа Бога тебе и остается уповать.

Маура снова взглянула на снимок Питера Соула.

— Тут нет и ни одной фотографии Лили. Так что, как она выглядит, мы тоже не знаем.

— На самом деле есть, — возразил Сансоне. — И весьма примечательная.

Он перелистнул страницу и, открыв очередную фотокопию, указал статью.

<p>НА ПОХОРОНЫ ВРАЧА СЪЕХАЛИСЬ СКОРБЯЩИЕ СО ВСЕГО ОКРУГА</p>

Друзья, коллеги и даже посторонние люди собрались на Эшландском кладбище в этот чудесный августовский день, чтобы оплакать кончину доктора Питера Соула, который погиб в минувшее воскресенье от смертельного ранения в результате неосторожного обращения с огнестрельным оружием. Это уже третья трагедия, обрушившаяся на семью Соул за последние две недели...

— А вот и она. — Сансоне показал на помещенную в статье фотографию. — Это Лили Соул.

Снимок был нечетким: лицо девочки частично закрывали две фигуры, стоявшие по бокам. Все, что Маура смогла рассмотреть, — склоненный

профиль, обрамленный длинными темными волосами.

— Здесь же почти ничего не видно, — заметила Джейн.

— Я хотел показать вам не фото, — возразил Сансоне. — А подпись. Обратите внимание на имена девочек, которые стоят рядом с Лили.

Только сейчас Маура поняла, почему Сансоне не терпелось показать им эти фотокопии. В подписи под фотографией подавленной горем Лили Соул упоминались два знакомых им до боли имени:

«Лили Соул утешают подруги — Лори-Энн Такер и Сара Пармли».

— Вот что связывало их, — проговорил Сансоне. — Они дружили. И теперь две из них мертвы. В живых осталась только Лили. — Он задумался. — А мы даже не знаем, что с ней.

Джейн взяла фотокопию и, взглянув на нее поближе, сказала:

— Возможно, она сама не хочет, чтобы мы узнали.

— Ее нужно разыскать, — твердо проговорил Сансоне. — Только она знает ответы на все вопросы.

— А может, она сама и есть ответ. Мы же почти ничего не знаем об этой девочке, Лили. Хорошо ли она ладила с членами своей семьи? Может, она получила приличное наследство и исчезла.

— Ты это серьезно? — удивилась Маура.

— Я всего лишь признаю то, что недавно подметил господин Сансоне. Зло не имеет пола.

— Но убить всю свою родню, Джейн?

— Люди часто убивают тех, кого любят. Сама знаешь. — Джейн снова взглянула на фотографию трех девочек. — И не исключено, девчонки тоже это знали. Хранить тайну целых двенадцать лет дело нелегкое. — Она посмотрела на часы. — Надо еще успеть порасспросить местных. Поглядеть, может, они что подскажут насчет Лили. Наверняка уж кто-нибудь да знает, где ее разыскать.

— Когда будете расспрашивать, — сказал Сансоне, — не забудьте узнать и про это.

И он передал Джейн другую фотокопию. Под следующим заголовком: «Мальчик из Южного Плимута становится лауреатом премии „4-Н“^[22]».

— Угу... Я должна расспрашивать обо всяких там умниках?

— Да нет, я имею в виду заметку в «Полицейских сводках», — пояснил Сансоне. — Я тоже чуть было не пропустил ее. Я бы ее и не увидел, не будь она на первой полосе, под сообщением о гибели Тедди Соула.

— Вот эта, что ли? «Вандал на скотном дворе: пропала коза»?

— Да вы почитайте.

И Джейн принялась читать вслух:

— «В полицию поступила жалоба от Ибена Бонджерса, жителя Пьюрити, по словам которого в ночь на минувшую субботу на его скотный двор забрались вандалы. Сбежали четыре козы — нашлись только три, а четвертая по-прежнему отсутствует. На стенах хлева, кроме того, были вырезаны... — Джейн смолкла. И посмотрела на Мауру. — Кресты...»

— Вы дальше читайте, — попросил Сансоне.

Джейн сглотнула. И, вернувшись к статье, продолжала:

— «Точно такие же кресты, как позднее выяснилось, были обнаружены и на стенах других местных построек. Всех, кто располагает какими-либо сведениями о происшедшем, просим обращаться в службу шерифа округа Ченанго».

— Убийца орудовал здесь еще тогда, — заметил Сансоне. — Он жил в этом округе двенадцать лет назад. И никому даже в голову не могло прийти, кто их сосед. Никто и понятия не имел, что таится среди них.

«Он говорит так, словно этот убийца и не человек вовсе, — подумала Маура. — Ведь он сказал не „кто“, а „что“. Не некто, а нечто».

— И вот две недели назад, — продолжал меж тем Сансоне, — этот убийца возвращается в дом, где жили Соулы. Разрисовывает стены все теми же знаками, вбивает в пол гвозди. Готовится к очередной жертве. К тому, что он собирается сделать с Сарой Пармли. — Сансоне наклонился вперед и посмотрел в лицо Джейн. — Думаю, Сара Пармли не первая его жертва. До нее были и другие. Сами видели, как изощренно обставил он смерть Сары. Как четко все спланировал, как продумал церемонию. Это — зрелое преступление, на такое способен лишь тот, кто оттачивал ритуальное мастерство не месяц и не год.

— Мы запрашивали поиск в БАНСП. ^[23] Разыскивали более ранние убийства.

— По каким параметрам?

— Расчленение. Сатанинская символика. Всплывали, конечно, похожие случаи и в других штатах, но полного совпадения с нашими не обнаружилось.

— Тогда расширьте поиск.

— Чем он шире, тем бесполезней. Результат получится слишком общий.

— Я имею в виду — международный запрос.

— А международный — и подавно.

— Для этого убийцы нет слишком общих результатов. Вспомните улики, которые он после себя оставил. Латинские надписи. Рисунки

красной охрой с Кипра. Средиземноморскую ракушку. Он почти признался вам, что жил за границей. Может, он и там убивал. Я вам гарантирую, если вы покопаетесь в базе данных Интерпола, непременно отыщете и другие его убийства.

— Откуда у вас такая... — Джейн вдруг осеклась и прищурилась. — Вам уже все известно. Вы сами уже все проверили.

— Да, я позволил себе такую вольность. Этот убийца наследил повсюду. Ему не страшна никакая полиция. Он на все сто уверен в своей способности оставаться невидимкой. — Сансоне указал на фотокопии. — А двенадцать лет назад он жил здесь. И уже тогда предавался своим чудовищным фантазиям и рисовал все эти кресты.

Джейн посмотрела на Мауру.

— Я останусь тут еще на одну ночь. Надо с людьми поговорить.

— Но ведь мне нужно домой, — сказала Маура. — Я не могу быть здесь так долго.

— Но ведь доктор Бристол может тебя подменить, верно?

— У меня и другие дела есть.

Мауре не понравилось, как Джейн на нее посмотрела. «Другие дела — это Даниэл Брофи, что ли?»

— Я возвращаюсь сегодня вечером в Бостон. Могу вас подбросить, — предложил Сансоне.

— Детектив Риццоли была не очень рада, что вы приняли мое предложение, — заметил Сансоне.

— Ей много чего не нравится с недавних пор, — отозвалась Маура, глядя на поля, покрытые белой кожей снега. Дневной свет угас, и теперь всходила луна; в ее отсветах снег сверкал, точно под громадным фонарем. — И я в том числе.

— Я заметил между вами некоторую натянутость.

— Неужели это так бросается в глаза?

— Она же не привыкла скрывать свои чувства, верно? — Он посмотрел на нее сквозь заполнявший салон мрак. — Вы с ней совершенно разные.

— И с каждым днем я все больше в этом убеждаюсь.

— Вы давно с ней знакомы?

— Пару лет. С того дня, как получила работу в Бостоне.

— И между вами всегда были такие непростые отношения?

— Нет. Это потому... — Маура внезапно смолкла. «Потому что она осуждает меня. Потому что она живет по законам высокой нравственности, и для меня все человеческое непозволительная роскошь. Мне даже влюбиться нельзя». — Последние недели были довольно напряженными, — наконец договорила она.

— Я рад, что нам с вами выпала возможность поговорить с глазу на глаз, — продолжал Сансоне. — Поскольку то, что я собираюсь вам сказать, прозвучит как нечто совершенно невероятное. А она все отвергает без оглядки. — Сансоне снова взглянул на Мауру. — Надеюсь, вы выслушаете меня с большей охотой.

— Наверно, вы считаете, что я не настолько скептична? Не стоит надеяться.

— Так что вы думаете о том, что мы видели сегодня на месте убийства? И что, исходя из этого, можете сказать об убийце?

— По-моему, тут налицо серьезное психическое расстройство.

— Допустим.

— А как по-вашему?

— За всем этим кроется скорее незаурядный интеллект. Он вам не какой-нибудь психопат, которому просто доставляет наслаждение мучить женщин. Он действует методически, логически обоснованно.

— Опять вы о своих мифических демонах.

— Знаю, вы не верите в их существование. Но вы же видели заметку в сводках происшествий о скотном дворе, который кто-то изуродовал двенадцать лет назад. Вас еще что-нибудь поразило в том отчете?

— Вы имеете в виду — кроме крестов, вырезанных на стенах хлева?

— Я имею в виду пропавшую козу. Из хлева исчезли четыре козы, но фермер нашел только трех. А четвертая куда подевалась?

— Может, убежала. Может, в лесу заблудилась.

— В Левите, в шестнадцатой главе, Азazel называется другим именем — «козел отпущения». Он тот, кто принимает на себя все грехи, все зло рода человеческого. По традиции, избранное животное выводили в пустыню и вместе с ним избавлялись от всех грехов человеческих. Там, в пустыне, его и бросали.

— По-вашему, мы снова имеем дело с символом Азazеля.

— Его голова была нарисована у вас на двери. Вы не могли забыть об этом.

«Я и не забыла. Разве можно забыть, что мой дом помечен убийцей?»

— Знаю, вы не верите, — продолжал Сансоне. — Понимаю, вы думаете, дело это закончится так же, как и многие другие подобные истории. Следы в конечном итоге приведут к какому-нибудь жалкому одиночке. Очередному Джеффри Дамеру^[24] или Сыну Сэма. Возможно, убийца слышит голоса. Может, начитался «Сатанинской Библии» Антона ЛаВея^[25] и она глубоко запала ему в душу. Но давайте рассмотрим другую возможность, куда более страшную. — Сансоне снова взглянул на Мауру. — Что «нефилим» — стражи — существуют на самом деле. Что они существовали всегда и сегодня живут среди нас.

— Дети падших ангелов?

— Это всего лишь библейская трактовка.

— Это же все взято из Библии. А я человек неверующий.

— Ветхий Завет не единственный источник, где говорится об этих существах. О них упоминается и в мифах более ранних культур.

— У каждой цивилизации есть свои легенды о злых духах.

— Я говорю не о духах, а о плоти и крови, о существах с человеческим лицом. О параллельном нам виде хищников, который развивался и разрастался одновременно с нами. Скрещивался с нами.

— В этом случае мы бы уже наверняка знали об их существовании.

— Мы знаем о них по их злодеяниям. Но нам неизвестно, какие они в действительности. Мы называем их социопатами или тиранами. Или

вампирами. С помощью обаяния и соблазна они оказываются у власти, становятся могущественными. Они благоденствуют, развязывая войны, революции и учиняя беспорядки. А мы даже не сознаем, что они отличаются от нас. Основательно отличаются в том, что касается генетического кода. Они рождаются хищниками, и весь мир для них — поле охоты.

— Вот, значит, чем занимается ваш Фонд Мефисто? Поисками этих мифических существ? — усмехнулась Маура. — А на единорогов не пробовали охотиться?

— Многие из нас тем не менее в них верят.

— И что вы будете делать, когда найдете хотя бы одного такого? Застрелите, а голову высушите и повесите на стенку как охотничий трофей?

— Мы всего лишь исследовательская группа. Наша задача — распознавать и изучать. И консультировать.

— Кого?

— Правоохранительные органы. Мы снабжаем их сведениями и результатами наших исследований. И они все это используют в своей работе.

— И правоохранительные органы воспринимают все это всерьез? — с нескрываемой ноткой сомнения спросила Маура.

— Да. К нам прислушиваются, — только и произнес он. С невозмутимостью человека, твердо уверенного в своих словах, которому нет никакой нужды их отстаивать.

Маура вспомнила, с какой легкостью он заручился доступом к конфиденциальным сведениям по расследованию этого дела. И почему на запросы Джейн о Сансоне не последовало ответов ни из ФБР, ни из Интерпола, ни из министерства юстиции. «Все они покровительствуют ему».

— Наши труды не остаются незамеченными, — снова заговорил он. И тихо прибавил: — К сожалению.

— А я думала, вы именно этого и хотите. Чтобы их замечали.

— Но только не преступники. А они, однако ж, каким-то образом нас вычислили. Они знают, кто мы такие и чем занимаемся. — Сансоне немного помолчал. — И думают, вы одна из нас.

— Ведь я даже не верю, что они существуют.

— Но они поместили ваш дом. А значит, отождествляют вас с нами.

Маура посмотрела на залитый лунным светом снег, поражавший своей белизной. Он делал сумерки почти такими же светлыми, как день. Ни

укрытия, ни тьмы. На фоне этого беспощадного пейзажа будет заметно каждое движение добычи.

— Я же не состою в вашем клубе, — возразила она.

— А вполне могли бы. Вас видели у меня дома. Видели вместе со мной.

— Я была и на всех трех убийствах. Делала свою работу, и только. Убийца мог меня заметить в любую из тех ночей.

— Я тоже так сначала думал. Что вы оказались в его поле зрения ненароком, став дополнительной добычей. Точно так же думал я и о Еве Кассовиц — может, он ее просто приметил на месте преступления еще в первый раз, в сочельник, почему-то обратил на нее внимание.

— А теперь вы так не думаете?

— Нет.

— Почему?

— Ракушка. Узнай я о ней раньше, мы сумели бы принять меры предосторожности. И Джойс была бы сейчас жива.

— Так вы считаете, ракушка была для вас чем-то вроде послания?

— Столетиями мужчины из рода Сансоне шли в бой под знаменем с изображением такой раковины. Это была насмешка, вызов, брошенный фонду. Предупреждение о том, что будет дальше.

— А что будет дальше?

— Нас попросту уничтожат.

Сансоне проговорил это тихо-тихо, как будто, произнеси он эти три слова громко, они тотчас же обратятся в разящий меч, готовый обрушиться ему на голову. Но страха в его голосе Маура не уловила — только смирение перед роковой неизбежностью. Она даже не нашлась, что ответить. Их беседа перешла в чуждое ей русло, и она не знала, как реагировать. Мир Сансоне походил на мрачную пустыню, населенную кошмарами, и, даже просто сидя рядом с ним в машине, она почувствовала, что ее собственный взгляд на мир изменился. Теперь кругом таились жуткие чудовища. «Даниэл, — подумала она, — ты мне так сейчас нужен. Мне так нужна твоя поддержка, твоя надежда и вера в светлый мир. Этот человек — живое воплощение тьмы, а ты — олицетворение света».

— А знаете, как умер мой отец? — вдруг снова заговорил Сансоне.

Маура посмотрела на него в полном недоумении.

— Простите?

— Поверьте, это имеет самое прямое отношение к делу. Да и вся история моего рода в этом смысле весьма показательна. Я пытался забыть о ней, сбежать. Тринадцать лет преподавал в Бостонском колледже, думал,

смогу жить, как самый обыкновенный человек. Отца своего я считал порядочным чудачком, как и деда. А все те странные истории, на которых я вырос, казались мне забавными семейными байками. — Он взглянул на нее. — Я верил им не больше, чем вы сейчас моим словам. Иначе говоря, не верил ни на грош.

«Его речи кажутся абсолютно разумными. Но это не так. Этого не может быть».

— Я преподавал историю, так что легенды и мифы древних знал неплохо, — продолжал между тем Сансоне. — Вы ни за что не убедите меня, что когда-то на свете жили сатиры, русалки или крылатые кони. Так с чего же мне было верить тогда в отцовские рассказы про «нефилим»?

— И что же произошло?

— О, я знал, что кое-какие из его рассказов — правда. Смерть Изабеллы, например. Как-то в Венеции мне удалось разыскать сведения о ее заключении и гибели — все это хранилось в церковных архивах. Ее и вправду сожгли заживо. И она действительно родила сына незадолго до того, как ее казнили. Так что, как выяснилось, далеко не все, о чем говорили в роду Сансоне, было сказками.

— А то, что ваши предки охотились на демонов?

— Отец в это верил.

— А вы?

— Я верю, есть враждебные силы, готовые уничтожить Фонд Мефисто. И они нашли нас. Как когда-то нашли моего отца.

Маура молча смотрела на него, ожидая продолжения.

— Восемь лет назад, — снова заговорил Сансоне, — он полетел в Неаполь. На встречу со старым другом, которого знал еще со студенческой скамьи, — они вместе учились в Нью-Хейвене. Оба вдовцы, оба страстно увлекались древней историей. Они собирались сходить в местный Национальный археологический музей и обменяться новостями. Отец мой радовался в предвкушении поездки. Я впервые услышал оживление в его голосе с тех пор, как умерла мама. Но, когда он прилетел в Неаполь, друга в аэропорту не оказалось. В гостинице тоже. Отец позвонил мне, сказал — стряслось что-то ужасное, и он на следующий день собирается обратно. По его голосу я понял, что он сильно встревожен, но по телефону больше ничего не сказал. Наверно, он думал, нас подслушивают.

— Он что, на самом деле решил, что его телефон прослушивают?

— Вот видите! И вы восприняли это так же, как я тогда. Что это-де очередные бредни чудача папочки, вообразившего, будто за ним снова гонятся гоблины. Последнее, что он мне сказал: «Они нашли меня,

Энтони. Они знают, кто я такой».

— Они?

— Я сразу смекнул, что к чему. Та же бредяттина, которую мне рассказывали с самого детства. Про зловещие силы в правительстве. Про всемирный заговор «нефилим», проталкивающих друг дружку на вершины власти. И про то, что если им удастся прибрать всю политическую власть, они поохотятся на славу, не страшась возмездия. Как это было в Косове. В Камбодже. В Руанде. Они расцветают во время войн, беспорядков, кровопролитий. Подпитываются от всего этого. Армагеддон для них — охотничий рай. Потому-то им не терпится, чтобы он скорей настал, — они с наслаждением предвкушают этот день и час.

— Это напоминает параноидальный бред.

— А еще — позволяет объяснить непостижимое: как люди умудряются причинять друг другу столько зла.

— И ваш отец во все это верил?

— И хотел, чтобы я тоже поверил. Но, чтобы убедить меня в этом, ему понадобилось умереть.

— Что же с ним случилось?

— Это походило на заурядный неудавшийся грабеж. Неаполь еще тот город — туристам там надо держать ухо востро. Отец шел по улице Партенопе, вдоль Неаполитанского залива, — там всегда полно туристов. Но, несмотря на многолюдье, все произошло так внезапно, что он даже не успел позвать на помощь. Попросту упал. Никто и не заметил, как все случилось. Но в результате мой отец истек кровью на улице. Лезвие вошло ему под самой грудиной, пронизало околосердечную сумку и правый желудочек.

— Так умерла Ева Кассовиц, — тихо проговорила Маура.

Жестокое и стопроцентно смертельное ранение.

— Самым страшным для меня было то, — продолжал Сансоне, — что он умер, думая: я так ему и не поверил. Поговорив с ним по телефону в последний раз, я положил трубку и еще сказал одному из товарищей по работе: «Старику давно пора колоть торазин».

— А теперь вы ему верите.

— Даже через несколько дней прилетев в Неаполь, я все еще считал это происшествие случайным нападением. Незадачливый турист оказался не в том месте, не в то время. И вот в полицейском участке, где я ждал копию отчета о происшествии, ко мне подошел какой-то пожилой господин и не замедлил представиться. Его имя я слышал и раньше — отец упоминал. Но я и не знал, что Готтфрид Баум работает на Интерпол.

— Откуда я знаю его имя?

— Он был у меня в гостях в тот вечер, когда убили Еву Кассовиц.

— Гость, который спешил в аэропорт?

— Да, на ночной рейс. В Брюссель.

— Он тоже состоит в Фонде Мефисто?

Сансоне кивнул.

— Это он заставил меня услышать. И поверить. Истории, которыми пичкал меня отец, бредовые теории насчет «нефилим» — все это мне снова повторил Баум.

— *Folie a deux*, — заметила Маура. — Парная мания.

— Мне бы очень хотелось, чтобы это была мания. И я бы с радостью отбросил ее так же, как это делаете вы. Но вы не видели и не слышали того, что довелось увидеть и услышать мне, Готтфриду и остальным. Мефисто борется за свое существование. Минуло четыреста лет — мы остались последние. — Сансоне замолчал. — И я последний из рода Изабеллы.

— Последний охотник на демонов, — проговорила Маура.

— Вижу, я не убедил вас ни на йоту, не так ли?

— Я вот чего понять не могу. Убить человека не так уж трудно. И если они взяли вас на прицел, то почему до сих пор не убрали? Вы же не прячетесь. Достаточно всего лишь выстрелить вам в окно или подложить бомбу под машину. К чему эти дурацкие игры с ракушками? Зачем предупреждать, что они за вами наблюдают?

— Не знаю.

— Сами понимаете, это же нелогично.

— Да.

— И тем не менее считаете, что вокруг Фонда Мефисто вертятся убийцы?

Сансоне вздохнул.

— Я не стану вас ни в чем убеждать. Просто мне хочется, чтобы вы имели в виду — все, что я вам рассказал, может оказаться правдой.

— Вы о всемирном братстве «нефилим»? И что, кроме Фонда Мефисто, больше никто не знает об их международном заговоре?

— К нашему голосу начинают прислушиваться.

— И как же вы собираетесь защищаться? Зарядите пистолет серебряными пулями?

— Я собираюсь разыскать Лили Соул.

Маура посмотрела на него с удивлением.

— Ту самую девушку?

— Не кажется ли вам странным, что никто не знает, где она находится?

Никто не может связаться с ней. — Он взглянул на Мауру. — Лили что-то знает.

— Почему вы так решили?

— Потому что ей не хочется, чтобы ее нашли.

* * *

— Думаю, мне нужно зайти вместе с вами, — сказал Сансоне. — Чтобы удостовериться, что все в порядке.

Они остановились возле ее дома, и за зашторенными окнами в гостиной Маура увидела свет — он включился автоматически, с помощью таймера. Вчера, перед отъездом, она стерла с двери все знаки. И теперь, глядя сквозь мрак, гадала: что, если они появились там снова, а она их просто не замечает, как и угрозу, которая, возможно, таится где-то там, в тени.

— Я тоже думаю, мне будет спокойней, если вы зайдете вместе со мной, — согласилась она.

Сансоне достал из бардачка фонарик, и они вышли из машины. Они больше не разговаривали — только озирались по сторонам. Оглядели темную улицу, прислушались к отдаленному гулу машин. На тротуаре Сансоне остановился, словно приняхиваясь к чему-то такому, чего пока не мог разглядеть. Затем они поднялись на крыльцо, он включил фонарь и осмотрел входную дверь.

Все чисто.

В доме зазвонил телефон. «Даниэл?» Маура отперла входную дверь и зашла внутрь. Ей хватило нескольких секунд, чтобы набрать на малой клавишной панели код и отключить охранную систему, но дойти до телефона Маура не успела — он уже смолк. Нажав на кнопку определителя, она увидела номер сотового телефона Даниэла и почувствовала страстное желание снять трубку и перезвонить ему. Но Сансоне уже был в гостиной, у Мауры за спиной.

— По-вашему, все в порядке?

Она быстро кивнула.

— В полном.

— Почему бы вам сначала не осмотреться как следует? Прежде чем я уйду?

— Ну да, — согласилась Маура и направилась в коридор.

Она спиной чувствовала взгляд Сансоне, следовавшего за ней.

Догадался ли он обо всем по выражению ее лица? Понял ли по ее виду, что перед ним влюбленная женщина? Она переходила из комнаты в комнату, проверяя окна и двери. Все было надежно заперто. После того как он проявил такую любезность — подвез до дома, надо было бы выказать хоть капельку гостеприимства — предложить Сансоне чашку кофе, посидеть с нем хотя бы несколько минут. Но она была вовсе не расположена к этому.

К ее облегчению, Сансоне и не намеревался задерживаться — он уже собрался уходить.

— Завтра утром я вам позвоню, — пообещал он.

— Все будет хорошо.

— Будьте осторожней, Маура. Осторожность никому из нас не помешает.

«Я не вы, — подумала она. — И никогда не хотела бы оказаться одной из вас».

Раздался звонок в дверь. Маура и Сансоне обменялись взглядами.

— Взгляните, кто это там еще, — тихо предложил он.

Маура, затаив дыхание, прошла в прихожую. Посмотрела в окно и тут же открыла дверь. Даже порыв холодного воздуха не погасил горячий румянец, вспыхнувший у нее на лице, когда Даниэл с распростертыми объятиями вошел в дом. Заметив стоявшего в коридоре мужчину, отец Брофи замер на месте.

Сансоне ступил в прихожую и нарушил тишину:

— Вы, верно, отец Брофи, — сказал он, протягивая руку священнику. — Меня зовут Энтони Сансоне. Я видел вас позапрошлой ночью у дома доктора О'Доннелл. Когда вы приезжали за Маурой.

Даниэл кивнул.

— Я тоже слышан о вас.

И они пожали друг другу руки — скованное, осторожное приветствие. Сансоне хватило ума поскорее удалиться.

— Не забудьте включить охранную систему, — напомнил он Мауре.

— Не забуду.

Перед тем как переступить порог входной двери, он в последний раз с любопытством взглянул на Брофи. Сансоне не был слепым и глупым и наверняка догадался, зачем священник пожаловал к ней в дом.

— Доброй ночи, — сказал он и ушел.

Маура заперла за ним дверь.

— Я соскучилась по тебе, — прошептала она, падая в объятия Даниэла.

— Как же долго тянулся этот день! — пробормотал он.

— Я только и думала, как бы скорей вернуться домой. И снова быть с тобой.

— Я тоже только об этом и думал. Прости за неожиданное вторжение. Но я не мог иначе.

— Такие неожиданности я люблю.

— Я ждал тебя намного раньше.

— По дороге мы останавливались перекусить.

— Знаешь, я очень беспокоился. Что ты ехала с ним.

— И совершенно напрасно. — Она отступила назад и улыбнулась. — Снимай пальто.

Но он не собирался раздеваться.

— Что ты узнала о нем, пока вы ехали? Вы ведь были в дороге целый день.

— По-моему, он просто чужак, только с кучей денег. И увлечение у него довольно странное.

— Искать сатанинские следы везде, где только можно? По-моему, это даже более чем странно.

— По-настоящему странно то, что он умудрился собрать круг друзей, которые верят в то же самое.

— Тебя это не беспокоит? То, что он целиком поглощен темными силами? Что ищет самого дьявола? Знаешь поговорку: «Если долго смотреть в бездну...

— ...то бездна начинает смотреть в тебя». Да, я знаю, эту цитату.

— Надо помнить об этом, Маура. О том, как легко тьма может поглотить любого из нас.

Маура засмеялась.

— Звучит, как фраза из воскресной проповеди.

— Я серьезно. Ты же почти не знаешь этого человека.

«Я знаю, что он беспокоит тебя. Знаю, что ты ревнуешь к нему».

Она дотронулась до его щеки.

— Может, не будем больше о нем. Он того не стоит. Давай лучше свое пальто.

Но он даже не шелохнулся. Только теперь она все поняла.

— Сегодня ты не останешься, — догадалась она.

Он вздохнул.

— Не могу. Прости.

— Тогда зачем ты приехал?

— Говорю же, я беспокоился. Хотел убедиться, что ты добралась домой в целости и сохранности.

— Может, все-таки останешься, хоть на часок?

— Мне бы очень этого хотелось. Меня срочно вызвали на конференцию в Провиденс. Я должен быть там уже сегодня.

Вызвали. Маура не имеет на него прав. Его жизнь целиком подчиняется церкви. Он принадлежит только ей.

Даниэл обнял ее, обдав волосы своим теплым дыханием.

— Давай иногда уезжать отсюда, — проговорил он, — куда-нибудь подальше?

«Где нас никто не знает».

Пока он шел к машине, Маура стояла у распахнутой настежь двери наперекор холоду, проникавшему в дом. Даже когда Даниэл уехал, она так и стояла в дверном проеме, не обращая внимания на безжалостно жалящий ветер. Словно в наказание за то, что хотела его. Вот что требует от них церковь. Спать отдельно, жить отдельно. Даже в самом дьяволе вряд ли есть столько жестокости.

«Если б я могла за твою любовь продать душу Сатане, я бы сделала это».

Госпожа Кора Бонджерс навалилась всем своим внушительным весом на дверь хлева, и та с пронзительным визгом распахнулась. Изнутри, из темноты, послышалось тревожное блеяние коз, и на Джейн резко пахло соломой и запахом животных.

— Не знаю, что вы сможете сейчас разглядеть, — сказала госпожа Бонджерс, направляя луч фонаря в глубину хлева. — Извините, что не смогла отреагировать на ваше сообщение раньше, когда было еще светло.

Джейн включила и свой фонарь.

— Этого достаточно. Я просто хотела взглянуть на отметины, если они еще остались.

— Да куда им деться-то. Все действовали на нервы моему мужу, когда он приходил сюда и видал их. Я все уговаривала его — закрась, мол, чтоб с глаз долой. А он в ответ — я еще больше, мол, беситься начну, если мне хлев изнутри придется красить. Еще не хватало козам дворец тут устраивать. — Госпожа Бонджерс вошла внутрь, шаркая громоздкими башмаками по заваленному соломой земляному полу. Даже после недолгой ходьбы от дома до хлева она совсем выбилась из сил — остановилась, громко и тяжело дыша, и направила луч фонаря на деревянный загон, где теснилось с десятков коз. — Знаете, они по-прежнему скучают по нему. А Ибен все жаловался — как тяжело-де доить их каждое утро. Но все равно обожал девочек. Уже полгода как его не стало, а они все никак не привыкнут к чужим рукам. — Она отодвинула защелку, открыла загон и глянула на попятившуюся Джейн. — Надеюсь, вы не боитесь коз?

— А что, надо обязательно туда заходить?

— Ай, да не укусят они вас, только с пальто поосторожней. Они любят что-нибудь пощипать.

«А теперь ведите себя прилично, козочки, — сказала про себя Джейн, когда вошла в загон, и дверца за ней захлопнулась. — Не сжуйте копа!» Она осторожно прошла по соломе, стараясь не испачкать обувь. Животные наблюдали за ней без всякого любопытства — с полным безразличием. Последний раз Джейн приближалась к козе, когда еще во втором классе школы пошла на экскурсию в зоопарк. Риццоли и коза взглянули друг на друга, и в следующее мгновение Джейн уже лежала на спине, а одноклассники покатывались со смеху. Поэтому она не доверяла этим животным, и козы отвечали ей тем же; пока Джейн пробиралась через

загон, они держались от нее в сторонке.

— Вот здесь. — Госпожа Бонджерс указала лучом фонаря на стену. — Кое-что видно здесь.

Джейн подошла ближе, вглядываясь в знаки, вырезанные на дощатых стенах. Три Голгофских креста. Только искаженные, перевернутые вверх тормашками.

— А вон еще, — заметила госпожа Бонджерс, скользнув лучом фонаря вверх по стене, где чуть повыше виднелись другие кресты. — Чтобы вырезать их, пришлось взобраться на кипы соломы. Надо ж было так постараться! Ничего лучше эта проклятая ребятня придумать не могла.

— Но с чего вы взяли, что это сделала ребятня?

— А кто же еще. Летом им делать нечего. Вот и нашли себе забаву — всякую ерунду на стенах вырезать. Да развешивать на деревьях чудищ всяких.

Джейн посмотрела на нее.

— Каких еще чудищ?

— Да вроде куколок из прутьев, и все такое прочее. Люди шерифа просто посмеялись над этим, а по мне, так век глаза бы мои не глядели на эти висюльки. — Она остановилась возле одного из знаков. — Вот, навроде этого.

Она указала на человечка-мужчину, держащего в одной руке меч. Под ним была вырезана надпись: «RXX-VII».

— Что бы это значило? — проговорила госпожа Бонджерс.

Джейн повернулась к ней.

— Я читала в полицейских сводках, в ту самую ночь у вас еще пропала коза. Вы нашли ее?

— Нет, как в воду канула.

— Что, и никаких следов?

— Ну, у нас в округе, знаете, шарятся своры одичавших собак. Наверняка они подчистили останки.

«А это сделала явно не собака», — подумала Джейн, взглянув еще раз на вырезанные на дощатой стене знаки.

Тут вдруг зазвонил ее сотовый — и козы, заблеяв от страха и давя друг дружку, метнулись в самый дальний угол загона.

— Простите, — проронила Джейн. И достала из кармана телефон, немало удивившись, что мобильная связь здесь все-таки работает. — Риццоли.

— Я сделал все, что мог, — сказал Фрост.

— А говоришь так, будто оправдываться собираешься.

— Потому что мне не удалось обнаружить Лили Соул. Похоже, она то и дело переезжает с места на место. По нашим данным, последние восемь месяцев жила в Италии. Мы тут получили сводку, что за это время она несколько раз снимала деньги со своего счета — в Риме, Флоренции и Сорренто. Но кредитной карточкой она пользуется довольно редко.

— Восемь месяцев туристического вояжа? На какие это деньги?

— Она дешево перебивается. То есть совсем дешево. Останавливается только в третьеразрядных гостиницах. А кроме того, наверняка подрабатывает нелегально. Я установил, она какое-то время работала во Флоренции помощницей хранителя музея.

— Она что, обучена этому?

— Она закончила колледж по специальности античная история. И еще студенткой работала на археологических раскопках в Италии. В каком-то Пестуме.^[26]

— Так почему же, черт возьми, ее никак не разыскать?

— По-моему, она не хочет, чтобы ее разыскивали.

— Ладно. А что новенького о ее двоюродном братце Доминике Соуле?

— О, тут совсем глухо.

— Похоже, сегодня у тебя нет хороших новостей, так?

— Я раздобыл копию его личного дела из Путнэмской академии. Есть такая школа-интернат в Коннектикуте. Его зачислили туда в десятый класс, и он пробыл там полгода.

— Значит, тогда ему было лет пятнадцать-шестнадцать?

— Пятнадцать. Он закончил там учебный год и должен был вернуться осенью. Но он так и не появился.

— Тем летом он гостил у Соулов. В Пьюрити.

— Точно. Отец паренька только-только умер, и доктор Соул забрал его на лето к себе. А в сентябре, когда мальчишка не вернулся на учебу, в Путнэмской академии его хватились и стали разыскивать. В конце концов они получили письмо от матери паренька — она писала, что забирает его из школы.

— Где же он учился потом?

— Понятия не имею. В Путнэмской академии говорят — они не получали никаких запросов по его личному делу. Вот и все, что мне удалось о нем раскопать.

— А как насчет его матери? Где она?

— Без понятия. О ней вообще ничего не известно. Да и в школе ее ни разу не видели. Все, что у них есть, — письмо за подписью Маргарет Соул.

— Такое впечатление, что эти люди — призраки. Двоюродный братец.

И его мать.

— Да, кстати, я раздобыл школьную фотографию Доминика. Правда, не думаю, что она нам поможет, ведь на ней ему всего пятнадцать.

— Как он выглядит?

— Красивый паренек. Светловолосый, глаза голубые. И, как говорят учителя, весьма одаренный. С большими способностями. Но в его личном деле есть одна примечательная запись — похоже, у него не было друзей.

Джейн наблюдала, как госпожа Бонджерс утешает коз. Она подошла поближе к сбившимся в кучу животным и принялась ворковать с ними — в том самом темном хлеву, где двенадцать лет назад кто-то вырезал на стенах странные знаки. Возможно, он же потом вырезал их на теле женщины.

— Ах да, вот еще кое-что любопытное, — продолжал меж тем Фрост. — У меня как раз перед глазами заявление о приеме паренька в школу.

— Ну и?..

— В этом заявлении есть раздел особых заметок, заполненный его отцом. Пишет, что Доминику впервые предстоит учиться в американской школе. Поскольку большую часть жизни он провел за границей.

— За границей? — Джейн вдруг почувствовала, как у нее участился пульс. — Где?

— В Египте и Турции. — Фрост выдержал паузу. И вслед за тем многозначительно прибавил: — А еще — на Кипре.

Джейн снова повернулась к стене хлева. И взглянула на вырезанную надпись: «RXX-VII».

— Ты где сейчас? — внезапно спросила она.

— Дома.

— У тебя там есть Библия?

— А что?

— Хочу, чтобы ты кое-что для меня уточнил.

— Сейчас спрошу у Элис, где она лежит. — Джейн услышала, как он позвал жену. Потом послышались шаги, и наконец Фрост сказал: — Версия короля Якова годится?

— Сойдет. А теперь загляни-ка в содержание. И скажи, какой раздел начинается с буквы «R».

— В Ветхом Завете или в Новом?

— В обоих.

Она услышала в телефоне, как зашуршали страницы.

— Так... Книга Руфь. Послание к Римлянам. А еще — Откровение.^[27]

— Теперь зачитай из каждого раздела главу двадцатую, стих седьмой.

— Ладно, сейчас глянем. Так, в Книге Руфь двадцатой главы нет. Их там всего четыре.

— А в «Римлянах»?

— Они заканчиваются на шестнадцатой.

— Ну а с Откровением что?

— Погоди. — Снова зашуршали страницы. — Есть. Откровение, глава двадцатая, стих седьмой: «Когда же окончится тысяча лет, сатана... — Фрост запнулся. Голос его перешел на шепот: — ...сатана будет освобожден из темницы своей».

Джейн чувствовала, как громко бьется ее сердце. Она посмотрела на стену хлева. На вырезанного там человечка с мечом. Это не меч. Это — коса.

— Риццоли! — окликнул ее Фрост.

— Кажется, мы теперь знаем, как зовут убийцу, — проговорила Джейн.

Из мрачного подземелья базилики Святого Климента доносился рокот бурного потока. Лили осветила фонариком железную решетку, преграждавшую вход в туннель, — луч света скользнул по древней кирпичной кладке стен и упал на мерцающую поверхность подземной речушки под нею.

— Под базиликой находится подземное озеро, — сообщила она. — А здесь протекает подземная речка, она никогда не пересыхает. Под Римом простирается другой мир — туннелей и катакомб. — Она обвела взглядом изумленные лица, обращенные к ней в полумраке. — Так что, когда поднимемся наверх и вы будете прогуливаться по улицам, вспоминайте об этом. О мрачных потайных местах у вас прямо под ногами.

— А можно взглянуть на речку поближе? — полюбопытствовала одна дамочка.

— Да, конечно. Я посвечу, а вы по очереди можете заглянуть через решетку.

И вот туристы из группы Лили, тесня друг дружку, стали один за другим продираться у нее за спиной к решетке, силясь заглянуть в черную глубину туннеля. На самом деле смотреть там особенно было не на что. Но когда приезжаешь туристом в Рим, и, может, один-единственный раз в жизни, невольно считаешь святым долгом осмотреть все городские закоулки. Сегодня Лили сопровождала группу только из шести человек — двоих американцев, двоих англичан и парочки немцев. Народ не самый щедрый — за сегодняшний день чаевых ей перепадет наверняка негусто. Да и что можно ожидать от промозглого январского четверга? Сейчас единственными посетителями лабиринта были подопечные Лили, и она, решив никого не подгонять, позволила всем подойти вплотную к решетке, что они по очереди и делали, задевая ее шуршащими плащами. Из туннеля тянуло сыростью — затхлым запахом мокрой земли и камня. Запахом веков минувших.

— А для чего служили эти стены раньше? — поинтересовался немец.

Лили классифицировала его как человека делового. Ему было примерно шестьдесят, и он прекрасно говорил по-английски, да и пальто на нем было превосходное — от «Берберри». А вот его жена, как показалось Лили, изъяснялась по-английски не очень, потому как за все утро не проронила почти ни слова.

— Когда-то, еще во времена Нерона, это были фундаменты зданий, — пояснила Лили. — Но во время великого пожара шестьдесят четвертого года от Рождества Христова все дома в округе сгорели дотла.

— Это во время того пожара Нерон играл на скрипке и глядел, как горит Рим? — спросил американец.

Лили улыбнулась, поскольку этот вопрос она слышала уже добрый десяток раз и почти всегда наверняка знала, кто из ее подопечных его задаст.

— На самом деле Нерон не мог играть на скрипке. Этого инструмента в те времена еще не было. Говорят, когда горел Рим, он играл на кифаре и пел.

— А после обвинил в поджоге христиан, — прибавила жена американца.

Лили выключила фонарик.

— Ну все, давайте двигаться дальше. Нас еще ждет много интересного.

И она двинулась вперед по сумрачному лабиринту. Наверху улицы были запружены гудящим транспортом и торговцами, предлагавшими открытки и всякие безделушки туристам, слонявшимся по руинам Колизея. А здесь, под базиликой, слышался только рокот нескончаемого речного потока да шуршание плащей ее подопечных, следовавших за нею по мрачному туннелю.

— Такой вид кладки называется *opus reticulatum*,^[28] — указав на стены, пояснила Лили. — Каменщики чередовали кирпичи с туфом.

— Туфтом? — снова заговорил американец. Все дурацкие вопросы исходили от него. — Это от слова «туфта», что ли?

Засмеялась только его жена. Пронзительным смехом, похожим на ржание веселой кобылы.

— Туф, — проговорил англичанин, — это спрессованный вулканический пепел.

— Совершенно верно, — подтвердила Лили. — Римляне часто использовали его для своих построек.

— Как так получилось, что мы никогда про него не слыхали? — спросила мужа американка, всем своим видом давая понять: раз они о чем-то не знают, этого просто не существует.

Даже в темноте Лили заметила, как англичанин закатил глаза. Она только удивленно пожала плечами.

— Вы же американка, правда? — обратилась дамочка к Лили. — Мисс!

Лили промолчала. Она не любила личных вопросов.

— На самом деле, — соврала она, — я канадка.

— А вы-то сами знали, что такое туф, до того как стали экскурсии водить? Или это специальное европейское слово?

— Большинство американцев действительно не знают такого понятия, — признала Лили.

— Ну вот, видите. Я и говорю, чисто европейское словечко, — проговорила дамочка, вполне довольная собой. Раз американцы чего-то не знают, значит, это вряд ли что-нибудь важное.

— А здесь, — походя заметила Лили, — вы видите все, что осталось от виллы Тита Флавия Климента.^[29] В первом веке от Рождества Христова здесь тайно собирались христиане, еще до того как их признали открыто. А в ту пору это был всего лишь ранний культ, только-только начинавший распространяться среди жен благородных граждан Рима. — Она снова включила фонарик, чтобы привлечь внимание подопечных и указать дорогу. — А сейчас мы направляемся в самую примечательную часть руин. Ее обнаружили лишь в тысяча восемьсот семидесятом году. Там мы увидим тайное языческое святилище.

Они прошли дальше по коридору — и вот уже из мрака прямо перед ними выступили коринфские колонны. Это был притвор храма, обрамленный каменными скамьями и украшенный древними фресками и лепниной. Подопечные Лили прошли в глубь святилища, миновав две затемненные ниши — место обрядов посвящения. Там, в наземном мире, время изменило и городские улицы, и очертания городских построек — здесь же, в древней пещере, оно словно застыло. Здесь по-прежнему красовались вырезанные на стенах картины — Митра, убивающий быка. Здесь все так же слышались из тьмы отзвуки бегущей в реке воды.

— Когда родился Христос, — сказала Лили, — культ Митры уже существовал, его веками исповедовали персы. А теперь давайте вспомним историю жизни Митры, какой представляли ее себе персы. Для них он был богом, провозвестником истины. Родился Митра в пещере в день зимнего солнцестояния. Мать Митры Анахита была девственницей, и при рождении его присутствовали пастыри, принесшие ему дары. У него было двенадцать учеников, и они сопровождали его во всех странствиях. Похоронили Митру в гробнице, а вскоре он воскрес из мертвых. И его воскрешение каждый год праздновали как возрождение. — Она замолчала, выдерживая паузу для вящего впечатления, и обвела взглядом лица туристов. — Не кажется ли вам эта история знакомой?

— Христианское Евангелие, — сказала американка.

— А между тем эта традиция существовала у персов еще за несколько столетий до рождения Христа.

— Никогда не слышала об этом. — Американка взглянула на мужа. — А ты?

— Не-а.

— В таком случае вам стоит побывать в храмах Остии, — заметил англичанин. — Или в Лувре. Или во Франкфуртском археологическом музее. Возможно, такие экскурсии покажутся вам весьма поучительными.

Американка обернулась к нему.

— А вот умничать совсем необязательно.

— Поверьте, мадам. Наша чудесная экскурсовод не поведала нам ничего сенсационного и удивительного.

— Но ведь и вы, и я прекрасно знаем, что Христос не был персом в смешном тюрбане и никаких быков он не убивал.

— Просто мне хотелось указать на любопытные параллели в иконографии, — пояснила Лили.

— В чем?

— Послушайте, на самом деле это не так уж важно, — ответила Лили. В тщетной надежде, что дамочка от нее отвяжется. И вместе с тем ясно понимая, что щедрых чаевых от американской парочки ей не видать как своих ушей. — Это всего лишь мифология.

— Библия никакая вам не мифология.

— Я же не в этом смысле.

— А что на самом-то деле известно про этих ваших персов? Я хочу сказать — у них что, тоже есть Священное писание?

Другие туристы молчали и явно чувствовали себя неловко.

«Перестань! Не стоит спорить».

Но дамочка все никак не унималась. Еще с утра, не успев сесть в автобус, она принялась поносить Италию и итальянцев. Движение на улицах Рима — полный бардак, не то что в Америке. Гостиницы баснословно дорогие, не то что в Америке. А ванны совсем маленькие — опять же не то что в Америке. И вот наступил апогей раздражения. Она пришла в базилику Святого Климента посмотреть на одно из первых мест христианского культа, а вместо этого получила целую лекцию во славу язычников.

— Откуда вы знаете, во что на самом деле верили эти ваши митраисты? — продолжала она. — И где они теперь?

— Их уничтожили, — ответил англичанин. — А храмы давным-давно сровняли с землей. Да и разве могло быть иначе после того, как церковь

объявила Митру исчадьем Сатаны?

— Будто историю заново переписали!

— И кто же, по-вашему, ее переписал?

В спор вмешалась Лили:

— На этом наша экскурсия заканчивается. Всем большое спасибо за внимание. Если хотите, можете побыть здесь еще немного. Водитель будет ждать в автобусе. И потом развезет всех по гостиницам. Если есть еще вопросы, с удовольствием отвечу.

— Я считаю, что надо предупреждать заранее, — продолжала возмущаться американка.

— Заранее?

— Экскурсия называется «Зарождение христианства». Но ни о какой истории я так и не услышала. Сплошные мифы.

— На самом деле, — вздохнула Лили, — это и есть история. Ведь история не всегда то, что мы привыкли слышать.

— А вы что, большой специалист?

— Я закончила... — Лили осеклась. «Осторожней!» — Я изучала историю.

— И только-то?

— Кроме того, я работала в разных музеях мира, — продолжала Лили, раздражившись до такой степени, что даже забыла об осторожности. — Во Флоренции. В Париже.

— И вот опустились до экскурсовода.

Хотя в подземелье было совсем не жарко, Лили почувствовала, как лицо у нее полыхнуло огнем.

— Да, — после долгого молчания проговорила она. — Я простой экскурсовод. Всего лишь. А сейчас, простите, мне нужно пойти проверить, на месте ли водитель.

Она повернулась и направилась обратно в лабиринт туннелей. Чаевые ей сегодня не светят, это уж как пить дать, так что назад пусть возвращаются сами: не маленькие — не заблудятся.

Лили поднималась из храма Митры, с каждой ступенью как бы перемещаясь во времени, и наконец оказалась на уровне византийского фундамента. Здесь, под нынешней базиликой Святого Климента, пролегали заброшенные коридоры церкви четвертого века, куда на протяжении восьми столетий не заглядывала ни одна живая душа, поскольку над ними в средние века воздвигли новую церковь. Вдруг Лили услышала голоса — разговаривали по-французски. В святилище Митры спускалась очередная группа туристов. Они шли ей навстречу по узкому коридору, и Лили

посторонилась, чтобы их пропустить — трех французов в сопровождении экскурсовода. Когда голоса мало-помалу стихли, она остановилась под облупившимися фресками, внезапно почувствовав угрызения совести за то, что бросила своих подопечных. И зачем только она позволила какой-то невежде довести себя до белого каления? О чем она думала?

Лили собралась было обратно. И тут же застыла как вкопанная, заметив в дальнем конце коридора силуэт мужчины.

— Надеюсь, она не очень вас расстроила, — сказал он.

Лили признала в нем немца из своей группы — и вздохнула с облегчением, вмиг избавившись от охватившей ее тревоги.

— Да ничего страшного. Мне случалось выслушивать и кое-что похлеще.

— Вы этого не заслужили. Ведь вы только объясняли исторические факты.

— Некоторые предпочитают иметь собственное мнение на этот счет.

— Если не хочешь менять привычную точку зрения, нечего и приезжать в Рим.

Лили улыбнулась; вряд ли ее улыбку можно было разглядеть с другого конца темного туннеля.

— Да уж, в Риме появляется много вопросов.

Немец медленно, но твердо направился к ней.

— Можно дать вам совет?

У нее снова сжалось сердце. Значит, немец тоже хочет ее покритиковать. Интересно, что скажет он? Неужели сегодня и впрямь не ее день — и все ею недовольны?

— У меня есть идея, — продолжал мужчина, — а почему бы вам не включить в свою программу еще одну экскурсию? Которая наверняка привлечет внимание самых разных туристических групп.

— И на какую же тему?

— Вы же знакомы с библейской историей.

— Я не специалист, но в свое время изучала и ее.

— Любое туристическое агентство предлагает туры по святым местам для таких путешественников, как наши с вами американские друзья. Для людей, которые горят желанием пройти по следам святых. А некоторые не интересуются ни святыми, ни местами, связанными с ними. — Немец подошел к ней совсем близко, так, что она даже чувствовала запах табака, пропитавший его одежду. — Некоторым, — уже тихо-тихо продолжал он, — подавай дьявола.

Лили точно окаменела.

— Вы же читали Откровение?

— Да, — проговорила она.

— И знаете о звере?

Она сглотнула. «Да».

— И кто же он, по-вашему, — зверь? — допытывался немец.

Лили медленно отступила назад.

— Это... олицетворение Рима.

— Ага. Значит, вам известна научная трактовка.

— Зверь — это Римская империя, — пятась все дальше, проговорила она. — А число шестьсот шестьдесят шесть — символ Нерона.

— И вы в это верите?

Лили глянула через плечо в сторону выхода. Дорогу ей никто не преграждал.

— А может, вы считаете, он действительно существует? — продолжал свое немец. — Из плоти и крови? Поговаривают, будто зверь здесь, в этом городе. Выжидает удобного случая. И наблюдает.

— Это... это философам решать.

— А теперь вы скажите, Лили Соул, во что вы верите?

«Он знает, как меня зовут!»

Она резко развернулась, собираясь сбежать. Но тут у нее на пути, прямо посреди туннеля, откуда ни возьмись, возник еще кто-то. Это была монашка — та, что пропускала Лили и ее группу в подземелье. Монашка стояла, не шелохнувшись, и пристально смотрела на девушку. Преграждая путь к отступлению.

«Его духи выследили меня».

Лили приняла решение мгновенно. Опустив голову, девушка ринулась прямо на монашку в черном одеянии и, врезавшись в нее, сбила женщину с ног. Та вцепилась ей в лодыжку, но Лили что было силы рванулась вперед и высвободила ногу.

«Скорей на улицу!»

Лили была по меньшей мере на три десятка лет моложе немца. Выскочив наверх, она могла бы запросто убежать. И скрыться в толпе, беспорядочно двигавшейся мимо Колизея. Взбежав по ступеням наверх и прошмыгнув через дверь в озаренную ярким светом верхнюю часть базилики, она кинулась в сторону нефа. К выходу. Но не успела сделать и двух шагов по сверкающему мозаичному полу, как в ужасе замерла на месте.

Из-за мраморной колоннады ей навстречу вышли трое мужчин. Они молча надвигались на нее, преграждая дорогу. За спиной у Лили хлопнула

дверь и слышались шаги — все ближе и ближе. Немец с монашкой.

«Куда подевались другие туристы? Никто не услышит, как я кричу».

— Лили Соул, — обратился к ней немец.

Она повернулась к нему лицом. Чувствуя, как те трое подошли к ней почти вплотную. «Вот и конец, — решила она. — В святом месте, на глазах у распятого Христа». Она и представить себе не могла, что это случится в церкви. Скорее где-нибудь в темном переулке или мрачном гостиничном номере. Но только не там, где все ищут света.

— Наконец-то мы вас нашли, — сказал он.

Лили выпрямилась, вскинула подбородок. Уж если суждено заглянуть в лицо дьяволу, она сделает это только с высоко поднятой головой.

— Так где же он? — спросил немец.

— Кто?

— Доминик.

Лили посмотрела на него с изумлением. Такого вопроса она никак не ожидала.

— Где ваш двоюродный брат? — проговорил он.

Она недоуменно покачала головой.

— Это разве не он вас послал? — спросила она. — Убить меня.

Немец взглянул на нее с не меньшим удивлением. И подал знак одному из тех мужчин, что стояли позади нее. Девушку схватили за руки — от неожиданности она вздрогнула — и, заломив их ей за спину, защелкнули на запястьях наручники.

— Вы пойдете с нами, — приказал немец.

— Куда?

— В безопасное место.

— Значит... вы не собираетесь...

— Убивать вас? Нет. — Он подошел к алтарю и открыл потайную створку. За нею был вход в туннель, о существовании которого она никогда не знала. — Но кое-кто вполне может это сделать.

Лили смотрела в затонированное окно лимузина на проносящиеся мимо пейзажи Тосканы. Пять месяцев назад она ехала на юг по этой же дороге, правда, при других обстоятельствах — в грохочущем грузовике, с небритым типом за рулем, у которого только и было на уме — как бы поскорее забраться к ней в трусики. В ту ночь она была голодная и вконец уставшая; ноги ее ныли, потому что полночи пришлось идти пешком. И вот опять та же дорога, но на этот раз машина двигалась на север — обратно во Флоренцию. И на сей раз она путешествовала не автостопом, а роскошно. Куда ни глянь — все дышит роскошью. Обивка из натуральной черной кожи была мягкой — почти как человеческая. В кармане переднего сиденья — поразительно разнообразная подборка газет: последние выпуски «Интернэшнл геральд трибюн», лондонской «Таймс», «Фигаро» и «Коррьере делла Сера».

Из обогревателя веяло теплом, в баре стояли бутылки с газированной водой и вином, а также фрукты, сыр и крекеры. Пусть удобная и роскошная, это все равно тюрьма, так как дверь открыть она не могла. От водителя и другого пассажира на переднем сиденье ее отделяло пуленепробиваемое стекло. За два часа, пока они ехали, ни один из них на нее даже не оглянулся. Может, они просто роботы? Девушка видела только их затылки.

Она повернулась и посмотрела в заднее стекло на ехавший за ними «Мерседес». И увидела, что немец тоже смотрит на нее — через лобовое стекло своей машины. Итак, ее сопровождали на север трое мужчин в двух дорогуших автомобилях. У этих людей есть средства, и они знают, что делают. Кто она против них?

«Я даже не знаю, кто они такие».

Зато они знали, кто она. Смогли же они ее вычислить, несмотря на то, что последнее время девушка была очень осторожна.

Вскоре лимузин свернул с шоссе. Значит, путь их лежал не во Флоренцию. В самом деле, теперь они продвигались по холмистой сельской местности Тосканы. Солнце почти зашло, и в сгущающихся сумерках Лили едва различала лепившиеся к склонам холмов виноградники и осыпающиеся каменные стены давно заброшенных домов. Почему они выбрали именно эту дорогу? Ведь здесь кругом одни только старые фермы.

Может, им это и надо? Здесь не будет никаких свидетелей.

Ей очень хотелось верить немцу — ведь он сказал, что собирается отвезти ее в безопасное место, — хотелось так сильно, что она даже немного успокоилась во время поездки, в окружении всей этой роскоши. И вот сейчас, когда лимузин свернул на грязную частную дорогу, она вдруг почувствовала, как у нее бешено заколотилось сердце и вспотели ладони, так, что ей даже пришлось вытереть их о джинсы. Между тем стало совсем темно. Скоро они выведут ее в поле. И всадят пулю в лоб. Вчетвером они живо справятся со своим черным делом — и могилу выкопают, и бросят ее туда.

А земля в январе, должно быть, холоднющая.

Лимузин въехал на пригорок, петляя меж высоких деревьев и упираясь светом передних фар в сучковатые кустарники, сплоченные в густой подлесок. Лили даже заметила, как в кустах полыхнули огненными искорками глаза зайца. Затем деревья расступились, и лимузин остановился возле железных ворот. Над панелью двусторонней оперативной связи на ограде блеснул объектив камеры наблюдения. Водитель опустил стекло и сказал по-итальянски:

— У нас посылка.

Вспыхнули слепящие прожектора — и объектив видеокамеры запечатлел всех пассажиров лимузина. Вслед за тем ворота открылись.

Они въехали в ворота — «Мерседес», проделавший с ними весь путь от Рима, по-прежнему двигался следом. Только сейчас, когда глаза Лили снова пообвыкли в темноте, она заметила статуи и аккуратно подстриженные кусты, живой изгородью обрамлявшие посыпанную гравием подъездную аллею. На другом ее конце возвышалась освещенная огнями вилла. Лили придвинулась к окну и принялась с изумлением разглядывать каменные террасы, громадные каменные урны и высокие кипарисы, похожие на острые черные пики, нацеленные в небо. Лимузин остановился у мраморного фонтана, который, поскольку не работал зимой, казался спящим. «Мерседес» припарковался рядом, из него вышел немец и открыл ей дверцу.

— Мисс Соул, прошу в дом.

Лили взглянула на двух мужчин, стоявших слева и справа от немца. Эти люди не давали ей ни малейшего шанса улизнуть. Ей ничего не оставалось, как идти с ними. Она выбралась из машины, почувствовав, как от долгой езды у нее затекли ноги, и, неловко ступая, последовала за немцем по каменной лестнице на террасу. Холодный ветер поднял с земли прошлогоднюю листву и принялся бросать ее в разные стороны, точно горстки пепла. Не успели они подойти к парадной двери, как та открылась

сама, и на пороге показался пожилой мужчина. Лили он удостоил всего лишь беглым взглядом, а потом перевел глаза на немца.

— Комната для нее готова, — проговорил он по-английски с итальянским акцентом.

— Я тоже останусь, если не возражаете. Он приедет завтра?

Старик кивнул:

— Ночным рейсом.

«Кто приедет завтра?» — удивилась Лили.

Они поднялись на второй этаж по лестнице с восхитительной балюстрадой. Когда их компания быстрым шагом проходила мимо гобеленов, украшавших каменные стены, декоративная ткань заколыхалась и зашуршала, соприкасаясь с камнем. Лили не успела оценить эти произведения искусства по достоинству: мужчины вели ее по длинному коридору, увешанному портретами незнакомых людей, которые будто бы следили за каждым ее шагом.

Пожилый мужчина отпер тяжелую дубовую дверь и жестом предложил войти. Лили прошла в спальню, где кругом были массивная темная мебель и толстый бархат.

— Это только на одну ночь, — пояснил немец.

Лили обернулась и вдруг поняла, что в комнату за нею никто не вошел.

— Что же будет завтра? — проговорила она.

Дверь закрылась, и Лили услышала, как в замке повернулся ключ — ее заперли.

Оставшись одна, Лили подошла к тяжелым гардинам, раздвинула их и увидела за ними зарешеченное окно. Она попыталась отогнуть прутья — тянула и давила, пока у нее не занемели руки, однако ж прутья были чугунные и закрепили их на совесть, а она была очень слаба — кожа да кости. В отчаянии Лили отвернулась от окна и принялась осматривать свою бархатную темницу. Она увидела огромную кровать резного дуба под темно-красным балдахином. Потом ее взгляд скользнул вверх, к высокому, обшитому деревом потолку, украшенному резными фигурками херувимчиков и переплетением виноградных лоз. «Хоть здесь и тюрьма, — подумала Лили, — но в такой красивой спальне я, черт возьми, ни разу не спала. Такие покои вполне подошли бы для Медичи».

На изысканно инкрустированном столе лежал накрытый крышкой серебряный поднос, а рядом стояли бокал для вина и бутылка къанти, уже откупоренная. Лили сняла с подноса крышку и увидела нарезанные тонкими ломтиками мясо, салат из помидоров с моцареллой и батон пресного тосканского хлеба. Она налила себе вина, поднесла его к губам —

и вдруг замерла.

«Зачем им отравлять меня, если куда проще пустить пулю в лоб?»

Лили осушила бокал и налила еще. Уселась за стол и набросилась на поднос со снедью, разрывая хлеб на ломти, запихивая их тут же в рот и запивая кьянти. Говядина была до того нежная и тонко нарезанная, что больше смахивала на стружку масла. Девушка проглотила все до последнего кусочка и почти прикончила бутылку вина. И когда поднялась со стула, почувствовала себя настолько неуклюжей, что с трудом доковыляла на заплетающихся ногах до постели. «Никто меня не травил, — подумала она. — Я просто-напросто напилась». Лили уже не волновало, что будет завтра. Она даже не стала раздеваться, а просто упала на камчатное покрывало.

* * *

Ее разбудил чей-то голос. Голос был мужской, низкий и незнакомый — он звал ее по имени. Лили приоткрыла один глаз и тут же зажмурила его, ослепленная светом, повсюду хлеставшим в зарешеченное окно. А в следующий миг закрыла глаз совсем. Кто отдернул эти чертовы гардины? Неужели солнце уже взошло?

— Проснитесь, мисс Соул.

— Потом, потом, — пробормотала она.

— Не для того же я летел всю ночь, чтобы любоваться, как вы тут спите. Нам нужно поговорить.

Она повернулась на другой бок и проворчала:

— С незнакомыми мужчинами не разговариваю.

— Меня зовут Энтони Сансоне.

— Откуда мне вас знать?

— Это мой дом.

Тут Лили наконец открыла глаза. Немного поморгала, чтобы прогнать сон, и, повернувшись, увидела перед собой седого мужчину — он смотрел на нее сверху вниз. Несмотря на похмелье, она обратила внимание, что с виду незнакомец был чертовски привлекателен, хотя и с явной печатью усталости в глазах. Он сказал, что летел всю ночь, и Лили в этом несколько не усомнилась, глянув на его помятую сорочку и темную щетину на подбородке и щеках. Сансоне пришел не один — вместе с немцем, но тот остался стоять у двери.

Лили села в постели и прижала руки к разрывающимся от боли

вискам.

— Вы действительно хозяин этой виллы?

— Она всегда принадлежала моей семье.

— Вам повезло. — Она помолчала. — Судя по речи, вы американец.

— Да.

— А кто тот тип? — Она подняла голову и взглядом указала на немца. — На вас, что ли, работает?

— Нет. Это мой друг, господин Баум. А работает он на Интерпол.

Лили замерла. И тут же опустила взгляд на постель, так, чтобы они не видели ее лица.

— Мисс Соул, — спокойно продолжал хозяин дома, — у меня почему-то такое ощущение, что вы побаиваетесь полиции, верно?

— Ничего подобного.

— Сдается мне, вы говорите неправду.

— А мне сдается, вы плохой хозяин. Запираете гостей. Входите без стука.

— Мы стучали. Но вы не проснулись.

— Раз уж вы пришли меня арестовывать, может, скажете, за что? — спросила она.

Только сейчас Лили смекнула, что к чему. Они каким-то образом прознали, что она натворила двенадцать лет назад, и в конце концов выследили ее. Она воображала себе любой конец своим мытарствам, но только не такой. Холодную безымянную могилу — да, но полицию? «Что ж, арестовывайте. Я видала и кое-что страшнее тюрьмы».

— А что, разве есть повод вас арестовать? — любопытствовал господин Баум.

На что, интересно, он рассчитывает — что у нее ни с того ни с сего развяжется язык и она вот так сразу начнет каяться во всех своих грехах? Нет уж, придется им как следует постараться для этого.

— Лили, — снова заговорил Сансоне и присел на краешек кровати. Позволив себе вторгнуться в ее личное пространство, отчего она только еще больше насторожилась. — Вы в курсе, что случилось в Бостоне несколько недель назад?

— В Бостоне? Понятия не имею, о чем это вы.

— Вам что-нибудь говорит имя Лори-Энн Такер?

Лили замерла, поразившись такому вопросу. Неужели Лори-Энн проболталась полиции? Может, от нее-то они все и узнали? «Ты же обещала, Лори-Энн. Обещала держать язык за зубами».

— Ведь она была вашей подругой, так? — осведомился Сансоне.

— Да, — призналась Лили.

— А Сара Пармли? Она тоже была вашей подругой?

Лили вдруг заметила, что он дважды сказал «была». В прошедшем времени — не в настоящем. Дело принимало скверный оборот.

— Вы же хорошо знали их обеих, так? — допытывался хозяин дома.

— Мы... выросли вместе. Втроем. А почему они вас интересуют?

— Значит, вы ничего не знаете.

— Я потеряла с ними связь. И вообще несколько месяцев ни с кем в Штатах не разговаривала.

— И вам никто не звонил?

— Нет. — «Да и как? Я же, черт побери, ото всех пряталась». Сансоне взглянул на Баума и снова перевел взгляд на нее.

— Мне жаль, что я вынужден вам сообщить это. Но ваши подруги — обе — мертвы.

Лили покачала головой.

— Не понимаю. Несчастный случай? Как же они могли обе сразу?..

— Никакого несчастного случая. Их убили.

— Обеих сразу?

— По отдельности. На Рождество. Лори-Энн убили в Бостоне. А Сару — в Пьюрити, в штате Нью-Йорк. Тело Сары обнаружили в доме ваших родителей. В том самом, который вы пытаетесь продать. Поэтому полиция вас и разыскивает.

— Простите, — тихо проговорила Лили. — Кажется, меня сейчас вырвет.

Она сползла с кровати и, шатаясь, направилась в примыкающую к спальне ванную комнату. Закрыла за собой дверь и прислонила колени к седлу унитаза. Выходившее из нее вино, выпитое накануне вечером, жгло горло, точно кислота. Лили простояла, склонясь над унитазом до тех пор, пока ее желудок полностью не очистился, пока в нем не стало пусто. Спустив воду, она, все так же пошатываясь, подошла к раковине, прополоскала рот, умыла лицо. Глянув на свое отражение в зеркале, Лили с трудом себя узнала. Когда же она в последний раз смотрелась в зеркало — по-настоящему? И когда успела превратиться в страшилище? Нескончаемое бегство взяло свое. Если долго бегать, можно в конце концов потерять собственную душу.

Лили вытерла лицо плотным хлопчатобумажным полотенцем, пальцами забрала волосы назад и снова заколола их в конский хвост. Ее дожидался, чтобы допросить, господин Богатенький Красавчик, и ей надлежало предстать перед ним в форме. И отвечать на все вопросы так,

чтобы он остался собой доволен. «Если он не знает, что я на самом деле натворила, — решила она, — то сама не скажу ему ни слова».

Мало-помалу лицо у нее вновь приняло нормальный цвет. Она вздернула подбородок и увидела в зеркало, как ее глаза полыхнули старым добрым воинственным огнем. Ее подруги умерли. Теперь она осталась совсем одна. «Помогите же мне, девчонки! Помогите пережить весь этот кошмар!» Лили глубоко вдохнула и вышла из ванной.

Мужчины обеспокоенно взглянули на нее.

— Простите, что выплеснул на вас такие вести вот так, сразу, — извинился Сансоне.

— Расскажите мне все в подробностях, — прямо попросила Лили. — Что стало известно полиции?

Сансоне, похоже, смутили ее хладнокровие и прямота.

— Подробности там очень неприятные.

— Вряд ли могло быть иначе. — Лили села на кровать. — Мне просто нужно знать, — тихо проговорила она. — Мне нужно знать, как они погибли.

— Позвольте сперва кое о чем вас спросить, — обратился к ней немец, господин Баум. И подошел поближе. Теперь они, мужчины, возвышаясь над нею, смотрели Лили прямо в лицо. — Вам известно что означает перевернутый крест?

Несколько мгновений Лили не дышала. А потом наконец произнесла:

— Перевернутый крест... это символ, оскверняющий христианскую веру. Некоторые считают его сатанинским знаком.

Она заметила, как Баум и Сансоне удивленно переглянулись.

— А этот символ? — Баум полез к себе в карман, достал ручку, клочок бумаги. И, наскоро что-то нарисовав, показал ей. — Иногда его называют всевидящим оком. Знаете, что это означает?

— Это Уджат, — сказала она. — Глаз Люцифера.

Баум и Сансоне снова переглянулись.

— Ну а если бы я нарисовал козлиную голову с рогами? — попытался Баум. — Она бы сказала вам что-нибудь?

Лили встретила его мягкий взгляд.

— Наверно, вы имеете в виду знак Бафомета. Или Азазеля.

— Вы знакомы со всеми этими символами.

— Да.

— Откуда? Вы сатанистка, мисс Соул?

Лили чуть не рассмеялась.

— Наверяд ли. Просто так получилось, что я их знаю. Мне было

интересно.

— А ваш двоюродный брат Доминик — сатанист?

Лили застыла на месте — ее руки буквально примерзли к коленям.

— Мисс Соул?

— Спросите лучше его самого, — прошептала она.

— Мы бы с радостью, — сказал Сансоне. — Где его можно найти?

Она взглянула на свои руки, крепко сцепленные на коленях.

— Не знаю.

Сансоне вздохнул.

— Мы потратили много сил, чтобы найти вас. У нас ушло на это целых десять дней.

«Всего десять дней? Боже, какая же я беспечная!»

— Если вы скажете, где Доминик, вы избавите нас от многих затруднений.

— Говорю же, не знаю.

— Почему вы его выгораживаете? — настаивал на своем Сансоне.

При этих словах она упрямо вскинула подбородок.

— Да с какой стати мне, черт возьми, его выгораживать?

— Он ваш единственный близкий родственник. И вы не знаете, где он?

— Я не виделась с ним целых двенадцать лет, — бросила она в ответ.

Сансоне сощурился.

— Вы помните с точностью до года?

Лили сглотнула. «Это я зря. Нужно быть осторожней».

— То, что случилось с Лори-Энн и Сарой, — дело рук Доминика, Лили.

— Откуда вы знаете?

— Хотите узнать, что он сделал с Сарой? Сколько часов она кричала, пока он вырезал у нее на теле кресты? Знаете, что он нарисовал на стене в спальне Лори-Энн? В той самой, где расчленил ее? Перевернутые кресты. Те же знаки он вырезал и на стене хлева, когда ему было пятнадцать. Когда он жил у вас летом в Пьюрити. — Сансоне подошел к ней почти вплотную, угрожающе близко. — Может, от него вы и бегаєте? От собственного двоюродного брата, Доминика?

Лили ничего не ответила.

— Вы же явно бежите от чего-то. И с тех пор, как покинули Париж, нигде дольше чем на полгода не задерживались. А в Пьюрити вас не было уже Бог весть сколько лет. Так что же произошло тем летом, Лили, когда вы потеряли всех своих родных?

Лили обхватила себя руками, сжавшись в плотный комок. Ее вдруг

затрясло, и это в тот самый момент, когда ей как никогда надо было бы собраться в кулак.

— Сначала тонет ваш брат Тедди. Затем с лестницы падает мать. Потом отец пускает себе пулю в лоб. И все — в течение нескольких недель. Не многовато ли напастей на голову шестнадцатилетней девочки?

Она обхватила себя еще крепче, испугавшись, что в противном случае рассыплется на кусочки от дрожи.

— Неужели это просто невезение, Лили?

— А что же еще? — пролепетала она.

— Или, может, тем летом произошло еще что-то? Между вами и Домиником?

Она вскинула голову.

— На что это вы намекаете?

— Вы отказываетесь помочь нам найти его. Из чего я и заключаю — вы его попросту выгораживаете.

— Вы что... думаете, между нами что-то было? — голос девушки вдруг перешел в истерический крик. — Думаете, я желала смерти родным? Брату было только одиннадцать! — Она осеклась. И шепотом повторила: — Только одиннадцать...

— Может, вы просто не отдавали себе отчет, насколько все это опасно, — предположил Сансоне. — Может, участвовали в его ритуалах по недомыслию, полагая, что они безобидные. Как многие дети — из любопытства, сами знаете. Чтобы показать — они-де особенные, не такие, как все. Или чтобы поразить родителей. А ваших родителей это поразило?

— Они не понимали его, — проговорила она. — Они не знали...

— А другие девочки? Ваши подруги — Лори-Энн и Сара? Они участвовали в его ритуалах? И когда играть стало страшновато? Когда вы поняли, что есть силы, которые ни в коем случае нельзя было пробуждать? Но ведь именно это и случилось, так? Доминик заманил вас в ловушку.

— Нет, все было совсем не так.

— А потом вы испугались. И попробовали выйти из игры, но было уже слишком поздно, потому что их глаза обратились на вас. И на ваших родных. Впустив однажды силы тьмы в свою жизнь, от них уже так просто не избавишься. Они проникают в ваше естество, становятся частью вас самих. А вы — их частью.

— Нет. — Она посмотрела на него. — Я не хотела быть их частью.

— Тогда почему вас так и тянет к ним?

— Вы это о чем?

Сансоне взглянул на Баума — тот раскрыл папку и достал оттуда кипу

бумаг.

— Мы тут составили отчеты о ваших передвижениях за последние годы, — сказал Баум. — А также записи бесед с людьми, с которыми вы все это время вместе работали. С хранителями музеев во Флоренции и в Париже. С сотрудниками туристической фирмы в Риме. С торговцем антиквариатом в Неаполе. Похоже, мисс Соул, вы произвели на них неизгладимое впечатление своими глубокими познаниями. В демонологии. — Он выложил на стол распечатку записей бесед. — Вы действительно неплохо разбираетесь в этой области.

— Я училась этому сама, — заметила Лили.

— Для чего? — поинтересовался Сансоне.

— Я хотела его понять.

— Доминика?

— Да.

— Ну и как, поняли?

— Нет. Думаю, уже никогда не пойму. — Она посмотрела ему в глаза. — А разве можно понять то, в чем нет ничего человеческого?

Он спокойно согласился:

— Нельзя, Лили. Но можно попробовать победить его. Так что помогите нам.

— Вы же его двоюродная сестра, — подхватил Баум. — И прожили тогда рядом с ним целое лето. Наверняка вы знаете его лучше других.

— Это было двенадцать лет назад.

— А вот он вас не забыл, — продолжал Сансоне. — Поэтому ваши подруги убиты. Они понадобились ему, чтобы найти вас.

— Выходит, он убил их ни за что ни про что, — проговорила Лили. — Они даже не знали, где я. И не могли ничего рассказать.

— Может, как раз благодаря этому вы еще живы, — заметил Баум.

— Помогите найти его, — повторил свою просьбу Сансоне. — Летим вместе со мной в Бостон.

Лили долго сидела на кровати под их испытующими взглядами. «У меня нет другого выхода. Придется играть по их правилам».

Она глубоко вздохнула и посмотрела на Сансоне.

— Когда мы уезжаем?

Лили Соул походила на наркоманку, которую притащили прямо с улицы. Красные глаза, грязные темные волосы, кое-как забранные в неряшливый конский хвост. Блузка измята так, будто в ней спали, синие джинсы обтрепанные — казалось, еще чуть-чуть, и превратятся в лохмотья. А может, это просто мода нынешних подростков? И тут Джейн вспомнила, что перед ней уже совсем не девчонка. Лили Соул 28 лет, она взрослая женщина, хотя сейчас и выглядит совсем юной и незащищенной. И то верно, сидя на массивном стуле в богато убранной столовой дома Энтони Сансоне, Лили ощущала себя жалкой пигалицей и явно не в своей тарелке. Она лихорадочно переводила взгляд с Джейн на Сансоне, словно силясь угадать, с какой стороны ждать подвоха.

Джейн раскрыла папку и извлекла оттуда увеличенную фотокопию из ежегодного отчета Путнэмской академии.

— Вы подтверждаете, что это ваш двоюродный брат, Доминик Соул? — спросила она.

Лили взглянула на фотографию и смотрела на нее долго-долго, словно замороженная. От портрета и правда нельзя было оторвать глаз. Лицо с безупречно правильными чертами, золотые волосы и голубые глаза — рафаэлевский ангел.

— Да, — ответила Лили. — Это мой двоюродный брат.

— Этой фотографии больше двенадцати лет. А других, более поздних, у нас нет. Не знаете, где можно достать хотя бы одну?

— Нет.

— Ответ довольно категоричный.

— Я не общаюсь с Домиником. И уже давно с ним не виделась.

— А когда это было в последний раз?

— В то лето. Он уехал сразу после похорон отца. Я жила у Сары, и он даже не зашел проститься. Только записку оставил и был таков. Написал, что за ним приехала мать и они срочно уезжают.

— И с тех пор вы ничего о нем не слышали и его самого не видели?

Лили колебалась. Всего-то несколько мгновений — но Джейн, тут же насторожившись, подалась вперед.

— Видели, верно?

— Точно не знаю.

— Как это понимать?

— В прошлом году, когда я жила в Париже, мне пришло письмо от Сары. Она получила по почте открытку, и та ее очень огорчила. Открытку она переслала мне.

— От кого была открытка?

— Там не было ни обратного адреса, ни подписи. На ней была изображена репродукция картины из брюссельского Королевского музея. Портрет работы Антуана Вирца.^[30] «Ангел Зла».

— И что там было написано?

— Ничего. Одни только знаки. Но мы с Сарой сразу узнали эти символы, потому что видели их тем летом — они были вырезаны на деревьях.

Джейн протянула Лили ручку и блокнот.

— Нарисуйте их.

Лили взяла ручку. Но тут же остановилась в нерешительности, как будто ей было противно рисовать то, что она видела. Наконец она поднесла ручку к бумаге. Увидев рисунок, Джейн почувствовала, как ее обдало холодом: три перевернутых креста. И примечание: R17:16.

— Это ссылка на цитату из Библии? — уточняла Джейн.

— Из Откровения.

Джейн посмотрела на Сансоне.

— Можете найти ее?

— Я могу процитировать, — тихо проговорила Лили. — «И десять рогов, которые ты видел на звере, сии возненавидят блудницу, и разорят ее, и обнажат, и плоть ее съедят, и сожгут ее в огне».

— Вы знаете ее наизусть.

— Да.

Джейн открыла блокнот на чистой странице и снова передала его Лили.

— Можете записать ее для меня?

Некоторое время Лили просто смотрела на белую страницу. Затем с неохотой принялась писать. Медленно, словно каждое слово причиняло ей боль. А закончив, вернула блокнот Джейн со вздохом облегчения.

Риццоли взглянула на запись и снова почувствовала, как холод, словно игла, пронзил ее спину.

«И плоть ее съедят, и сожгут ее в огне».

— Похоже на предостережение. На угрозу, — заметила Джейн.

— А это и есть угроза. Уверена, что она предназначалась мне.

— Но почему открытка пришла Саре?

— Потому что меня не так-то просто было разыскать. Я же столько раз

переезжала с места на место, из города в город.

— Значит, он послал ее Саре. А она знала, как вас найти. — Джейн задумалась. — Ведь это он писал, так?

— Не знаю.

— Да бросьте, Лили, а кто же еще, как не Доминик? Почти наверняка он и стену хлева исцарапал двенадцать лет назад. Почему же он вас ищет? Почему угрожает?

Лили понуро опустила голову. И тихо сказала:

— Потому что я знаю, что он сделал тем летом.

— С вашими родными?

Лили подняла глаза — в них сверкали слезы.

— Я не могу доказать. Но я знаю это.

— Откуда?

— Отец ни за что не смог бы застрелиться! Он знал, как был мне нужен. Но меня тогда никто и слушать не хотел. Мало ли чего болтает какая-то шестнадцатилетняя девчонка!

— Где же эта открытка? Со знаками?

Лили вздернула подбородок:

— Я сожгла ее. А сама уехала из Парижа.

— Почему?

— А вы бы как поступили, если бы вам грозили смертью? Сидели бы сложа руки и ждали?

— Надо было позвонить в полицию. Почему вы не сделали этого?

— И что бы я сказала? Что кто-то прислал мне цитату из Библии?

— Значит, вы даже и не думали сообщить в правоохранительные органы? Вы же чувствовали, что ваш двоюродный брат убийца. И даже ни разу не обратились к властям? Этого я не понимаю, Лили. Ведь он вам угрожал. И до того запугал, что вам пришлось уехать из Парижа. А вы даже не обратились ни к кому за помощью. Просто убежали.

Лили опустила глаза. Наступила долгая тишина. Было только слышно, как в другой комнате громко тикают часы.

Джейн посмотрела на Сансоне. Вид у него был озадаченный. Затем она перевела взгляд на Лили, которая настойчиво прятала глаза.

— Ладно, — проговорила Джейн. — Что вы от нас скрываете?

Лили промолчала в ответ.

Джейн потеряла терпение.

— Почему, черт возьми, вы не хотите нам помочь поймать его?

— Вам его не поймать, — проговорила Лили.

— Почему же?

— Потому что он не человек.

Снова наступила долгая тишина, и снова Джейн слышала тиканье часов в соседних комнатах. Холодные иглы, вонзавшиеся в спину Джейн, превратились теперь в огромную ледяную глыбу.

Не человек. «И десять рогов, которые ты видел на звере...»

Сансоне придвинулся ближе к девушке. И тихо спросил:

— Кто же он тогда, Лили?

Она вздрогнула и обхватила себя руками.

— Мне не убежать от него. Он всегда меня настигает. Найдёт и теперь.

— Ну, хорошо, — в конце концов совладав с собой, сказала Джейн.

Разговор сильно отклонился от основной темы, и теперь Риццоли засомневалась: правду ли говорила девушка до того. Одно из двух — либо Лили Соул морочила им голову, либо просто бредила; Сансоне же не просто смаковал каждую путающую деталь, а прямо-таки подпитывал иллюзии девушки своими.

— Ладно, хватит морочить мне голову, — отрезала Джейн. — Я ищу не дьявола. А человека.

— В таком случае вам никогда его не поймать. И я ничем не могу вам помочь. — Лили посмотрела на Сансоне. — Мне нужно в уборную.

— Не можете помочь нам? — спросила Джейн. — Или не хотите?

— Послушайте, я устала, — резко отозвалась Лили. — Я прямо с самолета, у меня нарушен суточный ритм, и я два дня не принимала душ. Не буду больше отвечать на ваши вопросы.

С этими словами Лили вышла из комнаты.

— Она так ничего нам и не сообщила, — констатировала Джейн.

Сансоне посмотрел на дверь, за которой скрылась Лили.

— Ошибаетесь, — возразил он. — По-моему, кое-что сообщила.

— Она что-то скрывает. — Джейн вдруг смолкла. Зазвонил ее сотовый телефон. — Простите, — проговорила она и полезла к себе в сумочку.

Винс Корсак начал разговор без всяких преамбул.

— Ты должна приехать прямо сейчас, — выпалил он.

В трубке слышались отдаленная музыка и шумный разговор. «О Боже, — спохватилась она, — совсем забыла про эту чертову вечеринку».

— Послушай, мне и правда жаль, — сказала она. — Но, боюсь, сегодня никак не получится. У меня допрос в самом разгаре.

— Да только ты и сможешь тут разобраться!

— Винс, я очень занята.

— Это ведь твои родители. И что, черт возьми, прикажешь мне с ними делать?

Джейн запнулась.

— Что?

— Что?

— Они тут орут друг на друга. — Он вдруг замолчал. — Ага! Вот уже на кухню побежали. Пойду прятать ножи.

— Что, папа тоже у тебя?

— Только-только появился. Хотя я его и не звал! Сразу за твоей мамой пожаловал, и вот уже минут двадцать как они грызутся. Так ты едешь, нет? Потому что, если они не уймутся, придется мне звонить девять-один-один.

— Нет! Господи, только не это! — «Чтобы маму с папой увезли в наручники? Я этого не переживу!» — Ладно, сейчас приеду. — Она отключила телефон и посмотрела на Сансоне. — Мне надо ехать.

Он проводил ее в переднюю — там она надела пальто.

— Сегодня еще вернетесь?

— Сейчас она не очень-то сговорчива. Попробуем продолжить завтра.

Он кивнул.

— У меня она будет в безопасности.

— В безопасности? — Она хмыкнула. — То есть не дадите ей сбежать?

Джейн вышла в ночь — холодную и ясную. Перешла через улицу к «Субару» и уже собралась запустить двигатель, как вдруг услышала, что у стоявшей рядом машины хлопнула дверца. Она глянула на улицу и увидела, как к ней спешит Маура.

— А ты-то что здесь забыла? — удивилась Джейн.

— Узнала, что он разыскал Лили Соул.

— Да уж постарался.

— Ты ее уже допросила?

— Она ничего такого не сказала. В общем, мы не продвинулись ни на шаг. — Джейн снова взглянула на улицу, заметив, как на стоянку въехал фургон Оливера Старка. — Да что здесь сегодня происходит?

— Просто нам хочется поглядеть на Лили Соул.

— Нам? Только не говори, что ты примкнула к этим психам!

— Да никуда я не примыкала. Но дом мой поместили, Джейн, и мне хочется знать — почему. Хочется послушать, что скажет эта девушка.

Маура развернулась и направилась к дому Сансоне.

— Эй, док! — окликнула ее Джейн.

— Да?

— Гляди поосторожней там с Лили Соул.

— А что такое?

— Она или не в себе, или что-то скрывает. — Джейн задумалась. — А может, и то и другое.

Хоть Корсак и закрыл дверь в свою квартиру, Джейн отчетливо слышала drobный ритм музыки «диско», будто бы за стеной бешено колотилось сердце какого-нибудь великана. Хозяину дома было пятьдесят пять, он перенес сердечный приступ, и, возможно, песня «Остаться в живых»^[31] подходила ему как нельзя лучше. Джейн постучала в дверь, содрогаясь при мысли увидеть Корсака в домашнем облачении.

Он открыл дверь, и она уставилась на его блестящую шелковую рубашку с кругами от пота под мышками. Воротник расстегнут, из-под него видна грудь — волосатая, как у гориллы. Единственное, чего ему не доставало для завершения образа, — золотой цепочки на толстой шее.

— Слава Богу, — вздохнул он.

— Где они?

— Все там же, на кухне.

— И все еще живы, надеюсь?

— Они так кричали, так кричали. Ну и дела, никогда бы не подумал, что твоя мама может так выражаться!

Джейн прошла в дверь — и окунулась в полумрак, разреженный яркими лучами света, отражавшегося от бесчисленных сверкающих граней кружившего под потолком шара. В полутьме она разглядела с десяток скучающих гостей: одни стояли и потягивали спиртное, другие сидели на диване и машинально уплетали картофельные чипсы, предварительно обмакивая их в соус. Джейн впервые оказалась в доме новоиспеченного холостяка Корсака и тут же застыла на месте, потрясенная представшим перед ее глазами зрелищем. Стальной журнальный столик со столешницей из затемненного стекла и белый ворсистый ковер под ним. Большой телевизор со стереоколонками, такими огромными, что, казалось, водрузи на одну из них крышу, и вполне сошло бы за дом. И кругом черная кожа — везде-везде. Даже от стен тянуло тестостероном.

Затем сквозь бодрый ритм песни Джейн расслышала два громких голоса — на кухне.

— Ты не останешься здесь в таком виде. Какого черта! Думаешь, тебе снова стукнуло семнадцать?!

— Да какое ты имеешь право мне указывать, Фрэнк!

Джейн вошла на кухню, но родители ее даже не заметили — настолько они были заняты друг другом. «Что же она с собой сделала!» — изумилась Джейн, глядя на Анжелу в узком красном платье. С каких это пор она стала носить туфли на шпильках и красить веки зелеными тенями?

— Ведь ты уже бабка, Господи Боже мой, — возмущался Фрэнк. — И как только можно показываться на людях в таком наряде? Ты погляди на себя!

— По крайней мере хоть кто-то смотрит на меня. Ты ведь этого никогда не делал.

— Да у тебя же сиськи из платья вываливаются!

— Я думаю так: если есть чем гордиться — надо гордиться.

— И что ты хочешь этим доказать? Что ты и этот детектив Корсак...

— Спасибо. Винс хорошо со мной обращается.

— Мама! — воскликнула Джейн. — Папа!

— Винс?! Значит, ты уже зовешь его Винс?

— Эй! — еще раз окликнула их Джейн.

Только сейчас родители обратили на нее внимание.

— Ой, Джени! — проговорила Анжела. — Ты все-таки приехала!

— И ты знала об этом? — изумился Фрэнк, глядя на дочь. — Ты знала, что твоя мать пустилась во все тяжкие?

— Ха! — усмехнулась Анжела. — Да кто бы говорил!

— И ты позволила родной матери выйти из дома в таком виде?

— Ей пятьдесят семь, — сказала Джейн. — И что, я должна измерять длину ее платьев?

— Это... это же неприлично!

— Хочешь, я скажу, что неприлично? — возмутилась Анжела. — Это ты всегда вел себя неприлично — украл мою молодость, красоту и в конце концов вышвырнул меня на помойку. Это ты всегда норовил сунуть свой член в первую попавшуюся бабью задницу!

«Неужели я это слышу от мамы?»

— И у тебя еще хватает наглости говорить мне, что неприлично! Давай, иди к ней. А я остаюсь здесь. Хоть раз в жизни отведу душу. И уж повеселюсь на славу!

Анжела повернулась и, цокая шпильками, вышла из кухни.

— Анжела! Вернись немедленно!

— Папа! — Джейн схватила Фрэнка за руку. — Не трогай ее!

— Надо же ее остановить, пока она вконец не опозорилась!

— Не опозорила тебя, ты хочешь сказать.

Фрэнк вырвал руку.

— Она же твоя мать. Ты могла бы сделать ей внушение.

— Она пришла на вечеринку, что тут такого? Она же преступлений не совершала!

— Ее платье — вот где преступление. Хорошо, я успел вовремя, она

еще не успела выкинуть ничего такого, о чем бы потом пришлось жалеть.

— А ты-то что здесь забыл? Как узнал, куда она собралась?

— Она сама сказала.

— Кто — мама?

— Позвонила, сказала, что все мне прощает. Что я могу резвиться, сколько мне заблагорассудится, и что она тоже собирается повеселиться. Сегодня на вечеринке. А еще сказала, что мой уход для нее — лучший подарок в жизни. И вот я спрашиваю, что, черт возьми, у нее с головой?

«А то, — подумала Джейн, — что мама решила отомстить по полной программе. И показывает, ей-де наплевать, что ты смотал удочки».

— А этот малый, Корсак, — спросил Фрэнк, — он ведь моложе?

— Всего на несколько лет.

— Ты что, перешла на ее сторону?

— Я ни на чью сторону не переходила. Просто, по-моему, вам пора отдохнуть друг от друга. Пожить какое-то время отдельно. Уходи, ладно?

— Я не хочу уходить. Пока мы не разберемся до конца.

— Ты не имеешь права ни в чем ее упрекать. Сам знаешь.

— Она моя жена.

— А что скажет на это твоя подружка?

— Не называй ее так.

— И как же прикажешь ее называть? Подстилка?

— Ты же ничего не понимаешь.

— Я знаю только, что мама хочет немножко развлечься. Ей этого не хватает.

Он махнул рукой в сторону гостиной, откуда доносилась музыка.

— И ты называешь это развлечением? Да там же настоящая оргия!

— А как назвать то, чем занимаешься ты?

Фрэнк тяжело вздохнул, опустил голову на руки.

— Беда-то какая! Вот уж жуткая ебаная ошибка!

Джейн посмотрела на него, потрясенная тем, что он употребил слово на букву «е», а вовсе не сожалением, прозвучавшим в его голосе.

— Ума не приложу, что теперь делать, — проговорил он.

— А чего ты хочешь, папа?

Отец вскинул голову и посмотрел глазами, полными боли.

— Не могу решить.

— Отлично. Мама очень обрадуется, услышав такое.

— Я ее не узнаю! Она словно инопланетянка со вздыбленными сиськами. И эти парни наверняка смотрят ей под платье. — Вдруг он вскочил. — Точно. Я все-таки добьюсь своего.

— Нет, не надо. Лучше уходи. Прямо сейчас.
— Нет, только вместе с ней.
— Ты только сделаешь хуже. — Джейн взяла отца за руку и вывела из кухни. — Теперь уходи, папа.

Когда они проходили через гостиную, он посмотрел на Анжелу — она стояла с бокалом в руке, и в ярких мигающих лучах света, отражавшихся от шара, платье на ней вспыхивало разноцветными бликами.

— Ты должна быть дома к одиннадцати! — крикнул он жене.

И вышел из дома, громко хлопнув дверью.

— Ха! — усмехнулась Анжела. — Еще чего!

* * *

Джейн сидела на кухне перед разложенными на столе бумагами и поглядывала на часы: минутная стрелка уже показывала без десяти одиннадцать.

— Ты же не можешь тащить ее домой силком, — сказал Габриэль. — Она человек взрослый. И если хочет провести там всю ночь, что ж, ее воля.

— Не смей даже заикаться об этом. — Джейн стиснула пальцами виски, силясь подавить мысль о том, что ее мать может остаться ночевать у Корсака. Но Габриэль уже раскрыл шлюзы, и навязчивые образы хлынули на нее неудержимым потоком. — Сейчас же поеду туда, а то как бы чего не вышло. Как бы чего...

— А чего? Боишься, что она слишком хорошо проведет время?

Габриэль подошел к ней сзади, положил руки ей на плечи и начал растирать напрягшиеся мышцы.

— Брось, милая, не бери в голову. Да и что ты можешь поделать — ввести комендантский час?

— Я уже думаю об этом.

Тут из детской донесся громкий плач Реджины.

— Что-то все мои дамы сегодня не в настроении, — вздохнул Габриэль и вышел из кухни.

Джейн еще раз посмотрела на часы. Ровно одиннадцать. Корсак обещал посадить Анжелу в такси в целости и сохранности. Может, уже посадил. «Может, лучше позвонить и узнать, уехала она или нет?»

Однако вместо этого она переключила внимание на бумаги, разложенные на столе. Дело неуловимого Доминика Соула. Всего лишь обрывочные сведения о юноше, который двенадцать лет назад просто взял

и исчез, точно растворился в тумане. Она снова и снова всматривалась в школьную фотографию мальчика, в его поистине ангельской красоты лицо. Золотистые волосы, ярко-голубые глаза, орлиный нос. «Падший ангел».

Затем Джейн перевела взгляд на письмо от Маргарет, матери мальчика, в котором сообщалось о том, что она забирает сына из Путнэмской академии.

«Доминик не сможет продолжать учебу в следующем учебном году. Он уезжает вместе со мной в Каир...»

И с тех пор они словно в воду канули. В Интерполе не обнаружили ни одной регистрационной записи об их въезде в страну, да и вообще никаких сведений о том, что Маргарет и Доминик Соул когда-либо появлялись в Египте.

Джейн потеряла глаза, уставшие от долгого чтения бумаг, потом принялась собирать их и складывать обратно в папку. Дотронувшись до блокнота, она вдруг остановилась, обратив внимание на первую страницу. Перед ней была цитата из Откровения, записанная рукой Лили Соул:

«И десять рогов, которые ты видел на звере, сии возненавидят блудницу, и разорят ее, и обнажат, и плоть ее съедят, и сожгут ее в огне».

Но не слова привлекли внимание Джейн, заставив ее сердце учащенно забиться. А почерк.

Она порылась в папке и в очередной раз достала письмо Маргарет Соул, в котором та сообщала, что забирает сына из Путнэмской академии. Джейн положила письмо рядом с блокнотом. Сравнила обе записи — фразу из Библии и текст письма Маргарет Соул.

Вскочила на ноги. И крикнула:

— Габриэль! Мне нужно ехать.

Он вышел из детской с Реджиной на руках.

— Ты ведь знаешь, ей это вряд ли понравится. Почему бы не дать ей повеселиться лишний часок?

— Да не о маме речь. — Джейн прошла в гостиную. И Габриэль заметил, как она открыла шкаф и достала оттуда пистолет в кобуре. — А о Лили Соул.

— Ну а с ней-то что не так?

— Она солгала. Она прекрасно знает, где скрывается ее двоюродный брат.

— Я сообщила все, что знаю, — заверила Лили.

Джейн стояла в столовой дома Сансоне, где со стола еще не успели убрать тарелки с десертами. Джереми тихо поставил на стол перед Джейн чашку кофе, но та к ней даже не притронулась. Риццоли не стала смотреть на гостей за столом, ее взгляд был сосредоточен только на Лили.

— Почему бы нам с вами, Лили, не пройти в другую комнату? И не поговорить с глазу на глаз?

— Мне больше нечего добавить.

— А по-моему, есть, и много чего.

— Тогда задавайте свои вопросы прямо здесь, детектив, — предложила Эдвина Фелуэй. — Нам всем тоже очень хотелось бы их услышать.

Джейн обвела взглядом стол и сидевших за ним Сансоне и его гостей. Так называемый Клуб Мефисто. Даже Маура, хотя она в нем не состояла, была там, в их кругу. Эти люди, наверное, думают, будто знают, что такое зло, а на самом деле они его даже не замечают, им невдомек, что оно здесь — сидит с ними за одним столом. Затем взгляд Джейн снова обратился на Лили Соул — она так и сидела, не шелохнувшись, точно прилипнув к стулу, и вовсе не думала вставать. «Ладно, — решила Джейн. — Значит, тебе хочется поиграть со мной? Что ж, давай поиграем — при свидетелях».

Джейн раскрыла папку с делом, которую принесла с собой, достала нужную бумагу и выложила ее перед Лили на стол, прихлопнув сверху ладонью, да так, что зазвенели хрусталь и фарфор. Лили взглянула на написанное от руки письмо.

— Это писала не мать Доминика, — заявила Джейн.

— А что это? — спросила Эдвина.

— Уведомительное письмо о том, что пятнадцатилетнего Доминика забирают из Путнэмской академии, школы-интерната в Коннектикуте. Письмо писала предположительно его мать, Маргарет Соул.

— Предположительно?

— Это письмо писала не Маргарет Соул. — Джейн взглянула на Лили. — А вы.

Лили усмехнулась.

— Неужели по моему виду можно сказать, что я гоюсь ему в матери?

Тогда Джейн положила перед ней блокнот, раскрытый на странице со

строчкой из Откровения.

— А это, Лили, вы писали по моей просьбе сегодня. Мы точно знаем — это ваш почерк. — Джейн ткнула пальцем в письмо. — Совпадает.

Молчание. Лили напряглась, и ее губы превратились в две тонкие полоски.

— В то лето, когда вам было шестнадцать, ваш двоюродный братец Доминик решил скрыться, — снова заговорила Джейн. — После того что он натворил в Пьюрити ему, возможно, было необходимо скрыться. — Взгляд Риццоли сузился. — И вы ему помогли. А чтобы прикрыть его, придумали для всех историю про мать, которая якобы вдруг за ним приехала. И куда-то там увезла. Но все это ложь, верно? Маргарет Соул никогда не приезжала за сыном. Она даже ни разу у вас не объявилась. Разве нет?

— Я не буду отвечать, — сказала Лили. — Имею право.

— Так где же он? Доминик?

— Когда найдете, дайте знать.

Лили отодвинула стул и встала из-за стола.

— Что же произошло между вами в то лето?

— Я иду спать.

Лили повернулась и направилась к выходу.

— Может, он сделал за вас всю черную работу? Поэтому вы его и выгораживаете?

Лили остановилась. Медленно повернулась — глаза ее грозно сверкнули.

— После смерти родителей вам перепало приличное наследство, — настаивала Джейн.

— В наследство мне достался дом, который никто не хочет покупать. Да счет в банке — деньги я потратила на учебу в колледже, вот и все.

— Лили, вы ладили с родителями? Между вами были разногласия?

— Если вы думаете, что я хоть раз...

— Такое случается со всеми подростками. Но, может, ваши ссоры зашли слишком далеко. Может, вам не терпелось уехать из этой глуши и зажить своей жизнью. И вот летом приезжает ваш двоюродный братец и подбрасывает кое-какие мыслишки. Как сбежать без лишнего шума. И без лишних проволочек.

— Вы и понятия не имеете, что было на самом деле.

— Тогда расскажите сами. Почему именно вы обнаружили тело Тедди в озере. Почему именно вы нашли свою мать под лестницей.

— Я никогда не доставляла им неприятности. Если б я только знала...

— Вы были любовниками? Вы с Домиником?

Лицо у Лили аж побелело от ярости. И Джейн вдруг показалось, что девушка, того и гляди, набросится на нее.

Тут тишину пререзал громкий звонок. Все посмотрели на Сансоне.

— Охранная сигнализация сработала от вторжения, — сказал он, вставая из-за стола. И прошел к висевшему на стене контрольному щиту. — Пытались влезть в окно, выходящее в сад.

— В дом кто-то проник? — спросила Джейн.

— Это он, — тихо произнесла Лили.

В столовую вошел Джереми.

— Я только что проверил. Окно закрыто.

— Может, просто ложный сигнал. — Сансоне посмотрел на гостей. — Думаю, всем лучше оставаться здесь, пока я не проверю систему.

— Нет, — сказала Лили, в ужасе поглядывая то на одну дверь, то на другую, словно ожидая, что в какую-нибудь из них вот-вот ворвется преступник. — Я не собираюсь здесь оставаться. В этом доме.

— Вам ничего не угрожает. Мы вас защитим.

— А кто защитит вас? — Она обвела взглядом комнату, посмотрела на Мауру, потом на Эдвину с Оливером. — Да-да, всех вас! Вы даже не знаете, с чем имеете дело!

— Так, всем оставаться на местах! — велела Джейн. — Я сама пойду на улицу и все проверю.

— Я с вами, — подхватил Сансоне.

Джейн собралась было отвергнуть его предложение. Но тут вспомнила Еву Кассовиц, которую тащили по обледенелой дорожке; ее пистолет так и остался нетронутым на поясе.

— Ладно, — согласилась она. — Пошли.

Они облачились в пальто и вышли из дома. На улице под фонарями искрились застывшие лужицы света. Лед был везде и всюду — все кругом казалось гладким-гладким и сверкало точно стекло. Даже если злоумышленник сюда и пробрался, следов бы они не увидели. Джейн включила свой фонарь и провела лучом света по твердому, как алмаз, плитняку. Они с Сансоне обошли дом, вышли к железным воротам и проникли в узкий боковой дворик. Здесь убийца и нанес Еве Кассовиц сокрушительный удар. По этой самой дорожке он и тащил ее тело, а из ее рассеченной головы ручьем текла кровь, заливая гранитные плиты и тут же застывая длинными красными полосами.

Джейн машинально достала из кобуры оружие и держала его наготове: пистолет как бы стал частью ее самой, оказавшись у нее в руке словно по

волшебству. Она двинулась в сторону заднего сада, пронизывая лучом фонаря тени и скользя подошвами по льду. И вот уже луч уперся в припорошенные снегом ветви разлапистого плюща. Джейн знала, Сансоне у нее за спиной, но он передвигался так тихо, что она даже остановилась и оглянулась через плечо, чтобы удостовериться, действительно ли Энтони идет следом.

Риццоли свернула за угол дома и осветила фонарем запертую калитку в сад. И внутренний дворик, где всего лишь несколько недель назад в застывшей на камнях луже крови лежало окоченевшее тело Евы. Джейн не заметила ни малейших признаков движения, ни единой промелькнувшей тени. Ни одного демона в черном капюшоне.

— Здесь? — спросила она. И направила луч фонаря на окно, тут же увидев, как свет отразился от стекла. — В это окно пытались залезть, если верить вашей сигнализации?

— Да.

Джейн перешла через дворик и приблизилась к окну.

— Сетки на нем нет?

— Джереми снимает их на зиму.

— И оно всегда заперто на шпингалеты изнутри?

— Да. Безопасность для нас очень важна.

Джейн осветила наружный подоконник. И заметила на его деревянной поверхности царапину. «Свежая».

— Вот в чем все дело, — шепнула она. — Кто-то пытался сломать раму.

Сансоне взглянул на подоконник.

— От этого сигнализация не сработала бы. Она срабатывает, только если вскрыть окно.

— Так ведь ваш дворецкий сказал, оно заперто.

— Значит... — Сансоне осекся. — Господи!

— Что такое?

— Он забрался в окно, а потом снова запер его. Он уже в доме!

Сансоне развернулся и кинулся по боковому дворику обратно, да так быстро, что его ботинки чуть не разъехались на льду. Он едва не упал, но удержался и побежал дальше. Джейн едва успела подойти к парадной двери, а он уже выводил гостей из столовой.

— Пожалуйста, одевайтесь, — попросил он. — Всем нужно отсюда уйти. Джереми, подкатите, пожалуйста, коляску Оливера, а я помогу ему спуститься по лестнице.

— Да что, наконец, происходит? — удивлялась Эдвина.

— Делайте что вам говорят! — приказала Джейн. — Берите пальто и выходите через парадную дверь.

Пистолет Джейн — вот что привлекло внимание гостей. Он почему-то был не в кобуре, а в руке. И эта деталь словно бы кричала: «Это не игра! Это на самом деле!»

Лили очнулась первая. Она опрометью выскочила из столовой и кинулась в переднюю — остальные последовали за нею и принялись спешно натягивать верхнюю одежду. Когда гости высыпали из парадной двери на холодную улицу, Джейн, прикрывая их сзади, уже звонила по сотовому телефону — вызывала подмогу. Хотя она и была вооружена, ей совершенно не хотелось рисковать и обыскивать дом в одиночку.

И вот некоторое время спустя появилась первая патрульная машина — с мигалкой, но без сирены. Она затормозила, и из нее вышли двое полицейских.

— Окружите дом! — приказала Джейн. — Отсюда никто не должен выйти.

— А кто там, в доме?

— Как раз это мы и пытаемся выяснить. — Она глянула на улицу, в ту сторону, откуда приближалась вторая патрульная машина. Значит, на подмогу подъехали еще двое. — Так, ты, — обратилась она к молодому полицейскому. Сегодня ей были нужны быстрая реакция и острый глаз. — Ты пойдешь со мной.

Джейн вошла в дом первая, патрульный с оружием на изготовку — за нею следом. В передней он немного задержался, разглядывая изящную мебель и картину над камином. Джейн точно знала, о чем он сейчас думает: «Дом богача!»

Риццоли отодвинула потайную панель и заглянула в стенной шкаф — лишний раз удостовериться, что там пусто. Затем они двинулись дальше и, пройдя через столовую и кухню, попали в огромную библиотеку. Однако времени любоваться содержимым стеллажей, громоздившихся до самого потолка, у них не было. Они охотились на чудовище.

Полицейские двинулись вверх по лестнице вдоль изогнутых перил. За ними пристально следили глаза с написанных маслом портретов. Они прошли под портретами какого-то мужчины с задумчивым взором и женщины с миндалевидными глазами. Двух девочек с ангельскими личиками, сидящими за клавесином. Поднявшись на верхнюю площадку, они глянули вниз — на устланный ковром коридор со множеством дверей. Джейн не знала ни планировки дома, ни того, что могло ждать ее впереди. И хотя следом за нею неотступно шел патрульный, а возле дома дежурили

еще трое полицейских, она чувствовала, что ее ладони вдруг увлажнил пот, а сердце забилося так часто, словно готово было вырваться из груди. Они переходили из комнаты в комнату, заглядывали в каждый стенной шкаф, в каждую дверь. Осмотрели все четыре спальни, все три ваннe комнаты.

И наконец вышли к узкой лестнице.

Джейн остановилась, глядя на дверь мансарды. «О черт, — подумала она, — не хочется туда подниматься».

Тем не менее она ухватила за перила и шагнула на первую ступеньку. Услышала, как та скрипнула под тяжестью ее веса и поняла, что скрип наверняка услышал и тот, кто, возможно, затаился наверху, и знает: кто-то поднимается по лестнице. У себя за спиной она слышала только учащенное дыхание патрульного.

«Он тоже чувствует это. Присутствие зла».

Риццоли взобралась вверх по скрипучим ступеням и оказалась у двери. Прикоснувшись потной ладонью к ручке, она оглянулась — ее напарник кивнул, быстро и нервно.

Джейн распахнула дверь и шагнула в проем, пронзив лучом фонаря мрак, скрывавший неясные предметы. Она заметила, как медным блеском сверкнуло нечто бесформенное, готовое кинуться на нее.

Наконец полицейский у нее за спиной нащупал на стене выключатель и зажег свет. Резкая вспышка ослепила ее. Но уже в следующее мгновение приземистые злобные чудища, готовые на нее напасть, вдруг превратились в мебель, торшеры и скатанные в рулоны ковры. То была настоящая сокровищница — хранилище всевозможных древностей. Сансоне и впрямь был чертовски богат: у него даже ненужная мебель, похоже, стоила целое состояние. Джейн двинулась в глубь мансарды, чувствуя, как пульс у нее бьется уже не так часто, а страхи мало-помалу улетучиваются. Чудовищ не оказалось и здесь, наверху.

Джейн сунула пистолет обратно в кобуру и так и осталась стоять среди всех этих сокровищ, чувствуя себя дурой. Значит, охранная сигнализация действительно дала сбой. «Но тогда откуда взялась свежая царапина на деревянном подоконнике?»

Внезапно ожила полицейская радиосвязь.

— Грэффам, ну что там у вас?

— Вроде как все чисто.

— Риццоли с тобой?

— Да, рядом.

— У нас тут неприятность.

Джейн вопросительно взглянула на полицейского.

- Что там еще? — спросил он в микрофон.
- Доктор Айлз хочет с ней поговорить — срочно.
- Сейчас идем.

Джейн последний раз окинула взглядом мансарду, и они направились вниз по лестнице, обратно в коридор — мимо спален, которые уже осмотрели, и ликов на портретах, которые наблюдали за ними всего несколько минут назад. И снова у Джейн бешено заколотилось сердце, когда она вышла из парадной двери в ночь, озаренную вспышками полицейских мигалок. К тому времени подоспели еще две патрульные машины — и беспрерывно мигающий резкий свет опять на несколько мгновений ослепил Риццоли.

- Джейн, она сбежала.

Джейн взглянула на Мауру, стоявшую в контражурном свете фар патрульных машин.

- Что?

— Лили Соул. Мы стояли тут, на тротуаре. Потом оглянулись — а ее уже и след простыл.

- Черт!

Джейн окинула пристальным взглядом улицу — осмотрела сбившихся в кучки, похожих на призраков полицейских и просто зевак, выскочивших из дома на холод, чтобы поглазеть на захватывающее зрелище.

— Это случилось всего-то несколько минут назад, — проговорила Маура. — Она не могла уйти далеко.

Лили мчалась стрелой сначала по одному переулку, потом по другому, все больше углубляясь в лабиринт незнакомого города. Она никогда не бывала в Бостоне и не имела ни малейшего представления, куда бежит. До нее отовсюду доносился рев сирен патрульных машин, которые, точно акулы, кружили где-то совсем неподалеку. Заметив свет фар, она тут же бросилась в ближайший проулок. И спряталась за мусорными баками, пережидая, пока наконец проедет патрульная машина, которая медленно ползла по улице. Как только она повернула за угол, Лили снова пустилась наутек, только уже в другую сторону. Теперь она бежала под горку, то и дело поскользываясь на обледенелых булыжниках и чувствуя, как рюкзак нещадно колотит ее по лопаткам. Одета она была совсем не по погоде, и ноги у нее очень быстро окоченели, как, впрочем, и руки без перчаток. В очередной раз она поскользнулась в своих кроссовках так, что не устояла и плюхнулась на мягкое место. От удара при падении ее спину пронзила острая боль. И несколько мгновений так и просидела, зажмурившись от боли. Когда же в глазах у нее наконец прояснилось, она заметила, что оказалась у подножия холма. Прямо через улицу виднелся какой-то парк, обрамленный кустами и голыми деревьями, которые отбрасывали длинные, тощие тени на затянутый ледяной коркой снег. Затем ее взгляд привлек знакомый светящийся знак.

Знак метро.

Нужно просто прыгнуть в поезд, и в считанные минуты можно оказаться в другой части города. К тому же там тепло.

Лили встала на ноги, превозмогая боль в копчике и расцарапанных при падении ладонях. Перешла, прихрамывая, через улицу и, не успев сделать и двух-трех шагов по тротуару, вдруг остановилась.

Из-за угла показалась полицейская патрульная машина.

Девушка тут же метнулась в парк и нырнула в кусты. Затаившись за ними с бешено бьющимся сердцем, она решила переждать, когда полицейские проедут мимо, — но они и не думали ехать дальше. Глянув сквозь кусты, беглянка увидела, как их машина остановилась неподалеку от входа в подземку. Черт! Планы меняются.

Лили огляделась вокруг и заметила мерцающий вдали знак другой станции метро, располагавшейся на другой стороне парка. Она вскочила на ноги и двинулась по газону, стараясь держаться в тени деревьев. Снег везде

был покрыт ледяной коркой, и с каждым ее шагом раздавался громкий хруст, а ноги проваливались в глубокие сугробы. Но Лили упорно продвигалась вперед, хотя чуть не потеряла одну кроссовку — она застряла в снегу — и задыхалась, оттого что выбилась из сил. И вдруг сквозь хрипы собственного дыхания она услышала за спиной странные звуки. Хруст, шорох. Она остановилась, оглянулась. И у нее едва не остановилось сердце.

За деревом кто-то мелькнул. Безликий, нечеткий силуэт в черном, больше похожий на тень, чем на нечто телесное. «Это он».

Всхлипнув, Лили бросилась бежать дальше, продавливая подошвами кроссовок ледяной наст. Шум ее собственного дыхания, громкий и частый стук ее собственного сердца заглушали посторонние звуки, но девушка чувствовала — он дышит ей в спину. Он всегда был у нее за спиной — каждую минуту, каждую секунду; он шел за нею по пятам везде и всюду, словно шепча проклятия. Но не так близко, еще никогда он не был так близко! Она не оборачивалась, чтобы не видеть приближения твари из терзавших ее кошмаров. Она просто рвалась вперед, даже когда потеряла одну кроссовку и когда носок на ноге промок насквозь и обледенел.

И вдруг Лили выскочила из сугроба — прямо на тротуар. Прямо перед входом на станцию. Она бросилась вниз по лестнице, в ужасе предчувствуя, как позади вот-вот захлопают крылья и в спину ей вонзятся когти. Но тут девушка почувствовала, как из подземного туннеля на нее пахнуло теплом, и увидела толпу высыпавших ей навстречу пассажиров.

«Возиться с деньгами нет времени. Прыгай через турникет!»

Лили перемахнула через него, шлепнув мокрым носком по вымощенному плиткой полу. Два шага — и она застыла как вкопанная.

Прямо перед ней стояла Джейн Риццоли.

Лили мигом развернулась — назад к турникету, через который только что перемахнула. Но путь к отступлению ей преградил полицейский.

Она лихорадочно огляделась вокруг, в ужасе ожидая, что сейчас перед нею возникнет тварь, которая ее преследовала, но увидела только пассажиров, смотревших на нее с удивлением.

Наручники сомкнулись вокруг запястий Лили.

* * *

Девушка сидела в припаркованной возле входа в метро машине Джейн Риццоли; у нее больше не было сил планировать побег. Мокрый носок

затвердел так, что сжимал ей ногу ледяными тисками; она никак не могла отогреться и дрожала всем телом, хотя в салоне работал обогреватель.

— Ну ладно, Лили, — заговорила Джейн. — Теперь ты расскажешь мне всю правду.

— Да вы же мне не поверите.

— А ты попробуй.

Лили сидела, не шелохнувшись, ее растрепанные волосы разметались по лицу. Теперь уже все равно. Она устала бегать. «Сдаюсь».

— Где Доминик? — спросила Джейн.

— Умер, — ответила Лили.

Секунду-другую Джейн обдумывала услышанное и делала выводы. За закрытым окном провыла сирена проезжавшей мимо пожарной машины — в салоне же, где сидели женщины, слышалось только шипение обогревателя.

— Это ты убила его? — продолжала задавать вопросы Джейн.

Лили сглотнула.

— Да.

— Значит, его мать не приезжала за ним, так? И не увозила ни в какую границу. Поэтому ты и написала в школу то письмо.

Лили опустила голову еще ниже. Какой смысл отрицать что-либо! Эта женщина уже все сложила воедино.

— Из школы звонили. Они звонили каждый божий день — все спрашивали, когда он вернется. Вот и пришлось им отписать, чтобы они отвызались и не допытывались, где он да что с ним.

— Как же ты его убила?

Лили вздохнула и содрогнулась.

— Это случилось через неделю после папиных похорон. Доминик был в нашем гараже. Разглядывал мамину машину. Он сказал, что ей она-де больше не нужна и ему хотелось бы взять ее себе. — Тут голос у Лили сорвался на шепот. — Тогда я ему и сказала, что все знаю. Что это он их убил.

— Как ты узнала?

— Из его блокнота. Он прятал его у себя под матрасом.

— И что было в блокноте?

— Все про нас. Целые страницы о нудном семействе Соул. Что мы делали изо дня в день, о чем разговаривали между собой. Были там и записи о том, по какой тропинке Тедди ходил на озеро. Какие лекарства мы держали в аптечке, в ванной. Что ели на завтрак, как желали друг другу спокойной ночи. — Лили замолчала. Сглотнула подступивший к горлу

комок. — А еще он знал, где папа хранил ключ от ящика с пистолетом. — Она посмотрела на Джейн. — Он изучал нас вроде как ученый. А мы были для него вроде как подопытные крысы.

— Он так и написал в своем блокноте, что убил твоих родных?

Лили заколебалась.

— Нет. Последняя его запись была помечена восьмым августа — как раз в тот день Тедди... — Она запнулась. — Он же прекрасно понимал: о таком лучше не писать.

— А где сейчас тот блокнот? У тебя?

— Я сожгла его. Вместе со всеми остальными его книжками. Мне было противно на них смотреть.

Лили поняла по глазам Джейн: «Ты уничтожила улики. Как же я могу тебе верить?»

— Ладно, — вздохнула Риццоли. — Ты сказала, что застала Доминика в гараже. И предъявила ему обвинения.

— Я была вне себя и даже не представляла, что может случиться.

— И что же случилось?

— Когда я ему сказала, что все знаю, он уставился на меня как ни в чем не бывало. Ни страха в глазах, ни раскаяния. «Ты не сможешь ничего доказать», — только и ответил он. — Лили вдохнула и медленно выдохнула. — Даже если б я и сумела что-то доказать, ему тогда было только пятнадцать. И в тюрьму бы его не посадили. Через несколько лет он снова был бы свободен! А моих родных было уже не воскресить.

— Так что же тогда случилось?

— Я спросила его — почему. Почему он поступил так жестоко. И знаете, что он ответил?

— Что же?

— «Тебе надо было быть со мной поласковой». Вот что он сказал. И только. Потом осклабился и направился к выходу, как будто ему было наплевать на все на свете. — Она помолчала. — Тогда я и сделала это.

— Как?

— Я схватила лопату. Она стояла у стенки. Даже не помню, как она оказалась у меня в руках. Я и тяжести-то ее не почувствовала. Руки у меня были как будто... как будто чужие. Он упал, но был все еще в сознании и начал от меня отползать. — Лили глубоко вздохнула. И чуть слышно прибавила: — Тогда я снова ударила его.

На улице стало тихо. Пронизывающий холод прогнал с улиц последних прохожих, и только редкие машины проезжали мимо.

— А потом?

— Единственное, о чем я тогда думала, — как избавиться от тела. Я запихнула его в мамину машину. Подумала, может, сойдет за несчастный случай. Стояла ночь, поэтому никто ничего не видел. Села в машину и поехала к карьру, что в нескольких километрах от города. Подъехала к самому краю и столкнула машину в воду. Надеюсь, рано или поздно ее заметят. И сообщат куда следует. — Лили горько усмехнулась. — Но никто ничего не нашел и никуда не сообщил. Можете себе такое представить? — Она посмотрела на Джейн. — Машину так и не нашли.

— И ты продолжала жить дальше.

— Я закончила школу. И уехала из города, навсегда. Не хотела оказаться там в тот момент, когда обнаружат его труп.

Некоторое время женщины молча смотрели друг на друга. Потом Джейн сказала:

— Думаю, ты понимаешь: сейчас ты сама призналась в убийстве Доминика Соула. И я вынуждена тебя арестовать.

Лили и бровью не повела.

— Я сделала бы это снова. Он заслужил.

— Кто знал об этом? Кому еще было известно, что ты его убила?

Лили помолчала. Мимо них прошли двое, пряча головы от ветра, кутаясь в воротники пальто.

— Сара и Лори-Энн знали?

— Они были моими лучшими подругами. Пришлось им рассказать. Они поняли, почему я это сделала. И поклялись хранить тайну.

— И теперь твои подруги мертвы.

— Да. — Лили вздрогнула и обхватила себя руками. — Это я виновата.

— А еще кто-нибудь об этом знал?

— Я больше никому не рассказывала. Думала, все кончено. — Она вздохнула. — Ну а потом Сара получила ту открытку.

— С отсылкой к Откровению?

— Да.

— Значит, о том, что ты сделала, знал еще кто-то. Тот, кто видел тебя той ночью или где-то услышал об этом. И теперь забавляется, издеваясь над тобой.

Лили покачала головой.

— Ту открытку мог послать только Доминик.

— Но ведь он умер. Как же он мог?

Лили некоторое время молчала, отлично понимая — то, о чем она собиралась рассказать, наверняка покажется этой женщине, доверяющей только логике, полным бредом.

— Вы верите в жизнь после смерти, детектив? — спросила она.

Как Лили и догадывалась, Джейн только хмыкнула.

— Я верю в то, что жизнь дается только раз. И прожить ее надо как следует.

— А вот древние египтяне верили в жизнь после смерти. Они считали, что у каждого человека есть «ба», они изображали ее в виде птицы с человеческим лицом. Ба — это наша душа. После смерти человека она высвобождается из его тела и может снова вернуться в мир живых людей.

— И какое же отношение вся эта египетская дребедень имеет к твоему двоюродному брату?

— Он же родился в Египте. От матери ему досталась куча книг, некоторые из них — довольно-таки старые, с текстами из египетских саркофагов. Магические заклинания, позволяющие вернуть ба к жизни. И у него, думаю, получилось.

— Ты это о чем — о воскрешении?

— Нет. Об одержимости.

Наступившая вдруг тишина, казалось, будет длиться вечно.

— Ты имеешь в виду одержимость дьяволом? — наконец спросила Джейн.

— Да, — тихо проговорила Лили. — Ба находит новое обиталище.

— И что, вот так завладевает чьим-то телом? Заставляет человека убивать?

— У души нет физической формы. Она должна распоряжаться настоящим, живым человеком. Понятие одержимости дьяволом — штука не новая. Католическая церковь знала об этом всегда, они даже описывали подобные случаи. У них есть обряды изгнания дьявола.

— Ты хочешь сказать, эта самая «ба» твоего братца переселилась в чье-то тело? И таким образом он за тобой гоняется. И таким образом ему удалось убить двух твоих друзей.

Лили уловила в голосе Джейн нотку сомнения и вздохнула.

— Какой смысл говорить об этом? Ведь вы в такие вещи не верите.

— А ты? Я имею в виду — взаправду?

— Двенадцать лет назад не верила, — тихо проговорила Лили. И посмотрела на Джейн. — А теперь верю.

* * *

«Двенадцать лет под водой!» — думала Джейн.

Она стояла на краю карьера, дрожа от холода и прислушиваясь к мерному рокоту двигателя подъемного крана и скрипу троса, натянувшегося в струну под тяжестью давно затонувшей машины, которую теперь доставали со дна. А что происходит с телом, пролежавшим в воде, среди водорослей, зацветающих каждое лето двенадцать лет подряд, и в холоде — за двенадцать зим? Люди, стоявшие позади Джейн, хранили суровое молчание: они, как и Риццоли, конечно же с ужасом ожидали, когда перед ними предстанет тело Доминика Соула. Окружной судмедэксперт доктор Кибби поднял воротник пальто и прикрыл шарфом лицо — почти целиком, будто прячась от того, что происходило вокруг, будто желая оказаться где угодно, только не здесь. Где-то наверху, на ветках деревьев, каркали три вороны — им, как видно, не терпелось увидеть добычу и отведать мертвечины. «Хоть бы на костях не осталось плоти», — думала Джейн. Скелет еще куда ни шло. Скелеты — праздничное украшение для Хэллоуина, бряцающий пластик. Ничего человеческого.

Она мельком глянула на Лили — та стояла рядом. «Тебе-то, поди, еще хуже. Ведь ты знала его. И убила своими собственными руками». Но Лили даже не отвернулась — она так и застыла возле Джейн, пристально вглядываясь в глубину карьера.

Трос натянулся еще туже — из черной проруби, где плавали мириады осколков льда, вот-вот должен был показаться зловещий груз. Под воду уже спускался водолаз, чтобы подтвердить: машина действительно находится там, но вода оказалась до того темной, а всколыхнувшийся со дна осадок — до того густым, что салон пока нельзя было разглядеть. Вдруг вода словно вскипела — и на поверхности наконец показалась машина. Благодаря воздуху в шинах при погружении она перевернулась колесами вверх — и сейчас так же всплывала, кверху ржавым, прохудившимся днищем, сплошь в щелях, из которых вытекала вода. Вслед за тем, напоминая всплывшего кита, на поверхности показался задний бампер: номерной знак на нем было не разглядеть — за все эти годы он успел зарости водорослями и покрыться илом и песком. Двигатель подъемного крана оглушительно взревел и завыл, и вой механизмов, казалось, пронзил голову Джейн насквозь. Она почувствовала, как Лили, сжавшись, прислонилась к ней, и подумала, что вот теперь-то девушка не выдержит и убежит в ее машину. Однако Лили выдержала: она стояла и молча наблюдала, как зловещий груз показался над краем карьера и медленно опустился на снег.

Рабочий высвободил трос. Двигатель рывкнул еще раз, кран дернулся — и машина перевернулась на колеса. Вода, вытекавшая из нее ручьями, окрасила снег в грязно-коричневый цвет.

Некоторое время к машине никто не подходил. Все ждали, когда из нее полностью вытечет вода. Затем доктор Кибби натянул перчатки и, осторожно ступая по грязному снегу, направился к машине. Взялся за ручку дверцы, дернул, но дверца не открылась. Тогда он зашел со стороны пассажирского сиденья и налег на ручку той дверцы. И тут же отскочил, намочив ботинки и брюки.

Доктор Кибби оглянулся на остальных и снова уставился на дверь, откуда все еще струилась вода. Затем он перевел дух и, чуть помедлив, заглянул внутрь машины. Какое-то время он так и стоял — согнувшись, выпятив зад наружу. Потом вдруг резко выпрямился и обернулся к остальным.

— Там ничего нет, — констатировал он.

— Что? — удивилась Джейн.

— Пусто.

— Что, никаких останков?

Доктор Кибби покачал головой.

— Тела в машине нет.

* * *

— Водолазы тоже ничего не нашли, Лили. Ни тела, ни скелета. Ни одного доказательства, что твой двоюродный брат был в воде.

Они сидели вдвоем в машине Джейн, а хлопья падающих снежинок медленно ложились на лобовое стекло, затягивая его белой кружевной вуалью, которая с каждой минутой становилась все плотнее.

— Но мне же это не приснилось! — воскликнула Лили. — Я же знаю, что это случилось на самом деле. — Она бросила на Джейн затравленный взгляд. — Зачем мне было все придумывать? И признаваться, что я его убила, если бы это была неправда?

— То, что это машина твоей матери, мы установили. В течение двенадцати лет регистрация не обновлялась. Ключи так и остались в замке зажигания.

— Я же говорила, они там. И точное место, где искать машину, тоже указала.

— Да, все, что ты рассказала, подтвердилось, кроме одной мелочи. Тело отсутствует.

— Оно же могло разложиться, совсем.

— Тогда остался бы скелет. Но ведь ничего же не осталось. Ни

одежды, ни костей. — Джейн помолчала. — Сама знаешь, что это значит.

Лили сглотнула. И уставилась на лобовое стекло, теперь уже полностью засыпанное снегом.

— Он жив.

— И убегаешь ты вовсе не от призрака. И не от злого духа. Доминик состоит из плоти и крови и, похоже, сильно рассержен на тебя за то, что ты пыталась его убить. Так-то вот, Лили. Все дело в мести. Двенадцать лет назад он был еще мальчик. А теперь стал мужчиной — и жаждет отыграться. В августе прошлого года он потерял твой след в Италии и не знал, где тебя искать. Вот он и отправился к Саре и Лори-Энн, чтобы разузнать о тебе. Но они тоже не знали, где ты, — от них не было никакого толка. Тогда ему пришлось придумывать другой способ, как тебя найти.

— Через Фонд Мефисто, — пробормотала Лили.

— Если Фонд действительно на хорошем счету, значит, о нем известно не только правоохранительным органам. Ясное дело, и Доминик слышал о них. И конечно же знал, чем привлечь их внимание. Вот он и позвонил тогда Джойс О'Доннелл. Исписал стены латинскими словечками, ракушку подбросил, начертил сатанинские знаки — и все только для того, чтобы в Фонде Мефисто подумали: без Сатаны тут явно не обошлось. А я думаю, он просто играл с ними.

— Они были нужны Доминику, чтобы выйти на меня.

— И они славно потрудились, верно? Нашли тебя всего-то за десять дней.

Лили ненадолго задумалась. Потом сказала:

— Так, тела нет. Значит, в убийстве меня теперь не обвиняют. В таком случае вы не можете меня больше задерживать.

Джейн посмотрела в ее испуганные глаза и подумала: «Она хочет сбежать».

— Ведь я свободна, так?

— Свободна? — Джейн усмехнулась. — И ты считаешь это свободой — жить, как затравленный заяц?

— Но я ведь выжила, верно?

— И как же ты собираешься защищаться? Неужели так и будешь бегать без конца? Речь идет не о дьяволе — о человеке. Его можно обезвредить.

— Вам легко говорить. Он же не за вами охотится!

— Верно, это я охочусь на него, и мне нужна твоя помощь. Так помоги мне, Лили. Ты же знаешь его лучше, чем кто бы то ни было.

— Поэтому он не может оставить меня в живых.

— Даю слово, ты будешь в безопасности.

— Вы не сможете сдержать обещание. Думаете, он не знает, где я? Вы даже не представляете, какой он дотошный. Не упускает ни одной мелочи, ни малейшей возможности. Пусть он живой и дышит воздухом. Только вы ни за что не убедите меня, что он человек.

Тут у Джейн зазвонил сотовый телефон — и обе женщины вздрогнули. Отвечая на звонок, она чувствовала на себе взгляд Лили — напряженно-вопросительный. «Она ждет худшего».

Звонил Барри Фрост.

— Вы где там? — спросил он.

— Все еще в Норвиче. Уже поздно, так что заночуем здесь, в мотеле, а в город вернемся только завтра утром.

— Думаю, лучше не привозить ее сюда.

— Почему это?

— Потому что у нас тут большая неприятность. Оливер Старк мертв.

— Что?

— Кто-то позвонил с телефона Старка по девять-один-один и не положил трубку. Так мы на это дело и вышли. Сейчас я в его доме. Господи, да здесь настоящая кровавая бойня! Он так и сидит, привязанный к креслу-каталке, только его совсем не узнать. Бедный парень, вот не повезло! — Фрост замолчал, ожидая, что она на это скажет. — Риццоли!

— Надо предупредить остальных, Сансоне и госпожу Фелуэй.

— Я уже звонил им, и доктору Айлз тоже. В Европе тоже есть члены Фонда Мефисто, теперь и они там все на чеку — принимают меры предосторожности.

Джейн вспомнила, что несколько минут назад сказала ей Лили: «Вы ни за что не убедите меня, что он человек». Какие же нужны меры предосторожности против убийцы, способного проходить чуть ли не через стены?

— Он устроил на них охоту, на всех, — заметила Джейн.

— Похоже на то. Положение оказалось хуже, чем мы думали. Дело не только в Лили Соул. Оно касается всех членов Фонда.

— Какого черта он заварил всю эту кашу? Почему охотится за ними?

— Знаешь, как это называл Сансоне? — сказал Фрост. — Истребление. Может, мы просчитались насчет Лили Соул. Может, главная мишень вовсе не она.

— В любом случае назад я ее не повезу.

— Лейтенант Маркетт считает, в Бостоне ей будет небезопасно, и я того же мнения. Мы тут разрабатываем кое-какие долгосрочные планы, но

на это уйдет пара дней.

— И что мне все это время с ней делать?

— Сансоне предлагает перевезти ее в Нью-Хэмпшир, в домик на Белых горах. Говорит, там безопасно.

— Чей это дом?

— Какого-то приятеля госпожи Фелуэй.

— Думаешь, мнению Сансоне можно доверять?

— Маркетт уже дал «добро». Сказал, начальство в нем не сомневается.

«Выходит, они знают о Сансоне побольше моего».

— Ладно, — согласилась Джейн. — Как найти тот дом?

— Госпожа Фелуэй позвонит тебе и все растолкует.

— А как же Сансоне с Маурой? Им-то что делать?

— Они тоже туда подъедут. И будут ждать вас там.

Был час пополудни, когда они пересекли границу штата Массачусетс и въехали в Нью-Хэмпшир. Лили не проронила и двух слов с тех пор, как они выехали из Онеонты, где ночевали в мотеле. Их путь лежал на север, к Белым горам, и единственное, что сейчас нарушало тишину в машине, — это шуршание стеклоочистителей, смахивавших снежинки с лобового стекла. «Она слишком взволнована, чтобы болтать», — решила Джейн, взглянув на молчаливую попутчицу. Ночь они провели в двухместном номере, и Джейн слышала, как Лили металась и крутилась на соседней кровати; теперь глаза девушки казались запавшими, а лицо так осунулось, что сквозь бледную кожу проступали скулы. Прибавь Лили Соул несколько килограммов веса, и ее вполне можно было бы назвать хорошенькой. Сейчас же, глядя на нее, Джейн видела просто живой труп.

«Возможно, это так и есть».

— Вы и этой ночью будете рядом со мной? — Вопрос прозвучал так тихо, что был едва различим сквозь мерное шуршание дворников.

— Посмотрим, как там дела обстоят, — ответила Джейн. — А потом я решу.

— То есть вы, может, и не будете со мной.

— Там ты будешь не одна.

— Вам ведь хочется скорей домой, правда? — вздохнула Лили. — А муж у вас есть?

— Да, я замужем.

— А дети?

Джейн помолчала.

— Дочка.

— Вам не очень-то хочется рассказывать о себе. Выходит, вы мне не доверяете.

— Я же тебя плохо знаю.

Лили вздохнула и поглядела в окно.

— Всех, кто меня знал хорошо, уже нет в живых. — Она запнулась. — Кроме Доминика.

Снегопад на улице напоминал белую вуаль, которая становилась все плотнее. Они ехали через густой сосновый лес, и Джейн впервые ощутила тревогу при мысли, что ее «Субару» не осилит дорогу, если снег будет валить и дальше.

— Да и с какой стати вы станете мне доверять? — горько усмехнулась Лили. — Ведь вы знаете обо мне только одно — что я пыталась убить своего двоюродного брата и не сумела.

— Та надпись на стене в спальне Лори-Энн, — сказала Джейн, — она предназначалась тебе, так? «Я согрешила».

— Я ведь действительно согрешила, — проговорила Лили. — И до сих пор за это расплачиваюсь.

— А четыре столовых прибора у нее на столе. Это своего рода олицетворение семьи Соул, так? Вас же было четверо.

Лили потеряла глаза рукой и уставилась в окно.

— Я последняя. Четвертый прибор...

— Знаешь что? — вдруг проговорила Джейн. — Я бы тоже убила этого сукиного сына.

— И вам бы это удалось.

Дорога стала круче. «Субару» с трудом ехала в гору, пробуксовывая в свежавывающем снегу. Джейн глянула на свой сотовый — ни одного сегмента. Они не могли проехать мимо домика — до него еще по меньшей мере километров пять. «Может, повернуть обратно? — подумала Джейн. — Я должна сохранить ее живой и здоровой, а не заморозить насмерть в этих горах».

Но та ли это дорога?

Она прищурилась, вглядываясь в лобовое стекло и силясь разглядеть горную вершину. И тут заметила домик, примостившийся на самой верхотуре, точно орлиное гнездо. Другого жилья по соседству не было — к домику на вершине горы вела только эта, одна-единственная дорога. Оттуда, должно быть, открывался захватывающий вид на долину. Вскоре они въехали в ворота, оставленные специально для них открытыми.

— Безопаснее места, похоже, не сыскать, — заметила Джейн. — Если запереть ворота, сюда никакими путями не пробраться. Здесь он тебя достанет, только если у него есть крылья.

Лили окинула взглядом скалу.

— И отсюда не сбежать, — тихо заметила она.

Перед входом в дом стояли две машины. Джейн припарковалась за «Мерседесом» Сансоне, и женщины выбрались из «Субару». Ступив на подъездную дорожку, Джейн оглядела фасад, сложенный из грубо обтесанных бревен и увенчанный остроконечной крышей, устремленной в подернутое снежной пеленой небо. Потом подошла к багажнику, достала вещи, громко его захлопнула и вдруг услышала у себя за спиной рычание.

Из леса, точно тени, выскочили два добермана — так тихо, что она их

даже не заметила. Псы, оскалившись, подбирались все ближе — обе женщины застыли как вкопанные.

— Не вздумай бежать, — шепнула Джейн Лили. — Даже не двигайся.

Она достала пистолет.

— Балан! Баку! Стоять!

Псы замерли и оглянулись на хозяйку — она только что вышла из домика и теперь стояла на крыльце.

— Простите, если они вас напугали, — извинилась госпожа Фелуэй. — Пришлось их выпустить побегать.

Джейн не стала убирать пистолет в кобуру. Она не доверяла этим зверюгам, а они явно не доверяли ей. Доберманы так и остались стоять напротив нее, наблюдая за ней своими черными змеиными глазками.

— У них очень сильно развит территориальный инстинкт, но они миглом начинают отличать друзей от врагов. Так что теперь вам нечего опасаться. Спрячьте пистолет и ступайте ко мне. Только не очень быстро.

Джейн неохотно сунула пистолет в кобуру. И вместе с Лили осторожно двинулась мимо собак к крыльцу — доберманы меж тем следили за каждым их шагом. Эдвина провела женщин в дом — в огромную комнату, где пахло дымом от камина. Под потолком тянулись огромные балки, на стенах, обшитых сучковатой сосной, висели чучельные головы лосей и оленей. В каменном камине горели, потрескивая, березовые поленья.

Маура встала с дивана, чтобы поприветствовать вновь прибывших.

— Наконец-то вы приехали! — сказала она. — А то из-за бурана мы уже начали беспокоиться.

— Дорога сюда просто ужасная, — заметила Джейн. — А вы-то сами когда добрались?

— Вчера вечером. Сразу после того, как позвонил Фрост.

Джейн подошла к окну и глянула на простиравшуюся внизу долину. Сквозь густую пелену валившего снега она едва различала маячившие вдалеке другие горные вершины.

— Продуктов-то хватит? — поинтересовалась она. — А топлива?

— Хватит на несколько недель, — заверила ее Эдвина. — У моего приятеля всегда полно запасов. Вплоть до вина в погребе. Дров тоже предостаточно. И генератор имеется, если будут перебои с электричеством.

— А у меня есть оружие, — вставил Сансоне.

Джейн не слышала, как он вошел в комнату. Повернувшись, она заметила, что Сансоне выглядит довольно мрачно. За последние сутки он здорово изменился. Теперь он и его друзья находились на осадном положении, и это читалось на его изможденном лице.

— Рад, что вы поживете с нами, — проговорил он.

— На самом деле... — Джейн посмотрела на свои часы. — Мне кажется, здесь и впрямь безопасно.

— Надеюсь, ты не собираешься сегодня уезжать, — снова заговорила Маура.

— Надеюсь, что смогу уехать.

— Через час стемнеет. А дороги расчистят только к утру.

— В самом деле, вам лучше остаться, — поддержал ее Сансоне. — Дороги сейчас действительно ужасные.

Джейн снова выглянула в окно — снег по-прежнему валил вовсю. Она вспомнила, как буксовала, вспомнила пустынные горные дороги.

— Думаю, вы правы, — согласилась она.

— Значит, вся шайка остается здесь? — уточнила Эдвина. — Тогда пойду запру ворота.

* * *

— Нам нужно выпить — помянуть Оливера, — предложила Эдвина.

Они сидели все вместе в просторной комнате возле огромного каменного камина. Сансоне подбросил в огонь березовое полено, и тонкая, как бумага, кора вспыхнула, точно порох. Снаружи сгустилась тьма. За окнами свирепствовал вихрь, а сами окна нещадно дрожали; резкий порыв ветра выдул облачко дыма из вытяжной трубы в комнату. «Как будто Люцифер заявляет о своем прибытии», — подумала Джейн. Оба добермана, лежавшие смирно возле кресла Эдвины, тут же вскинули головы, словно почуяв незваного гостя.

Лили встала с дивана и под села поближе к очагу. Хотя пламя разгорелось во всю силу, в комнате было холодно — Лили укуталась в одеяло и уставилась на пламя, отбрасывавшее на ее лицо оранжевые блики. Все они как будто оказались в ловушке, но Лили — самая настоящая пленница. Только вокруг нее действительно сомкнулась тьма. Почти весь вечер Лили молчала. К ужину едва притронулась, даже к вину не прикоснулась, в отличие от всех остальных.

— За Оливера! — проговорил Сансоне.

Они подняли бокалы в молчаливо-скорбном почтении. Джейн только пригубила вино. Риццоли хотелось пива, и она пододвинула свой бокал к Мауре.

— Фонду нужны новые силы, Энтони, — снова заговорила Эдвина. —

Я уже обдумываю кандидатов.

— Я никому не могу предложить членство в нашем фонде. Во всяком случае пока. — Он посмотрел на Мауру. — Прошу прощения, что вы оказались втянуты в эту историю. Вы ведь этого очень не хотели.

— Я знаю одного подходящего человека в Лондоне, — между тем продолжала Эдвина. — Уверена, он захочет к нам присоединиться. Я уже и Готтфриду о нем сказала.

— Сейчас не время, Винни.

— А когда же это время наступит? Человек этот много лет назад работал с моим мужем. Он египтолог и наверняка сумеет истолковать все, что Оливер...

— Никто не заменит Оливера!

Резкий ответ Сансоне поразил Эдвину.

— Ну, разумеется, — наконец сказала она. — Я же в другом смысле.

— Он учился у вас в Бостонском колледже? — поинтересовалась Джейн.

Сансоне кивнул.

— Ему было только шестнадцать, он оказался самым юным новичком в колледже. Я понял, что он одарен, в тот самый момент, когда он въехал в аудиторию на своем кресле. Он задавал вопросы чаще всех. То, что ему хорошо давалась математика, — и есть основная причина его успехов в том, что он делал у нас в Фонде. Стоило ему взглянуть на какой-нибудь таинственный древний код — и ключ к разгадке мигом был готов. — Сансоне поставил бокал. — Таких, как он, я никогда больше не встречал. Достаточно только познакомиться с ним, и сразу ясно — он выдающийся человек.

— Не то что все прочие, — криво ухмыльнулась Эдвина. — Я одна из заурядных членов, которых, прежде чем принимают, должен кто-то порекомендовать. — Она взглянула на Мауру. — Думаю, вы знаете, что вас предложила нам Джойс О'Доннелл?

— Маура испытывает к ней смешанные чувства, — заметил Сансоне.

— Вы ведь не любили Джойс, верно?

Маура допила бокал Джейн.

— Не люблю плохо отзываться о мертвых.

— А я могу честно высказаться на этот счет, — подхватила Джейн. — Я бы не стала вступать ни в один клуб, чьим членом оказалась бы Джойс О'Доннелл.

— В любом случае, не уверена, что вы бы стали одной из нас, — заметила Эдвина, откупоривая новую бутылку вина. — Вы же не верите.

— В Сатану? — усмехнулась Джейн. — Его не существует.

— И вы говорите это после всех ужасов, которых насмотрелись во время работы, детектив? — удивился Сансоне.

— Все это дело рук самых обыкновенных человек. И в одержимость демонами я тоже не верю.

Сансоне наклонился к ней — лицо его осветилось отблесками пламени.

— Вы когда-нибудь слышали о деле чайного отравителя?

— Нет.

— Это английский мальчик по имени Грэм Янг. В четырнадцать лет он начал отравлять своих домочадцев. Мачеху, отца, сестру. В конце концов за убийство матери его уперли за решетку. А после того как выпустили через несколько лет, он взялся за старое — продолжал травить людей. Когда его спросили, зачем он это делает, Янг ответил — просто так, потехи ради. И славы тоже. Он был не совсем обычным человеком.

— Просто социопат, — заметила Джейн.

— Прекрасное слово, утешает. Достаточно поставить психиатрический диагноз — и непостижимое тут же становится ясным. Но деяния порой бывают столь ужасными, что объяснить их нельзя. Даже постичь невозможно. — Сансоне помолчал. — Грэм Янг послужил примером другому юному убийце, вернее, другой. Шестнадцатилетней японской девочке — я разговаривал с ней в прошлом году. Она прочла дневник Грэма Янга — он был опубликован — и настолько прониклась совершенными им злодеяниями, что даже решила ему подражать. Сперва она убивала животных. Расчленяла их и играла с отрезанными частями. Она вела электронный дневник — во всех подробностях описывала, как это — вонзить нож в живую плоть. Теплая кровь, судороги умирающего создания. Потом она перешла на людей. Отравила таллием родную мать и описала в дневнике все ее жуткие муки, одну за другой. — Он откинулся на спинку стула, но глаз от Джейн не отвел. — И вы бы назвали ее обыкновенной социопаткой?

— А вы — демоном?

— Для таких, как она, нет другого слова. Или для таких, как Доминик Соул. И они, эти демоны, существуют — мы точно знаем. — Сансоне отвел глаза в сторону и посмотрел на огонь. — Но беда в том, — тихо добавил он, — что и они знают о нашем существовании.

— Вы когда-нибудь слышали о Книге Еноха, детектив? — поинтересовалась Эдвина, разливая вино по бокалам.

— Вы уже как-то говорили о ней.

— Ее нашли среди других свитков Мертвого моря. Это древний, дохристианский текст. Часть так называемой апокрифической литературы. Так вот, там предрекается крушение мира. И что земля зачумлена иной расой — так называемыми стражами, которые когда-то научили нас делать мечи, ножи и щиты. Они дали нам орудия самоуничтожения. Об этих существах люди знали еще в незапамятные времена — знали и понимали: они не такие, как мы.

— Сыны Сифа, — тихо проговорила Лили. — Отпрыски третьего сына Адама.

Эдвина посмотрела на девушку.

— Вы о них знаете?

— А еще я знаю, что у них много названий.

— Никогда не слышала, что у Адама был третий сын, — призналась Джейн.

— Он упомянут в Книге Бытия, но Библия предусмотрительно умалчивает о множестве вещей, — заметила Эдвина. — А подобных историй, переписанных или попросту изъятых, действительно немало. Только сейчас, спустя две тысячи лет, мы можем прочесть Евангелие от Иуды.

— Так что, потомки Сифа и есть эти самые стражи?

— В разные времена их и называли по-разному. «Элохим», «нефилим». В Египте — Шемсу-Гор. Все, что нам известно, — родословная у них очень древняя, и корнями она уходит в Левант.

— Куда?

— В Святую землю. В конечном итоге Книга Еноха велит нам самим сокрушить их, чтобы выжить. И пророчит страшные беды, пока они будут безжалостно убивать, угнетать и разрушать. — Эдвина прервалась, чтобы долить Джейн вина. — В конце концов все решится. Будет последняя битва. Апокалипсис. — Она взглянула на Джейн. — Хотите верьте, хотите нет, а буря надвигается.

Вдруг пламя камина перед усталыми глазами Джейн словно померкло. И на мгновение ей представилось целое море огня — всепожирающего пламени. «Вот, значит, в каком мире вы живете, — подумала она. — Такой мир я не признаю».

Она посмотрела на Мауру.

— Только, пожалуйста, не говори, док, что и ты во все это веришь.

Но Маура просто допила свой бокал и встала.

— Я очень устала, — призналась она. — Пойду спать.

В потайную дверцу сознания Лили кто-то постучал — и попросился в сокровенный мир ее снов. Она проснулась в темноте и на мгновение испугалась, совершенно не узнав окружающую обстановку. Потом увидела слабый отблеск лунного света и вспомнила, где находится. Она выглянула в окно и увидела ослепительно сверкающий снег. Буран утих, и луна озаряла своим светом чистый, белый мир, безмолвный и волшебный. Впервые за многие месяцы Лили почувствовала себя в безопасности. «Теперь я не одна, — подумала она. — Теперь со мной люди, которые понимают, чего я боюсь. И всегда меня защитят».

Тут Лили услышала цокающий звук, который удалялся по коридору. «Наверно, один из доберманов, — решила она. — Баку или Балан. Какие отвратительные клички!» Она лежала в постели и прислушивалась — может, пес процокает обратно, но он не возвращался.

Вот и хорошо. Она собралась в туалет, и ей совсем не хотелось столкнуться в коридоре нос к носу с одной из этих зверюг.

Лили выбралась из постели и прошла к двери. Высунула голову в коридор и осмотрелась, нет ли там собак, но ничего такого не заметила и даже цоканья их когтей не расслышала. На лестнице горел слабый свет, и его было вполне достаточно, чтобы найти дорогу в ванную комнату. Но, едва переступив порог, угодила босой ногой во что-то мокрое. Лили глянула вниз, увидела слабо мерцающую лужицу и брезгливо отдернула ногу. Ну, конечно, — собаки. Что же еще могло остаться после них на полу? Ей вовсе не улыбалось вляпаться в кое-что похуже.

Лили нащупала на стене выключатель, зажгла свет, осмотрела пол. И заметила еще лужицы, и поняла, что это не собачьи неожиданности, а талый снег — следы от ботинок. Она посмотрела в зеркало и увидела свои собственные глаза — сощуренные, заспанные. И еще кое-что увидела — то, от чего у нее волосы встали дыбом. Отражение чего-то красного на стене, у нее за спиной.

«Три перевернутых креста».

Ловя ртом воздух, Лили отпрыгнула назад — выскочила из ванной. В ужасе ринулась по коридору, скользя босыми ногами на мокром полу, и ворвалась в ближайшую дверь. Это оказалась спальня Мауры.

— Проснитесь! — шептала Лили. — Вам нужно проснуться!

Она встряхнула спящую так, что аж затрещала спинка кровати, а

пружины нещадно завизжали. Но Маура только вздохнула и даже не пошевелинулась.

«Да что с вами? Почему я не могу разбудить вас?»

В коридоре что-то скрипнуло; Лили повернула голову к двери. Когда она двинулась по направлению к коридору, сердце у нее колотилось так неистово, что готово было выскочить из груди. Она остановилась и прислушалась, силясь уловить хоть какие-нибудь звуки, помимо биения собственного сердца.

Тишина.

Она просунула голову в щель между дверью и косяком и выглянула в коридор.

Пусто.

«Надо будить остальных. Пусть знают — он уже в доме!»

Лили прошмыгнула в коридор и, осторожно ступая босиком, направилась к комнате, где, как ей казалось, спала Джейн. Она дернула за ручку и, обнаружив, что дверь заперта, тихо всхлипнула. «Может, разбудить ее стуком в дверь? Но стоит ли поднимать шум?» Тут она услышала, как заскулила собака и вслед за тем по полу в большой комнате, внизу, зацокали когти. Лили бросилась к лестнице. Глянула через перила — и, облегченно вздохнув, чуть не рассмеялась.

Внизу ярко полыхал очаг. На диване лицом к огню сидела Эдвина Фелуэй.

Когда Лили двинулась вниз по лестнице, оба добермана разом вскинули головы, а один даже предостерегающе зарычал. У подножия лестницы Лили замерла.

— Ну, ну же, Балан! — проговорила Эдвина. — Что с тобой опять?

— Эдвина! — прошептала Лили.

Эдвина повернулась и посмотрела на нее.

— О, вы не спите! А я как раз собиралась еще дровишек подбросить.

Лили глянула на огонь — он уже гудел вовсю, языки пламени лизали непомерно здоровенное полено, силясь поглотить его целиком.

— Послушайте, — проговорила Лили, шагнув вперед. И тут же остановившись, поскольку один пес уже вскочил на лапы и ощерился. — Он в доме! Надо всех будить!

Эдвина, как ни в чем не бывало, взяла еще два полена и бросила их в огонь, разбушевавшийся, точно адский пламень.

— Я заметила, Лили, сегодня за столом вы даже не притронулись к вину.

— Доминик здесь!

— Вы могли бы все проспять, как и остальные. Но так даже лучше. Что вы проснулись.

— Что?

Пес снова зарычал, и Лили заметила, как в отсветах пламени его клыки сверкнули оранжевым блеском. «Собаки, — вдруг подумала она. — Они ни разу не зарычали ночью. Он забрался в дом. Наследил на полу. А они даже не гавкнули».

«Потому что они знают его».

Пока Эдвина поворачивалась к ней лицом, Лили бросилась вперед и выхватила из камина кочергу.

— Это вы его провели сюда, — сказала она, пятясь и размахивая кочергой. — И все ему рассказали.

— О, мне не пришлось делать это. Он уже был здесь, на горе, и дожидался нас.

— Где он?

— Доминик появится, когда сам этого захочет.

— Черт бы вас побрал! — воскликнула Лили, еще крепче сжимая кочергу. — Где он прячется?

Она не сразу заметила атаку. Она слышала рычание и стук когтей по деревянному полу, но не успела оглянуться, и вот уже две черные молнии налетели на нее. От молниеносного удара девушка рухнула как подкошенная, выронила кочергу, и та глухо ударилась о пол. На руке у Лили тут же сомкнулись челюсти. Клыки вонзились в ее плоть, и она пронзительно вскрикнула.

— Балан, Баку! Фу! — Команду выкрикнула не Эдвина — кто-то другой. То был голос из кошмаров, которые преследовали Лили.

Псы отпустили девушку и попятились, оставив ее, ошеломленную, истекающую кровью, лежать на полу. Она попробовала встать, но ее левая рука обмякла и не слушалась: сухожилия были перекушены мощными челюстями. Лили со стоном перевалилась на бок и увидела залитый ее кровью пол. А за лужей крови — башмаки приближающегося к ней человека. Тяжело дыша и всхлипывая, она заставила себя сесть. Он остановился у камина и так и стоял на фоне яркого пламени, похожий на восставший из ада черный призрак, который взирал на нее сверху.

— У тебя почему-то это всегда здорово получалось, Лили, — проговорил он. — Приносить мне неприятности.

Девушка стала отползать назад, все дальше и дальше, но тут уткнулась спиной в стул — путь к отступлению был отрезан. Застыв как вкопанная, она уставилась на Доминика. На мужчину, в которого он превратился. Те же

золотистые волосы, те же пронзительно-голубые глаза. Только он подрос, плечи стали шире, а некогда ангельское лицо заострилось и сделалось жестоким.

— Двенадцать лет назад, — продолжал он, — ты убила меня. И вот я собираюсь вернуть долг.

— Приглядывай за ней, — посоветовала Эдвина. — Уж больно она шустрая.

— А я что тебе говорил, мама?

Лили перевела взгляд на Эдвину, потом снова на Доминика. «Та же статья. Те же глаза».

Доминик заметил потрясенное выражение ее лица.

— К кому же еще было обратиться пятнадцатилетнему мальчишке, попавшему в беду? После того как он сумел-таки выбраться из тонущей машины и остался только в жалкой, промокшей насквозь одежонке? Вот и пришлось оставаться мертвым и невидимым, чтобы ты не натравила на меня полицию. У меня не было другого выхода. Вернее, был — единственный.

«Его мать».

— Мое письмо дошло до нее только через несколько месяцев. Разве я не говорил всегда, что она приедет за мной? А твои родители все не верили.

Эдвина подошла к сыну и погладила его по щеке.

— Но ты знал, что я приеду.

Он улыбнулся.

— Ты всегда держала слово.

— И в этот раз сдержала, верно? И доставила ее. Тебе надо было всего лишь запастись терпением. И как следует подготовиться.

Лили посмотрела на Эдвину.

— Но ведь вы же состоите в Фонде Мефисто!

— Я сумела их облапошить, — ответила Эдвина, — и вовлечь в свою игру. Думаешь это все из-за тебя одной, Лили? Да нет, на самом деле из-за них. За эти годы они доставили нам столько неприятностей! Мы их уничтожим. — Она посмотрела на огонь. — Нужны еще дрова. Пойду принесу.

— Не стоит, — сказал Доминик. — Домишко сухой, как трутница. Тут и одной искры хватит — полыхнет будь здоров!

Лили покачала головой.

— Вы что, собираетесь их всех сжечь заживо?..

— Мы давно это задумали, — призналась Эдвина. — Они все равно все проспят.

— Конечно, это не так забавно, как убивать Джойс О'Доннелл, — вставил Доминик. — Зато, по крайней мере, ты порадуешься на славу, Лили, раз уж тебе не спится. — Он поднял кочергу и сунул ее поглубже в пылающий очаг. — Огонь — очень удобная штука. Плоть сгорает целиком — остаются только обугленные кости. Никто и не узнает, как ты умрешь, ведь никто не увидит ни резаных ран, ни ожогов. Все подумают, ты погибла во сне, как остальные. Несчастный случай — а спасется только мама. Никто никогда не узнает, что ты часами кричала перед смертью.

Он вытащил кочергу из огня.

Лили с огромным трудом встала на ноги — кровь ручьем текла у нее из руки. Девушка заковыляла к двери, но, прежде чем успела до нее добраться, перед нею снова выросли два добермана. Она замерла на месте, не в силах отвести глаз от их ощерившихся пастей.

Но тут Эдвина схватила ее сзади за руки и потащила обратно к камину. С пронзительным криком Лили вырвалась ихватила ее наотмашь кулаком — вслепую. К счастью, удар пришелся Эдвине по щеке.

Но псы опять свалили девушку на пол, набросившись со спины и сбив с ног.

— Фу! — одернул их Доминик.

Псы отстали. А Эдвина, потирая пострадавшую щеку, в отместку пнула Лили по ребрам — так, что девушка, чуть не задохнувшись от боли, откатилась в сторону. Затуманенными от нестерпимой муки глазами она смотрела на ботинки Доминика — он подходил все ближе. И вдруг почувствовала, как Эдвина схватила ее за запястья и прижала их к полу. Лили посмотрела Доминику в лицо. В его глаза, сверкавшие в отблесках огня, точно два уголька.

— Добро пожаловать в ад! — проговорил он. В руке он держал раскаленную кочергу.

Лили с воплем задержалась, силясь высвободиться, но Эдвина еще крепче сдавила ей руки. Когда же Доминик опустил кочергу, девушка отвернулась, прижавшись щекой к полу, и зажмурилась в предчувствии адской боли.

Вдруг грянул выстрел, и лицо ей обдало теплом. Вслед за тем Лили услышала, как Эдвина испустила тяжкий вздох и как на пол грохнулась кочерга. И вдруг ее руки высвободились сами собой.

Девушка открыла глаза и увидела, как доберманы рванули через всю комнату к Джейн Риццоли. Та вскинула пистолет и выстрелила снова. Один пес упал, а другой уже был в воздухе — летел на нее черной ракетой. Джейн выстрелила в последний раз — в тот самый миг, когда пес на нее

набросился. Пистолет подпрыгнул и выпал из рук Риццоли, а она, вцепившись в раненого добермана, так и рухнула вместе с ним на пол.

— Нет! — простонала Эдвина. Она стояла на коленях, склонившись над распластанным на полу сыном, поддерживая одной рукой его голову, а другой глядя его по волосам. — Ты не умрешь! Ведь ты избранный!

Лили с трудом села, и комната тут же поплыла у нее перед глазами. В отблесках прожорливого пламени она увидела, как Эдвина встала на ноги, точно ангел-мститель. Отошла в сторону, нагнулась и подняла валявшийся на полу пистолет Джейн.

Когда же Лили поднялась на ноги, вокруг нее все закружилось. Вихрь предметов не желал останавливаться. Пламя. Эдвина. Лужа крови вокруг Доминика, мерцавшая в отсветах огня.

И кочерга.

Смертельно раненный пес дернулся в последний раз, и Джейн отшвырнула его в сторону. Доберман, высунув язык, шлепнулся на пол. Только тогда Джейн заметила возвышавшуюся над ней Эдвину. В руке женщины сверкал ее пистолет.

— Здесь всему конец. Этой ночью, — проговорила она. — Вам. И Фонду Мефисто.

Эдвина подняла пистолет, крепко сжимая его рукоятку. Все внимание обезумевшей женщины было сосредоточено на Джейн, и она не заметила, как смерть обрушилась на ее голову.

Кочерга проломила череп Эдвины, и Лили почувствовала, как от удара хрустнули кости, и звук этот передался через кованое железо прямо девушке в руку. Эдвина рухнула без единого звука. Лили выпустила из рук кочергу, и та тоже грохнулась на пол. Девушка опустила глаза и посмотрела на то, что сделала. На проломленную голову Эдвины. На кровь, растекавшуюся черной рекой. И вдруг комната у нее перед глазами померкла, ноги подкосились. Она медленно осела на пол. Уронила голову на колени и уже ничего больше не чувствовала. Ни боли, ни своих рук и ног. Она словно отделилась от собственного тела и застыла на пороге тьмы.

— Лили! — Джейн тронула ее за плечо. — Лили, ты вся в крови. Дай посмотрю руку.

Лили тяжело вздохнула. В глазах у нее прояснилось. Она медленно подняла голову и посмотрела Джейн в лицо.

— Я убила ее, — прошептала она.

— Только не смотри туда, ладно? Давай помогу сесть на диван.

Джейн наклонилась, собираясь помочь Лили подняться на ноги. И вдруг замерла, стиснув пальцами руку Лили.

До слуха Лили тоже донеслось бормотанье — и у нее в жилах застыла кровь. Она взглянула на Доминика: глаза у него были открыты, взгляд — осмысленный. Губы шевелились, но говорил он так тихо, что разобрать слова она не могла.

— Не... не...

Джейн склонилась над ним и прислушалась. Лили не рискнула приблизиться, опасаясь, как бы Доминик внезапно на нее не набросился, точно кобра. Сколько его ни убивай, он все равно появится вновь. Никогда не умрет.

«Зло вечно».

Огонь отражался в растекавшейся вокруг него луже крови, и казалось, сам пол был охвачен адским пламенем, источником которого был Доминик.

И снова губы его зашевелились.

— Мы не...

— Ну же, — сказала Джейн, — говори!

— Мы не... не... одни.

— Что? — Джейн опустилась на колени, схватила Доминика за плечи и встряхнула изо всех сил. — Здесь еще кто-то есть?

Из легких Доминика вырвался последний вздох. Нижняя челюсть медленно отвисла, лицо разгладилось, точно тающая восковая маска. Джейн отпустила его, выпрямилась. И посмотрела на Лили.

— Что же он имел в виду?

Лили заглянула в незрячие глаза Доминика, осмотрела его дряблое, безжизненное лицо.

— Он сказал, — прошептала она, — что еще ничего не кончено.

Снегоуборочная машина расчищала горную дорогу, и рокот ее двигателя разносился эхом по всей долине. С заснеженной террасы домика Джейн силилась разглядеть пролежавшую внизу, за оградой, дорогу. Она заметила снегоочиститель — тот упорно пробивался к ним, прокладывая путь сквозь снежные заносы. Вдохнув чистого морозного воздуха, она подняла голову и повернулась лицом к солнцу, пытаясь прогнать из головы последние клочья тумана. Как только дорогу полностью расчистят, сюда, в горы, нагрянет целый эскадрон служебных машин. Полиция штата, судмедэксперт, криминалисты. Надо собраться с мыслями и приготовиться к их вопросам.

Хотя не на все у нее найдутся ответы.

Джейн сбила с башмаков снег, отодвинула стеклянную дверь и прошла в дом.

Оставшиеся в живых сидели за кухонным столом. Хотя в большой комнате, где горел огонь, было теплее, никому не хотелось выходить с кухни. Никому не хотелось оказаться в одной комнате с мертвецами.

Маура заканчивала делать перевязку раненой руки Лили.

— У тебя повреждены флексорные сухожилия. Похоже, понадобится операция. По меньшей мере — антибиотики. — Она взглянула на Джейн. — Как только расчистят дорогу, ее нужно сразу же отвезти в больницу.

— Ждать осталось недолго, — заметила Джейн. — Снегоочиститель уже почти взобрался на гору. — Она села и посмотрела на Лили. — Имей в виду, у полиции будут к тебе вопросы. Целая куча.

— Подождут, — заметила Маура. — Сначала ей необходима врачебная помощь.

— Да, конечно. Но приготовься, Лили, тебя будут расспрашивать обо всем, что здесь произошло ночью.

— А разве ты не сможешь подтвердить ее слова? — удивилась Маура.

— Я видела далеко не все, — ответила Джейн. — Половину того, что было, я проспала.

— Слава Богу, ты не допила вино. А то от нас остался бы только пепел.

— Это я виноват, — сокрушался Сансоне. — Не надо было мне ложиться спать. И зря я позволил Эдвине подливать себе это вино.

Джейн с удивлением поглядела на Сансоне.

— Вы что, собирались бодрствовать всю ночь?

— По-моему, кто-то непременно должен был оставаться настороже. На всякий случай.

— Значит, вы и раньше подозревали Эдвину?

— Нет, к моему стыду. Вы даже не представляете, сколь тщательно мы отбираем новых членов. Только с безупречными рекомендациями и только от людей, которых сами хорошо знаем. Потом мы проводим наше собственное расследование — еще раз все проверяем и перепроверяем. В Эдвине я даже не сомневался. — Он посмотрел на Лили. — А вот вам я не доверял.

— Почему же? — изумилась Джейн.

— Помните, в тот вечер, когда кто-то пытался открыть окно в моем доме, я вам сказал, что мы всегда держим его закрытым?

— Да.

— А это означало, что кто-то открыл его изнутри. Тот, кто тогда находился в моем доме. Я думал, это сделала Лили.

— И все-таки странно, — сказала Маура. — Уж коли вы так печетесь о чистоте своих рядов, как вы могли настолько просчитаться с Эдвиной?

— Именно в этом нам с Готтфридом и предстоит разобраться. Как ей удалось втереться к нам в доверие. Как удалось все спланировать и осуществить. Просто так она никогда не переступила бы мой порог — стало быть, ей помог кто-то из наших. И этот кто-то тщательно стер все темные места из ее биографии.

— Как раз это Доминик и сказал нам ночью, — заметила Лили. — «Мы не одни».

— Уверен, что есть еще. — Сансоне посмотрел на Джейн. — Так что хотите верьте, детектив, хотите нет, а идет война. Идет уже много веков, и этой ночью произошла одна из битв. Но худшее еще впереди.

Джейн покачала головой и устало усмехнулась.

— Вижу, вы опять о демонах.

— А я в них верю, — решительно заявила Лили. — И знаю, они действительно существуют.

Вскоре они услышали рокот двигателя снегоуборочной машины — она уже разгребала снежные завалы на вымощенной плитняком подъездной аллее. В конце концов дорога была расчищена — они могли спуститься с этой горы и вернуться к обычной жизни. Маура — в объятия Даниэла Брофи, который мог разбить ей сердце или подарить надежду. Джейн — к своим обязанностям примирительницы матери и отца.

«И поеду домой, к Габриэлю. Он меня ждет».

Джейн встала и подошла к окну. Снаружи на солнце искрился девственно белый снег. На небе ни облачка, и теперь дорога домой очищена и посыпана песком. В такой чудесный день ехать домой еще приятней. Равно как обнимать мужа и целовать ребенка. «Просто не терпится снова вас увидеть».

— Вы все еще мне не верите, детектив? — спросил Сансоне. — Не верите, что идет война?

Джейн взглянула на небо и улыбнулась.

— Сегодня, — сказала она, — я не хочу в это верить.

Мрачные облака висели низко-низко, и Лили, стоя возле дома, где прошло ее детство, ощущала в воздухе запах надвигавшегося снежного бурана. Она никогда не представляла его таким — похожим на заброшенную хибару, с покосившимся крыльцом и облупившейся краской на стенах. Нет, она воображала его совсем другим, таким, каким он был тем летом, — с увитой клематисом деревянной оградой, с горшками красной герани, свисающими с карниза. Она представляла себе Тедди, выходящего из дома и сбегающего по ступеням крыльца, слышала, как скрипела и хлопала за ним сетчатая дверь. Она видела маму, машущую из окна рукой и кричащую: «Тедди, не опаздывай к обеду!» И папу, обгоревшего на солнце, — вот он идет с мотыгой в руках по направлению к своим любимым грядкам с овощами, что-то насвистывая себе под нос. Когда-то Лили была очень счастлива здесь. Эти дни она будет помнить всегда, сохранит память о них навечно.

«А все остальное — все, что было потом, я предаю огню».

— Вы не передумали, мисс Соул? — спросил бригадир пожарных.

Его подчиненные стояли чуть поодаль в полном обмундировании, ожидая приказа. А чуть дальше, у подножия холма, сбились в кучку местные жители, собравшиеся поглазеть. Но Лили смотрела не на них, а на Энтони Сансоне и Готтфрида Баума. Девушка доверяла им, и они пришли вместе с нею посмотреть на изгнание ее демонов.

Лили повернулась к дому спиной. Всю мебель уже вынесли и передали в местную благотворительную организацию. Так что, кроме тюков соломы, которые пожарные сложили наверху, в спальне, в доме больше ничего не осталось.

— Мисс Соул! — снова обратился к девушке бригадир пожарных.

— Поджигайте! — скомандовала Лили.

Он дал сигнал, и его подчиненные двинулись к дому с брандспойтами и канистрами со смесью керосина и дизельного топлива. Нечасто пожарным случалось видеть, как такой солидный дом приносят в жертву учебному пожару, — и они взялись за дело, что называется, с огоньком. Для практики им предстояло поджечь его и потушить, потом опять поджечь и потушить, и так снова и снова, а потом позволить пламени одержать окончательную победу.

Когда в небо взметнулись клубы черного дыма, Лили отступила назад

и встала между двумя мужчинами, которых отныне считала своими покровителями и даже отцами. Сансоне и Баум не вымолвили ни слова, но Лили услышала, как громко вздохнул Баум, когда из верхнего окна дома вырвались первые языки пламени, и тут же почувствовала, как Сансоне положил ей на плечо руку — в знак утешения. Но ей была не нужна поддержка — она стояла, выпрямив спину, не сводя глаз с пожара. Внутри огонь, должно быть, уже лизал половицы, пропитанные кровью Питера Соула, и стены, оскверненные сатанинскими крестами. Нельзя допустить, чтобы такие места продолжали свое существование. Подобное зло нельзя смыть — его можно только разрушить.

Вот и пожарные отошли от дома полюбоваться делом своих рук — великим пожарищем. Между тем пламя прорвалось сквозь кровлю, и снег, лежавший на крыше, начал таять, с шипением обращаясь в пар. Затем огненно-оранжевыми клыками ощерились уже все окна, и от их укусов затрещали сухие доски наружной обшивки. Пламя разгоралось все сильнее, разрастаясь на глазах, воя, точно торжествующий победу зверь; и жар, исходивший от него, отогнал пожарных еще дальше.

Лили вгляделась в самое сердце огня — и увидела, всего лишь на мгновение, чарующую картину из прошлой жизни. Летний вечер. Мама, папа и Тедди стоят на крыльце и смотрят, как она носится по лужайке, размахивая сачком. А крутом — светляки, целый рой светящихся насекомых, подобный созвездию из тысяч звезд, мерцающих в ночи. «Гляди-ка, твоя сестренка еще одного поймала!» — говорит мама, и Тедди смеется, выставляя вперед банку, чтобы принять добычу. Они улыбаются ей через годы из того места, которое не поглотит никакое пламя, потому что место это — в самом безопасном уголке ее сердца.

Вот уже обрушилась кровля — в небо взметнулись искры, и Лили услышала, как ахнули люди, потрясенные до глубины души разбушевавшимся в разгар зимы пожаром. Когда же пламя мало-помалу пошло на убыль, местные зеваки неспешно потянулись к своим машинам: главное представление сегодняшнего дня закончилось. А Лили и двое ее друзей остались смотреть, как догорают последние очаги пламени, уступая место дыму, окутывавшему густой пеленой черное пепелище. После того как все расчистят, Лили высадит здесь деревья. Цветущие вишни и дикие яблони. «Но другому дому на этом холме не бывать никогда».

Вдруг ее носа коснулось что-то холодное и мягкое — она вскинула голову и увидела, как с неба падают огромные хлопья снега. То было заключительное белое благословение — святое и всеочищающее.

— Ну что, идем, Лили? — обратился к девушке Баум.

— Да. — Она улыбнулась. — Пожалуй.

Лили повернулась и двинулась за мужчинами — три охотника на демонов начали спускаться по склону холма.

Послесловие

Еще в Стэнфордском университете, где главным предметом моей специализации была антропология, я увлекалась мифами древнего мира. Хочется думать, что в легендах, дошедших до нас через столетия, есть зерно истины. Возможно, пройдя через мглы веков, частности и претерпели изменения, но даже за самой невероятной легендой почти наверняка стояли настоящие люди и события.

Несколько лет назад в Англии, бродя по одному из книжных магазинов Оксфорда, я наткнулась на экземпляр Книги Еноха в переводе Р.Х. Чарлза — не удержалась и купила. Книга Еноха — древний текст, написанный, вероятно, за двести лет до Рождества Христова. Хотя в этой книге содержится история о ветхозаветном патриархе Енохе, прадеде Ноя, отцы христианской церкви изъяли ее из древнееврейского Священного писания и, подвергнув сомнению, причислили к апокрифам. Так она оказалась вычеркнута из истории и в течение столетий считалась утраченной навсегда.

На самом же деле она не была потеряна. Спрятанная в нескольких потайных местах, Книга Еноха сохранилась. В начале XVIII века целые и невредимые экземпляры текста, переведенные с греческого, были обнаружены в Эфиопии. А в 1947 году один пастух-бедуин сделал замечательное открытие: в пещере на северо-западном побережье Мертвого моря он нашел кувшины с древними свитками. Из той пещерной системы извлекли семь фрагментов Книги Еноха на арамейском языке.

На страницах этого текста, долго считавшегося утраченным, изложена тайна, над которой до сих пор ломают голову ученые. Это история стражей, падших ангелов, совокуплявшихся с женщинами и породивших племя нечестивцев, которым суждено было стать извечными врагами рода человеческого.

«Злые существа выходят из тела их; так как они сотворены свыше и их начало и первое происхождение было от святых стражей, то они будут на земле злыми духами, и будут называться злыми духами».

Об этих существах смешанной расы, известных также как «нефилим», упоминается еще в одном древнем тексте — Книге Юбилеев. Здесь они

также описываются как создания, несущие беды и зло. Большинство «нефилим» было уничтожено во времена Ноя, но десятой части от их числа Бог позволил выжить как вассалам Сатаны. И потомки их продолжают насаждать на земле зло.

Ангелы и женщины, которые, совокупляясь, порождают извергов-полукровок? Конечно, история эта просто невероятная, и некоторые библеисты вполне обоснованно полагают, что в действительности подобные соития были всего лишь запрещенными браками между уроженцами разных племен. Что «ангелами» были мужчины из благородного рода Сифа, а женщины происходили из менее знатного племени потомков Каина.

И все же мне, как писательнице, трудно отделаться от мысли — что, если легенда о стражах вовсе не аллегория, а подлинная история? Что, если «нефилим» существовали на самом деле и потомки их до сих пор живут среди нас и сеют смуту?

В истории человечества некоторые люди совершали настолько вопиющие злодеяния, что впору усомниться, в самом ли деле они принадлежат к роду людскому или, может, это некий кровожадный подвид, управляемый иными потребностями и инстинктами. Если верить тому, что написано в Книге Еноха и Книге Юбилеев, то деяния массовых убийц, таких как палач Пол Пот и Влад Колосажатель, вполне объяснимы. «Нефилим» попросту сосуществовали с нами — как незримые хищники среди своей добычи. И вот, когда представляется случай, когда общество раскалывается во время войн или гражданских распрей, когда закон уже не в силах нас защитить, эти хищники выходят на охоту.

Лишь тогда мы понимаем, кто же они такие на самом деле.

Зло трудно поддается объяснению. И сегодня, спустя две с лишним тысячи лет с тех пор, как была написана Книга Еноха, мы по-прежнему не можем постичь до конца, почему существует зло. Мы знаем только, что оно существует.

Примечания

«Adeste Fidelis» (*лат.*) — «Приидите, верные», рождественский гимн.
(Здесь и далее, где не отмечено особо, — *примеч. пер.*)

«Cantate Domino» (*лат.*) — «Воспойте Господу», 98-й псалом.

«Dies Sanctificatus» (*лат.*) — «Юбилей», рождественская песнь.

Популярное полицейское телешоу на канале «Си-би-эс» в 1982–1988 гг.

Арт Белл, или Артур Белл (р. 1945) — популярный американский радиоведущий, создатель нескольких авторских программ, посвященных, в частности, паранормальным явлениям.

Имеется в виду шотландская королева Мария Стюарт (1542–1578).

«Мумия» — знаменитый американский фильм ужасов режиссера Карла Фройнда, снятый на студии «Юниверсал» в 1932 г.

Cara mia (*um.*) — милочка.

НИКЦ (NCIC — National Crime Information Center) — Национальный информационно-криминологический центр. (*Прим. ред.*)

Гиксосы — кочевые азиатские племена, ок. 1700 г. до н. э. захватившие Египет.

Уджат — Глаз Света, или Око Гора. По древнеегипетской легенде, бог Гор в битве с богом Сетом теряет свой физический глаз и получает от бога Тота глаз Уджат — глаз тайного сокровенного зрения души. (*Прим. ред.*)

Иератическое письмо — одна из форм древнеегипетского письма.

Имеется в виду американский серийный убийца Дэвид Берковитц (род. 1953), застреливший шесть человек. На одном из мест преступления полиция обнаружила письмо; в нем содержалось признание: преступник действует не по собственной воле, убивать его заставляет некий папа Сэм. После психиатрической экспертизы полиция делает заключение: преступник страдает параноидальной шизофренией. И с этого момента у пока еще неизвестного убийцы появляется новое имя — Сын Сэма. (*Прим. ред.*)

«Кинкос» — подразделение компании «ФедЭкс». Сеть «Кинкос» оказывает копировальные, печатные и другие офисные услуги, а также осуществляет доставку. *(Прим. ред.)*

Коллиматор — оптическая система в спектральных и измерительных приборах, в частности медицинских.

Манефон Себеннитский (конец IV — первая половина III в. до н. э.) — древнеегипетский историк и жрец из города Себеннита в дельте Нила; жил в эпоху правления в Египте эллинистической династии Птолемеев.

Левант — историческое название стран восточной части Средиземноморья.

Пьюрити (*Purity*) — в переводе с англ.: чистота, непорочность. (*Прим. ред*).

Брюс Уэйн — главный герой американского киносериала и комиксов о Бэтмане.

«Закон Берка» — американский детективный телесериал о миллионере — начальнике сыскного агентства; демонстрировался по каналу «Эй-би-си» с 1963 по 1965 г.

Грязный Гарри — герой одноименного американского триллера режиссера Дона Сигела (1971 г.), с Клинтом Иствудом в главной роли.

«4-Н» — программа воспитания молодежи через привлечение к сельскохозяйственному труду. *(Прим. ред.)*

БАНСП (VICAP — Violent Crime Apprehension Program) — База арестов за насильственные серийные преступления.

Дамер Джеффри (1960–1994) — американский серийный убийца; убивал только гомосексуалистов и «цветных», занимался некрофилией и каннибализмом.

ЛаВей, Антон Шандор (1930–1997) — основатель и верховный жрец Церкви Сатаны (была основана в 1966 г. в Сан-Франциско), автор «Сатанинской Библии»; сформулировал положения философии, известной как сатанизм.

Пестум — древний город в Италии.

По-английски соответственно — Book of Ruth, Epistles to the Romans, или Romans, и Revelation.

Opus reticulatum (*лат.*) — регулярная, или так называемая сетчатая кладка.

Климент Тит Флавий, или Климент Александрийский, святой (ок. 150–215) — христианский учитель, миссионер.

Вирц, Антуан-Жозеф (1806–1865) — бельгийский живописец.

«Остаться в живых» («*Staying Alive*») — песня американской группы «Bee Gees».